

Б. Н. ТИХОМИРОВ

**С ДОСТОЕВСКИМ ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ,
ИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОГУЛКИ
ОТ ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ
ДО НИКОЛАЕВСКОГО ВОКЗАЛА**

Санкт-Петербург

2012

Книга подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-04-00397

Аннотация:

Книга Б. Н. Тихомирова «С Достоевским по Невскому проспекту, или Литературные прогулки от Дворцовой площади до Николаевского вокзала» представляет собою серию очерков, посвященных адресам на Невском проспекте в Петербурге, так или иначе связанным с биографией и/или творчеством Ф.М. Достоевского. На Невском проспекте жили такие исторические лица, как В.Г. Белинский, А.А. Краевский, Н.А. Некрасов, М.М. Достоевский, барон А.Е. Врангель, Ф.В. Булгарин и др., у которых бывал Достоевский, с которыми состоял в переписке или находился в иных литературных или житейских отношениях. Он также выступал здесь на литературных вечерах в Благородном собрании, участвовал в спиритическом сеансе на квартире А.Н. Аксакова, слушал проповедь лорда Редстока, молился в Знаменской церкви, бывал с визитами в Зимнем и Аничковом дворцах и проч. В кондитерской Вольфа и Беранже произошло знакомство Достоевского с М.В. Петрашевским. На Невском происходит действие в некоторых его произведениях («Крокодил», «Двойник», «Записки из подполья», «Идиот»), пролегают маршруты ряда его персонажей, живут прототипы его героев. В книге с опорой на неопубликованные материалы архива писателя, печатные источники XIX в., иные исторические документы освещаются малоизвестные страницы биографии писателя, впервые указываются связанные с ним адреса, приводятся данные по истории зданий на Невском проспекте, воссоздается контекст эпохи Достоевского.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 5

I. ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ, ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ, ГЛАВНЫЙ ШТАБ 6

«...ЖЕЛАНИЕ ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ БЫЛО ДЛЯ НЕГО ЗАКОНОМ»

Визиты Достоевского в Зимний дворец 12

«ОН НЕ СОЧУВСТВОВАЛ НИ ЕДИНОЙ МЫСЛИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА...»

Визит к графине Александре Толстой 21

В ГОСТИ В ГЛАВНЫЙ ШТАБ 27

II. ОТ НАЧАЛА ПРОСПЕКТА ДО КАЗАНСКОГО МОСТА 36

«ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ЧТО МЫ СТОИМ У ОКОН МАГАЗИНА ДАЦИАРО...»

Неожиданный разговор с Алексеем Сувориным 36

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ ВО ВРЕМЕНА ДОСТОЕВСКОГО 42

ЗДЕСЬ ЖИЛ ПЕРСОНАЖ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» 49

ДОСТОЕВСКИЙ НА СПИРИТИЧЕСКОМ СЕАНСЕ 54

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА В БЛАГОРОДНОМ СОБРАНИИ 68

ПОДВЕСКИ ИЗ АНГЛИЙСКОГО МАГАЗИНА 95

«КАКАЯ ИДЕЯ ВАШЕЙ БУДУЩЕЙ ПОВЕСТИ, ПОЗВОЛЬТЕ СПРОСИТЬ?»

Знакомство Достоевского с М. В. Петрашевским 100

ПОЕДИНОК НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ 109

III. ОТ КАЗАНСКОГО МОСТА ДО АНИЧКОВА 114

ДОСТОЕВСКИЙ В КОНЦЕРТНОМ ЗАЛЕ 114

В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ А. Ф. БАЗУНОВА 116

«СВЕТ СЕГОДНЯ ОЧЕНЬ ХОРОШ...»

Достоевский в фотосалоне Константина Шатира 122

ПЛОДЫ И УСТРИЦЫ МИЛЮТИНЫХ ЛАВОК 125

ПИСЬМО «ДЛЯ К. И. М» В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ Я. А. ИСАКОВА 128

ЛИТЕРАТУРНЫЙ «ПОЧТИ КЛУБ» МАВРИКИЯ ВОЛЬФА 133

КОНДИТЕРСКАЯ ШВЕЙЦАРЦА ИВАНА ИВАНОВИЧА ИЗЛЕРА 138

КОРОБОЧКА ИЗ-ПОД ТАБАКА ФИРМЫ «ЛАФЕРМ» 145

«ДОСТОЕВСКОМУ ХЛОПАЛИ МНОГО, НО...»

Литературные вечера в Пассаже в начале 1860-х гг. 147

ПАССАЖ В ПАССАЖЕ 154

«ОТПУСТИТЕ МНЕ ДЕСЯТОЧЕК „ДИАВОЛОВ“...» 160

АУДИЕНЦИЯ В АНИЧКОВОМ ДВОРЦЕ 163

IV. ОТ АНИЧКОВА МОСТА ДО ЗНАМЕНСКОЙ ПЛОЩАДИ 168

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДВОЙНИКИ:

КАМЕННЫЕ, БРОНЗОВЫЕ, АЛЕБАСТРОВЫЕ, ЕТ САЕТЕРА... 168

«ВАМ ПРАВДА ВОЗВЕЩЕНА КАК ХУДОЖНИКУ, ДОСТАЛАСЬ КАК ДАР...»

Достоевский и Белинский 172

ГИМНАЗИСТКА АНЯ СНИТКИНА, БУЛОЧНИК ФИЛИППОВ И А. С. СУВОРИН 180

ОБЕДЫ В «НОВО-ПАЛКИНЕ» И АПЕЛЬСИНЫ ДЛЯ РЕДАКТОРА 188

ДЕЛО ИГУМЕНЬИ МИТРОФАНИИ 198

«КРАЕВСКИЙ В ПОЛНОМ МОЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ...» 204

НА ПРОПОВЕДИ ЛОРДА-АПОСТОЛА 214

«РЕШИЛ ФИГЛЯРИН, СИДЯ ДОМА...» 223

СИБИРСКИЙ ТОВАРИЩ ДОСТОЕВСКОГО 226

ЭПИЗОДЫ, КОТОРЫЕ «ПРОНЗАЮТ СЕРДЦЕ» 231

СТУПАЙТЕ ЖЕ К ВАШЕМУ «КУФЕЛЬНОМУ» МУЖИКУ 238

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ,

ИЛИ ПРОЩАНИЕ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ 243

V. ЗНАМЕНСКАЯ ПЛОЩАДЬ И НИКОЛАЕВСКИЙ ВОКЗАЛ 248

«...ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ БУДУ В ЗНАМЕНСКОЙ ГОСТИНИЦЕ» 254

ОТ АВТОРА

Исследование, положенное в основу настоящей публикации, выполнено в классических традициях петербургского литературного краеведения, основоположником которого в начале 1920-х гг. был Н. П. Анциферов — автор знаменитых книг «Петербург Достоевского» и «Душа Петербурга». В то же время это совершенно новое и даже неожиданное по своему предмету исследование. Издавна в разработке темы «Петербург Достоевского» авторы либо обращались к адресам, где жил писатель (с необходимым дополнительным обращением к Семеновскому плацу и Инженерному замку), либо описывали места действия романа «Преступление и наказание» в районе Сенной площади, Мещанских и Подъяческих улиц. Невский проспект «выпадал» как из того, так и из другого аспекта краеведческого изучения. В то же время почти каждый дом на Невском так или иначе связан с биографией писателя или сюжетными коллизиями его литературных героев. Достоевский на Невском выступал на литературных благотворительных чтениях; бывал в гостях у родных, друзей, знакомых, литераторов, в книжных магазинах, ресторанах и кафе, в аристократических салонах, в резиденции Цесаревича Александра Александровича в Аничковом дворце; молился в церквях и т. п. С другой стороны, на Невском происходит ряд эпизодов в «Двойнике», «Записках из подполья», «Идиоте», «Крокодиле» и др., происшествия на Невском освещаются в «Дневнике писателя». Исследование проводилось с привлечением архивных источников, адресных книг, справочников и периодики XIX в., малоизвестных мемуаров и дневников. Большинство адресов на Невском проспекте, связанных с именем Достоевского, вводятся в научный оборот и рассматриваются в единой картине впервые. Изложение построено в форме серии воображаемых литературных прогулок по Петербургу XIX в. Автор видел задачей своего исследования сопряжение в общем культурологическом дискурсе имени великого писателя и главного проспекта северной столицы.

Боже! об одних встречах на Невском проспекте
можно написать целую книгу.

Достоевский. «Петербургская летопись», 1847

I. ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ, ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ, ГЛАВНЫЙ ШТАБ

Достоевский впервые приехал в Петербург пятнадцатилетним подростком в середине мая 1837 г. В этот год его отец, штаб-лекарь московской Мариинской больницы для бедных, привез своих старших сыновей в северную столицу для поступления в Главное инженерное училище. Приехали они слишком рано: оказалось, что вступительные экзамены начинались только в сентябре, и Михаил Андреевич принял решение поместить на летние месяцы Михаила и Федора в пансион военного инженера капитана К. Ф. Костомарова, который славился как отличный репетитор. Дом купца Решетникова на Лиговке, в котором располагался этот пансион, стал первым адресом Достоевского в Петербурге (современный участок дома № 65 по Лиговскому проспекту).

Подготовка к экзаменам, естественно, не началась с первого дня. Михаил Андреевич оставался в столице до конца мая, и все время до его отъезда Достоевские посвятили знакомству с «градом Петра», в котором все трое оказались впервые. «Помню я восторженные рассказы папеньки про Петербург и пребывание в нем, — вспоминал младший брат писателя Андрей: — про путешествие (из Москвы в столицу. — *Б. Т.*), про петербургские деревянные (торцовые) мостовые, про поездку в Царское Село по железной дороге, про воздвигающийся храм Исаакия и про многое другое»¹. К сожалению, мемуарист ограничивается этим весьма скупым свидетельством. Но можно сказать с полной уверенностью, что и прогулка по Невскому проспекту («торцовые мостовые» были в это время новинкой, и их можно было увидеть лишь на главной магистрали столицы да еще на нескольких прилегающих к ней улицах), и обозрение таких достопримечательностей Петербурга, как Адмиралтейство, Зимний дворец, Главный штаб состоялись в первые же дни по приезде Достоевских из Москвы. В восторге, можно не сомневаться, был не только Михаил Андреевич, но и его сыновья. Постараемся же и мы взглянуть на «Северную Пальмиру» (как не однажды, впрочем

---

¹ *Достоевский А. М.* Воспоминания. СПб., 1992. С. 80.

иронически, именовал Петербург Достоевский²) тех лет глазами будущего создателя «Двойника» и «Преступления и наказания». И начнем с главной площади столицы — Дворцовой.

К маю 1837 г., времени первого знакомства Достоевского с Петербургом, ансамбль Дворцовой площади в общих чертах уже существовал в том виде, в котором он пребывает и сегодня. Но ряд значимых деталей, окончательно придавших площади ее современные черты, появился в конце 1830-х – первой половине 1840-х гг., когда будущий писатель учился сначала в кондукторских, а затем офицерских классах столичного Главного инженерного училища. Перестройка в 1845–1846 гг. на углу Дворцовой площади и Невского проспекта здания бывшего Вольного экономического общества, переданного Военно-топографическому депо Главного штаба завершила сложение нынешнего облика Дворцовой площади.

Зимний дворец — главная императорская резиденция столицы — был построен по проекту итальянца Бартоломео Растрелли, придворного петербургского архитектора, в 1754–1762 гг. Здание в стиле пышного елизаветинского барокко сохранило свой внешний вид на протяжении двух с половиной столетий своего существования. Отметим только частную, но тем не менее важную для визуального восприятия площади деталь: в разные периоды своей истории фасад дворца не однажды менял свою окраску. Как ни покажется это неожиданным современному петербуржцу, столь привычный для нас нежно-изумрудный цвет Зимнего появился только в послевоенные годы и насчитывает менее семидесяти лет. Когда Достоевский приехал в Петербург весной 1837 г., фасад дворца был окрашен «песчаной краской с тонкой прожелтью» и имел теплый охристый колорит; ордерная система и пластический декор были акцентированы белой известковой краской.

29 декабря 1837 г. (шестнадцатилетний Достоевский в это время, успешно выдержав вступительный экзамен, уже числился кондуктором 3-го класса Инженерного училища) в Зимнем дворце произошел грандиозный пожар. Потушить его не могли три дня. Восстановительные работы, проводившиеся под руководством архитектора В. П. Стасова, длились в течение двух лет. Фасад дворца при восстановлении не претерпел сколь-нибудь существенных трансформаций, но окраска его в послепожарный период изменилась. На смену прежней охре пришла более нежная слоновая кость. Цветовой контраст между основной окраской фасада и ордерной частью значительно смягчился. Легкая «кремовая» окраска главной императорской резиденции в 1840-е гг., наиболее

---

² См., например: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28, кн. 1. С. 110 (далее — ПСС).

светлая, «воздушная» за всю историю Зимнего дворца, пребывала в парадоксальном противоречии с довольно мрачным, суровым характером эпохи царствования Николая I.

При новом императоре Александре II, который взошел на царский престол 19 февраля 1855 г., меняется и цвет главного здания столицы Российской империи. Вновь в окраске фасада появляется охра, но теперь она становится более плотной, почти «апельсиновой». Тем же цветом окрашивается и ордерная система, получая лишь легкое тональное выделение. Обновленные фасады в 1860–1870-е гг. воспринимаются почти как монохромные. Таким увидел Зимний дворец Достоевский, вернувшийся в Петербург в самом конце 1859 г. после десяти лет сибирской каторги и солдатчины. Больше при его жизни экспериментов с расцветкой дворца не производилось.

Если барочные, пышные формы Зимнего дворца определяют облик северной части Дворцовой площади, то противоположная южная ее часть выдержана в строгом стиле александровского ампира. Еще при планировке в 1760-е гг. она получила полуциркульное очертание. Но до конца 1810-х гг. площадь с этой стороны была застроена отдельными частными домами и не производила сколь-нибудь цельного эстетического впечатления. Лишь когда в 1820-е гг. по проекту Карла Росси вместо всех прежних построек на южной стороне было воздвигнуто единое уникальное по своим архитектурным достоинствам монументальное здание Главного штаба, контрастирующее своими формами с расположенными напротив фасадами Зимнего дворца, но не противоречащее, а гармонично их дополняющее, возник удивительный ансамбль современной Дворцовой площади — признанный мировой шедевр градостроительного искусства. Завершена постройка Главного штаба была в 1829 г. созданием Триумфальной арки, ведущей на Невский проспект, которая соединила оба крыла здания, заключающих площадь в широкий полукруг. Увенчивающая арку колесница Победы, влекомая шестеркой запряженных в нее коней, и находящаяся в ней фигура крылатой Славы (скульптурный шедевр работы С. С. Пименова и В. И. Демут-Малиновского) — напоминание о том, что создание Карла Росси является памятником подвигу русского народа в Отечественной войне 1812 года.

Через пять лет после завершения постройки Главного штаба (и за два года до появления Достоевского в северной столице) в центре Дворцовой площади был воздвигнут еще один памятник, посвященный тем же историческим событиям, — Александровская колонна в честь деяний императора и полководца Александра I, предводительствовавшего русскими войсками, вошедшими в 1813 г. в Париж. Высота колонны вместе с пьедесталом и увенчивающей монумент фигурой Ангела,

попирающего крестом змея, сорок семь с половиной метров. Это больше, чем высота Вандомской колонны, воздвигнутой в Париже в 1810 г. в честь Императора Наполеона. Воздвигнутая по проекту французского архитектора Огюста Монферрана, Александровская колонна стала доминантой Дворцовой площади и завершила сложение ее ансамбля.

Сегодня, стоя на Дворцовой площади и глядя на Александровскую колонну, мы часто скандируем строчки из пушкинского «Памятника», который, как помнят все со школьной скамьи, своею «главою непокорной» вознесся выше «Александрийского столпа». Ничтоже сумняшеся, мы ассоциируем пушкинский «Александрийский столп» — одно из семи чудес света древнего мира — с Александровской колонной перед Зимним дворцом в Петербурге. Поэт и власть, бесспорно, одна из важнейших коллизий творчества А. С. Пушкина. Однако такое прямолинейное отождествление, в силу которого и монумент на Дворцовой площади нередко именуют «Александрийским столпом»³, представляется несколько поспешным.

Кстати, отметим, что бесконечно любивший Пушкина, знавший наизусть многие его творения, не однажды читавший их на литературных вечерах (в том числе на торжествах в Москве в 1880 г. по случаю открытия памятника поэту на Тверском бульваре), Достоевский нигде не цитировал, тем более никогда не декламировал с эстрады его «Памятник». Причем можно сказать вполне утвердительно, что когда он впервые увидел воздвигнутый Монферраном обелиск на Дворцовой площади, строчки из «Памятника» не всплыли в его поэтической памяти. Не всплыли уже хотя бы потому, что стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» в конце 1830-х гг. еще не было ему известно. Оно впервые по рукописи, обнаруженной среди бумаг Пушкина, было напечатано лишь в 1841 г., в 9-м томе первого посмертного издания Сочинений поэта, его душеприказчиком Василием Андреевичем Жуковским. Причем и после того, как «Памятник» появился в печати, указанная ассоциация с Александровской колонной отнюдь не возникала ни у Достоевского, ни кого-либо другого из его современников, поскольку Жуковский опубликовал пушкинский стихотворный шедевр в своей редакции, в частности заменив Александрийский столп — Наполеоновым... При жизни Достоевского именно так эта строчка и печаталась во всех изданиях поэта.⁴

---

³ Например, соответствующая статья в энциклопедии «Санкт-Петербург» (М.; СПб., 2006. С. 34) имеет двойной заголовок: «Александровская колонна („Александрийский столп“»).

⁴ См.: *Алексеев М. П.* Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967. С. 232-244.

Если важнейшие составляющие ансамбля Дворцовой площади — Зимний дворец, здание Главного штаба, Александровская колонна — уже существовали в своем окончательном облике ко времени первого появления Достоевского в Петербурге в 1837 г., то некоторые второстепенные постройки, как уже вскользь было отмечено, возводились или меняли свой вид на глазах у будущего писателя.

На известном рисунке П. М. Ж. Верне «Пожар в Зимнем дворце» (1838), недавно приобретенном в коллекцию Государственного Эрмитажа, изображающем событие со стороны нынешнего Певческого моста, хорошо видно, что на месте нынешнего здания штаба Гвардейского корпуса, замыкающего восточную сторону Дворцовой площади, располагаются постройки, сильно отличающиеся от того, что мы можем видеть на этом месте сегодня. Действительно, в эпоху правления Императора Павла I здесь было возведено здание экзерциргауза — обширного сооружения для военных упражнений в ненастную и холодную погоду. К нему примыкало еще несколько построек самого мизерного вида. Все это было обнесено забором и главную площадь города нисколько не украшало. В 1820–1830-е гг. было предложено несколько вариантов строительства на этом месте зданий иного назначения, но лишь в 1837 г. градостроительная комиссия утвердила проект архитектора А. П. Брюллова, которому было поручено возведение на месте бывшего экзерциргауза здания для штаба Гвардейского корпуса. Строительство, по-видимому, велось параллельно с восстановительными работами после пожара в Зимнем дворце, но далеко не такими ударными темпами. В конечном счете несколько тяжеловесное здание (архитектор поднял цокольную часть до середины фасада), выполненное по всем канонам классицизма, но без полета, присущего работе Карла Росси, было воздвигнуто в восточной части площади к 1843 г. Оно строилось практически все время пребывания Достоевского в Главном инженерном училище.

А через несколько лет была поставлена и последняя точка в завершении архитектурного облика Дворцовой площади, приобретшей свой окончательный вид к 1846 г. На старых литографиях и акварелях 1830-х гг. хорошо видно, что правое, западное крыло здания Главного штаба далеко не доходило до угла Невского проспекта. Верный духу классицизма, К. Росси спроектировал выходящие на Дворцовую площадь восточный и западный корпуса совершенно симметрично по отношению к центральной триумфальной арке. Чувство пропорции, видимо, не позволило архитектору включить в свой проект самые крайние дома в юго-западной части площади. Оставленными после возведения здания Главного штаба в своем первоизданном виде оказались дом Вольного экономического общества, построенный еще в 1770-е гг. архитектором Ж. Б. Вален-

Деламотом, фасад которого в своей угловой полузакругленной части плавно переходил с Дворцовой площади на Невский проспект, а также небольшой соседний домик, притулившийся между ним и монументальным фасадом постройки Карла Росси. Когда при рассматривании старинных видов, на которых изображено здание Главного штаба до середины 1840-х гг., после гармонического, музыкального ритма его архитектурных форм глаз вдруг наталкивается на мелкую дробность построек в юго-западной части площади, то почти физически испытываешь раздражающее чувство архитектурной какофонии. И когда в 1844 г. дом Вольного экономического общества также был передан Главному штабу, то одно только чувство прекрасного (не говоря уже об административной целесообразности) с непреложностью потребовало перестройки этих зданий, их включения в общий пластический рисунок грандиозного творения К. Росси. В 1845–1846 гг. с этой задачей блестяще справился академик архитектуры Иван Черник, органично вписавший заново отстроенный дом на углу Невского проспекта в общую конструкцию правого крыла Главного штаба. И ныне только историческое расследование может установить, что на протяжении пятнадцати лет после завершения его строительства, с 1829-го по середину 1840-х гг., этот шедевр петербургского ампира выглядел далеко не так, как это можем видеть мы сегодня.⁵

Дело, однако, в том, что Достоевский неоднократно бывал в здании Главного штаба, в том числе и в период своей учебы в Инженерном училище, а значит, наверняка видел его в том облике, который он имел до 1845 г. Поэтому приведенные выше сведения имеют не только общеисторический интерес, но и непосредственно относятся к теме наших литературных прогулок с писателем от Дворцовой площади до Николаевского вокзала.

---

⁵ Коснусь и еще одной, не архитектурной подробности. Сегодня с северной и западной сторон Дворцовая площадь обрамлена зелеными насаждениями — сквером перед западным фасадом Зимнего дворца и восточной частью Александровского сада, разбитого вдоль фасада Адмиралтейства. Во времена Достоевского и в этом отношении картина была существенно иная. На месте сквера перед Зимним дворцом существовала открытая до самой Невы так называемая Разводная площадь: на ней ежедневно проходил развод дворцового караула (отсюда и название). Александровский же сад был разбит только в 1874 г. А до этого здесь находился лишь достаточно скромный, неширокий бульвар вокруг Адмиралтейства. Вся же остальную территорию, вплоть до здания Конногвардейского манежа, занимала Адмиралтейская площадь, о которой в связи с открытием Александровского сада газетный обозреватель вспоминал, как о существовавшей «в самом центре города каменной Аравии, всегда пустынной и летом страшно пылившей» (Биржевые ведомости. 1874. 9 июля). Таким образом, вплоть до середины 1870-х гг., будучи четко оформлена с трех сторон монументальными строениями Зимнего дворца, штаба Гвардейского корпуса и Главного штаба, в восточной и северо-восточной части Дворцовая площадь теряла свои границы и незаметно переходила в смежные с нею территории. С открытием Александровского сада картина несколько изменилась, но вплоть до 1896 г. Дворцовая площадь не предлежала перед Южным фасадом Зимнего дворца, как это мы видим сегодня, а вместе с Разводной площадью как бы обнимала его с двух сторон, образуя открытое пространство вокруг царской резиденции, ограниченное только набережной Невы.

Впрочем, начнем мы нашу первую прогулку с Достоевским по важнейшей магистрали северной столицы не с Главного штаба, а непосредственно с Зимнего дворца — императорской резиденции, политического, административного центра не только столичной, но и всей вообще жизни Российской империи.

«...ЖЕЛАНИЕ ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ БЫЛО ДЛЯ НЕГО ЗАКОНОМ»

Визиты Достоевского в Зимний дворец

Зимний дворец, кажется, только единожды упоминается в творчестве Достоевского, и то, так сказать, прикровенно. Большая часть читателей этого упоминания обычно не замечает. Хотя содержится оно в широко известном эпизоде из хрестоматийного произведения — романа «Преступление и наказание».

Уже после преступления Родион Раскольников возвращается от Разумихина, с Васильевского острова, и переходит Неву по Николаевскому мосту⁶. Погруженный в себя, он не замечает ничего и никого вокруг себя. Взойдя на мост, Раскольников идет по середине проезжей части, и здесь его больно стегает кнутом кучер проезжавшей кареты. Это выводит героя из забытья, и он оглядывается по сторонам. Окружающие над ним смеются. Часто у Достоевского толпу веселят чужие страдания. Но какая-то пожилая купчиха с девочкой, сжалившись над ним и приняв его по внешнему виду за нищего, подают герою двадцать копеек: «Прими, батюшка, ради Христа». Вслед за этим читаем:

«Он зажал двугривенный в руку, прошел шагов десять и оборотился лицом к Неве, по направлению дворца. Небо было без малейшего облачка, а вода почти голубая, что на Неве так редко бывает. Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывается лучше, как смотря на него отсюда, с моста, не доходя шагов двадцать до часовни, так и сиял, и сквозь чистый воздух можно было отчетливо разглядеть даже каждое его украшение. Боль от кнута утихла, и Раскольников забыл про удар; одна беспокойная и не совсем ясная мысль занимала его теперь исключительно. Он стоял и смотрел вдаль долго и пристально; это место было ему особенно знакомо. Когда он ходил в университет, то обыкновенно, — чаще всего, возвращаясь домой, — случалось ему, может быть раз сто, останавливаться именно на этом же самом месте пристально вглядываться в эту действительно великолепную панораму и каждый раз почти удивляться одному неясному и неразрешимому своему впечатлению. Необъяснимым

⁶ В 1850–1855 гг. и с 2007 г. — Благовещенский; в 1918–2007 гг. — мост лейтенанта Шмидта.

холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина...»⁷

Раскольников стоит около часовни во имя свт. Николая Чудотворца, воздвигнутой в 1853–1854 гг. на ближайшем к Васильевскому острову гранитном устое моста по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера (снесена в 1934 г.). Его взору открывается торжественная панорама официального Петербурга: в его кругозоре — Зимний дворец, не названные в тексте Адмиралтейство и Сенатская площадь с Медным всадником и кафедральный Исаакиевский собор. Однако «духом немым и глухим» полна для героя эта, действительно, «пышная картина». Слова, которыми здесь передано впечатление героя, исполнены у Достоевского сокровенного смысла. В ранней черновой редакции словосочетание «дух немой и глухой» заключено в кавычки. И это не случайно, ибо перед нами точная евангельская цитата: у евангелиста Марка в эпизоде исцеления гадаринского бесноватого Христос изгоняет беса, которым одержим сын одного из иудеев, такими словами: «...дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него...» (Мк. 9: 25).⁸ Евангельская аллюзия, содержащаяся в тексте «Преступления и наказания» достаточно прозрачна: хотя перед взором Раскольникова громада Исаакиевского собора, а сам он стоит близ часовни свт. Николая Чудотворца, Петербург для него — *не христианский город, ибо он пребывает во власти беса...*

Не будем сейчас углубляться в интерпретацию этого эпизода, подчеркнем только важное для нашей темы: Зимний дворец, императорская резиденция, также включен Достоевским в эту «пышную картину» (с него фактически и начинается ее обрисовка: Раскольников «оборотился лицом к Неве, по направлению дворца...»). Он — часть петербургского пейзажа, исполненного для героя «духом немым и глухим»...

Когда бывший каторжник, находившийся под негласным полицейским надзором, создавая этот эпизод, смотрел на Зимний дворец глазами своего героя, будущего каторжника, он, наверное, и предположить не мог, что пройдут годы и он сам будет почтительно приглашен в императорскую резиденцию, да еще с предложением своей мудрой беседой оказать благотворное влияние на юные умы и нравственное чувство царских отпрысков. Тогда такая возможность должна была показаться Достоевскому

⁷ ПСС. Т. 7. С. 90.

⁸ В приведенном эпизоде место действия не названо; в параллельном месте у евангелиста Луки сцена исцеления предваряется словами: «И приплыли в страну Гадаринскую, лежащую против Галилеи» (Лк. 8: 26).

самой невероятной фантастикой. Но не он ли однажды заметил: «что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности?»⁹

Прошло двенадцать лет после того, как были написаны приведенные строки из «Преступления и наказания». Вслед за этим романом были созданы «Идиот», «Бесы», «Подросток»; без малого полтора года Достоевский был главным редактором еженедельника «Гражданин», издаваемого князем В. П. Мещерским, затем выпускал свой моно-журнал «Дневник писателя», где был в одном лице и автором, и редактором, и издателем. Впереди было главное создание его творческого гения — роман «Братья Карамазовы», к обдумыванию которого Достоевский приступил в первые месяцы 1878 г.

В это время Достоевские жили в доме отставного поручика А. П. Струбинского в Пятой Рождественской улице близ Греческой церкви. Именно здесь, как вспоминает жена писателя, их неожиданно посетил контр-адмирал Д. С. Арсеньев, бывший с 1864 г. воспитателем Великих князей Сергея и Павла Александровичей — младших сыновей Императора Александра II. «Арсеньев высказал желание, — пишет А. Г. Достоевская, — познакомить своих воспитанников с известным писателем, произведениями которого они интересуются. Арсеньев добавил, что является от имени Государя, которому желалось бы, чтобы Федор Михайлович своими беседами повлиял благотворно на юных Великих князей»¹⁰. Младшему из сыновей Царя, Павлу, в это время было семнадцать лет. Старшему, Сергею, — двадцать; вместе со своим наставником, Д. С. Арсеньевым, он совсем недавно, в середине декабря 1877 г., возвратился из действующей армии, где находился при главной квартире Государя Императора (это были самые последние месяцы русско-турецкой войны 1877–1878 гг.).

Заметим, что главку «Знакомство с Великими князьями» А. Г. Достоевская начинает с того, что отмечает, какой всероссийский отклик вызвало двухлетнее издание Достоевским его «Дневника писателя», какое огромное количество писем получал он от своих читателей, расценивая их как свидетельство того, «что у него есть единомышленники и что общество ценит его беспристрастный голос и верит ему»¹¹. Значительное внимание на страницах «Дневника писателя» Достоевский уделял так называемому Восточному вопросу, событиям русско-турецкой войны, осмыслению исторической миссии России в современном мире и в мировой истории. Можно не сомневаться, что внимание Императора Александра II к его фигуре, желание царя,

⁹ ПСС. Т. 22. С. 91.

¹⁰ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 348.

¹¹ Там же. С. 346.

чтобы Достоевский «своими беседами повлиять благотворно на юных Великих князей», в большей мере было вызвано именно его публицистическими выступлениями, нежели художественными созданиями. Когда-то, на заре литературной деятельности Достоевского, Тургенев и Некрасов, ядовито высмеивая юношескую амбициозность начинающего писателя, которому после триумфального успеха «Бедных людей» далеко не всегда удавалось сохранять чувство реальности под бременем неожиданно обрушившейся на него всероссийской славы, сочинили едко ироническое «Послание Белинского к Достоевскому», где, в частности, были такие строки:

Хоть ты юный литератор,
Но в восторг уж всех поверг:
Тебя знает Император,
Уважает Лейхтенберг...¹²

Что ж, спустя тридцать с лишним лет язвительная строчка из тургеневско-некрасовской эпиграммы 1846 г.: «Тебя знает Император...» — звучала совсем по-другому...

Впрочем, здесь, восстанавливая исторический контекст события, мы высказываем соображения, касающиеся лишь причин, обусловивших решение Царя, только что вернувшегося с полей войны, пригласить автора «Дневника писателя» в качестве собеседника для своих вступающих в пору возмужания сыновей. Но Анна Григорьевна, передавая слова Д. С. Арсеньева, пишет о желании Великих князей познакомиться «с известным писателем, произведениями которого они интересуются». И это не просто фигура речи. Не так давно И. Л. Волгиным была обнародована переписка Великих князей Сергея Александровича и Константина Константиновича. В ней имя Достоевского упоминается не единожды. Так, например, еще за год до визита Арсеньева в квартиру Достоевских, Великий князь Константин Константинович, кузен Сергея и Павла, делится своими впечатлениями в письме к двоюродному брату, рекомендовавшему ему читать роман «Бесы»: «Я читаю „Бесы“ Достоевского, очень интересно; вообще Ты преданный кузен и славные книги прислал»¹³. Великий князь Сергей отвечает ему: «Я рад, что тебе понравились „Бесы“...»¹⁴ Это свидетельство того,

¹² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978. Т. 1. С. 332; Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 423. В. Н. Захаровым высказано мнение, что соавтором этого стихотворения также был И. И. Панаев. *Лейхтенберг* — имеется в виду герцог Лейхтенбергский, князь Венецианский Максимилиан (1817–1852), зять императора Николая I (муж его дочери Великой княжны Марии Николаевны).

¹³ Цит. по: Волгин И. Л. Колеблясь над бездной: Достоевский и русский императорский дом. М., 1998. С. 255.

¹⁴ Там же. С. 274.

что воспитанники контр-адмирала Арсеньева действительно интересуются Достоевским, читают его произведения, рекомендуют их читать своим родственникам и товарищам.

«Федор Михайлович в то время был погружен в составление плана романа „Братья Карамазовы“, — продолжает А. Г. Достоевская, — и отрываться от этого дела было трудно, но желание Царя-освободителя было, конечно, для него законом. Федору Михайловичу приятно было сознавать, что он имеет возможность исполнить хотя бы небольшое желание лица, пред которым он всегда благоговел за великое дело освобождения крестьян — за осуществление мечты, которая была дорога ему еще в юности и за которую (отчасти) он так жестоко пострадал в свое время»¹⁵.

Известно, что весной 1878 г. Достоевский по крайней мере дважды побывал в Зимнем дворце на обеде у Великих князей. Предваряя первое появление писателя в царской резиденции, Д. С. Арсеньев предупредительно писал ему: «Чтобы избавить Вас от затруднений отыскивать помещение Великих князей в мало знакомом Вам лабиринте Зимнего дворца, позвольте, мы придем за Вами карету в пятницу в 5 ½ час. пополудни». И далее добавлял: «За обедом же будут только Великие князья Сергей и Павел Александровичи и Константин Константинович с воспитателем (во всем мне симпатизирующим), К. Н. Бестужев и я»¹⁶.

Пятница, о которой идет речь, приходилась на 21 марта 1878 г. Великий князь Константин Константинович записал вечером в своем дневнике впечатления от этой встречи. Упомянув о присутствии Достоевского на обеде у кузенов, он продолжает: «Я очень интересовался последним и читал его произведения. Это худенький, болезненный на вид человек, с длинной редкой бородой и чрезвычайно грустным и задумчивым выражением бледного лица. Говорит он очень хорошо, как пишет». Здесь же, выразив сожаление и упрек себе за то, что не умеет «записывать разговоры», автор дневника кратко зафиксировал тему беседы: «...очень серьезно и хорошо было. Говорили про нынешний нигилизм и про тяжелые настоящие времена»¹⁷. Вопросы, заметим, обсуждались не литературные.

Второй раз в том же составе (но без Великого князя Константина, отсутствовавшего в этот день в Петербурге) обед в Зимнем дворце состоялся 24 апреля. Еще более лаконично, чем Константин Константинович, этот факт засвидетельствовал в своем дневнике К. Н. Бестужев-Рюмин, ограничившийся записью: «Обедал у в<еликих>

¹⁵ Там же. С. 348.

¹⁶ Лит. наследство. М., 1934. Т. 15. С. 160 (письмо от 20 марта 1878 г.).

¹⁷ Цит. по: *Волгин И. Л.* Колеблюсь над бездной... С. 307-308.

князей с Достоевским»¹⁸. Надо полагать, что и эта встреча, начавшаяся в шесть часов вечера тоже прошла «серьезно и хорошо». Накануне Д. С. Арсеньев, передавая Достоевскому приглашение в Зимний дворец, писал ему: «...если Вас не стеснит приехать в 5 ½ (то есть получасом ранее назначенного времени. — *Б. Т.*), Вы меня очень одолжите, ибо желал бы поговорить с вами *наедине* до Великих князей. Мне бы хотелось просить Вас коснуться роли, которую они бы могли иметь среди нынешнего состояния общества, той пользы, которую бы они должны приносить — и о том, как бы естественнее к этому подойти, мне бы хотелось поговорить с Вами»¹⁹. В этом письме намечена целая *программа* беседы во время приема в Зимнем.

И. Л. Волгин, восстанавливая исторический контекст этой беседы, заметил, что между двумя весенними встречами Достоевского с Великими князьями произошло важное событие, потрясшее весь Петербург, — судебный процесс 31 марта над террористкой Верой Засулич, стрелявшей в столичного градоначальника Ф. Трепова, которая была оправдана и отпущена из-под стражи прямо в зале суда. Достоевский присутствовал на процессе. Его отношение к оправдательному приговору известно по нескольким мемуарам. Еще в перерыве заседания, когда присяжные удалились для принятия решения, он говорил: «Осудить нельзя, наказание неуместно, излишне; но как бы ей сказать: „Иди, но не поступай так в другой раз“»²⁰. По догадке И. Л. Волгина, это суждение могло стать известным и Арсеньеву, и в беседе *наедине* он, возможно, намеревался предупредить Достоевского, чтобы тот следил за своими словами во время встречи. Ведь разговор вполне вновь мог коснуться темы «нынешнего нигилизма», а с подобным суждением в Зимнем дворце, естественно, не могли быть солидарны.²¹

Минул год, наполненный разнообразными событиями. От эпилептического припадка умер трехлетний сын писателя Алеша, и не в силах оставаться в старой квартире, где все напоминало о трагической потере, Достоевские после лета, проведенного в Старой Руссе, переехали в дом Р. Г. Клинокострем в Кузнечном переулке. Началась работа над связным текстом «Братьев Карамазовых», и первые книги романа «История одной семейки» и «Неуместное собрание» были опубликованы

¹⁸ Цит. по: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 270. Это свидетельство, введенное в научный оборот в середине 1990-х гг., очевидно не учтено И. Л. Волгиным, который в связи с письмом к Достоевскому Д. С. Арсеньева, желавшего переговорить с писателем наедине перед встречей с Великими князьями, замечает: «Состоялись ли эти *переговоры*? Как, впрочем и сам обед, назначенный на 24 апреля? **Об этом нет никаких свидетельств**» (*Волгин И. Л.* Колебясь над бездной... С. 312).

¹⁹ Лит. наследство. Т. 15. С. 160.

²⁰ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 233.

²¹ См.: *Волгин И. Л.* Колебясь над бездной... С. 311-312.

в журнале «Русский вестник». 1 или 2 марта 1879 г. во время прогулки по Николаевской улице (ныне ул. Марата), неподалеку от дома, на Достоевского напал пьяный мужик, который ударом кулака по голове сбил писателя с ног. «...Только благодаря вовремя подоспевшей помощи (сообщали газеты) он был избавлен от рук злоумышленника, который по словам некоторых лиц, был схвачен и немедленно арестован»²². Не подоспей подмога, как знать, может быть, начатый роман «Братья Карамазовы» остался бы без продолжения.

Буквально на следующий день после инцидента на Николаевской улице, 3 марта 1879 г., Достоевский получил письмо из Зимнего дворца. К нему вновь обращался контр-адмирал Д. С. Арсеньев, который писал:

«Многоуважаемый Федор Михайлович. Великий Князь Сергей Александрович очень просит Вас пожаловать к нему откусать в *понедельник 5-го марта в 6 часов пополудни*. Великий князь сохраняет отрадное воспоминание о прежних свиданиях с Вами. С тех пор он ознакомился с „Мертвым домом“, „Преступлением и наказанием“ и 1-й частью семейства Карамазовых... и еще сознательнее и пламеннее желает пользоваться беседою Вашей и надеется, что Вы исполните его желание.

Позвольте надеяться, что Вы придете на зов юного Великого князя — дай Бог, чтобы здоровье Ваше и занятия Вам это дозволили. Жду этого дня, как истинного праздника.

Вас почитающий покорный слуга Д. Арсеньев.

На этом обеде будет К. П. Победоносцев, которого Вы знаете, и юный Великий князь Константин Константинович, особенно дружный с Сергеем Александровичем»²³.

Новый адрес писателя воспитатель Великих князей получил от Победоносцева, который в тот же день писал Достоевскому: «В понедельник надеюсь встретиться с Вами за обедом: Арсеньев пишет мне, что у них на этот день предположение, и я сообщил им Ваш адрес»²⁴. Интересно, что накануне вечером, то есть в день или через день после нападения на него пьяного мужика, Достоевский был в гостях у Победоносцева, и тот знал о происшествии. Сообщил ли он об этом Арсеньеву? Если сообщил, то слова последнего в письме: «дай Бог, чтобы здоровье Ваше Вам это дозволило» — оказываются не просто формулой вежливости, но, обнаруживая осведомленность корреспондента писателя, наполняются более конкретным смыслом...

²² Новости. 1879. 11 марта. № 63.

²³ Лит. наследство. Т. 15. С. 160. Коррективы к фактам чтения Великим князем Сергеем произведений Достоевского см.: Волгин И. Л. Колебясь над бездной... С. 313.

²⁴ Лит. наследство. Т. 15. С. 136.

К сожалению, в отличие от письма, предварявшего встречу в Зимнем в апреле прошлого, 1878 года, в этом письме тем предстоящей беседы Д. С. Арсеньев не касается. Поэтому мы ограничены в знании круга вопросов, о которых шла речь за обедом. Но по крайней мере один пункт беседы нам известен: разговор коснулся проблемы *смертной казни*.

Присутствовавший на обеде Великий князь Константин Константинович в тот же вечер записал в своем дневнике: «Я обедал у Сергея с Победоносцевым и Достоевским. Федор Михайлович мне очень нравится, не только по своим сочинениям, но и сам по себе. Я его расспрашивал про одно место в „Идиоте“, где описаны чувства приговоренного на казнь; я не мог понять, каким образом можно, не испытав, — так живо и ясно изобразить эти страшные ощущения. Достоевский сам был приговорен, его подвели к виселице...»²⁵

Запись эта вызывает ряд вопросов. С очевидностью можно заключить, что, расспрашивая Достоевского о сцене смертной казни в «Идиоте», юный Константин Константинович *не знал*, что писатель был сам взведен на эшафот. Знали ли об этом другие присутствовавшие (конечно же, за исключением Победоносцева), знали ли, что за столом с ними в Зимнем дворце сидит *бывший каторжник*? Великий князь Сергей Александрович однозначно знал — ведь он совсем недавно прочитал «Записки из Мертвого дома». Впрочем, герой их, Александр Петрович Горянчиков, сослан на каторгу *за убийство жены*. Интересно: кто и как разъяснил Великому князю различие между автором и персонажем? Можно предположить, что на этот раз о личных переживаниях человека, стоявшего на эшафоте, Достоевский говорил немногосложно: Константин Константинович даже не уловил, что на Семеновском плацу была разыграна сцена *расстрела*, а не *повешения*.

Возникает и еще один вопрос. Через четыре дня в своем дневнике Константин Константинович записывает: «Достал я „Идиота“ Достоевского. Когда читаешь его сочинения, кажется, будто с ума сходишь»²⁶. Судя по всему, он задал писателю свой вопрос о смертной казни, еще не читая «Идиота», узнав из *общего разговора*, что в романе есть такая сцена? Но кто же тогда начал этот разговор? Великим князем Сергеем, как он сам напишет об этом кузену Константину, «Идиот» будет прочтен

²⁵ Цит. по: Волгин И. Л. Колеблясь над бездной... С. 315.

²⁶ Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 135.

только в конце этого года.²⁷ Не исключено, что инициатива разговора о романе «Идиот» принадлежала самому Достоевскому.

Существует множество свидетельств того, что тему смертной казни, переживаний приговоренного писатель поднимал в самых неподходящих для этого ситуациях, в кругу совсем не готовых к тому собеседников. Точно так же, как его князь Мышкин — с камердинером в прихожей или в гостиной с генеральшей и девицами Епанчиными. Не означает ли сказанное, что и на обеде в Зимнем дворце он также возвращается к своей излюбленной теме, но не напрямую, а, так сказать, в «художественной упаковке», через обсуждение проблематики романа «Идиот»?..

Можно предположить, что в застольном разговоре обсуждались и напечатанные в «Русском вестнике» первые главы «Братьев Карамазовых» (которые, как отметил в своем письме Д. С. Арсеньев, были уже прочитаны Великим князем Сергеем). В письме к В. Ф. Пуциковичу в Берлин, написанном через неделю после этого визита в Зимний, Достоевский замечал: «„Братья Карамазовы“ производят здесь фурор **и во дворце**, и в публике...»²⁸ Читателей романа в Зимнем дворце он здесь не конкретизирует.

16 апреля 1879 г. состоялся второй обед этого года у Великого князя Сергея Александровича. К сожалению, Константин Константинович не присутствовал на этом обеде и мы лишены возможности справиться о содержании состоявшейся беседы в его дневнике. Не сохранилось и письма Д. С. Арсеньева, в котором оговаривались бы время и условия встречи. О самом факте мы знаем только из письма А. Г. Достоевской к младшему брату писателя Николаю Михайловичу, где, сообщая об отъезде семейства в Старую Руссу (в этом году достаточно раннем), она кратко замечает: «Мы уехали не 15-го, а 17 апреля, так как 16 апреля Федор Михайлович был на обеде у Великого князя Сергия Александровича»²⁹. Очевидно, Достоевские изменили сроки отъезда в связи с очередным получением писателем приглашения в Зимний дворец. Подробностей этой встречи мы не знаем.

Это был последний обед Достоевского в Зимнем дворце, но не последняя их встреча с Великим князем Сергеем. Еще в марте 1879 г. начинаются вечера в Мраморном дворце, на которые Достоевского приглашает Великий князь Константин Константинович. Не однажды во встречах в Мраморном дворце принимает участие и Великий князь Сергей Александрович. Но встречи в Мраморном дворце — это уже другой сюжет...

²⁷ См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 3. С. 357.

²⁸ ПСС. Т. 30, кн. 1. С. 57.

²⁹ Лит. наследство. Т. 86. С. 480.

«ОН НЕ СОЧУВСТВОВАЛ НИ ЕДИНОЙ МЫСЛИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА...»

Визит к графине Александре Толстой

Только начавшаяся традиция бесед по политическим и литературным вопросам за обеденным столом у Великих князей Сергея и Павла Александровичей пресеклась, по неизвестным, кстати, нам причинам, в середине 1879 г. Но в Зимнем дворце с частыми визитами Достоевскому еще приходилось бывать. Одно такое посещение подтверждено документально. Оно состоялось за полмесяца до кончины писателя, а точнее за семнадцать дней — 11 января 1881 г. В этот день Достоевский был в гостях у замечательной женщины — графини Александры Андреевны Толстой. А. А. Толстая жила во дворце (в бельэтаже, на так называемой «запасной половине», примыкавшей к Эрмитажу), — потому что долгие годы была камер-фрейлиной императорского двора, сначала фрейлиной великой княгини Марии Николаевны — дочери Николая II, а позднее воспитательницей-наставницей великой княгини Марии Александровны — дочери Александра II.

Достоевский заочно был знаком с графиней А. А. Толстой еще с марта 1880 г., когда после его выступления на литературном чтении в зале Городской думы на Невском именно она письменно благодарила писателя за участие в этой благотворительной акции по поручению Великой княгини Евгении Максимилиановны принцессы Ольденбургской, бывшей высокой покровительницей Петербургского Дома милосердия, в пользу которого были устроены чтения.³⁰ Но лично они познакомились лишь в декабре 1880 г., под Новый год. «Я давно желала познакомиться с ним, — пишет А. А. Толстая о Достоевском в своих мемуарах, — и наконец мы сошлись, но — увы! — слишком поздно. Это было за две или за три недели до его смерти»³¹.

Приведем здесь цитату, чтобы уточнить свидетельство мемуаристки: вечер в Мраморном дворце у графини А. Е. Комаровской, на котором произошло знакомство А. А. Толстой с Достоевским, состоялся 30 декабря 1880 г., то есть почти за месяц до кончины писателя. Сохранилось письмо графини Комаровской от 27 декабря 1880 г., в котором она писала Достоевскому:

«Многоуважаемый Федор Михайлович!

Вы мне сказали, что зайдете ко мне на днях... Не можете ли исполнить Ваше обещание во вторник?... Не могу сказать, как бы мне хотелось Вас послушать.

³⁰ См.: Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 249.

³¹ Толстая А. А., граф. Мои воспоминания о Л. Н. Толстом (С его письмами ко мне) // Л. Н. Толстой, А. А. Толстая. Переписка (1857–1903). М., 2011. С. 31.

Искренно Вас уважающая гр. А. Комаровская»³².

Свидетельство, содержащееся в этом документе, дополняет выдержка из другого письма А. Е. Комаровской, написанного несколькими днями позднее, в котором также идет речь о вечере с Достоевским 30 декабря 1880 г.:

«...Я пригласила Александру Андреевну Толстую, Александру Александровну Воейкову и милую баронессу Фелейзен, потому что она просила меня с ним познакомиться, — писала графиня Великому князю Константину Константиновичу. — Мы его слушали с благоговением и остались очень довольны его объяснениями. Он говорил, что ежели не умрет, то напишет продолжение „Братьев Карамазовых“. Ему для этого нужно еще три года»³³.

Именно в этот вечер в Мраморном дворце и «сошлись» (выражение мемуаристики) графиня А. А. Толстая и Достоевский. «С тех пор, как я прочла „Преступление и наказание“ (никакой роман никогда на меня так не действовал), — продолжает Александра Андреевна свои воспоминания о Достоевском, — он стоял для меня, как моралист, на необыкновенной высоте, несравненно выше других писателей...»³⁴ Прекрасно образованная, умная, исключительно чуткая к духовным вопросам женщина, графиня Толстая сразу же заинтересовала писателя своим разговором. И главной темой их беседы почти с первых слов стал двоюродный племянник собеседницы Достоевского — граф Лев Николаевич Толстой...

Поразительно, но два великих писателя-современника, Толстой и Достоевский, не были знакомы и никогда не встречались лично. Был один случай в марте 1878 г., когда оба они находились в одной зале, на седьмой лекции Владимира Соловьева из цикла «Чтений о Богочеловечестве», проходивших в большой аудитории Соляного городка на набережной Фонтанки напротив Летнего сада. Причем Лев Толстой был на этой лекции с Н. Н. Страховым, философом и литературным критиком, близко знакомым и с Достоевским. Однако тот, встретившись с Достоевским в антракте, не посчитал нужным представить его своему спутнику, объясняя позднее, что сам Толстой будто бы просил его в этот вечер ни с кем не знакомить. Достоевский, узнав об этом, очень сокрушался и сетовал на Страхова: «Разумеется, я не стал бы навязываться на знакомство, если человек этого не хочет, — говорил он. — Но зачем вы мне не шепнули, кто с вами? Я бы хоть посмотрел на него!»³⁵

³² ПСС. Т. 30, кн. 1. С. 393, примеч.

³³ Цит. по: Волгин И. Л. Колеблясь над бездной... С. 415.

³⁴ Толстая А. А., граф. Мои воспоминания о Л. Н. Толстом... С. 31.

³⁵ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 341.

Впрочем, возможно, этот случай и не был самым подходящим для знакомства писателей. Действительно, представь их Страхов в антракте друг другу, о чем бы, естественно, в первую очередь они заговорили? Конечно же, о лекции Владимира Соловьева, на которой они находились и которая в этот вечер читалась на тему «Христос — содержание христианства». Достоевский во многом разделял религиозную доктрину молодого философа, считал в вопросах веры его своим единомышленником. Личность и учение Соловьева оказали известное влияние на сложение замысла романа «Братья Карамазовы». Ну а Толстой? Услышанное на лекции в Соляном городке он категорически оценил как «детский вздор» и «бред сумасшедшего»³⁶. Какой могла бы при таких несхожих позициях оказаться их первая беседа? И не закончилась бы она размолвкой?

Конец 1870-х – начало 1880-х гг. — время серьезного религиозного кризиса Льва Толстого. В это время он пишет свои знаменитые книги «Исповедь» и «В чем моя вера?», в которых выразилось его новое религиозное мировоззрение. Завершены и опубликованы они будут (за границей — в Женеве и Париже) после смерти Достоевского. Но ко времени знакомства писателя с графиней А. А. Толстой в обществе уже носились слухи о новых умонастроениях автора «Войны и мира» и «Анны Карениной», и со стороны Достоевского, только что завершившего своей великий религиозно-философский роман «Братья Карамазовы», все это вызывало исключительный интерес. С этого пункта и началась беседа писателя с двоюродной теткой Льва Толстого.

«Лев Николаевич его страшно интересовал, — передает А. А. Толстая содержание разговора с писателем на вечере у графини Комаровской. — Первый его вопрос был о нем:

— Можете ли вы мне истолковать его новое направление? Я вижу в этом что-то особенное и мне еще непонятное...»³⁷

Надо сказать, что Александра Андреевна была не просто родственницей Льва Николаевича, теткой по отцу, но и давним другом (Толстой называл ее за просто *Александрин*, а также «бабушкой»), хотя она была старше его всего на одиннадцать лет) и многолетним собеседником писателя, особенно в духовных вопросах, в вопросах веры. Их насыщенная, в том числе и религиозной проблематикой, переписка, продолжавшаяся почти полвека, насчитывает почти две сотни писем. А. А. Толстая

³⁶ Цит. по: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М., 1958. С. 491.

³⁷ Толстая А. А., граф. Мои воспоминания о Л. Н. Толстом... С. 31.

была глубоко верующим человеком. В январе 1880 г., во время очередного приезда Льва Толстого в Петербург, между ним и Александрин состоялся горячий спор о сущности православия. Со своих новых религиозных позиций Толстой пытался убедить тетку, что ее традиционная вера — это «ложь» и «внутреннее успокоение». Страстная со стороны обоих участников беседа на столь близкую автору «Братьев Карамазовых» тему: «Како веруеши?» — закончилась разрывом. Толстой, не спавший половину ночи, наутро, не простившись с Александрой Андреевной, уехал из Петербурга. В начале февраля они обменялись письмами, в которых отстаивали свои религиозные позиции, но взаимопонимания так и не достигли. Об этом и расспрашивал Достоевский А. А. Толстую на вечере в Мраморном дворце.

На прямой вопрос о сущности новых религиозных взглядов Льва Толстого собеседница писателя отвечала, что для нее «это еще загадочно, и обещала Достоевскому передать последние письма Льва Николаевича, с тем, однако ж, чтобы он пришел за ними сам»³⁸. С этой целью Достоевский и нанес визит графине А. А. Толстой, побывав у нее в покоях на «запасной половине» Зимнего дворца 11 января 1881 г. Рассказать о произошедшей во время этого посещения сцене предоставим самой мемуаристке.

«Он назначил мне день свидания, — и к этому дню я переписала для него эти письма, чтобы облегчить ему чтение неразборчивого почерка Льва Николаевича. При появлении Достоевского я извинилась перед ним, что никого более не пригласила, из эгоизма, — желая провести с ним вечер с глаза на глаз. Этот очаровательный и единственный вечер навсегда запечатлелся в моей памяти; я слушала Достоевского с благоговением: он говорил, как истинный христианин, о судьбах России и всего мира; глаза его горели, и я чувствовала в нем пророка... Когда вопрос коснулся Льва Николаевича, он просил меня прочесть обещанные письма громко. Странно сказать, но мне было почти обидно передавать ему, великому мыслителю, такую путаницу и разбросанность в мыслях»³⁹. «Мало того, что он казался мне человеком евангельским, не от мира сего, — сообщала позднее впечатления от этой встречи с Достоевским А. А. Толстая одному из близких ей людей, — но самая речь его, порывистая и огнеустая, производила потрясающее впечатление»⁴⁰. «Вижу еще теперь перед собой Достоевского, — продолжает она в воспоминаниях, — как он хватался за голову и отчаянным голосом повторял: — „Не то, не то!..“ Он не сочувствовал ни единой мысли

³⁸ Там же. С. 32.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Вестник Европы. 1905. № 4. С. 631-632.

Льва Николаевича; несмотря на то, забрал все, что лежало писанное на столе: оригиналы и копии писем Льва. Из некоторых его слов я заключила, что в нем родилось желание оспаривать ложные мнения Льва Николаевича.

Я нисколько не жалею потерянных писем, но не могу утешиться, что намерение Достоевского осталось невыполненным: через пять дней после этого разговора Достоевского не стало...»⁴¹

Здесь в текст воспоминаний, как мы уже отмечали, вкралась неточность: Достоевский умер не «через пять дней после этого разговора», а более чем через полмесяца. Спустя же шесть дней после этой встречи в Зимнем дворце, 17 января 1881 г., в очередном письме к своему племяннику Александрин сообщает Льву Николаевичу: «Я эту зиму очень сошлась с Достоевским, которого давно любила заочно. Он с своей стороны любит Вас — много расспрашивал меня, много слышал о Вашем настоящем направлении и, наконец, спросил меня, нет ли у меня чего-нибудь писанного, где бы он мог лучше ознакомиться с этим направлением — которое его чрезвычайно интересует»⁴². Далее графиня упоминает, что передала Достоевскому одно «прошлогоднее письмо» своего корреспондента. Однако о бурной реакции Достоевского на религиозные откровения Толстого («Не то, не то!») она здесь не пишет ни слова...

Это письмо, отправленное Александрин своему племяннику по горячим следам событий, вопреки ее же утверждению в мемуарах, согласно которому Достоевский взял с собой несколько писем Льва Толстого, однозначно свидетельствует, что речь должна идти лишь об одном автографе; как полагают исследователи — о письме от 2 февраля 1880 г., том самом, которое Лев Николаевич написал Александрин, вернувшись в Ясную Поляну, после их горячего спора за полночь в тех же самых апартаментах в Зимнем дворце, где через год после этого о вопросах веры с графиней беседовал автор «Братьев Карамазовых».⁴³ Множественное же число («письма»), очевидно, возникло в тексте мемуаров по той причине, что вместе с этим автографом ее гость взял с собой также и копии писем Толстого, которые графиня Толстая, как она сама сообщает, специально приготовила к встрече с Достоевским.⁴⁴

⁴¹ Толстая А. А., граф. Мои воспоминания о Л. Н. Толстом... С. 32.

⁴² Л. Н. Толстой, А. А. Толстая. Переписка (1857–1903). С. 400 (письмо № 175).

⁴³ См.: Там же. С. 692, примеч.

⁴⁴ Это обстоятельство, как кажется, недооценено исследователями Л. Н. Толстого. В цитируемых мемуарах А. А. Толстая сообщает о части писем к ней племянника периода его религиозного кризиса: «Скажу мимоходом, что от нашей переписки того времени не осталось почти ничего: **иные письма я уничтожила**, — они меня слишком смущали, — другие я отдала Достоевскому» (Толстая А. А., граф.

После смерти писателя Александра Андреевна обращалась к А. Г. Достоевской с просьбой вернуть ей письмо Толстого, но та не смогла его найти. Однако спустя годы, разбирая переписку Достоевского, Анна Григорьевна обнаружила автограф и возвратила письмо душеприказчику уже умершей к тому времени А. А. Толстой, распорядившемуся ее архивом, переданным после кончины графини в Академию наук. Сегодня это письмо хранится в московском музее писателя и неоднократно было воспроизведено в собраниях его сочинений. Так что в воспоминания графини надо внести и еще один корректив: письмо Толстого, которое читал Достоевский, нельзя называть «потерянным».

Интересно, что дома на Кузнечном у Достоевских хранился еще один автограф Толстого — его письмо Н. Н. Страхову от 26 сентября 1880 г., в котором была дана такая исключительно высокая оценка «Записок из Мертвого дома»:

«Я много забыл, — писал Толстой, — перечитал и не знаю лучше книги изо всей новой литературы, включая Пушкина.

Не тон, а точка зрения удивительна — искренняя, естественная и христианская. <...> Я наслаждался вчера целый день, как давно не наслаждался. Если увидите Достоевского, скажите ему, что я его люблю»⁴⁵. Страхов выполнил поручение Толстого и писал ему в ответном письме 2 ноября:

«Видел я Достоевского и передал ему Вашу похвалу и любовь. Он очень был обрадован, и я должен был оставить ему листок из Вашего письма, заключающий такие дорогие слова. Немножко его задело Ваше непочтение к Пушкину, которое тут же выражено („лучше всей нашей литературы, включая Пушкина“). „Как, — включая?“ спросил он. Я сказал, что Вы и прежде были, а теперь особенно стали большим вольнодумцем»⁴⁶.

Через несколько дней на журфиксе у Штакеншнейдеров Достоевский «с гордостью и радостью» будет рассказывать Елене Андреевне об этом письме Толстого и о том, что

Мои воспоминания о Л. Н. Толстом... С. 31). Мы уже знаем, что Достоевскому был отдан лишь один автограф — письма от 2 или 3 февраля 1880 г. Однако сомнительно, что именно этот текст мог вызвать такую бурную реакцию Достоевского. Скорее всего, он читал и какие-то другие письма Толстого, позднее уничтоженные его корреспонденткой (так как они ее «слишком смущали»). Но ведь она сняла с них копии для своего гостя, которые он и унес с собою, намереваясь публично полемизировать с их автором. Так, может быть, *неатрибутированные* копии писем Льва Толстого, сделанные рукою А. А. Толстой, где-то хранятся среди материалов архива Достоевского? Автограф Толстого незадолго до своей смерти Достоевский передал Н. Н. Страхову, который позднее вернул его вдове писателя. А копии? Были ли они тоже переданы Страхову? А если переданы, то не остались ли они в бумагах критика? Этот вопрос требует специального рассмотрения и новых поисков.

⁴⁵ Толстой Л. Н. — Страхов Н. Н. Полн. собр. переписки: В 2 т. Оттава; М., 2003. Т. 2. С. 578 (един. пагин.).

⁴⁶ Там же. С. 579.

он получил его от Н. Н. Страхова «в подарок»⁴⁷. Так в предсмертные дни в доме Достоевского в Кузнечном переулке на рабочем столе писателя оказались сразу два столь несхожих эпистолярных автографа Льва Толстого: один — содержащий исключительно дорогие для автора «Записок из Мертвого дома» слова высочайшей оценки его каторжной эпопеи, и другой, полученный во время визита в Зимний дворец, — со словами религиозного вольнодумства, с которыми автор «Братьев Карамазовых» был категорически не согласен и с которыми готовился полемизировать на страницах своего «Дневника писателя» в 1881 г.

В ГОСТИ В ГЛАВНЫЙ ШТАБ

Выше уже упоминалось, что Достоевскому, еще в юности, приходилось бывать в стенах Главного штаба. Когда и при каких обстоятельствах это имело место?

Как было сказано, в 1837 г. Михаил Андреевич Достоевский привез из Москвы двух своих сыновей, шестнадцатилетнего Михаила и пятнадцатилетнего Федора, для поступления в Главное инженерное училище. Однако принят в это элитное учебное заведение был только будущий писатель. Старший же брат поступил в Санкт-Петербургскую инженерную команду и в апреле 1838 г. был откомандирован для прохождения службы в Эстляндскую губернию, в город Ревель (нынешний Таллин). Достоевский остался в Петербурге один, без родных и знакомых. «Еще с детства, почти затерянный, заброшенный в Петербурге, я как-то все боялся его»⁴⁸, — позднее вспоминал это время писатель.

Ни родственников, ни знакомых по прежней московской жизни в неприветливой северной столице у будущего писателя не было. С большинством однокашников по Инженерному училищу доверительных, дружеских отношений тоже как-то не сложилось. Спасала от одиночества лишь содержательная, наполненная обсуждением серьезных духовных вопросов, отражающая их юношеские искания переписка с братом Михаилом.

Изредка Достоевский получал письма также от сестры Варвары, бывшей лишь годом его моложе. В апреле 1841 г. он узнал, что восемнадцатилетняя Варя выдана замуж за сорокапятилетнего вдовца, правителя канцелярии московского военного генерал-губернатора Петра Андреевича Карепина. Ближайшим следствием этого события явилось то, что у Достоевского в Петербурге появился свойственник, или *как*

⁴⁷ Штакенингейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). М.; Л., 1934. С. 140.

⁴⁸ ПСС. Т. 19. С. 68.

бы свойственник — на самом деле, по народной поговорке, «сдьмая вода на киселе». Зато это был человек, принадлежащий высшим сферам, в которые юный кондуктор Инженерного училища не заносился даже в мечтах. Шутка ли: вице-директор инспекторского департамента Военного министерства генерал-майор Иван Григорьевич Кривопишин! С Петром Андреевичем Карепиным, ныне зятем Достоевского, они некогда были свояками, то есть женатыми на сестрах. Затем оба овдовели, и оба вновь женились. В подобных ситуациях многие люди былым свойством уже нисколько не считаются. Но у Кривопишина с Карепиным сохранились прочные дружеские отношения (к тому же они были и ровесниками), и Иван Григорьевич, которого младший брат писателя характеризует как «истинно доброго и почтенного господина»⁴⁹, не прочь был оказать юному шурина своего «друга-родственника» Петра Андреевича возможную помощь и покровительство.

«Сей господин, — вспоминает А. М. Достоевский, — как по доброте своей, так и по дружбе к Петру Андреевичу, — нарочно ездил в инженерное училище и там обласкал брата Федора, который был еще в кондукторских классах. Впоследствии, сделавшись офицером, он был очень радушно принимаем Кривопишиным, который <...> делал как ему, так и брату Михаилу значительные услуги...»⁵⁰

Инспекторский департамент Военного министерства в 1830–1840-е гг. располагался в западном крыле здания Главного штаба на Дворцовой площади. Здесь же имел «роскошную»⁵¹ казенную квартиру его вице-директор (а позднее и директор) генерал-майор Кривопишин. Как драгоценно в этой связи приведенное свидетельство, что этот петербургский «друг-родственник» зятя братьев Достоевских П. А. Карепина «радушно принимал» в своем доме будущего писателя!

Нам не известно, когда произошло личное знакомство Достоевского с Кривопишиным, но уже в начале 1841 г. имя Ивана Григорьевича мелькает в переписке братьев Достоевских. И как мелькает! «Благодари Кривопишина, — пишет Федор из Петербурга в Ревель Михаилу 27 февраля 1841 г. — Вот бесценнейший человек! Поискать! Принят я у них Бог знает как. Меня одного принимают, когда всем отказывают...»⁵²

Из напутственного пожелания брату: «Благодари Кривопишина» — ясно, что появление портупей-юнкера Достоевского в казенной генеральской квартире в здании

⁴⁹ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 124.

⁵⁰ Там же. С. 125.

⁵¹ Там же.

⁵² ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 77-78.

Главного штаба не было просто визитом к дальнему родственнику. В декабре 1840 г. старший брат Михаил приехал из Ревеля в Петербург для сдачи экзамена на чин полевого инженер-прапорщика. 9 января 1841 г., без больших проблем выдержав его, М. М. Достоевский получил искомое повышение по службе. Но вместе с очередным чином новоиспеченный инженер-прапорщик через несколько дней получил и новое назначение — в Нарвскую инженерную команду. И это была трагедия, так как в Ревеле у него оставалась горячо любимая невеста Эмилия Дитмар. Влюбленным грозила разлука! Вот тут-то и потребовалась помощь генерал-майора Кривопишина.

Причем Михаил в середине февраля уехал, как ему и предписано, к новому месту службы в Нарву, а хлопотал по его делу в столице Федор Достоевский. Этими заботами и был обусловлен его визит к генералу И. Г. Кривопишину. «В понедельник (в день твоего отъезда), — сообщает он брату 27 февраля, — приезжает ко мне Кривопишин; мы обедали тогда, и я не видал его. Оставил записку — приглашение к ним. В воскресенье я был у него вечером, и он мне показывает донесение Пол.т.к.в.ского о сделанном распоряжении насчет твоей командировки в Ревель. Вероятно (да и без сомнения), ты уже в Ревеле, целуешь свою Эмилию (не забудь и от меня)...»⁵³ Полузашифрованный в этом сообщении генерал-лейтенант В. Г. Политковский исполнял должность начальника штаба генерал-инспектора по инженерной части. Очевидно, к нему и обратился за помощью в этом вопросе И. Г. Кривопишин. Поддержка таких влиятельных лиц оказалась эффективной и скорой. «Твое дело решилось в минуту»⁵⁴, — пишет тут же Достоевский брату.

Причем из цитируемого письма вполне определенно следует, что этот его визит в генеральскую квартиру на Дворцовую площадь был далеко не первым.⁵⁵

Принимал Иван Григорьевич участие и в судьбе младшего брата писателя — Андрея, когда тот приехал в 1842 г. в Петербург поступать в Училище гражданских инженеров. На этот раз он обратился с ходатайством о зачислении А. М. Достоевского кандидатом в Училище без длительного соблюдения необходимых формальностей к самому могущественному графу П. А. Клейнмихелю, которому он был «хорошо известен»⁵⁶. И вновь затруднительное дело было решено скоро и успешно. Причем когда московские родственники узнали о поступлении Андрея в учебное заведение, то

⁵³ Там же. С. 77.

⁵⁴ Там же. С. 78.

⁵⁵ «Меня одного принимают, когда всем отказывают, **как в последний раз**», — подчеркивает Достоевский в письме (Там же).

⁵⁶ *Достоевский А. М.* Воспоминания. СПб., 1992. С. 128.

«на радостях» деньги «на пирог» по этому торжественному случаю (целых сто рублей!) послали в Петербург на адрес Кривопишина, и Иван Григорьевич выдавал их младшему Достоевскому небольшими суммами по мере необходимости.⁵⁷ Иногда и старший брат Федор, который, перейдя в офицерский класс, жил уже на «вольной» квартире, нередко страдая от безденежья, также припадал к этому «источнику». «Брат! — писал он, например, Андрею в декабре 1842 г. — Если ты получил деньги, то ради Бога пришли мне рублей 5 или хоть целковый. У меня уж 3 дня нет дров, а я сижу без копейки. На неделе получаю 200 руб. (я занимаю) <...> все отдам. Если ты еще не получил, то пришли мне записку к Кривопишину; Егор снесет ее. А я тебе перешлю сейчас же»⁵⁸. Упомянутый здесь Егор — это денщик Достоевского. И можно предположить, что дорога в казенную квартиру вице-директора Инспекторского департамента на Дворцовой площади, где при случае можно было в затруднительной ситуации занять немного денег, ему была неплохо знакома.

Последний раз имя Кривопишина упоминается в переписке Достоевского и Карепина осенью 1844 г. Писатель в это время всемерно предался литературному труду: летом опубликовал свой перевод «Евгении Гранде» Бальзака, планировал с братом Михаилом осуществить полное издание перевода драм Шиллера, наконец, приступил к работе над своим первым романом «Бедные люди». Служба по окончании Училища в чертежной Инженерного департамента представлялась утомительной и скучной, отвлекала от литературных занятий (к тому же ему грозила длительная командировка в Оренбург или в Севастополь). В этих обстоятельствах Достоевский принял решение выйти в отставку. После смерти отца писателя в 1839 г. П. А. Карепин числился опекуном всего семейства Достоевских, регулировал распределение между ними дохода с родового имения в Тульской губернии. Писатель для поддержания в сложившихся обстоятельствах своего существования в Петербурге обратился к Карепину с просьбой одновременно поддержать его материально (речь шла о сумме в тысячу рублей серебром); он же, в свою очередь, готов был отказаться в пользу родственников от своей доли в наследстве родителей. П. А. Карепин, человек далекий от литературы, увидел в этих прожектах Достоевского «юношескую неосновательность и нерасчетливость», пытался урезонить своего юного шурина. С этой целью он и обратился в очередной раз письмом к И. Г. Кривопишину, которого просил по-отечески

---

⁵⁷ См.: Там же. С. 143.

⁵⁸ Там же. С. 80.

воздействовать на молодого человека, попытаться «остановить [его] шекспировскую фантазию»⁵⁹.

Однако порученная Карепиным своему «другу-родственнику» комиссия не удалась. Нам не известно, посетил ли генерал-майор Кривопишин Достоевского в его доме на Владимирском проспекте или, наоборот, писатель в очередной раз был принят в генеральской казенной квартире в здании Главного штаба. Но разговор между ними, судя по всему, произошел горячий. Достоевского возмутил уже тот факт, что Карепин без его ведома вынес обсуждение его судьбы на суд постороннего человека. Причем человека, можно предположить, тоже весьма далекого от литературы. Карепин в раздражении по поводу литературных планов Достоевского, советуя ему «не увлекаться Шекспиром», в запале заметил, что для него «Шекспир и мыльный пузырь все равно»⁶⁰. Возможно, в подобных выражениях он писал и Кривопишину, аттестуя литературные увлечения своего шурина. Если предположить, что и генерал-майор мог вслед за ним в своих отеческих увещеваниях пенять на опрометчивый «романтизм, навеянный этим проклятым Шекспиром»⁶¹, то можно представить себе, какой бурной должна была быть реакция Достоевского!

Так или иначе, писатель сделал свой выбор твердо. 19 октября 1844 г. был высочайше утвержден приказ о его отставке. На рабочем столе его лежала начатая рукопись «Бедных людей». Понять друг друга генералу и юному литератору было невозможно. И если их разговор действительно происходил в казенной квартире вице-директора Инспекторского департамента в здании Главного штаба, то в этот день Достоевский покинул эту квартиру навсегда. И более мы не встречаем упоминаний имени генерал-майора И. Г. Кривопишина в каких-либо документах, связанных с биографией автора «Бедных людей».

***

Если осенью 1844 г. пресеклись отношения Достоевского с обитателем здания Главного штаба генерал-майором Кривопишиным, то в самом здании на Дворцовой площади писатель в дальнейшем еще бывал не однажды. Опустим сейчас, что здесь в конце 1840-х гг. в казенной квартире своего отца управляющего Кредитной канцелярией Министерства финансов И. И. Ламанского жили приятели писателя по

---

⁵⁹ ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 98.

⁶⁰ Там же. С. 100-101.

⁶¹ ПСС. Т. 2. С. 324.

кружку Петрашевского Евгений и Порфирий Ламанские.⁶² Они встречались с Достоевским и у самого Петрашевского на «пятницах» в Коломне, и в кружках поэтов Дурова и Плещеева, но документальных свидетельств, что писатель бывал у них в гостях на Дворцовой площади у нас нет.

Также только отметим, что в 1860–1861 гг. в Военно-топографическом отделе и депо карт, располагавшихся на самом углу Дворцовой площади и Невского проспекта, над составлением карт Средней Азии трудился друг Достоевского казахский ученый-просветитель, выдающийся путешественник и географ Чокан Валиханов. Здесь же в казенной квартире Кавалерийского департамента Генерального штаба он и жил с лета 1860 г.⁶³ Между Достоевским и Валихановым еще в период пребывания писателя в Сибири установились очень близкие, дружеские отношения. «Вы пишете мне, что меня любите, а я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам...»⁶⁴ — писал Достоевский Валиханову из Семипалатинска в Омск еще в 1856 г. В течение года с небольшим, когда Чокан жил и работал в Петербурге, они общались особенно плотно. Почти наверняка можно сказать, что и Валиханов не однажды бывал у Достоевского в доме Палибина в 3-й Роте Измайловского полка, и тот заглядывал к нему в его служебную квартиру в Главном штабе. Но поскольку и тут у нас нет твердых документальных данных, ограничимся лишь общим указанием на этот адрес близкого приятеля писателя.

Более веские основания есть у нас утверждать, что Достоевский нередко бывал с дружескими визитами в одном из семейств, живших в здании Главного штаба, применительно к последним годам его жизни. Говоря об окружении писателя конца 1870-х гг., его жена пишет в своих воспоминаниях: «Из лиц, с которыми Федор Михайлович любил беседовать и которых часто посещал в последние годы своей жизни, упомяну графиню Елизавету Николаевну Гейден, председательницу Георгиевской общины. Федор Михайлович чрезвычайно уважал графиню за ее неутомимую благотворительную деятельность и всегда возвышенные мысли»⁶⁵. Близкое свидетельство находим и в воспоминаниях дочери писателя. Рассказав о теплых отношениях отца с графиней С. А. Толстой, вдовой поэта и драматурга графа

⁶² «В это время, — пишет в воспоминаниях Е. И. Ламанский о событиях 1849 г., — я занимал вместе с моим братом Порфирием комнату в квартире отца в здании Главного штаба» (Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984. С. 329).

⁶³ См.: Мусина М. Ш., Тихомиров Б. Н. Чокан Валиханов в Петербурге. СПб., 2009. С. 10.

⁶⁴ ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 248.

⁶⁵ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 377.

А. К. Толстого, в салоне которой он особенно часто бывал, она продолжает: «У Достоевского был еще один друг — женщина, которую он, правда, реже видел, но к которой относился с еще большим почтением. Это была графиня Гейден, урожденная графиня Зубова. Ее муж был генерал-губернатором Финляндии, она же жила в Петербурге, где основала большую больницу для бедных. Там она проводила целые дни, занимаясь больными, интересовалась их судьбой и пыталась их утешить. Графиня Гейден была большой почитательницей Достоевского. Встречаясь, они говорили о религии; мой отец излагал ей свои идеи о христианском воспитании. Зная, какое большое значение Достоевский придавал нравственному воспитанию своих детей, графиня Гейден подружилась с моей матерью и пыталась оказывать влияние на меня. Только после ее смерти, оставившей в моей жизни большую пустоту, я поняла, сколь многим я обязана этой истинной христианке»⁶⁶.

Воспоминания Л. Ф. Достоевской не вполне точны. Муж графини генерал-адъютант Ф. Л. Гейден был назначен финляндским генерал-губернатором лишь в мае 1881 г., уже после смерти Достоевского. А до этого на протяжении пятнадцати лет он являлся начальником Главного штаба и председателем Военно-ученого комитета. В соответствии со своей должностью Ф. Л. Гейден вместе с семьей жил в здании Главного штаба. Именно здесь, в казенной квартире генерала Гейдена, в гостях у графини Елизаветы Николаевны, как свидетельствует А. Г. Достоевская, и бывал с визитами писатель.

В свою очередь и графиня Гейден нередко бывала в гостях в доме писателя в Кузнечном переулке. Так, например, сохранилось ее письмо Достоевскому от 21 апреля 1880 г., в котором она сначала, как устроительница музыкально-литературного вечера в пользу больницы Общины Святого Георгия в доме графини Менгден, сообщает, что мероприятие из-за болезни певицы Е. А. Лавровской перенесено с 22 на 29 апреля, а затем, поздравив писателя с Пасхой (в этом году пришедшейся на 20 апреля), сообщает, что собирается заехать к нему не сегодня, «во второй день праздника», а в четверг или в пятницу, «чтоб иметь право рассчитывать на более верный досуг» Достоевского.⁶⁷ У нас нет об этом более твердых свидетельств, но надо полагать, что посещение графиней квартиры писателя в намеченные дни состоялось (скорее в пятницу, 25 апреля, так как накануне, 24-го, писатель по приглашению Великого князя Константина Константиновича провел вечер у него в Мраморном дворце).

⁶⁶ *Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992. С. 179.

⁶⁷ РГБ. Ф. 93. П.2.73 (цит. по: *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т.* СПб., 1995. Т. 3. С. 401).

Сохранились и еще две недатированные записки Е. Н. Гейден Достоевскому, в которых графиня оговаривает дни посещения ею дома на Кузнечном. «Добрейший Федор Михайлович, я положительно скучаю от запрещения Вашего приехать к Вам до будущей недели, — пишет она в одной из них, возможно в первые дни после возвращения семейства Достоевских из Старой Руссы. — Что мне устройство квартиры? Мне хочется Вас видеть и послушать». И настойчиво просит позволения приехать «сегодня в 3 часа»⁶⁸. «Во вторник на будущей неделе, — пишет графиня в другой записке, — хотела бы постучаться к Вам в обычный час»⁶⁹. Последние слова свидетельствуют, что посещения в известный день квартиры Достоевских было для Е. Н. Гейден событием нередким. Надо полагать, что столь же нередкими были и ответные визиты писателя к Гейден в здание Главного штаба.

К сожалению, письма Достоевского Е. Н. Гейден не сохранились, но о характере их общения, обсуждаемым в беседах темах можно живо судить по некоторым дошедшим до нас ее письмам к писателю, в которых она именует Достоевского «сердечно уважаемым учителем», «человеком с пророческой душой, с отзывчивым сердцем»⁷⁰. В одном из них затрагивается вопрос о том, что «гражданственность есть только одна форма развития человечности, которая даст свой лучший цвет, когда люди, составляющие эти гражданские единицы, будут проникнуты животворным духом любви и смирения», в этой связи корреспондентка писателя делится своими размышлениями «о роли христианского смирения», тут же рассказывает о своих попытках христианского делания (строительство больницы, нового дома для общины и пр.).⁷¹ Отвечая на одно из писем Достоевского, в котором, судя по реакции Гейден, он высказал свое отношение к ее личности, графиня сообщает, что дала прочесть сказанное о ней писателем своим детям: «...мне показалось, что Вы меня подняли на пьедестал какой-то в их глазах». Воспроизводя «с трепетом радости» обращенные к ней слова Достоевского: «Я хочу познать Ваш характер, говорите Вы», она признается, что ей «стало совестно»: тот ли она человек, которому он «предлагает свою дружбу?»: а вдруг, пишет Гейден о своем характере, «узнав его поближе, Вы заклейте его как содержащий слишком много пустоты и себялюбия?» Последующие признания Елизаветы Николаевны, характеризующей себя в письме «несовершенной

⁶⁸ Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 530.

⁶⁹ Цит. по: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 523.

⁷⁰ Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 295. (Лит. наследство. Т. 86).

⁷¹ Цит. по: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 3. С. 447.

христианкой», читаются как ее исповедь.⁷² Еще одна из близких приятельниц Достоевского этого времени, А. П. Философова, называла его своим «дорогим нравственным духовником»⁷³. Письма Гейден к писателю позволяют заключить, что между нею и Достоевским установились схожие отношения.

Последнее известное нам письмо Е. Н. Гейден адресовано не Достоевскому, а его жене, Анне Григорьевне. Оно написано либо накануне, либо в самый день смерти писателя (но еще при его жизни). «Сейчас поражена была прочитанным в газетах известием о тяжелой болезни Федора Михайловича! — пишет графиня. — Страшно, я все о нем думала эти дни (сама заболела, лежала в постели) <...>. Меня сегодня никак не выпускают, но душа моя рвется к вам обоим. <...> ...скажите, Бога ради, не нужно ли вам кого-нибудь, чего-нибудь? Хорошего врача, моего преданного друга? сестру для ухода? или что или кого? Если у вас есть бюллетень, пришлите, иначе скажите два слова о нем моему посланному...»⁷⁴

Как свидетельствует А. Г. Достоевская, в ответ на это «доброе письмо» ее муж «продиктовал несколько слов в ответ»⁷⁵. Приводим текст этой диктовки, как «последнюю ниточку», которая протянулась от умирающего писателя к квартире Гейден в здании Главного штаба: «26-го числа в легких лопнула артерия и залила наконец легкие. После 1-го припадка последовал другой, уже вечером, с чрезвы<чайной> потерей крови с задушением. С ¼ <часа> Фед<ор> Мих<айлович> был в полном убеждении, что умрет; его исповедовали и причастили. Мало-помалу дыхание поправилось, кровь унялась. Но так как порванная жилка не зажила, то кровотечен<ие> может начаться опять. И тогда, конечно, вероятна смерть. Теперь же он в полной памяти и в силах, но боится, что опять лопнет артерия»⁷⁶. На автографе этого «бюллетеня» женой писателя сделана помета: «Продиктовано мне в ответ на письмо графини Гейден в 5 час. или ½ 6-го в день смерти»⁷⁷.

В тексте этой «диктовки» еще теплится надежда.⁷⁸ Но через короткое время кровотечение возобновилось и началась агония. В 8 часов 36 мин. вечера 28 января Достоевского не стало.

⁷² Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 295-296.

⁷³ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 377.

⁷⁴ Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 530.

⁷⁵ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. СПб., 2011. С. 396.

⁷⁶ *ПСС*. Т. 30, кн. 1. 242-243.

⁷⁷ Там же. С. 395, примеч.

⁷⁸ Было отмечено, что характеристика состояния здоровья Достоевского в этом «бюллетене» не соответствует последним предсмертным часам жизни писателя. На этом основании высказывалось предположение, что Анна Григорьевна много позднее ошибочно пометила эту диктовку как ответ на

Для полноты картины отметим черту, характеризующую отношение к писателю всего семейства графини Гейден. По свидетельству А. Г. Достоевской, в траурные дни января 1881 г., когда гроб с телом писателя стоял в его кабинете, всю «последнюю ночь перед выносом», то есть с 30 на 31 января, псалтырь над усопшим читал сын графини Елизаветы Николаевны, 24-летний «адъютант граф Николай Федорович Гейден»⁷⁹. Можно предположить, что это чтение было данью признательности и любви за те высокие мгновения, которые юноша испытал за полгода до этих печальных событий, слушая знаменитую Пушкинскую речь писателя на торжествах в Москве по случаю открытия памятника поэту. Вернувшись в июне из Москвы в северную столицу он, по словам матери, в умилении говорил: «Всю жизнь не забуду слова Достоевского»⁸⁰. Это свидетельство позволяет заключить, что, посещая семейство Гейден в их квартире в здании Главного штаба, писатель проводил время в общении не только с хозяйкой Елизаветой Федоровной, но и с ее сыном Николаем Федоровичем Гейденом.

II. ОТ НАЧАЛА ПРОСПЕКТА ДО КАЗАНСКОГО МОСТА

«ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ЧТО МЫ СТОИМ У ОКОН МАГАЗИНА ДАЦИАРО...»

Неожиданный разговор с Алексеем Сувориным

Дом № 1 в самом начале Невского проспекта, на углу Адмиралтейского проспекта, сегодня выглядит иначе, чем во времена Достоевского. В конце 1870-х – начале 1880-х годов здесь стоял четырехэтажный особняк, возведенный еще в 70-е годы XVIII в. Владели им в это время наследники почетного гражданина Ш. Греффа, у которых в 1880 г. дом приобрел генерал-майор А. Глуховский. Позднее Глуховский перепродал дом частному коммерческому банку, для которого в 1910–1911 гг. по проекту архитектора В. П. Цейдлера он был капитально перестроен. Именно тогда появились пятый и мансардный этажи, фасад изменил свой облик, и особняк приобрел тот монументальный вид, который отличает его сегодня.

письмо графини Гейден; в действительности же эти данные продиктованы ей мужем накануне в ответ на телеграмму с вопросами о самочувствии писателя, присланную С. А. Толстой и С. П. Хитрово (см.: *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского*: В 3 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 544). Но даже если это так, на письмо Гейден в день смерти Достоевский также диктовал жене ответ: в этом она не могла ошибиться. Наверное, какие-то медицинские нюансы в этой второй «диктовке» были иные. Но нас здесь интересует сам факт предсмертного письма из дома на Кузнечном в здание Главного штаба. Поэтому приводим эту диктовку как «ответ на письмо Гейден», не вдаваясь в специальные текстологические вопросы.

⁷⁹ Там же. С. 408.

⁸⁰ Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 530.

Местоположение дома чрезвычайно выигрышно. Выходя своим фасадом на два проспекта, он одновременно фактически является частью ансамбля Дворцовой площади. Прямо наискосок от него, в непосредственной видимости, располагается Зимний дворец — главная резиденция российских Императоров. Для нашего дальнейшего изложения это обстоятельство оказывается исключительно важным.

В середине XIX в., а если быть точнее, то в 1849 г., купец 2-й гильдии итальянский подданный Джузеппе Дациаро открыл в первом этаже дома Греффа эстампный магазин. Его наследники владели этим магазином еще в начале XX в. У широких витрин магазина Дациаро всегда толпился народ, разглядывая выставленные в них для привлечения покупателей эстампы, литографированные виды Петербурга и Москвы, портреты августейших особ. Впрочем, возможно, художественная продукция фирмы Дациаро занимала далеко не всех, кто останавливался близ витрин эстампного магазина...

О потрясающем сюжете, рожденном фантазией великого художника и моралиста, в котором завязываются в трудноразрешимый узел политические реалии и нравственные коллизии времени, а событие совершается непосредственно перед витринами магазина Дациаро, и пойдет далее речь. Причем о сюжете, — подчеркнем это сугубо, — который возник не столько в творческом воображении Достоевского, будучи предназначенным для воплощения на страницах нового литературного произведения, сколько в его больной совести, с которой писатель в очень непростом для его морального сознания вопросе мучительно не мог найти примирения.

Алексей Сергеевич Суворин, известный петербургский литературный и театральный деятель, драматург, критик и журналист, издатель популярной газеты «Новое время», был в последние годы жизни Достоевского среди немногих наиболее близких к нему людей. Оказавшись одним из первых в квартире писателя в вечер его смерти, Суворин опубликовал в своей газете самый проникновенный некрологический очерк, посвященный памяти гениального романиста, назвав его просто и строго — «О покойном»⁸¹. И позднее он печатал в периодических изданиях свои разрозненные воспоминания о Достоевском. Но далеко не все, что Суворин хранил в своей памяти, было напечатано и увидело свет при его жизни.

В Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве хранится и по сей день еще не полностью опубликованный объемистый дневник А. С. Суворина. Среди его трудночитаемых записей под 1887 г. находится мемуарная

---

⁸¹ См.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 465-473.

заметка, посвященная памяти Достоевского. В ней автор дневника вспоминает эпизод их беседы с автором «Братьев Карамазовых», произошедшей, если ему не изменяет память, 20 февраля 1880 г.

«В день покушения Млодецкого на Лорис-Меликова я сидел у Ф. М. Достоевского», — начинает Суворин.⁸² Для сегодняшнего читателя эти имена и это событие нуждаются в комментарии. Конец 1870-х гг. в России был началом жуткой эпохи, когда страну захлестнула кровавая волна народнического террора. Революционная партия «Народная воля» начала охоту на Александра II, которая 1 марта 1881 г. закончилась гибелью императора от руки бомбометателя Игнатия Гриневицкого (также получившего смертельное ранение во время террористического акта). Жертвами покушений становились и другие высшие чиновники империи. 24 января 1878 г. террористка Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова. 2 апреля 1879 г. земледелец Александр Соловьев совершил неудавшееся покушение на российского самодержца Александра II. 5 февраля 1880 г. народоволец Степан Халтурин организовал взрыв в подвальном помещении Зимнего дворца, под столовой, где должен был проходить обед императора с его гостем — принцем Гессенским. Только по чистой случайности ни Александр II, ни его окружение не пострадали. Но погибли одиннадцать нижних чинов лейб-гвардии Финляндского полка из императорской караульной службы: фельдфебель, унтер-офицер, два ефрейтора, горнист и шестеро рядовых. На Смоленском православном кладбище их похоронили в братской могиле.

Вера Засулич была оправдана присяжными заседателями и освобождена из-под стражи прямо в зале Петербургского окружного суда к восторгу большинства присутствовавших на процессе. Александр Соловьев был осужден и повешен. Степан Халтурин после совершенного покушения в Зимнем дворце скрылся, в 1882 г. участвовал в убийстве в Одессе военного прокурора генерала Стрельникова, был арестован и тоже повешен.

За пять дней до беседы Достоевского с Сувориным, 15 февраля 1880 г., был опубликован Указ об учреждении Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Главным начальником ее был назначен граф Михаил Таризлович Лорис-Меликов (в ближайшем будущем министр внутренних дел), наделенный беспрецедентными полномочиями.

---

⁸² Суворин А. С. Дневник. М.: Новости, 1992. С. 15 (далее текст Дневника цитируется по этому изданию без указания страницы).

Посетившая Достоевского 15 февраля писательница С. И. Смирнова-Сазонова кратко записала в дневнике содержание разговора с писателем во время этого ее визита на Кузнечный: «Говорил [Достоевский] о верховной комиссии, о том, как Лорис-Меликов будет ловить революционеров...»⁸³. Эта деталь нам еще пригодится.

20 февраля, в день, который вспоминает в своих дневниковых заметках А. С. Суворин, террорист-одиночка Ипполит Млодецкий выстрелом из револьвера ранил едва приступившего к исполнению своих обязанностей главного начальника Верховной распорядительной комиссии Лорис-Меликова. По утверждению Суворина, во время встречи ни он, ни Достоевский еще ничего не знали о сегодняшнем покушении. Тем не менее речь у них зашла о политическом терроризме. В частности, разговор коснулся недавнего взрыва в Зимнем дворце. «Обсуждая это событие, Достоевский остановился на странном отношении общества к преступлениям этим. Общество как будто сочувствовало им или, ближе к истине, не знало хорошенько, как к ним относиться», — записал в дневнике свои давние впечатления от этой беседы Суворин.

Вдруг Достоевский сказал: «Представьте себе, что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: „Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину“. Мы это слышим. Представьте себе, что мы это слышим, что люди эти так возбуждены, что не соразмеряют обстоятельств и своего голоса». «Как бы мы с вами поступили, — обращается Достоевский к Суворину. — Пошли ли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились бы к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?»

Суворин записывает этот разговор спустя семь лет после того, как он состоялся. Но его волнение и волнение его собеседника ощутимо прослушивается в этой позднейшей записи.

«— Нет, не пошел бы... — отвечает он.

— И я бы не пошел, — вторит ему Достоевский. — Почему? Ведь это ужас. Это — преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить. Я вот об этом думал до вашего прихода... Я перебрал все причины, которые заставляли бы меня это сделать. Причины основательные, солидные, и затем обдумал причины, которые мне не позволяли бы это сделать. Эти причины — прямо ничтожные. Просто — боязнь

⁸³ Мостовская Н. Н. Достоевский в дневниках С. И. Смирновой (Сазоновой) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 275.

прослыть доносчиком. Я представлял себе, как я приду, как на меня посмотрят, как меня станут расспрашивать, делать очные ставки, пожалуй, предложат награду, а то заподозрят в сообщничестве. Напечатают: „Достоевский указал на преступников“. Разве это мое дело? Это дело полиции. Она на это назначена, она за это деньги получает. Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально? У нас все ненормально, оттого все это происходит, и никто не знает, как ему поступить не только в самых трудных обстоятельствах, но и в самых простых».

Удивительные вопросы! И удивительные признания! Ведь перед нами Достоевский, создатель антинигилистического романа «Бесы», который радикальная пресса как раз и заклемила как *донос* автора на молодое поколение революционеров, его *сотрудничество* с властью, а другой — издатель газеты «Новое время», печатного органа, числившегося в авангарде охранительного направления! И ведь не вымышленные романистом, а реальные погибшие от бомбы Халтурина одиннадцать нижних чинов Финляндского полка, ни в чем не повинные простые русские мужички в солдатской форме к моменту беседы с Сувориным *уже лежали* в братской могиле на Смоленском кладбище... Однако, с другой стороны, и Александр Соловьев, террорист, покушавшийся на жизнь помазанника Божия Александра II *уже казнен* повешением на Смоленском поле, традиционном месте публичных казней на Васильевском острове, и его тело зарыто без знаков погребения на острове Голодай... «Убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем самое преступление. Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье. Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу или как-нибудь, непременно еще надеется, что спасется, до самого последнего мгновения. <...> А тут, всю эту последнюю надежду, с которою умирать в десять раз легче, отнимают *наверно*; тут приговор, и в том, что наверно не избежешь, вся ужасная-то мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете. <...> Нет, с человеком так нельзя поступать!»⁸⁴ — ведь это тоже написано Достоевским, автором романа «Идиот». И говорит это князь Мышкин, близкий автору «положительно прекрасный человек»...

Вот коллизия, лежащая в основе бурных нравственных переживаний, которые вызвала в душе Достоевского воображаемая сцена у витрин магазина Дациаро. Этот вымышленный эпизод даже в передаче А. С. Суворина обрисован так выразительно, что есть исследователи, которые готовы допустить, что подслушанный разговор двух террористов, заложивших бомбу под Зимним дворцом, не является лишь плодом

---

⁸⁴ ПСС. Т. 8. С. 20-21.

творческой фантазии Достоевского... Напомним: беседа с Сувориным происходит спустя две недели после взрыва, организованного Степаном Халтуриным. И известно, что, когда Халтурин поджег фитиль «адской машины» и вышел из дворца, его поблизости поджидал Андрей Желябов. Где поджидал? Дом № 1 по Невскому проспекту является ближайшим из жилых домов при движении через площадь от Зимнего. И от витрин Дациаро исключительно удобно наблюдать за происходящим во дворце...

Можно, однако, заметить и другое. Обрисованную Достоевским в феврале 1880 г. ситуацию мы находим в его творческих записях еще *за десять лет* до взрыва в Зимнем дворце. В подготовительных материалах к роману «Бесы» можно прочесть:

«Донести: если б Каракозов, зная за два часа, донесли бы вы?

Грановский говорит „нет“, варьируя и лавируя в ответ.

— Даже и не участвуя в заговоре — но узнав про намерения?

— Нет, не донес бы.

— Ш<атов>: А я донесу; это неестественно»⁸⁵.

Грановский здесь — это романый Степан Трофимович Верховенский. Вопросы — те же самые, что Достоевский обсуждал с Сувориным, — задает ему Шатов. Он же дает и последний ответ. Политические реалии в этом наброске другие: покушение Дмитрия Каракозова на Александра II в апреле 1866 г. Но нравственная коллизия одна и та же.

Однако есть и важное различие. В одном случае проблему обсуждают вымышленные персонажи писателя, в другом — с болью и мукой «проклятые» вопросы ставит перед своей совестью сам Достоевский. То, что они вновь и вновь возникают в его сознании на протяжении десяти, а то и пятнадцати лет, обнаруживает, как глубоко в нем сидит эта «заноза».

«Представьте себе...», — говорит Достоевский Суворину, начиная изложение сцены у магазина Дациаро. Характерно, что собственное духовное борение он *воплощает в воображаемом сюжете*. И, вдумываясь в эту ситуацию, мы получаем возможность лучше понять природу творческих импульсов великого романиста — создателя «Идиота», «Бесов» и «Братьев Карамазовых».

Но есть в этой теме и еще один поворот: сугубую злободневность описанному разговору придает то обстоятельство, что происходит он вскоре, буквально через

---

⁸⁵ ПСС. Т. 11. С.

несколько дней, после того, как была учреждена Верховная распорядительная комиссия и назначен ее начальник М. Т. Лорис-Меликов.

Одновременно с обнародованием Указа об учреждении Комиссии ее глава выступил в «Правительственном вестнике» с обращением «К жителям столицы». В нем были такие примечательные слова: «Убежден, что встречу поддержку всех честных людей, преданных Государю и искренно любящих свою родину, подвергшуюся ныне столь незаслуженным испытаниям... На поддержку общества смотрю как на главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению правильного течения государственной жизни, от перерыва которого наиболее страдают интересы самого общества»⁸⁶. Лорис-Меликов собирался «ловить революционеров» (тема разговора Достоевского со Смирновой-Сазоновой) при поддержке «всех честных людей, преданных Государю и искренно любящих свою родину». Смоделированная писателем в разговоре с А. С. Сувориным ситуация «у витрин магазина Дациаро» обнаруживала — причем в самой парадоксальной форме, схожей с той, которую Достоевский создавал в своей романной прозе, — что проектам власти вряд ли суждено исполниться. Как и в художественном творчестве писателя, идеи времени проверялись полнотой самоощущения личности современного человека. Особую остроту данному случаю придавало то обстоятельство, что здесь речь шла о личностях не вымышленных персонажей, а таких незаурядных исторических деятелей, как Достоевский и Суворин...

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ ВО ВРЕМЕНА ДОСТОЕВСКОГО

Раньше чем мы двинемся дальше от дома № 1 по направлению к Полицейскому мосту, имеет смысл кратко коснуться некоторых особенностей Невского проспекта эпохи Достоевского, которые не связаны с тем или иным конкретным местом этой «главной коммуникации Петербурга», как назвал Невский Н. В. Гоголь, а характеризуют его исторический облик в целом.

Первое, что здесь стоит отметить, — это покрытие мостовых. Сегодня для петербуржцев привычно, что проезжая часть всех городских улиц, и Невского проспекта в их числе, закатана в асфальт. Однако так было далеко не всегда. Вообще асфальт стал широко использоваться для покрытия мостовых в Петербурге (Ленинграде) лишь в 30-е годы XX в., хотя опыты асфальтирования отдельных участков имели место и в первой половине позапрошлого столетия. Но тогда технологии

---

⁸⁶ Правительственный вестник. 1880. 15 февраля.

нанесения асфальтного покрытия были несовершенными, асфальт оказывался недолговечным, и от его использования скоро отказались. Более надежными оказались булыжные мостовые; с середины XIX в. стали появляться диабазовые мостовые (кое-где они продержались до 1970-х гг., и их хорошо помнят петербургские старожилы). Однако на Невском проспекте, особенно в его начальной, аристократической части, почти целое столетие существовала так называемая *торцевая мостовая*.

Торцевую мостовую еще называют «гурьевской» — по имени изобретателя инженера В. П. Гурьева. Она представляла собою своеобразный «уличный паркет», так как состояла из шестигранных деревянных (сосновых) шашек, плотно пригнанных одна к другой и осмоленных затем горячим битумом. В отличие от булыжной, торцевая мостовая была очень удобна: езда по деревянным шашкам была почти бесшумна, лошадиные копыта не страдали, а седоки в экипажах чувствовали себя весьма комфортно.

Впервые на Невском проспекте торцевую мостовую уложили в конце 1820-х — начале 1830-х гг. Когда в мае 1837 г. Достоевский появился в Петербург, торцевая мостовая на Невском была проложена от Дворцовой площади до Аничкова моста. Далее до Знаменской площади и затем по Старому Невскому до Александро-Невской лавры проезжая часть была вымощена булыжником.⁸⁷ Для коренных москвичей, прежде никогда не бывавших в северной столице, торцевая мостовая была диковинкой. В Москве ничего подобного еще не видали (да и в Петербурге подобных мостовых было всего несколько: кроме Невского — на Большой Морской, Садовой, Караванной улицах и некоторых других). И мы уже упоминали «восторженные рассказы» московским родственникам «папеньки» Достоевского после возвращения из Петербурга в 1837 г. именно о «торцевых мостовых».

Для точности стоит отметить, что деревянными шашками выкладывали не всю проезжую часть. На некоторых старых картинах, гравюрах и фотографиях хорошо видно, что самый центр проспекта, а также зоны, примыкавшие к тротуару, были вымощены булыжником. В результате мостовая Невского проспекта получалась «полосатой». В начале XX в. эту особенность главной магистрали Петербурга отметил в своих стихах Владимир Маяковский, писавший:

И по Невскому мира, по лощенным полóсам его
Профланирую шагом Дон-Жуана и фата.

---

⁸⁷ К концу XIX в. торцевая мостовая существовала уже до Знаменской площади.

В аристократической части Невского проспекта, от Дворцовой площади вплоть до Аничкова моста, пешеходные тротуары еще с конца XVIII в. были выложены гранитными плитами. «...Обнаженный мокрый гранит тротуаров»⁸⁸ Достоевский упоминает в «Петербургской летописи» — еженедельном фельетоне, который в 1847 году он некоторое время вел в «Санкт-Петербургских ведомостях». За Фонтанкой же эти плиты были уже попроще — из известняка. «Они возвышаются несколько над мостовой; в больших улицах весьма широки и повсюду к стороне мостовой обсажены чугунными столбиками на расстоянии двух сажен один от другого»⁸⁹, — описывал в 1834 г. тротуары центральной части города в многотомной «Панораме Санкт-Петербурга» обозреватель северной столицы Александр Башуцкий. Упомянутые «чугунные столбики» были крайне невелики и возвышались над уровнем мостовых не более чем на 20–25 см. Полицейский мост через Мойку, первый, который встретится нам по пути, был выложен гранитными плитами во всю ширину; пешеходные проходы на нем были отделены от проезжей части невысокими перилами. Следующие по ходу движения Казанский и Аничков мосты были вымощены, как и вся улица, деревянными шашками.

Говоря о Невском, каким его впервые увидел Достоевский в 1837 г., необходимо отметить еще одну черту. В 1830-е гг. на всем его протяжении от Полицейского до Аничкова моста по обеим обочинам проспекта стояли аккуратные ряды небольших липок. Лишь перед Казанским собором и Александринским театром по правой стороне, где монументальные постройки отнесены вглубь от красной линии, образуя обширные площади, раскрытые к Невскому проспекту, и перед соборами св. Петра и св. Екатерины — по левой, стройная линия деревьев прерывалась, чтобы не мешать обзору величественных зданий. По той же причине не было липовой посадки и перед выходящим на проспект фасадом Аничкова дворца (но далее до Фонтанки, вдоль здания кабинета Его Императорского Величества, ряд деревьев был продолжен).

Однако такую картина Невского проспекта была лишь в самые первые годы пребывания Достоевского в столице. В 1841 г. деревья, по распоряжению императора Николая I, были сняты на всем протяжении проспекта. Даже перед Гостиным Двором, где Невский достигает своей максимальной ширины и где изначально вместо одной линейки деревьев был устроен бульвар в два ряда липок, посадка деревьев была ликвидирована и вновь возникла лишь в 1897 г., то есть спустя полвека после ее

⁸⁸ ПСС. Т. 18. С. 16.

⁸⁹ Башуцкий А. Панорама Санкт-Петербурга. СПб., 1834. Ч. 2. С. 137-138)

уничтожения.⁹⁰ Таким образом, за вычетом лишенного зелеными посадок «пустопоржного места» перед фасадом Гостиного двора и еще за одним-двумя исключениями, о которых скажем ниже, общая ситуация с зелеными насаждениями на Невском сохраняется и по сей день такой же, как она была при Достоевском.

Для точности заметим только, что в 1870-е годы претерпела изменения зеленая зона между Публичной библиотекой и павильонами Аничкова дворца. Достоевский нигде не упоминает об этом ни в своих произведениях, ни в переписке, но перемены здесь совершались на его глазах. Сквер перед Александринским театром был спланирован и разбит одновременно с его постройкой, однако в первые десятилетия в нем рос лишь декоративный кустарник. А вот когда в 1873 г. в его центральной части установили памятник Екатерине II, сквер перепланировали и в нем появились уже «серьезные» деревья. Правда, первоначально высаженные дубки не прижились, и в 1878 г. было предпринято переустройство сквера. Новые посадки осуществлялись в течение следующих двух лет. Тогда же были установлены «новые решетки с четырьмя воротами, декорированными позолоченными вензелями Екатерины II»⁹¹. Именно в это время сквер, который с 1873 г. получил официальное название Екатерининский, приобрел свой окончательный вид. Таким его мог видеть Достоевский в последний год своей жизни. Таким в общих чертах его видим сегодня и мы.

Исключением же, упомянутым выше, является сквер перед Казанским собором. Он был разбит только в самом конце XIX в. (в 1899–1900 гг.). При Достоевском же здесь не было никаких зеленых насаждений. Без привычных нам сегодня кустов и лужаек, без оградки, отделяющей сквер от проспекта, в XIX в. от собора до Невского пролегал открытая обширная площадь, отделенная от проезжей части только гранитными плитами тротуара.

Около Полицейского моста до начала 1860-х годов находилась *полицейская будка* (в 1862 г. будки будут упразднены по всему городу). Она представляла собою небольшой деревянный (отапливаемый) домик, раскрашенный наискось («елочкой») белыми и красно-коричневыми полосами. В будке размещался нижний полицейский чин — будочник, — обязанностью которого было наблюдать за общественным порядком, или, как тогда выражались, «благочинием». Вооружением его были тесак, крепившийся на поясе, и уже вполне архаичная в середине XIX в. алебарда. Следующая полицейская будка на Невском располагалась близ Казанского моста, еще две — на

---

⁹⁰ См.: *Веснина Н. Н.* Сады Невского проспекта. СПб., 2008. С. 134.

⁹¹ Там же. С. 147.

углах Гостиного двора (у Перинной линии и у Садовой). Очередная будка стояла за Аничковым мостом, близ так называемого «литературного дома» (в 1845–1846 гг. Достоевский часто навещался в этот дом, посещая В. Г. Белинского). Далее на Невском, вплоть до Лиговского канала, будок не было, но их можно было найти поблизости, завернув на Литейный проспект или в Знаменскую улицу. В 1862 г. в Петербурге будочников заменили городовыми. На Невском проспекте было несколько точек, например на мостах, где городовые находились круглосуточно, сменяя друг друга в три смены.

В 1837 г. приехавший в Петербург Достоевский еще мог застать на главной магистрали столицы *масляные фонари*. «Далее, ради Бога, далее от фонаря! — писал в повести „Невский проспект“ Н. В. Гоголь, — и скорее, сколько можно скорее проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом...»⁹² Однако, что же в этом случае должно почитать за «несчастье», автор по рассеянности читателю не сообщает. Но в другом месте, изображая, как будочник (видимо, по совместительству, так как в городе был изрядный штат фонарщиков) карабкается по приставленной лестнице зажигать фонарь, Гоголь отмечает, что тот приступает к этой операции, «накрывшись рогожею»⁹³. Значит, действительно опасность получить жирные пятна на одежду, находясь вблизи масляных фонарей, была вполне реальной.

Впрочем, Достоевский с отцом и братом приехали в столицу в середине мая, а по распоряжению городских властей фонари зажигали (в целях экономии) лишь с августа по апрель. Так что, по крайней мере в этом отношении, первые прогулки Достоевских по Невскому проспекту были вполне безопасны...

В 1839 г., когда Достоевский учился в Главном инженерном училище, масляные фонари на Невском заменили на газовые. Очень долгое время газовое освещение в Петербурге было только в центре и воспринималось как примета европейской столицы. Литератор Петр Горский, знакомый братьев Достоевских, печатавшийся в их журнале «Эпоха», и четверть века спустя, в 1863 г., писал в рассказе «Бездольный»: «...мы выстроили громадные дома, устроили великолепные магазины, *провели по улицам газ*, чтобы показать всем, что у нас есть то, что в Париже и Лондоне, что мы не отстаем от Европы»⁹⁴. Первые опыты уличного электрического освещения в Петербурге состоялись еще в 1879 г., но электрические фонари на Невском проспекте — от Мойки

⁹² Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 3. С. 37.

⁹³ Там же. С. 11.

⁹⁴ Горский П. Н. Сатирические очерки и рассказы: В 2 т. СПб, 1864. Т. 2. С. 36 (Курсив мой. — Б. Т.).

дл Фонтанки — установили только после смерти Достоевского, в 1883–1884 гг.⁹⁵ Таким образом, за исключением двух первых лет, на протяжении всей жизни писателя в Петербурге Невский освещался *газовыми фонарями*.

Скажем теперь несколько слов о Невском проспекте как главной транспортной магистрали столицы. Мы не очень погрешим исторической точностью, если предположим, что и в 1830-е гг., когда Достоевский приехал в Петербург, и в начале 1880-х — в последние годы его жизни, общая картина городского транспорта была в принципе одной и той же. Представители высшего света, титулованные особы, крупные администраторы, как правило, имели собственные выезды. Летом это были кареты, запряженные парой или четверкой лошадей; зимой обычно пересаживались в сани. Свои выезды были и у крупных промышленников. Горожане попроще, среднего и низшего классов, пользовались извозчичьими дрожками, кучер которых, управлявший одной слабосильной лошадкой, именовался в народе «ванька». С 1840-х гг городские рессорные дрожки получили название «пролетные» или еще проще — «пролетки». Они имели подъемный верх от дождя и кожаный фартук для ног седока. В пролетку обычно помещались два человека.⁹⁶ Четырехместные дрожки назывались «линейкой». Если в коляску посolidнее была впряжена пара или тройка рысаков, а экипаж был на шинах, то кучер уже именовался «лихач». Существует мемуарное свидетельство, приуроченное к 1860-м гг., сообщающее, что Достоевский любил кататься по Невскому на «лихаче»⁹⁷.

Нанять «ваньку» или «лихача» можно было на особой стоянке, которая именовалась извозчичьей «биржей». Но «ваньку» (в отличие от «лихача» — кучера-«аристократа» «с щегольской закладкою»), конечно же, можно было подзвать и с ближайшего перекрестка. На извозчичьей бирже можно было на целый день нанять и так называемую «ямскую карету». Горожане среднего достатка, не имевшие своего экипажа, пользовались этой услугой в особых случаях. В первый день действия повести «Двойник» такую «голубую извозчичью карету с какими-то гербами» (за 25 рублей

⁹⁵ См.: *Чеснокова А. Н.* Невский проспект. Л., 1985. С. 61-62.

⁹⁶ Рассказывая о своем первом приезде в Петербург в 1842 г., младший брат Достоевского Андрей Михайлович упоминает, что, приехав в мальпосте к Петербургскому почтамту, они далее поехали «на извозчиках» — по Большой Морской и Невскому — в Караванную, где, близ Манежа, тогда квартировал Федор Михайлович. Ехали они втроем (из Москвы Андрея сопровождал старший брат Михаил), поэтому и должны были взять *двух извозчиков* (см.: *Достоевский А. М.* Воспоминания. СПб., 1992. С. 115).

⁹⁷ «Узнав, от меня, что я люблю быструю, бешеную езду, — вспоминает мемуаристка Аделаида Шиле, — он [Достоевский] часто катал меня на „лихаче“. „Поезжай, чтобы дух захватывало“, — приказывал он извозчику» (*Шиле А. Г.* Памяти Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 174). Из слов мемуаристки: «Часто назначал он мне встречи в книжном магазине Базунова» и «После катания Достоевский угощал меня шоколадом в кондитерской Вольфа у Полицейского моста» — заключаем, что катание на «лихаче» происходило именно на Невском проспекте.

ассигнациями), к вящему удивлению сослуживцев, заказывает себе герой Достоевского Яков Петрович Голядкин. Маршрут его пролегал, как помнит читатель, через Малую Итальянскую улицу и Литейный проспект как раз на Невский к Гостиному двору.

Такова была общегородская картина транспортной жизни Петербурга эпохи Достоевского. Но Невский проспект отличался тем, что именно на нем впервые в XIX в. появился *общественный транспорт*. В «Петербургской летописи» от 27 апреля 1847 г. Достоевский упоминает, что «на Невском проспекте процветают новые омнибусы». Действительно, весной 1847 г. это была шумная городская новость, о которой писали все газеты. Омнибус — это многоместная общественная карета, запряженная парой или четверкой коней, в которой помещалось 10-16 человек (вход в вагон обычно располагался сзади, там же находился и кондуктор). Позднее у некоторых омнибусов стали устраивать на крыше огороженную открытую площадку — так называемый «империал», посреди которого стояла двусторонняя скамья. Пассажиры на ней сидели спинами друг к другу. Подъем на империал был по крутой, почти отвесной лестнице. Поэтому дамам езда на империале была запрещена. Кроме того в омнибусах вообще воспрещалось ездить низшим воинским чинам, крепостным и учащимся. Этот запрет был отменен только в 1856 г., и то частично (для юнкеров и подпрапорщиков).

Первый маршрут омнибусов в Петербурге проходил по Невскому проспекту от Знаменской площади к Адмиралтейству. На «борту» омнибуса красовалась надпись: «Карета Невского транспорта». В 1865 г. в столице было уже пять маршрутов омнибусов. Один из них пролегал с Песков (район Рождественских улиц) по Невскому проспекту до Адмиралтейской площади. Стоимость проезда была 5 копеек. Еще два маршрута пересекали Невский. Первый из них — от Военно-сухопутного госпиталя (на нынешнем Суворовском проспекте) шел через Бассейную, Караванную и Садовую улицы к Покровской церкви на одноименной площади. Второй — от Таврического сада по Кирочной улице, Литейному и Загородному проспектам до Троицкой церкви в Измайловском полку. Два другие маршрута вели на Васильевский остров и Петербургскую сторону.⁹⁸

В начале 1860-х гг. конкуренцию омнибусам составил другой вид *общественного транспорта* — конно-железная дорога, получившая в народе наименование «конка». Фактически это была рельсовая разновидность все того же омнибуса. Кареты конки были английской конструкции, рассчитанные на 20 мест внутри и 20 мест на империале. Первые рельсы для конки были проложены по

---

⁹⁸ См.: Путеводитель по С.-Петербургу / Сост. А. П. Червяков. СПб., 1865. С. 259.

Невскому проспекту. Здесь 27 августа 1863 г. началось регулярное движение. Конка на Невском была одноколейной, поэтому в четырех местах были сделаны технологические разъезды для пропуска встречных карет. Скорость конки обычно не превышала 10 верст в час. В вечернее время перед дверьми вагона и на крыше зажигались масляные или керосиновые фонари.

Очень быстро были проложены еще два маршрута. К 1865 г. конка ходила уже по трем направлениям, и все они так или иначе были связаны с Невским. Первый, основной, как и маршрут омнибуса, проходил от Знаменской площади (Николаевского вокзала) до Адмиралтейства, делая остановки у Литейного, у Гостиного двора и у Большой Морской. Стоимость проезда была также определена в пятак (на империале — 3 коп.). Второй маршрут как бы продолжал первый: конка шла от Адмиралтейской площади через Николаевский мост до 6-й Линии Васильевского острова. Третий маршрут начинался у Гостиного двора и по Садовой (с остановкой на Сенной площади) шел до Никольского рынка. Конка отправлялась с конечной станции каждые полчаса.⁹⁹ К 1877 г. в Петербурге было уже 27 маршрутов конки. Цвет вагонов каждого маршрута был разный. По Невскому ходили вагоны темно-синего (позже — красного) цвета.

В течение сорока с лишним лет, вплоть до первого десятилетия XX в., когда на смену и омнибусам, и конке пришли трамваи, два эти вида *общественного транспорта* являлись неременной приметой городского пейзажа на Невском проспекте.

ЗДЕСЬ ЖИЛ ПЕРСОНАЖ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Следующим на нашем маршруте будет дом № 4, который, с точки зрения специалистов по архитектуре, по внешнему облику является «самой неинтересной постройкой в парадной части» Невского проспекта.¹⁰⁰ Такая суровая оценка во многом справедлива. Нас, однако, интересуют не художественные достоинства рассматриваемых зданий, а их связь с именем Достоевского, поэтому заострим внимание на том, что, за исключением надстройки в XX в. пятого этажа, дом этот сохранил свою историческую «физиономию» в том виде, каким в 1870-е гг. его видел автор «Братьев Карамазовых».

Впрочем, здесь нас будет интересовать не последний шедевр Достоевского, а хрестоматийный роман «Преступление и наказание», созданный в 1860-е гг., поэтому в архитектурную справку необходимо внести небольшие уточнения. Два дома, позднее

⁹⁹ См.: Там же. С. 258.

¹⁰⁰ Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект: Дом за домом. М., 2009. С. 41.

объединенных в один, были построены на этом участке еще в 70-е гг. XVIII в. Когда в 1837 г. будущий писатель приехал в Петербург, это было уже единое здание, принадлежащее одному домовладельцу и в целом имеющее облик, достаточно близкий к современному.¹⁰¹ В 1860-е годы, которые в связи с этим адресом занимают нас в первую очередь, домом владел фабрикант Петр Андреевич Гамбс — один из четырех братьев Гамбсов, сыновей основателя знаменитой петербургской мебельной фабрики, имевшей с 1810 г. статус придворной и выполнявшей штучные, уникальные заказы для Императорского двора. При Гамбсе в начале 1870-х гг. для квартировавшего в этом доме комиссионера Императорской Академии художества Александра Беггрова в первом этаже было устроено литографическое заведение с выставочным павильоном и открыт магазин картин и эстампов. При этом во внешнем виде фасада были произведены некоторые изменения: так, например, были заложены левые ворота, сохранявшиеся еще от того времени, когда это были два отдельных дома, а также были осуществлены другие незначительные переделки. Впрочем, эти подробности, свидетельствующие о несущественном изменении облика дома на протяжении 1860–1870-х гг., к дальнейшему изложению не имеют какого-либо отношения. Приводим их исключительно из любви к исторической точности, поскольку на Невском проспекте не так уж много домов, сохранивших свой внешний вид со времен Достоевского.

Один из жильцов дома П. А. Гамбса, проживавший в квартире № 1, художник А. И. Беггров нами уже был упомянут.¹⁰² Теперь подошло время назвать его соседа, жительствовавшего в кв. № 2. Согласно адресной книге 1860-х гг.¹⁰³ им являлся адвокат или, как в те годы чаще говорили, присяжный стряпчий Павел Петрович Лыжин. Лицо это имеет прямое отношение к главному герою нашей книги.

В архиве А. Г. Достоевской, находящемся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, сохранилась повестка из полицейского квартала Казанской части, где в это время квартировал Достоевский, сообщавшая о назначенной на 6 июня 1865 г. описи имущества писателя за неплатеж по просроченным векселям. Документ гласил:

¹⁰¹ Это хорошо видно на литографии И. А. и П. С. Ивановых, выполненной в 1830–1835 гг. по акварели В. С. Садовникова (см.: Панорама Невского проспекта. СПб., 2003. С. 17 и 18). Владельцем дома в 1830–1840-е гг. был отставной придворный метрдотель Август Петилье.

¹⁰² Его не надо смешивать с известным художником-маринистом А. К. Беггровым, его двоюродным братом, который наследовал магазин и литографическую мастерскую А. И. Беггрова после смерти последнего в 1878 г. (см.: Шульц С. С. *мл.* Невская перспектива: Ландскрона. Ниеншанц. Санкт-Петербург. Пропилеи Невского проспекта. Невский проспект от Адмиралтейства до Мойки. СПб., 2004. С. 645).

¹⁰³ Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтою. СПб., 1867–1868. Отд. III. С. 290; Отд. IV. С. 4.

«От управления 3 квартала Казанской части сим извещается подпоручик Федор Михайлович Достоевский, что по случаю неплатежа крестьянину Семену Матвееву Пушкину и присяжному стряпчему Павлу Лыжину по векселям первому 249 руб. с процентами и последнему 450 руб. 6-го числа сего месяца в 12 ½ часов утра назначена опись Вашего имущества; почему Вы обязываетесь в назначенное время находиться в своей квартире и ожидать прибытия полиции; в противном же случае опись будет произведена и без бытности Вашей.

За надзирателя *Макаров*

Июня 5 дня 1865 г.»¹⁰⁴.

Достоевский в это время находился в исключительно бедственном положении. В июне прошлого, 1864 г. скоропостижно скончался его старший брат Михаил, вместе с которым они издавали журнал «Эпоха». Идейным вдохновителем и фактическим руководителем издания был, конечно же, Федор Михайлович. Но ему как бывшему политическому заключенному, к тому же находившемуся под негласным полицейским надзором, нельзя было быть издателем и редактором журнала. Эти официальные функции принял на себя Михаил Михайлович, который также вел финансовые дела издания. После смерти брата Достоевский перевел на себя все долги по «Эпохе». А долги эти — типографиям, бумажным фабрикам иным кредиторам — были нешуточные: к началу 1865 г. у писателя, пытавшегося в одиночку продолжать издавать журнал, было более 13 тысяч личного вексельного долга, а также много долгов «под честное слово». Несмотря на все колоссальные усилия Достоевского, после выхода февральской книжки «Эпохи» за 1865 г. издание обанкротилось и прекратило существование. К имевшимся ранее долгам прибавились долги перед подписчиками. Сразу же после краха журнала к Достоевскому потянулись кредиторы, требовавшие возвращения долгов. Невзирая на объяснения писателя о том, что это не его долги, а брата, просьбы и мольбы повременить, кредиторы один за другим начали опротестовывать векселя. Достоевскому грозила долговая тюрьма...

Опись имущества за неплатеж по векселям крестьянину Пушкину и стряпчему Лыжину — лишь один из эпизодов этой драматической истории.

Крестьянин Семен Пушкин также жил на Невском, только в другой его части, за Фонтанкой и Литейным проспектом. Его адрес сохранился в записной книжке Достоевского. Адреса Лыжина ни в этой, ни в другой книжке писателя нет. Но далеко

¹⁰⁴ Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах. М.; Л., 1935. С. 149.

не все из них дошли до нашего времени. Не подлежит сомнению, что стремясь если не уладить, то как-то смягчить свое финансовое положение, отсрочить платежи по векселям, Достоевский не однажды посещал своих кредиторов. Должен он был в этой связи навещать и П. П. Лыжина в доме Гамбса на Невском проспекте.

Кстати, почему именно адвокат Павел Лыжин явился одним из заимодавцев Достоевского? Если вспомнить, что по большинству векселей писатель должен был выплачивать не свои долги, а брата Михаила Михайловича, то это обстоятельство дает возможность выдвинуть мотивированную гипотезу.

В 1850-е гг. М. М. Достоевский был известен в Петербурге не столько как литератор, некогда выступавший в печати с драматическими произведениями и переводами из немецких авторов (Гете, Шиллера), сколько как преуспевающий табачный фабрикант. Однако в 1860 г., чтобы получить необходимые средства для издания журнала, он продал свой табачный бизнес, но вплоть до этого времени его табачные и сигарные магазины (особенно славились папиросы с сюрпризами, являвшиеся «фирменным знаком» М. М. Достоевского) располагались в разных частях столицы. Один из них находился на Невском проспекте, в доме Эмилии Фольборт (соврем. № 6), соседнем с домом Гамбса. Если допустить (а почему бы и нет?), что адвокат Павел Лыжин был заядлым курильщиком и, следовательно, частым покупателем в магазине Михаила Достоевского, — то вот и необходимая нам ниточка, потянув за которую, можно найти правдоподобный ответ на вопрос: как и где могли познакомиться, а затем и вступить в финансовые отношения два интересующих нас лица — П. П. Лыжин и М. М. Достоевский.

Сказанным, однако, нельзя ограничиться, так как стряпчий Павел Петрович Лыжин интересен для нас не только и не столько как один из многочисленных кредиторов Достоевского, сколько как *реальный прототип* адвоката Петра Петровича Лужина — жениха Дунечки Раскольниковой в романе «Преступление и наказание». Первым на Лыжина как прототипа Лужина указал еще в 1935 г. Л. П. Гроссман.¹⁰⁵ Показательно, что в черновых набросках этот персонаж дважды открыто назван *Лыжин*.¹⁰⁶ Как остроумно заметил другой исследователь, М. С. Альтман, то, о чем Лужин в романе еще только мечтает — «открыть в Петербурге публичную адвокатскую контору», — его прототип уже осуществил.¹⁰⁷ Кстати, если вернуться к повестке из

¹⁰⁵ См.: Гроссман Л. П. Город и люди «Преступления и наказания» // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1935. С. 7, 36-37.

¹⁰⁶ ПСС. Т. 7. С. 94, 136.

¹⁰⁷ См.: Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен. Саратов, 1975. С. 172.

полицейской конторы, благодаря которой мы узнали, что стряпчий Павел Лыжин был кредитором Достоевского, то показательно, что и два других лица, фигурирующих в этом документе, также стали прототипами персонажей «Преступления и наказания»: крестьянин Пушкин превратился в романе в содержателя распивочной Душкина (это ему маляр Миколка приносит в заклад найденные им сережки, которые, прячась в квартире второго этажа, обронил после преступления Родион Раскольников; в черновиках он тоже не однажды именуется именем своего прототипа). А подписавший повестку «за квартального» подпоручик Алексей Макаров послужил прообразом помощника квартального надзирателя «поручика Пороха», с которым у героя романа произошел конфликт в полицейской «конторе».¹⁰⁸ Эти наблюдения, приоткрывающие творческую лабораторию автора «Преступления и наказания», делают еще более доказательным указание Л. П. Гроссмана на Лыжина как прототип Лужина.

Надо полагать, что Достоевский, «склонный казнить своих врагов образными памфлетами»¹⁰⁹, наделил глубоко антипатичного жениха Авдотьи Романовны и нравственным обликом своего кредитора. Л. П. Гроссман, занимавшийся личностью П. П. Лыжина, установил, что в сентябре 1866 г., когда Достоевский работал над пятой частью «Преступления и наказания», имя адвоката Лыжина мелькнуло в прессе в связи с делом Дмитрия Каракозова. Подсудимым на этом судебном процессе «было предложено выбрать себе адвокатов. Худяков пожелал иметь защитником В. П. Гаевского, Ишутин — Д. В. Стасова, Юрасов — П. П. Лыжина»¹¹⁰. Однако последний — единственный из всех избранных подсудимыми адвокатов — от участия в процессе отказался. Можно предположить, что выбор 24-летнего Дмитрия Юрасова не был случайным и, подобно персонажу Достоевского, Павел Петрович в предшествующие годы также поддерживал отношения в среде «прогрессистов» с целью «забежать вперед и заискать у „молодых поколений наших“»¹¹¹, однако с изменением внутрисполитической конъюнктуры решил демонстративно порвать свои прежние с ними отношения. Впрочем, сам Лыжин объяснял свой отказ тем, что «он никогда не

¹⁰⁸ См.: Тихомиров Б. Н. Персонажи «Преступления и наказания» в романе и в жизни: Из наблюдений над прототипами Ф. М. Достоевского. Этюд первый: квартальный надзиратель Никодим Фомич // Достоевский: Дополнения к комментарию. М., 2005. С. 288-294.

¹⁰⁹ Гроссман Л. П. Город и люди «Преступления и наказания». С. 36.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ ПСС. Т. 6. С. 279.

занимался уголовными делами»¹¹², хотя и неискушенному в юриспруденции человеку ясно было, что это дело не столько уголовное, сколько политическое.

Мы, к сожалению, не располагаем портретом Павла Петровича Лужина, но как-то, когда стараешься представить его себе, невольно в воображении возникает образ Петра Петровича Лужина, как описал его Достоевский («чопорный, осанистый, с осторожною и брюзгливою физиономией»¹¹³) и как в фильме Льва Кулиджанова «Преступление и наказание» (1969) его великолепно исполнил замечательный актер Владимир Басов.

ДОСТОЕВСКИЙ НА СПИРИТИЧЕСКОМ СЕАНСЕ

Соседний дом № 6 по Невскому проспекту также сохранил до нашего времени (за исключением надстройки уже в XX в. пятого этажа) свой исторический облик таким, каким его видел Достоевский. Построенный по типовому проекту еще в 1770-е гг., он мало отличался от соседних домов № 4 и № 8. В 1830-е гг., когда его хозяином был купец 1-й гильдии Таль, фасад здания был несколько поновлен архитектором А. Ливеном в духе позднего классицизма, и последующие владельцы больше не предпринимали попыток каких-либо радикальных перестроек.

Со второй половины 1840-х гг. до конца XIX в. домом владели члены семейства Фольборт.¹¹⁴ Первой из них источники¹¹⁵ называют Эмилию Христиановну фон Фольборт, урожденную Таль (1806–1875).¹¹⁶ Очевидно, что этот дом она получила в приданое, выходя замуж. Возможно, она и была хозяйкой дома вплоть до своей смерти, хотя в краеведческой литературе домовладельцем часто называют ее мужа, известного доктора медицины и хирургии, минералога и палеонтолога, члена Императорской Академии наук Александра Федоровича Фольборта.¹¹⁷ Он умер весной 1876 г., вскоре

¹¹² Покушение Каракозова: Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, Х. Худякова, Н. Ишутина и др. М., 1928. Т. 1. С. XVII (цит. по: *Гроссман Л. П.* Город и люди «Преступления и наказания». С. 36).

¹¹³ *ПСС*. Т. 6. С. 111.

¹¹⁴ В изданиях XIX в. фамилия писалась в нескольких вариантах: Фольборт, Фольбарт, Фольберт. Остановливаемся на том варианте, который закреплен на могильных памятниках владельцев этого дома (см.: *Петербургский некрополь* / Сост. В. И. Сайтов: В 4 т. СПб., 1913. Т. 4. С. 375-376).

¹¹⁵ См.: *Указатель к Атласу 13-ти частей С.-Петербурга* / Сост. *Н. И. Цылов*. СПб., 1849. С. 240.

¹¹⁶ См.: *Петербургский некрополь* С. 376.

¹¹⁷ См.: *Шульц С. С. мл.* Невская перспектива: Ландскрона. Ниеншанц. Санкт-Петербург. Пропилеи Невского проспекта. Невский проспект от Адмиралтейства до Мойки. СПб., 2004. С. 635. Здесь, между прочим, утверждается, что лишь «в середине 1860-х годов, после смерти Таля, его наследники продали дом <...> Александру Федоровичу Фольборту». Однако приведенные выше данные (см.: *Указатель к Атласу Цылова 1849 г.*) опровергают это утверждение. Таль последний раз показан домовладельцем в изд.: *Нистрем К.* Адрес-календарь Санкт-петербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям. СПб., 1844. Т. 1. С. 23 (2-я пагин.).

после смерти жены, буквально через несколько месяцев. И с этого времени домом владел их сын Владимир Александрович Фольборг.

Дом Фольборгов интересен для нас не только тем, что в нем некогда располагался магазин табачной фабрики брата писателя и что в него, возможно, заходил прототип одного из персонажей «Преступления и наказания» — присяжный стряпчий Павел Петрович Лыжин (см. выше). Документально засвидетельствовано, что в середине 1870-х гг. хотя бы раз здесь побывал сам Достоевский (и этот адрес дважды зафиксирован в его записной книжке). Причем посещение им квартиры одного из жильцов дома Фольборгов нашло отражение в печати: о событии, имевшем здесь место 13 февраля 1876 г. упоминал сам Достоевский на страницах своего «Дневника писателя»; его также освещали в прессе писатели Н. С. Лесков и П. Д. Боборыкин.

Дело в том, что в 1860–1870-е гг. в этом доме жил известный петербургский спирит Александр Николаевич Аксаков (1832–1903) и во второй половине 1870-х гг. в его квартире регулярно проходили спиритические сеансы, к которым было приковано внимание прессы и всех петербургских обывателей.

Спиритизм получил распространение в Америке и Западной Европе с середины XIX в. Сведения о начале спиритических сеансов в России восходят к первой половине 1850-х гг. — времени Крымской войны. Интересно, что спиритизму отдала дань сестра Пушкина — Ольга Сергеевна Павлицева. Ее сын Лев Николаевич, племянник поэта, сообщает в воспоминаниях, что после одного из сеансов «столоверчения», происходившего в Москве, в доме П. В. Нащокина, на котором вызывали «тень Пушкина», его мать даже сожгла написанную ею «Семейную хронику», ибо таково будто бы было требование духа ее гениального брата.¹¹⁸

Упоминание в этом контексте О. С. Пушкиной-Павлищевой имеет для нас особый интерес, поскольку в 1863–1865 гг. Достоевские и Павлицевы были соседями по даче в Павловске и писатель тесно общался с сестрой великого поэта.¹¹⁹ Интересно, затрагивали ли они в своих разговорах тему спиритизма?

Впрочем, мы не встречаем ни слова о спиритизме в текстах Достоевского 1860-х гг. — ни в художественных, ни в публицистических, ни в эпистолярных.¹²⁰ Да, надо

¹¹⁸ См.: Павлицев Л. Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. СПб., 1890. С. 74-75.

¹¹⁹ См.: Боград Г. Л. Павловские реалии в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Статьи о Достоевском. 1971–2001. СПб., 2001. С. 153-154. Летом 1865 г. Достоевские и Павлицевы даже делят один дом в 1-й Матросской улице.

¹²⁰ Впервые спиритизм упоминается Достоевским в романе «Бесы» (1871–1872) в рассказе Шатова об Америке (см.: ПСС. Т. 10. С. 112). Иронический разговор о спиритизме ведут между собой герои романа «Подросток» (1875) (см.: ПСС. Т. 13. С. 424-425).

сказать, в те годы спиритические бдения, подобные упомянутому сеансу в московском доме Нащокина, были в России еще очень редкими, вполне единичными. Повальное увлечение спиритизмом в русском обществе началось в 1870-е гг. Именно как о некоей новости пишет о спиритизме уже в первом выпуске своего «Дневника писателя» за 1876 г. и Достоевский.

«Есть одна такая смешная тема, и, главное, она в моде: это — черти, тема о чертях, о спиритизме, — начинает он. — В самом деле, что-то происходит удивительное: пишут мне, например, что молодой человек садится на кресло, поджав ноги, и кресло начинает скакать по комнате, — и это в Петербурге, в столице! Да почему же прежде никто не скакал, поджав ноги, в креслах, а все служили и скромно получали чины свои? <...> Гоголь пишет в Москву с того света утвердительно, что это черти. Я читал письмо, слог его. Убеждает не вызывать чертей, не вертеть столов, не связываться: „Не дразните чертей, не якшайтесь, грех дразнить чертей... Если ночью тебя начнет мучить нервическая бессонница, не злись, а молись, это черти; крести рубашку, твори молитву“. Подымаются голоса пастырей, и те даже самой науке советуют не связываться с волшебством, не исследовать „волшебство сие“. Коли заговорили даже пастыри, значит дело разрастается не на шутку»¹²¹.

Достоевский называет здесь спиритизм «смешной темой», последовательно выдерживает приведенный пассаж в ироническом духе. Но комментарий к приведенному тексту оказывается вполне серьезным. «Пикантность ситуации, — пишет, например, А. А. Панченко, — придавало то, что в качестве убежденных апологетов спиритизма выступили не праздные любители мистических опытов и откровений, а авторитетные ученые-естественники»¹²². В Петербурге пропаганда и распространение спиритизма в середине 1870-х гг. были прежде всего связаны с именами выдающегося химика, профессора С.-Петербургского университета А. М. Бутлерова, известного ученого-зоолога, также профессора университета Н. П. Вагнера и уже упомянутого Александра Николаевича Аксакова — выпускника Александровского лицея, публициста и переводчика, племянника писателя С. Т. Аксакова, двоюродного брата славянофила И. С. Аксакова. И прилив общественного интереса к теме спиритизма не в последнюю очередь был вызван появившимися в 1875 г. в печати и вызвавшими острую дискуссию статьями Н. П. Вагнера «Письмо к редактору

¹²¹ ПСС. Т. 22. С. 32.

¹²² Панченко А. А. Спиритизм и русская литература: Из истории социальной терапии // Труды отделения историко-филологических наук РАН. М., 2005. С. 534.

[„Вестника Европы“]. (по поводу спиритизма)¹²³ и «Медиумизм»¹²⁴ и А. М. Бутлерова «Медиумические явления»¹²⁵. Подлила масла в огонь и появившаяся в начале следующего, 1876 г. статья А. Н. Аксакова «Медиумизм и философия»¹²⁶.

С другой стороны, пишет тот же исследователь, «наиболее стойкие и ожесточенные критики идей Аксакова, Вагнера и Бутлерова также принадлежали к петербургскому научному сообществу. Главным оппонентом спиритизма стал Д. И. Менделеев, по чьей инициативе 6 мая 1875 г. Физическое общество при Санкт-Петербургском университете образовало „Комиссию для рассмотрения медиумических явлений“. В течение десяти с лишним месяцев (до конца марта 1876 г., всего было 19 заседаний) комиссия занималась исследованием спиритизма, устраивая сеансы с известными английскими медиумами, приглашенными Аксаковым в Россию.¹²⁷ Как и следовало ожидать, заседания комиссии сопровождались многочисленными скандалами и публичными спорами между адептами спиритизма и скептически настроенными сторонниками Менделеева»¹²⁸.

Достоевский пристально следил и за действиями комиссии Менделеева.¹²⁹ Но характер ее работы представлялся ему малоудовлетворительным. Прежде всего потому, что, являясь оппонентом Вагнера, Аксакова и др. спиритов, он к самому явлению спиритизма относился весьма серьезно (приведенный выше иронический пассаж из главы «Спиритизм. Нечто о чертях», напечатанной в январском «Дневнике писателя» за 1876 г., в этом отношении далеко не выражает его полной позиции) и считал, что оно заслуживает ответственного и уважительного отношения со стороны науки. Выводы же комиссии Менделеева, которая в объяснении спиритических явлений склонялась к «гипотезе фокусов, да и не простых, а именно с предвзятыми плутнями»¹³⁰, писатель

¹²³ Вестник Европы. 1875. № 4. С. 855-875 (оттиск этой статьи Вагнера находился в библиотеке писателя; см.: Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции: Научное описание. СПб., 2005. С. 133). См. также статьи педагога С. А. Рачинского «По поводу спиритических сообщений г-на Вагнера» (Русский вестник. 1875. № 5. С. 380-399) и литератора А. Шкляревского «Что думают о спиритизме? (По поводу письма г-на Вагнера)» (Вестник Европы. 1875. № 6. С. 906-916; № 7. С. 409-418).

¹²⁴ Русский вестник. 1875. № 10.

¹²⁵ Русский вестник. 1875. № 11. С. 300-348.

¹²⁶ Аксаков А. Н. Медиумизм и философия. Воспоминание о профессоре Московского университета Юркевиче // Русский вестник. 1876. №1. С. 442-469.

¹²⁷ Об истории комиссии см.: Менделеев Д. И. Материалы для суждения о спиритизме. СПб., 1876; Аксаков А. Н. Разоблачения. История медиумической комиссии Физического общества при С.-Петербургском университете с приложением протоколов и прочих документов. СПб., 1883.

¹²⁸ Панченко А. А. Спиритизм и русская литература... С. 534.

¹²⁹ Подробнее см.: Волгин И. Л., Рабинович В. Л. Достоевский и Менделеев: антиспиритический диалог // Вопросы философии. 1971. № 11. С. 103-115.

¹³⁰ ПСС. Т. 22. С. 130.

считал «ученым высокомерием»¹³¹, называл «смешной мыслью проволочного заговора против Комиссии»¹³². «Пусть, однако же, весь этот дом, вся квартира А. Н. Аксакова обтянута пружинами и проволоками, — писал Достоевский в апрельском номере «Дневника писателя» за 1876 г., — а у медиума, сверх того, какая-то машинка, щелкающая между ног (об этой хитрой догадке комиссии сообщил потом печатно Н. П. Вагнер). Но ведь всякий „серьезный“ спирит (о, не смейтесь над этим словом, право, это очень серьезно) спросит, прочтя отчет: „Как же у меня-то дома, где я всех знаю по пальцам — моих детей, жену, родных и знакомых, — как же у меня-то происходят те же самые явления: стол качается, подымается, слышатся звуки, получают интеллигентные ответы? Ведь уж я-то наверно знаю и вполне убежден, что в доме моем нет машинок и проволок, а жена моя и дети мои меня не станут обманывать?“ Главное то, что таких, которые скажут или подумают это, в Петербурге, в Москве и в России уже накопилось слишком довольно, чересчур даже, и вот об этом надо было бы подумать, даже снизойдя с ученой высоты...»¹³³

Достоевский упоминает здесь «серьезных спиритов», чуть дальше он будет писать о «серьезных и тревожно убежденных спиритах»¹³⁴. Именно такими людьми были для него Вагнер, Бутлеров и Аксаков. Поэтому вполне естественно, что, не удовлетворяясь чужими свидетельствами, к тому же противоречащими друг другу, он посчитал необходимым принять личное участие в спиритическом сеансе и *увидеть все своими собственными глазами*.

Исполнить это желание было для него тем более несложно, что петербургские спириты сами охотно шли на контакты с представителями «писательского цеха». К авторитету литературы, как замечает А. А. Панченко, обращались сторонники и той, и другой из противостоящих в споре о спиритизме партий. «В своих „Чтениях о спиритизме“ Менделеев специально посвятил три страницы вопросу об „отношении литературы к спиритическому движению“¹³⁵ и даже привел обширную цитату из стихотворения Полонского „Старые и новые духи“¹³⁶. Аксаков, Вагнер и Бутлеров со

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. С. 235 (черновая редакция).

¹³³ Там же. С. 128-129.

¹³⁴ Там же. С. 129.

¹³⁵ См.: Менделеев Д. И. Материалы для суждения о спиритизме. СПб., 1876. С. 352-355.

¹³⁶ Это стихотворение, напечатанное 26 декабря 1875 г. в № 52 «Недели», иронически упоминает и Достоевский в главке «Спиритизм. Нечто о чертях» январского выпуска «Дневника писателя» (см.: ПСС. Т. 22. С. 36).

своей стороны также старались прибегнуть к авторитету тогдашних корифеев русской словесности»¹³⁷.

Н. П. Вагнер познакомился с Достоевским летом 1875 г. в Старой Руссе. «Они стали очень часто видаться, — свидетельствует жена писателя, — и Федор Михайлович очень заинтересовался новым знакомым, как человеком, фанатически преданным спиритизму»¹³⁸. Впервые страстная заинтересованность Достоевского принять личное участие в спиритических сеансах обнаруживается в его письме Н. П. Вагнеру от 21 декабря 1875 г.: «Что у Аксакова? — вопрошает он. — Будут ли, наконец, сеансы? <...> Я решительно не могу, наконец, к спиритизму относиться хладнокровно...»¹³⁹ Отметим: в этом письме Достоевским впервые упоминаются спиритические сеансы в доме Фольбортов на Невском проспекте.

1 января 1876 г. Н. П. Вагнер сообщил письмом Достоевскому, что в ближайшее время в Петербург по приглашению А. Н. Аксакова из Англии должна приехать для демонстрации своих медиумических способностей госпожа Клайр¹⁴⁰. «Ваше известие об интересном госте из Англии прочел с большим удовольствием», — отвечал ему Достоевский. У писателя в это время тяжело болели скарлатиной дети, жена Анна Григорьевна лежала с ангиной («жабой», по терминологии того времени), в силу этих причин он редко выходил из дома и старался не посещать знакомых, у которых были свои дети. Поэтому Достоевский прибавляет в письме Вагнеру: «Одна большая просьба. Если приедет гость еще прежде, чем я буду у Вас или извещу Вас о себе, то черкните мне только два слова, что он приехал <...> авось к тому времени я уже смогу выйти к людям»¹⁴¹.

О приезде «гостя» из Англии Вагнер сообщил своему корреспонденту в письме от 8 января 1876 г. «Медиум — мистрис К<лайр> — приехала на сих днях, — писал он. — Это медиум не профессиональный. Госпожа очень богатая, которая согласилась

¹³⁷ Панченко А. А. Спиритизм и русская литература... С. 534.

¹³⁸ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 314. В воспоминания Анна Григорьевна пишет о Вагнере очень сдержанно, но в письме мужу в Эмс от 27 июня 1875 г. она изображает его достаточно иронично: «На вид это человек с женским визгливым голосом, с огромною соломенною пастушескою шляпою и с огромнейшим пледом в руках. <...> По-видимому, очень простой, хотя несколько смешной человек. На другой день я видела его в парке на скамье читающим письмо (вероятно, от кого-либо с того света) и до того погруженного в чтение, что никого не видел (меня тоже не видел). Затем вскочил и три раза пробежал взад и вперед по длинной аллее, а затем пропал. Вообще, в этот раз имел вид полусумасшедшего человека (как и следует спириту)» (Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. С. 207-208).

¹³⁹ ПСС. Т. 29, кн. 2. С. 68.

¹⁴⁰ Подлинное имя медиума было мистрис Сент-Клер, но в Петербург она приехала под псевдонимом мистрис Клайр (или Кляйр).

¹⁴¹ Там же. С. 70.

приехать сюда ради здешней ученой комиссии. Сила у ней необычайная. Аксаков очень рад будет Вас видеть у себя на сеансе. Когда это устроится, уведомя Вас»¹⁴². Из других источников известно, что Достоевский был приглашен в дом Аксаковых на спиритический сеанс 2 февраля 1876 г. и «обещал быть»¹⁴³. Но был или нет на этот раз, не известно.¹⁴⁴ Очевидно, в это время в его рабочей тетради и был записан адрес: «Софья Александровна. Александр Николаевич Аксаков, Невский проспект, близ Малой Морской, дом № 6»¹⁴⁵.

Второй спиритический сеанс с мистрис Клайр, на который Вагнер приглашал Достоевского, был намечен в доме Аксаковых на субботу 14 февраля.¹⁴⁶ Но затем дата была перенесена на пятницу, 13-е. В этот раз писатель посетил дом Фолбортов на Невском проспекте несомненно. Об этом он сам сообщил читателям «Дневника писателя» в главке «Опять только одно словцо о спиритизме» в апрельском выпуске своего моножурнала: «...Я был еще в феврале на этом спиритском сеансе, с „настоящим“ медиумом — сеансе, который произвел на меня довольно сильное впечатление»¹⁴⁷. В черновой редакции этой главки сказано еще более определенно «об этом сеансе, который происходил 13 февр. у А. Н. Аксакова»¹⁴⁸.

«Сильное впечатление» Достоевского от участия в спиритическом сеансе было одновременно в высшей степени противоречивым. Именно поэтому он не спешил делиться им с читателями своего «Дневника...» Но и когда, два месяца спустя, в апреле, он все-таки решается вернуться к этой теме, его «Одно словцо о спиритизме» (как названа соответствующая главка) оказывается чрезмерно лаконичным. Нисколько не касаясь внешней обстановки спиритического сеанса в квартире А. Н. Аксакова (о чем сейчас мы можем только пожалеть), Достоевский всецело сосредоточивается здесь на фиксации своих собственных внутренних переживаний.

«...Я несколько боялся, идя на сеанс», — сообщает Достоевский своим читателям. Страх этот, как можно понять, был обусловлен тем, что, признавая

¹⁴² Там же. С. 231, примеч.

¹⁴³ Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 444. Письмо Н. П. Вагнера Вс. Соловьеву от 2 февраля 1876 г.

¹⁴⁴ Обращает внимание, что и в этот раз спириты приглашают на очередной сеанс литераторов. В письме к Вс. Соловьеву Вагнер просит его «привезти с собой сегодня В. В. Крестовского» (Там же).

¹⁴⁵ Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 26ю

¹⁴⁶ 12 февраля Вагнер писал Достоевскому: «Аксаков приглашает Вас на сеанс в субботу (14 февр. в 8 часов)» (ПСС. Т. 29₂. С. 230, примеч.). Из этого же письма следует, что прежде Достоевский у Аксакова еще не бывал, поэтому Вагнер выражает готовность проводить его, для чего предлагает заехать к нему заранее, «в семь с половиною» и от него уже ехать к Аксакову вместе.

¹⁴⁷ ПСС. Т. 22. С. 126.

¹⁴⁸ Там же. С. 232. «Спиритический сеанс 13 февраля» Достоевский также два раза упоминает в записной тетради 1875–1876 гг. (см.: ПСС. Т. 24. С. 158, 159).

«спиритские явления» как факт, но, будучи «возмущен <...> мистическим смыслом» учения спиритов, он как бы боялся получить зримые подтверждения истинности их теорий. «Но после того замечательного сеанса, — продолжает он, — я вдруг догадался или, лучше, вдруг узнал, что я мало того, что не верю в спиритизм, но, кроме того, и вполне *не желаю* верить, — так что никакие доказательства меня уже не поколеблют более *никогда*»¹⁴⁹.

Достоевский в этой главке очень скуп в конкретизации своих переживаний, в раскрытии того, чем именно они были обусловлены. Можно лишь сделать вывод, что серьезных доказательств «проволочного заговора» он не получил и в субъективной честности своих знакомцев-спиритов остался по-прежнему уверен. Больше того, он, видимо, удостоверился в соответствии, в общих чертах, *внешней стороны* спиритического сеанса тому, как представляли его в своих отчетах Бутлеров, Вагнер и Аксаков¹⁵⁰, и именно поэтому опасался, что его рассказ об увиденном, даже при последовательном отрицании его спиритического объяснения, может вызвать у читателей впечатление, хотя бы отчасти «благоприятное спиритизму»¹⁵¹. Вот это-то убеждение длительное время не только останавливало Достоевского, но даже вызывало «некоторое отвращение»¹⁵² к тому, чтобы касаться на страницах «Дневника писателя» этой темы.

Не делиться с читателями своими впечатлениями от спиритического сеанса у Аксакова, выслушав рассказ Достоевского о том, чему он был свидетелем, рекомендовал автору «Дневника писателя» и К. П. Победоносцев.¹⁵³

Даже и в конечном счете, когда Достоевский, по его собственным словам, такти «нажил охоту поговорить об этом»¹⁵⁴ — о личных впечатлениях в связи со спиритическим сеансом в доме Аксакова, — он отнюдь не воссоздает конкретики своих переживаний во время демонстрации медиумических способностей мистрис Клайр. Центр тяжести в изложении он переносит на свою *сегодняшнюю рефлексию* по поводу тогдашних его впечатлений, подвергая анализу собственное, остро заявившее в нем себя

¹⁴⁹ ПСС. Т. 22. С. 127.

¹⁵⁰ «...ведь ½ сбылась», — записывает Достоевский в набросках к этой главе (Там же. С. 233).

¹⁵¹ Там же. С. 127.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ В печатном тексте «Дневника...» Достоевский пишет об «одном человеке, суждением которого [он] глубоко дорожит» (Там же). На то, что этим человеком был К. П. Победоносцев, указала в своих комментариях А. Г. Достоевская (см.: Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому: Материалы, библиография и комментарии. М.; Пг., 1922. С. 65). См. также в рабочей тетради с набросками к «Дневнику писателя»: «Спиритизм. Победоносцев. Но почему не говорить. Общественное зло» (ПСС. Т. 24. С. 199).

¹⁵⁴ Там же.

на вечере у Аксакова «нехотение верить»¹⁵⁵, укрепившееся, может быть, даже вопреки всему, что он видел воочию.

Главный интерес для него оказался не в таинственных явлениях самих по себе, мистическое содержание которых он отвергал, а в проявлениях человеческой природы, соприкоснувшейся с этими таинственными явлениями. Свое собственное состояние в тот вечер Достоевский осмыслил и обобщил, как универсальную черту человеческой психологии вообще. «...Тут не одно только личное: мне кажется, в этом наблюдении моем есть и нечто общее, — пишет он. — Тут мерещится мне какой-то особенный закон человеческой природы, общий всем и касающийся именно веры и неверия вообще. Мне как-то выяснилось тогда, именно через опыт, именно через этот сеанс, — какую силу неверие может найти и развить в самом себе, в данный момент, совершенно помимо нашей воли, хотя и согласно с вашим тайным желанием... Равно, вероятно, и вера...»¹⁵⁶

Совершенно парадоксально через личный опыт неверия, более того — *нежелания верить* в ситуации спиритического сеанса, полученный им 13 февраля 1876 г. в доме Фолборта на Невском проспекте, Достоевский намеревается завести разговор с читателями «Дневника писателя» о противоречивых законах религиозной веры. Обещанием развить эти соображения в следующем выпуске он и заканчивает в апреле «Одно словцо о спиритизме».

Однако обещание это не было им исполнено. И больше к теме спиритизма на страницах «Дневника писателя» он не обращался никогда.

Если, в силу названных причин, Достоевский не склонен был сколь-нибудь подробно передавать сам ход спиритического сеанса, то два других литератора, П. Д. Боборыкин и особенно Н. С. Лесков, которые вместе с ним присутствовали в этот вечер в квартире А. Н. Аксакова, напротив, оставили о происходившем довольно подробное изложение. Правда их освещение события существенно различается по своей тенденции¹⁵⁷, но содержание медиумического сеанса с госпожой Клайр, который был

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же. С. 127-128.

¹⁵⁷ Д. И. Менделеев в своих «Двух публичных чтениях о спиритизме» (происходивших 24 и 25 апреля 1876 г. в аудитории Соляного городка) по поводу позиции Н. С. Лескова высказался так: «А спириты, видно, поняли влияние литературы на судьбу их вопроса, заботились о том, чтобы у литераторов составилось личное мнение о спиритизме. Г-н Лесков в „Гражданине“ от 29 февраля описывает, что его, г-на Боборыкина и г-на Достоевского пригласили к г-ну Аксакову для сеанса с г-жой Клайр. Раньше звали и многих других — пишущих. Лесков описывает этот сеанс, **констатируя факты так, как это именно и желательно спиритам**». Что же касается П. Д. Боборыкина, то, напротив, Менделеев с удовлетворением констатировал изменение его позиции после личного участия в спиритическом сеансе, переход Боборыкина от «колкого отношения к противникам спиритизма» к утверждению «**сомнительности спиритических явлений и к ненаучности занятий спиритизмом**» (Менделеев Д. И. Материалы для суждения о спиритизме. СПб., 1876. С. 352-355).

мало похож на традиционное «вызывание духов», а скорее напоминал серию «научных экспериментов»¹⁵⁸, описания Лескова и Боборыкина позволяют представить достаточно зримо. Подчеркнув, что первый из них свидетельствует в пользу спиритов, а второй склоняется к объяснению спиритизма как суеверия, приведем несколько выдержек из их публикаций.

Во-первых, Н. С. Лесков достаточно детально описывает самого медиума — англичанку г-жу Сент-Клер¹⁵⁹, заостряя вниманием на том, что с нею «производил опыты знаменитый Крукс, английский ученый, перешедший в лагерь спиритов»¹⁶⁰. Именно при посредстве Крукса г-жа Сент-Клер и была приглашена в Петербург А. Н. Аксаковым. Она, продолжает Лесков, «довольно молодая особа (на вид лет около 30-32), среднего женского роста, темноволоса, с очень красивыми белыми руками и довольно выразительным лицом. Она была одета в черном шелковом платье с светлоголубою шелковою же отделкой. Обувь ее с каблучками, которые на ходу слегка постукивают»¹⁶¹.

Не менее обстоятелен Лесков и в описании обстановки, в которой проходил спиритический сеанс. Только он отмечает три перемены столов: сначала участники сеанса уселись за обыкновенный, круглый, фонированный вощеным орехом столик на одной ножке, затем пересели за белый квадратный, третьим был большой ореховый стол. «Места были заняты так, — сообщает Лесков: — 1) медиум, 2) (направо) г-жа Аксакова, 3) Боборыкин, 4) Вагнер, 5) Бутлеров, 6) Достоевский, 7) я. Справа у меня опять приходилась сама г-жа С... Кл... А. Н. Аксаков сначала не садился и к столу не притрогивался, а стоял сзади между мною и Ф. М. Достоевским». «Комната во время сеанса была освещена висячею с потолка лампою, с небольшим матовым контр-абажуром. Она давала свет ровный и настолько ясный, что мы могли писать на столе цифры и имена» (необходимость последнего замечания будут прояснена в дальнейшем изложении).¹⁶²

«Из присутствующих *самым удобным* для медиумических сношений был указан Ф. М. Достоевский», — делает ценное замечание Лесков. Надо полагать, что «был

¹⁵⁸ «...Ее специализация, — писал о мистрис Клайр П. Д. Боборыкин, — движения стола, стуки и другие механические явления; но материализаций (духов. — Б. Т.) она не производит и даже не совсем допускает их» (Боборыкин П. Д. Ни взад — ни вперед // С.-Петербургские ведомости. 1876. 16 марта. № 75).

¹⁵⁹ Употребляем вариант имени, используемый Лесковым. В дальнейшем изложении он переходит к сокращенному наименованию медиума: г-жа С... Кл...

¹⁶⁰ Лесков Н. С. Письмо в редакцию. Медиумический сеанс 13 февраля // Гражданин. 1876. 29 февраля. № 9. С. 254.

¹⁶¹ Там же. С. 255.

¹⁶² Там же.

указан» самой мистрис Клайр. С Достоевского и начали «первый опыт»: «он написал 7 имен (по-французски) и одно из этих имен заметил на особом клочке бумаги, который держал у себя в руке. Потом он вел карандашом по составленному им реестру имен, и, когда довел до имени „Théodore“, раздались три утвердительных звука. Ф. М. Достоевский сказал, что им действительно задумано *это имя*» (имя писалось, как подчеркивает Лесков, «секретно» и «видеть этого никто не мог; Ф. М. сделал это, вставши из-за стола и отойдя в сторону»)¹⁶³.

Аналогичный эксперимент был проведен с датами. «Так же были написаны различные годы, из коих у каждого один был задуман и замечен отдельно. Ф. М. Достоевский получил 1849 год (год его ссылки), что и оказалось у него замеченным».

Наиболее впечатляющим и в то же время вызвавшим в печати дискуссию был эпизод, в котором стол поднимался над полом и в таком положении удерживался какое-то время. Он, свидетельствует Лесков, «*поднялся на воздух*, как мне казалось, вершков на 6-8 и, продержавшись около 7-8 секунд, быстро опустился; через несколько минут это повторилось снова, и на этот раз стол держался на воздухе дольше». «...Столик действительно поднялся, — возражает Боборыкин, — но на мгновение, и в воздухе, сколько я помню, 8 секунд не висел, как сообщает г-н Лесков». Второй же случай подъема стола Боборыкин и вообще отрицает.¹⁶⁴

Через какое-то время «мы сели за большой ореховый стол, — описывает еще один „опыт“ Лесков, — под который предварительно опустили *два разнозвучные колокольчика*. Руки всех присутствующих (не исключая и самого г-на Аксакова) находились на столе. Колокольчики под столом звонили сначала один, потом оба вместе. Это повторялось *несколько раз*...»¹⁶⁵

При описании еще одного «эксперимента вновь фигурирует имя Достоевского. «Гармония (от которой сначала оторвали ремешок) была опущена под стол проф. Бутлеровым и издала несколько звуков. Бутлеров держал ее *одною рукою* за нижнюю деку. Гармонию эту сжимать и раздвигать *одною рукою невозможно*; точно так же, как невозможно и придавливать ее клапанов на противоположной деке иначе, как *пальцами* другой руки. В руке Ф. М. Достоевского гармония не издала *ни одного звука*...»¹⁶⁶

П. Д. Боборыкин передает еще один «казус», произошедший в этот вечер с Достоевским. «...Г-ну Д<остоевскому>, — пишет он, — предложили спустить платок,

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ С.-Петербургские ведомости. 1876. 16 марта. № 75.

¹⁶⁵ Гражданин. 1876. 29 февраля. № 9. С. 255.

¹⁶⁶ Там же.

держа его за один конец поверх стола, что он и сделал. За нижний конец платка начали дергать, и г-н Д<остоевский> заявил всем нам явственное ощущение дерганья, после чего шуточно заметил, что он отказывается объяснить подобное явление иначе, как ловкостью медиума. Сказано это было так, что, понимай г-жа С<ент> К<лер> по-русски, она бы только рассмеялась этой совершенно безобидной шутке; но когда ей перевели слова г-на Д<остоевского> по-английски, она мгновенно обиделась, покраснела <...> глаза ее заблестали, и я весьма явственно услышал такую сильную фразу, по-английски, которая прямо указывала на ее гнев. Как ни старались ей дать понять, что шуткою не следует обижаться, она упорно замкнулась в свое достоинство, никем не задетое, убрала свои руки, прекратила всякое медиумическое участие»¹⁶⁷.

Собравшиеся какое-то время сидели в ожидании, но без участия медиума ни стуки, ни звонки колокольчиков, ни движения стола не возобновлялись... На этом сеанс оказался законченным.

Интересно, что некоторые из этих эпизодов первоначально планировал осветить на страницах своего моножурнала и сам Достоевский. Так, в его рабочей тетради 1875–1876 гг. с набросками к «Дневнику...» есть, например, запись: «Фома. Раздеть медиума. Под столом колокольчик, — для меня все это ничего не значило. Люди честные, я не могу заподозрить <...>. Рассердил медиума»¹⁶⁸. Не все в этом наброске, сделанном для себя, нам сегодня ясно. С евангельским апостолом Фомой, уверовавшим в воскресение Христова лишь после того, как вложил персты в его раны, Достоевский здесь сравнивает себя. Но сравнение это отнюдь не прямое. В другом наброске он пишет: «Математическое верование (то есть обоснованное с математической достоверностью. — Б. Т.) самое трудное уверяющее. Фома уверовал потому, что желал уверовать. Я не желал уверовать и не поверил. Стуки (машинкой, и одно подозрение, хотя я и никого не мог заподозрить) не действовали на мое сердце, ровно на звон под столом и поднятие и проч. (надо проверить). Но если б я желал уверовать, дело было бы иначе. Я, впрочем, не видел высших тайн»¹⁶⁹.

«Под столом колокольчик» — это, конечно же, «эксперимент», о котором рассказывал Лесков. Запись: «Рассердил медиума» — комментируется фельетоном Боборыкина. Еще в одном наброске упоминаются «органчики под столом»¹⁷⁰; можно предположить, что тут имеется в виду та «гармония», которую «опустил под стол проф.

¹⁶⁷ С.-Петербургские ведомости. 1876. 16 марта. № 75.

¹⁶⁸ ПСС. Т. 24. С. 150.

¹⁶⁹ Там же. С. 161.

¹⁷⁰ Там же. С. 199.

Бутлеров». «Явление поднимающихся столов — надо проверить»¹⁷¹ — к полемике Боборыкина с Лесковым. Не прокомментированная в академическом собрании запись: «два имени»¹⁷², скорее всего, связана с «экспериментом» вокруг загаданных имен. Кроме Достоевского, отметившего имя «Théodore», Лесков «секретно» (под столом на руке) записал имя своего умершего знакомого «Michel»: *оба имени* были угаданы и подтверждены стуком.

Интересно: кому принадлежало пожелание (естественно, для чистоты «эксперимента») «раздеть медиума»? И еще одна курьезная запись: «С духами говорят учтиво, да еще на французском языке, как будто они какое-то высшее общество»¹⁷³. И раздраженная реакция по этому поводу: «Разговоры со столом, как с интеллигентным лицом, отвратительны, ибо грубы. Человек, стыдящийся поверить будущей жизни, преклоняется перед несколькими звуками и верит!»¹⁷⁴. И вновь: «Учтивость возмутила меня»¹⁷⁵.

Итоговое впечатление Достоевского передает запись: «Спиритизм — какая глубокая чья-то насмешка над людьми, изнывающими по утраченной истине, и тут кто-то говорит: постучите-ка в стол, и мы вам, пожалуй ответим, что вам делать и где ваша истина»¹⁷⁶.

Характерно, что все приведенные наброски сделаны Достоевским до выхода апрельского номера «Дневника писателя». Значит, до последнего он не оставлял планов более подробно, с деталями описать ход спиритического сеанса у Аксакова. Но в конечном счете все же отказался от этого намерения. А жаль!..

Предположительно называют имя и еще одного участника, точнее — участницы спиритического сеанса 13 февраля. На странице рабочей тетради Достоевского, предшествующей той, где он сердито замечает, что спириты разговаривают со столом как «с интеллигентным лицом», содержится набросок: «...спиритизм отвечает огромной массе людей, как и легкомысленно верующих, так и праздных на чудеса, так и просто глубоко верующих (Прибыткова)»¹⁷⁷. Заключенное в конце этой записи в скобки имя принадлежит известной спиритке, издательнице журнала «Ребус», на страницах которого в 1880-е гг. она поместила воспоминания о Достоевском, о его отношении к

¹⁷¹ Там же. С. 160.

¹⁷² Там же. С. 199.

¹⁷³ Там же. С. 202.

¹⁷⁴ Там же. С. 160.

¹⁷⁵ Там же. С. 199.

¹⁷⁶ Там же. С. 161.

¹⁷⁷ Там же. С. 160.

спиритизму, — Варваре Ивановне Прибытковой. В Петербурге она жила неподалеку от дома Фолбортов, также на Невском проспекте, в доме № 14.¹⁷⁸ Запись Достоевского наводит на мысль, что она также («по соседству») принимала участие в вечере 13 февраля и впечатление писателя от ее реакции на происходящее отложилось в процитированном наброске. Однако Н. С. Лесков подробно перечисляет всех участников спиритического сеанса (вместе с медиумом мистрис Сент-Клер и супругами Аксаковыми всего восемь человек), и Прибытковой среди них нет.

Отношения писателя с А. Н. Аксаковым не ограничились его «разовым» участием в спиритическом сеансе 13 февраля 1876 г. У нас нет сведений, что Достоевский еще бывал в доме Фолбортов на Невском проспекте¹⁷⁹, но знаком продолжающихся отношений является дарственная надпись Аксакова на книге «О небесах, о мире духов и об аде, как слышал и видел Э. Сведенборг» (Лейпциг, 1863): «Федору Михайловичу Достоевскому с глубоким уважением от переводчика. 8 января 1877. С.-Петербургу»¹⁸⁰.

Шведского ученого-естествоиспытателя, теософа и мистика Эммануила Сведенборга (1688–1772) петербургские спириты почитали как одного из предтеч спиритизма. Достоевский очень высоко оценивал эту книгу, называя ее «удивительной». В майско-июньском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. он вновь предполагал вернуться к вопросам, которые были подняты им за год до того в главке «Одно словцо о спиритизме». В главе, также исключенной из печатного текста, Достоевский касался и книги Э. Сведенборга, характеризуя ее автора схожим образом с тем, как он высказывался о петербургских спиритах: «Что книга его о небесах, аде и рае — искренняя и не лживая, — в этом не может быть ни малейшего сомнения, но в то же время нет ни малейшего сомнения в том, что она плод болезненной галюсинации, начавшейся у него лишь в годах преклонных и продолжавшейся 25 лет и, что всего замечательнее, продолжавшейся именно в эпоху самой плодотворной научной его деятельности. В том же, что книга эта есть плод галюсинации, убедится всякий, ее

¹⁷⁸ Этот адрес В. И. Прибытковой указан в книге: *Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В.* Невский проспект. Дом за домом. СПб., 2009. С. 54. Применительно к концу 1870-х гг. другой ее адрес находим в записной тетради А. Г. Достоевской: «Прибыткова. Малая Морская, № 17, кв. 15» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30707).

¹⁷⁹ Хотя повторная запись адреса Аксакова в рабочей тетради 1880–1881 гг. делает подобное допущение вполне правомочным (см.: Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 30).

¹⁸⁰ Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции: Научное описание. СПб., 2005. С. 134-135 (здесь же воспроизведен титульный лист книги с дарственной надписью). Факт встречи Достоевского и Аксакова, когда была сделана эта запись и подарена книга, не отражен в «Летописи жизни и творчества Достоевского» (см.: Т. 3. С. 162-163).

прочитав...»¹⁸¹ Показательно, однако, что тут же, по поводу предания, сообщавшего, что Сведенборг «по смерти одной коронованной особы, по просьбе королевы отыскивал какие-то важные затерянные бумаги, отправившись нарочно за тем в небеса переговорить с покойником», Достоевский замечает: «Но если б к тому же была доказана и истинность факта об отысканных после покойника бумагах, — то для науки получился бы важный факт...» И добавляет, комментируя, в чем же он видит важность этого факта: «...а именно болезненность того состояния, при котором возможно в человеке пророчество, или, лучше сказать, что пророчество есть лишь болезненное отправление природы человеческой»¹⁸².

Путешествие Сведенборга на небеса и «сношение» его с душами умерших Достоевский тут отвергает безусловно, но дар пророчества, хотя бы в отдельных, избранных людях, способность их в болезненном состоянии раскрывать прошлое и предвидеть будущее он также допускает как некий *maximum* проявления человеческой природы. Косвенно этот пример поясняет и причины противоречивого отношения писателя к современному спиритизму.

И в завершение. После смерти Достоевского один из организаторов спиритического сеанса 13 февраля 1876 г., Николай Петрович Вагнер, обратился с письменной просьбой к вдове писателя разрешить петербургским спиритам на очередном заседании вызвать с того света дух Достоевского, с тем чтобы узнать, «изменились ли его взгляды там, в той стране, где утоляется жажда истины» и «смотрит ли он на дело спиритизма так же, как здесь»¹⁸³. Анна Григорьевна ответила на просьбу Вагнера решительным отказом.¹⁸⁴ В итоге спиритический сеанс с вызовом «духа Достоевского» не состоялся. Но, как знать: не планировали ли петербургские спириты провести его в столь привычном для них месте — в квартире А. Н. Аксакова в доме В. А. Фолборта на Невском проспекте, № 6?

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА В БЛАГОРОДНОМ СОБРАНИИ

Дом № 15 по Невскому проспекту, выходящий одним своим боковым фасадом на Большую Морскую, а другим — на набережную Мойки, в краеведческой литературе часто именуют «домом Чичерина». Сенатор генерал-поручик Н. И. Чичерин, живший в XVIII в. и бывший при Екатерине II полицмейстером Петербурга, конечно же, не имеет

¹⁸¹ ПСС. Т. 25. С. 262-263.

¹⁸² Там же. С. 263.

¹⁸³ РГБ. Ф. 93. П.2.4.

¹⁸⁴ См.: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 444.

никакого отношения к теме «Достоевский на Невском проспекте». Но кратко упомянуть его в начале нашего рассказа небезынтересно. Во-первых, именно потому что рядом с Зеленым мостом через Мойку в 1770-е гг. жительствовавший столичный генерал-полицеймейстер, этот мост получил у горожан название Полицейского, которое скоро стало официальным и удерживалось в петербургской топографии на протяжении полутора столетий. А во-вторых, и это главное, именно для Н. И. Чичерина в 1768–1771 г. на участке между Б. Морской и Мойкой, пожалованном ему императрицей, предположительно архитектором Ю. М. Фельтеном (по другой версии А. В. Квасовым) был возведен четырехэтажный дом в стиле раннего русского классицизма с двухъярусными колоннадами на скругленных углах и в центральной части фасада по Невскому проспекту. В исконном виде «дом Чичерина» (с 1806 г. им владел купец А. И. Косиковский, а после его смерти в 1838 г. — его сын Владимир и его наследники) простоял на Невском до 1859 г. Правда, за это время со стороны Мойки к особняку был пристроен большой трехэтажный корпус, а со стороны Б. Морской — четырехэтажный с колоннадой ионического ордера, но эти постройки, расширив здание, только усилили впечатление его монументальности. Как выглядел дом Косиковского ко времени приезда Достоевского в Петербург, можно увидеть на знаменитой «Панораме Невского проспекта» В. С. Садовникова.

В 1858 г. дом приобрели купцы 1-й гильдии Г. П. и С. П. Елисеевы, торговавшие под фирмой «Братья Елисеевы». На противоположной стороне Невского, в доме № 18, у Елисеевых издавна существовал славящийся на весь Петербург магазин иностранных вин, фруктов и колониальных товаров, открытый их отцом, Петром Елисеевым, еще в 1810-х гг. Для Елисеевых архитектор Н. П. Гребенка в 1859–1860 гг. перестроил здание, несколько изменив его фасад со стороны проспекта: он заменил в центральной части колонны нижнего яруса массивными пилонами, произвел некоторые другие изменения. Корпус со стороны Мойки был надстроен до четырех этажей. Перестройка коснулась и внутренних помещений. В частности, по желанию новых владельцев были перестроены интерьеры Большого зала, где в 1850-е гг. проходили концерты таких именитых музыкантов, как Ф. Лист и А. Рубинштейн.

После перестройки особняка его помещения с Большим залом арендовало у Елисеевых петербургское Благородное собрание, ранее располагавшееся на Литейном проспекте. «Недавняя история этого собрания, подобно древней истории Греции до времен Кекропса, теряется во мраке неизвестности», — иронизировал в 1865 г. автор

путеводителя по Петербургу А. П. Червяков.¹⁸⁵ Действительно, ведущее свою историю с 1782 г., Благородное собрание (которое нередко путают с петербургским Дворянским собранием) не раз меняло свое название. Оно именовалось и Купеческим собранием, и Американским клубом, и Соединенным обществом. В 1845 г. с дозволения властей его переименовали в Благородное танцевальное собрание, а с 1875 г. оно стало называться просто *Благородным собранием*.

Не однажды за свою историю Благородное собрание меняло и свои адреса. Некогда (в 1812–1822 гг.) оно уже располагалось в доме Косиковского у Полицейского моста. И вот теперь при новых владельцах в начале 1860-х гг. въехало сюда опять.¹⁸⁶ Согласно уставу собрания, его членами могли быть «только люди *благородные*: дворяне, чиновники и почетные граждане; доктора, художники и вообще профессионалисты допускались в члены не иначе, как с доказательствами потомственного или личного дворянства».¹⁸⁷ Впрочем, в мероприятиях общества могли участвовать и «профессионалисты», и вообще свободная публика, — но уже за входную плату, по 2 рубля за билет.

В Большом зале Благородного собрания с начала 1860-х гг. проводились благотворительные концерты и литературные вечера, которые именно в это время стали заметной страницей общественной жизни столицы. Один из мемуаристов вспоминал: «В шестидесятых годах в Петербурге были в большом ходу литературно-музыкальные вечера и утренние чтения, которые устраивались обыкновенно с какой-нибудь благотворительной целью <...>. Публика очень усердно посещала эти чтения-концерты, и часто большие залы в Благородном собрании, в доме Бенардаки и в некоторых клубах были битком набиты посетителями. Особенно много сходилось в те дни, когда на афише стояли имена Тургенева, Некрасова, Майкова, Ф. Достоевского. Последний, возвратясь из ссылки, пользовался тогда большим сочувствием и возбуждал любопытство и участие...»

Нам известно два выступления Достоевского в первой половине 1860-х гг. в Большом зале дома Елисеевых, оба они состоялись в 1863 г. Первый из них был организован в пользу недостаточных (то есть малоимущих) студентов Медико-хирургической академии. Кроме Достоевского в этом литературно-музыкальном вечере

¹⁸⁵ Путеводитель по С.-Петербургу / Сост. А. П. Червяков. СПб., 1865. С. 272-273.

¹⁸⁶ В энциклопедии «Санкт-Петербург» (СПб., 2006. С. 95) ошибочно сообщается, что в дом Елисеевых Благородное собрание переселилось в 1870-е гг. но «Путеводитель по Петербургу А. П. Червякова» 1865 г. опровергает это сообщение.

¹⁸⁷ Путеводитель по С.-Петербургу. С. 274.

участвовали поэты В. Г. Бенедиктов и Вс. Крестовский. Выступление педагога В. И. Водовозова фигурирует в программе под названием «Из русских пословиц». Литератор А. П. Милюков, чье мемуарное свидетельство мы только что процитировали, читал фрагмент «Из путевых записок». Юрист А. В. Лохвицкий выступил с докладом «Сперанский». С музыкальными номерами выступала певица Д. Леонова. Об участии Достоевского в программе сказано кратко: «Отрывок из романа». Скорее всего, это мог быть фрагмент из «Униженных и оскорбленных» или из «Записок из Мертвого дома».

Через месяц, 10 апреля 1863 г., Достоевский вновь выступил в зале Благородного собрания. На этот раз благотворительный музыкальный вечер проводился в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (также известного под названием Литфонда). Подобные общественные акции вызывали настороженность властей. Поэтому за их проведением нередко наблюдали тайные осведомители. В агентурном донесении одного из них о вечере 10 апреля сообщалось: «вечер <...> привлек довольно многочисленную публику, хотя зала и не была совершенно полна. <...> Вечер начался чтением отрывка из ненапечатанного романа Помяловского „Брат и сестра“. <...> За Помяловским следовал Федор Достоевский, который вместо назначенной девятой главы из „Мертвого дома“ прочел очерк семейной жизни французского буржуа...»¹⁸⁸

Отмеченное обстоятельство по тем временам было нарушением весьма предосудительным. Программы подобных выступлений согласовывались и утверждались высшей администрацией столицы. Отступлений от напечатанной программы не допускалось. Мы, однако, не знаем, были ли за проявленную вольность чтеца осуществлены какие-либо санкции в отношении организаторов вечера или самого Достоевского. Но благодаря обстоятельству донесения полицейского агента нам теперь известно, что по программе писатель намеревался скорее всего прочесть рассказ о «каторжной бане» из главы IX первой части «Записок из Мертвого дома» (впрочем, это могла быть и глава IX из второй части — «Побег»), а затем изменил первоначальное решение и прочитал главу «Брибри и Мабишь» из совсем недавно напечатанных в февральской книжке журнала «Время» «Зимних заметок о летних впечатлениях».

Выступали на вечере также поэты. Стихотворения Якова Полонского «Твой скромный вид» и «Одному из усталых», по свидетельству полицейского агента, «не произвели никакого впечатления, хотя последнее и оканчивалось стихом, явно

¹⁸⁸ Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 391.

рассчитанным на эффект»¹⁸⁹. «Искровец» Василий Курочкин прочитал стихотворение «Тик-так», напротив, вызвавшее «неистовые рукоплескания»: «Курочкина вызывали несколько раз и заставили повторить» чтение.¹⁹⁰ К сожалению, как принимала публика Достоевского в приведенных источниках данных не содержится.

«Общее впечатление вечера нельзя назвать утешительным <...>, — заканчивает свое донесение осведомитель. — По моему мнению — если только я имею право его высказать, — подобные литературные вечера в случае невозможности или неудобства запрещать их, должны быть допускаемы как можно реже...»¹⁹¹

Если в рассказе о выступлениях Достоевского в зале Благородного собрания в 1860-е гг. мы вынуждены пользоваться скухими данными, почерпнутыми из таких источников, как программы и полицейские донесения, то для характеристики участия писателя в благотворительных чтениях 1870-х гг. мы располагаем богатыми мемуарными свидетельствами. Правда, как мне уже доводилось отмечать, в первой половине 1870-х гг. Достоевский практически не участвовал в литературных вечерах. Пик его публичных выступлений в это десятилетие приходится на 1879–1880 гг. За этот сравнительно краткий период мы располагаем данными о двадцати пяти только учтенных исследователями случаях участия писателя в различных благотворительных акциях.¹⁹² Просто диву даешься, как у него на все это хватало сил и времени. Ведь в эти годы он напряженно работает над созданием своего великого романа «Братья Карамазовы».

Из двадцати пяти названных случаев участия писателя в литературных вечерах и утренниках в 1879–1880 гг. чуть не половина — одиннадцать раз — приходится на его выступления в зале Благородного собрания на Невском проспекте, № 18.¹⁹³ Можно без преувеличений сказать, что слава Достоевского-чтеца *прежде всего* связана с его выступлениями последних лет в Большом зале дома Елисеева на Невском.

Пожалуй, самими нашумевшими были два первых вечера в Благородном собрании с участием Достоевского, которые состоялись — один за другим с недельным промежутком — в марте 1879 г. Первый из них, 9 марта 1879 г., был организован в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Большая зала дома

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Поэты «Искры»: В 2 т. Л., 1955. Т. 1.: В. С. Курочкин. С. 756, примеч. И. Ямпольского.

¹⁹¹ Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 391-392.

¹⁹² См.: *Тихомиров Б. Н.* Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. СПб., 2012. С. 167-205.

¹⁹³ С 1879 г. единоличным владельцем дома стал Петр Степанович Елисеев, вступивший во владение после смерти отца, Степана Петровича. Его дядя, Григорий Петрович еще раньше оставил дом на Невском брату, переселившись на Васильевский остров, где у Елисеевых издавна тоже были большие владения.

Елисеева, «вмещающая в себя 600 с лишним человек», оказалась «далеко не достаточной для огромного числа лиц, стремившихся попасть на этот вечер». Буквально накануне, 8 марта (или даже утром 9-го), в Петербург приехал И. С. Тургенев и тоже принял участие в этих чтениях. На вечере выступали также знаменитые столичные литераторы М. Е. Салтыков-Щедрин, Я. П. Полонский, А. Н. Плещеев, А. А. Потехин.

«Литературный вечер, состоявшийся 9 марта в зале Благородного собрания, — писал хроникер газеты „Голос“, — надолго останется в памяти тех, кому удалось присутствовать на нем».¹⁹⁴ Достоевский выступал во втором отделении. В обозрении «Голоса» сообщалось, что он выбрал для чтения «„Расказ по секрету“ — признания Дмитрия Карамазова младшему брату своему Алексею». Анализ источников позволяет заключить, что писатель читал по рукописи две главы из книги третьей «Братьев Карамазовых» «Сладострастники», к тому времени еще не напечатанной, — «Исповедь горячего сердца» («В стихах» и «В анекдотах»).

«Вторая часть вечера открылась чтением Ф. М. Достоевского, — читаем в обозрении „Голоса“. — Несколько секунд рукоплескания не давали Ф. М. Достоевскому начать чтение. Чрезвычайно удачный выбор отрывка из романа „Братья Карамазовы“ <...> в котором отразились все особенности дарованья и манеры автора, и прочувствованное чтение произвели сильное впечатление. В одном месте даже наша публика, холодная и щепетильная, не выдержала и прервала чтение взрывом рукоплесканий»¹⁹⁵. Мемуаристка В. В. Тимофеева, писавшая под псевдонимом Ольга Починковская), вспоминала: «Это была мистерия под заглавием: „*Страшный суд, или Жизнь и смерть*“... Это было анатомическое вскрытие больного гангреною тела, — вскрытие язв и недугов нашей притупленной совести, нашей нездоровой, гнилой, все еще крепостнической жизни... Пласт за пластом, язва за язвой... гной, смрад... томительный жар агонии... предсмертные судороги... И освежающие, целительные улыбки... и кроткие, боль утешающие слова — сильного, здорового существа у одра умирающего. Это был разговор *старой* и *новой* России, разговор братьев Карамазовых — Дмитрия и Алеши... Мне представлялось, как будто слушатели, бывшие в зале, сначала не понимали, что он читал им, и перешептывались между собою:

— Маниак!.. Юродивый!.. Странный...

А голос Достоевского с напряженным и страстным волнением покрывал этот шепот... И этот проникновенный, страстный голос до глубины потрясал нам сердца... Не

¹⁹⁴ Голос. 1879. № 70. 11 марта.

¹⁹⁵ Там же.

я одна, — весь зал был взволнован. Я помню, как нервно вздрагивал и вздыхал сидевший подле меня незнакомый мне молодой человек, как он краснел и бледнел, судорожно встряхивая головой и сжимая пальцы, как бы с трудом удерживая их от невольных рукоплесканий. И как наконец загремели эти рукоплескания...

Все хлопали, все были взволнованы. Эти внезапные рукоплескания, не вовремя прервавшие чтение, как будто разбудили Достоевского. Он вздрогнул и с минуту неподвижно оставался на месте, не отрывая глаз от рукописи. Но рукоплескания становились все громче, все продолжительнее. Тогда он поднялся, как бы с трудом освобождаясь от сладкого сна, и, сделав общий поклон, опять сел читать. И опять послышался таинственный разговор на странную, совсем не „современную“, даже „ненормальную“ тему...

Верь тому, что сердце скажет!

Нет залогов от небес! —

говорил один с ядовитой и страстной иронией. А другой отвечал ему с такой же страстной, исступленною лаской: „Я не мстить хочу! Я простить хочу!..“

Мы слушали это с возрастающим волнением и с трепетом сердца тоже хотели „простить“! И вдруг все в нас чудодейственно изменилось: мы вдруг почувствовали, что не только не надо нам „погодить“ (аллюзия на прочтенный ранее Салтыковым-Щедриным фрагмент из «Современной идиллии». — *Б. Т.*), но именно нельзя медлить ни на минуту... Нельзя потому, что каждый миг нашей жизни приближает нас к вечному сумраку или к вечному свету, — к евангельским идеалам или к зверям. А неподвижной середины не существует. Нет точки незыблемой в мире вечно текущих, сменяющихся явлений, где каждое мгновение есть производное предыдущего, — нет остановок для мыслящего ума, как нет покоя для живущего сердца. Или — „чертова ахиня“ и укусы тарантула, или „возьми свой крест и иди за Мной!“. <...>

Он кончил, этот „ненормальный“, „жестокий талант“, измучив нас своей мукой, — и гром рукоплесканий опять полетел ему вслед, как бы в благодарность за то, что он вывел нас всех из „нормы“, что идеалы его стали вдруг нашими идеалами, и мы думали его думами, верили его верой и желали его желаниями...»¹⁹⁶

Чтение Достоевского тронуло даже недоброжелателей писателя. Поклонник Тургенева, Д. Н. Садовников записал в своем дневнике впечатление от чтения Достоевского: «Начал он вяло и скучно: речь шла о такой чертовщине в полном смысле слова, что я невольно подумал: „вот человек, точно лорд Редсток какой-то апокалипсис

¹⁹⁶ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 192-193.

объясняет“... Но когда дело дошло до признания Дмитрия Карамазова, все разом переменялось. Публика замерла. Болезненная глубина чувства этого сладострастника была так художественно-правдиво передана автором, что я ничего подобного не слыхивал. Манера читать прозу, стихи... трепет голосового органа... какая-то характерная торопливость на самом драматическом месте — неподражаемы»¹⁹⁷.

«Когда он кончил, — пишет о выступлении Достоевского присутствовавший в зале К. П. Ободовский, — все были ошеломлены. С полминуты длилось молчание, и затем гром аплодисментов, не смолкавший ¼ часа, потряс залу»¹⁹⁸. Пожалуй, так оглушительно принимали Достоевского впервые. Некоторое время спустя после этого вечера Н. Н. Страхов писал об успехе Достоевского А. А. Фету: «Вы, верно, читали описание этих неслыханных торжеств. Достоевский в первый раз получил оvation, которые поставили его наряду с Тургеневым. Он очень рад...»¹⁹⁹

«Успех литературного вечера был так велик, что решили повторить его 16 марта, почти с теми же (кроме Салтыкова) исполнителями», — вспоминает А. Г. Достоевская.²⁰⁰ «В программе был такой цветник имен писателей, — писал о первых чтениях в Благородном собрании один из мемуаристов, — что если бы вечер повторить и трижды, то и тогда бы зал каждый раз был переполнен»²⁰¹. Как и неделю назад, повторные чтения также проходили в зале дома Елисеева. Вопреки указанию Анны Григорьевны, другие мемуаристы называют среди участников вечера и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Жена писателя также не упоминает, что отличительной особенностью чтений 16 марта было включение в программу (во втором отделении) двух сцен из пьесы Тургенева «Провинциалка» в исполнении М. Г. Савиной, партнером которой был сам автор. В воспоминаниях же современников, напротив, этот эпизод чтений освещен весьма подробно. Однако свидетельства участников вечера о том, как на этот раз читал автор «Братьев Карамазовых», являются, наверное, наиболее яркими и выразительными во всей мемуарной литературе, посвященной Достоевскому-чтецу.

«Кроме Салтыкова, читавшего плохо, и Полонского, читавшего слишком приподнято-торжественно, все читали очень хорошо, — пишет, например С. А. Венгеров. — Но именно только читали. А Достоевский в полном смысле слова пророчествовал <...>. И никогда еще с тех пор не наблюдал я такой мертвой тишины в

¹⁹⁷ Садовников Д. Н. Встречи с И. С. Тургеневым // Русское прошлое. 1923. № 1. С. 75.

¹⁹⁸ Ободовский К. П. Листки из записной книжки // Исторический вестник. 1893. № 12. С. 775.

¹⁹⁹ Русское обозрение. 1901. № 1. С. 97.

²⁰⁰ Достоевская А. Г. Воспоминания / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Б. Н. Тихомирова и И. С. Ярышевой. СПб., 2011. С. 354.

²⁰¹ Гнедич П. П. Книга жизни. (Воспоминания). Л., 1929. С. 121-122.

зале, такого полного поглощения душевной жизни тысячной толпы настроениями одного человека. Когда читали другие, слушатели не теряли своего „я“ и так или иначе, но по-своему относились к слышанному. Даже совместное с Савиной превосходное чтение Тургенева не заставляло забываться и не уносило ввысь. А когда читал Достоевский, слушатель, как и читатель кошмарно-гениальных романов его, совершенно терял свое „я“ и весь был в гипнотизирующей власти этого изможденного, невзрачного старичка, с пронзительным взглядом беспредметно ухивших куда-то глаз, горевших мистическим огнем, вероятно, того же блеска, который некогда горел в глазах протопопы Аввакума»²⁰².

Некоторые участники чтений обновили свой репертуар. Если 9 марта Тургенев, например, читал «Бурмистра», то теперь из тех же «Записок охотника» он прочел рассказ «Бирюк». Полонский вместо поэмы «Нина Александровна Грибоедова» читал стихотворение «Казимир Великий» и т. п. Достоевский, судя по всему, читал те же главы из книги третьей «Братьев Карамазовых», что и в прошлый раз. Один из очевидцев так сообщал в письме к приятелю о своем впечатлении от чтения Достоевского: «Он до крайности нервен, как нервны его герои. <...> ...в манерах и движениях и его самого виден человек, уходящий в глубь себя. И вот нервы и его и публики от начала самого чтения, вполне законченного, целостного эпизода „По секрету!..“ (главы из нового романа — „Братья Карамазовы“) постепенно натягиваются, голос чтеца-создателя идет, так вот и кажется, вместе со всей болезненной силой из самых сокровенных тайников его души наружу. Исповедь старшего брата — офицера Мити со всей ширью его опять-таки русско-офицерской природы, с пеленок запущенной, оскорбляемой, унижаемой от колыбели, исповедь эта изливается *за коньячком* младшему брату Алексею — этой целостной, чистой, не тронутой „насекомыми сладострастия“ натуре — в какой-то мрачной, развалившейся беседке, о которой упоминается вскользь только как о пункте места отправления исповеди стихийного, униженного жизнью, людьми и собой человека, который все-таки имел единственную хорошую минуту просветления благодаря девушке. Это было, когда он, Дмитрий Карамазов, величающий сам себя подлецом и насекомым, весь пламенел и прососался подлостью и для подлости — и вдруг он неожиданно сам для себя в один момент вырос в чистого человека и настолько нравственно рослого, насколько до той минуты он был до болезненности низок, мал и гадок. <...> Зал покрылся дружными

²⁰² Венгеров С. А. Стать настоящим русским — значит стать братом всех людей: Из доклада «Пушкин и Достоевский» // Речь. 1915. № 114. 25 апреля (цит. по: Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 372-373).

неумолкаемыми аплодисментами, какими и встречен был при выходе на помост Ф. М. Раз двенадцать вызывали его, и одна из студенток поднесла ему громадный букет, уверченный полотенцем с вышивками в русском вкусе. Ф. М. взял букет как-то нервно, не глядя, разом, и сунул куда-то за занавес, как будто бы прогнал мешающий ему предмет или отстранил от себя что-либо мешающее ему наблюдать, анализировать, работать. И тут, конечно, сказалась своеобразная нервная натура. Читал он лучше всех, читал прекрасно, сердечно, читал от души»²⁰³.

«Впрочем, сказать про Достоевского: „он читал“, все равно, что ничего не сказать, — замечает еще один участник этого вечера, И. Л. Щеглов-Леонтьев. — Понятие о чтении в обычном смысле неприменимо, когда дело идет о Достоевском. Так, как читал Ф. М., когда он был в ударе (а в этот раз он был в особенном ударе), кажется, никто из русских литераторов не читал! Это было прямо что-то сверхчеловеческое, так сказать, новое творчество во время самого процесса чтения, сопровождаемое таким огромным нервным подъемом, который слушателя зараз заражал и ошеломлял и как бы насыщал атмосферу вокруг электричеством...

Достаточно было на минуту полузакрыть глаза — и чтец, и автор вдруг исчезали — и только слышалось в затаенной тишине, как лилась и переливалась пламенная покаянная речь Мити Карамазова — „воистину исповедь горячего сердца“.

В моих ушах до сих пор звучит стих, цитируемый Митей Карамазовым:

Нам друзей дала в несчастье,
Гроздий сок, венки Харит,
Насекомым — сладострастье...

Это — „насекомым — сладострастье“ было произнесено каким-то сдавленно-страстным, нервно трепетным шепотком, от которого дрожь пробегала по телу...»

«Буквально волосы шевелились на голове, — продолжает тот же мемуарист, — от этого огненного проникновенного чтения — впечатление было близкое к тому, что дает „Патетическая симфония“ Чайковского. Что в том, что Достоевский дерзнул взять для публичного чтения самую дерзновенную главу „О Мадонне и грехе Содомском“, но в его передаче каждое слово жгло и хватало за сердце, унося куда-то в неведомые и недостижимые дали...

Гипноз окончился только тогда, когда он захлопнул книгу»²⁰⁴.

²⁰³ Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 476-477. (Лит. наследство. Т. 86)

²⁰⁴ Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 218-219.

«Боже, как у меня билось сердце... я думаю, что и все замерли... — признается и А. П. Филоsofova, — есть ли возможность передать то впечатление, которое оставило чтение Федора Михайловича. Мы все рыдали, все были преисполнены каким-то нравственным восторгом...»²⁰⁵

«Заключительные слова <...> сцены, где Екатерина Ивановна потрясена великодушием Мити, в чтении Достоевского произвели потрясающее впечатление, — вспоминает и А. И. Суворина. — „Она вся вздрогнула, посмотрела пристально, страшно побледнела, ну как скатерть, и тоже ни слова не говоря, не с порывом, а мягко так, глубоко, тихо склонилась вся и прямо в ноги, лбом до земли, не по-институтски... по-русски“. И вот эти-то последние фразы — *в ноги... по-русски!* Последние слова Достоевский не прочел, а таким проникновенным, каким-то восторженным возгласом крикнул. Зал мгновенно, с оглушительным „браво“, весь встал, и казалось, что, если бы не мешали стулья, также истово, в ноги, по-русски поклонился бы ему, как Екатерина Ивановна, до земли. Долго крики восторга не смолкали, и долго Федор Михайлович стоял перед восторженной толпой, тяжело дыша, как бы сам переживая терзания своих героев»²⁰⁶.

О чтении на этом вечере Тургенева вспоминает его «партнерша» М. Г. Савина: «Появление Ивана Сергеевича в первом отделении было встречено овацией — и он долго не мог начать читать. Он прочел „Бирюка“. Читал Тургенев вообще плохо, а тут еще волновался. Наш „номер“ был во втором отделении. <...> Когда мы вышли, я, конечно, не кланялась на аплодисменты, а сама аплодировала автору. <...>

— Надолго вы приехали в наши края, ваше сиятельство? (Этой фразой начинается сцена.)

Не успела я это произнести, как аплодисменты грянули вновь <...> Нечего и говорить об овациях после окончания чтения. Ивана Сергеевича забросали лаврами»²⁰⁷.

Во время исполнения «Провинциалки», отмечает мемуаристка, «все распорядители, то есть литераторы и даже Достоевский, участвовавший в этом вечере, пошли слушать в оркестр». Словечко «даже» в этом мемуарном свидетельстве принадлежит, конечно же, стороннице Тургенева и хорошо передает «дух партийности», царивший 16 марта в зале Благородного собрания. Впрочем, как бы не чувствуя собственного смыслового акцента, сама Савина тут же замечает: «Меня всегда поражало стремление публики к партиям. Мыслимы ли партии, когда сходятся такие

²⁰⁵ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 378.

²⁰⁶ Там же. С. 431.

²⁰⁷ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 383-384.

колоссы, как Достоевский и Тургенев»²⁰⁸. Тем не менее должно констатировать, что и сама актриса пишет свои воспоминания об этом вечере с «партийных» позиций.

«Когда вышел Достоевский на эстраду, — пишет Савина, — овация приняла бурный характер: кто-то кому-то хотел что-то доказать. Одна известная дама Ф. (Анна Павловна Философова. — *Б. Т.*) подвела к эстраде свою молоденькую красавицу дочь, которая подала Федору Михайловичу огромный букет из роз, чем поставила его в чрезвычайно неловкое положение. Фигура Достоевского с букетом была комична — и он не мог не почувствовать этого, как и того, что букетом хотели сравнить овации. Вышло бестактно по отношению „гостя“, для чествования которого все собрались (имеется в виду Тургенев. — *Б. Т.*) <...>. В публике, благодаря этому букету, произошло некоторое смятение...»²⁰⁹ Заметим для точности, что это был вовсе не «вечер встречи» с И. С. Тургеневым. И Достоевский, и Щедрин, и Полонский имели в зале, говоря сегодняшним словечком, своих «фанатов». Так что расстановка акцентов в воспоминаниях знаменитой актрисы также выдает автора как сторонника тургеневской «партии»...

Можно предположить, что в настрое этих воспоминаний Савиной сказался и язвительный комплимент, очень огорчивший мемуаристку, который после их совместного выступления с Тургеневым сказал ей в артистической комнате Достоевский: «У вас каждое слово отточено, как из слоновой кости, а старичок-то пришепетывает...»²¹⁰

Впрочем, как пишет Д. Н. Садовников, в финале вечера «публика помирила Тургенева с Достоевским, заставив выйти обоих рука об руку». Н. А. Соловьев-Несмелов также свидетельствует: «В заключение вызвали вместе И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского, и они на эстраде крепко пожали друг другу руки».

Правда, такое «братание» двух корифеев русской литературы, очевидно, могло понравиться далеко не всем. По поводу *равных оваций*, устроенных публикой Достоевскому и Тургеневу на предшествующих чтениях 9 марта, литератор Б. Маркевич, автор антинигилистических романов, довольно популярных в свое время, задавался таким недоуменным вопросом: «Что же общего — спрашивал я себя — <...> между таким „неисправимым западником“, каков, по собственному своему признанию г-н Тургенев, и тем вечным искателем *настоящей русской правды*, которому имя Достоевский? Что общего между беспочвенностью и бессилием идеалов всяких

²⁰⁸ Там же. С. 384.

²⁰⁹ Там же. С. 384-385.

²¹⁰ Там же. С. 384.

Рудиных и „лишних людей“ и глубоко народным воззрением <автора> „Записок из Мертвого дома“?»²¹¹ Можно предположить, что Маркевичу вряд ли понравился бы акт примирения двух великих писателей, которым закончились чтения 16 марта. Его недоуменные и раздраженные вопросы хорошо обнаруживают, что царивший на вечере в зале Благородного собрания «дух партийности» имел свои основания в идеологической сфере, а отнюдь не в области исключительно литературных вкусов.

Тем не менее слова Д. Н. Садовников о том, что «публика помирила Тургенева с Достоевским», нуждаются в комментариях. За ними скрываются очевидные для современников, но неявные для сегодняшнего читателя события, произошедшие буквально на днях, в промежутке между двумя литературными вечерами в Благородном собрании.

Дело в том, что 13 марта, то есть тремя днями ранее описываемых событий, на торжественном обеде, который в ресторане Бореля на Большой Морской улице (соврем. № 16) давала Тургеневу петербургская общественность, между писателями, действительно, произошло что-то вроде ссоры. «На днях, — записал в своем дневнике А. А. Киреев, — на большом обеде, данном Тургеневу представителями литературы, он произнес тост за идеалы, которым сочувствует молодое поколение; Достоевский к нему обратился с вопросом: „Что это за идеалы?“»²¹². В таком лапидарном изложении этот эпизод выглядит достаточно безобидным. Но в воспоминаниях, например, Г. К. Градовского ситуация предстает гораздо более острой.

Когда Тургенев завершал свой тост, вспоминает Градовский, «взрыв рукоплесканий покрыл слова писателя; но громче их раздался шипящий, желчный возглас Ф. М. Достоевского. Он подскочил к Тургеневу с трудно передаваемой раздражительностью и злобно кричал:

— Повторите, повторите, что вы хотели сказать, разъясните прямо, чего вы добиваетесь, что хотите навязать России!..

Тургенев отшатнулся, выпрямился во весь свой рост, подавлявший небольшого и тщедушного Достоевского, и развел руками тем жестом, которым выражают глубочайшее недоумение и негодование.

— Что я хотел сказать, то сказал... Надеюсь, все меня поняли... А на ваш *допрос*, хотя бы и с пристрастием, отвечать не обязан!»²¹³

²¹¹ Письма Б. М. Маркевича к графу А. К. Толстому, П. К. Щербальскому и др. СПб., 1888. С. 300-301.

²¹² Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 475.

²¹³ Градовский Г. К. Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1904. № 1. С. 111. Также см.: Градовский Г. К. Итоги (1862–1907). Киев, 1907. С. 361.

«Хорош Достоевский! — восклицал по поводу этого инцидента друг Тургенева П. В. Анненков, — не распознал у Тургенева идеалов и пожелал на обеде выставить его пунцовым драконом, каковых китайцы пишут на своих знаменах...»²¹⁴ «Пунцовым» — то есть «красным», надо понимать — *либералом и революционером...*

Не лишним будет заметить, что прямо в этот день, 13 марта 1879 г., в Петербурге, на набережной Лебяжьей канавки, в непосредственной близости от Зимнего дворца народоволец Лев Мирский совершил неудавшееся покушение на шефа жандармов генерал-адъютанта А. Р. Дрентельна. Террорист с места покушения скрылся. На ноги была поднята вся столичная полиция. Политическая атмосфера в городе была накалена до предела. Это наблюдение вносит необходимые идеологические штрихи в тот исторический контекст, вне которого трудно должным образом оценить инцидент между Достоевским и Тургеневым, который произошел на «литературном обеде» в дорогом аристократическом ресторане француза Бореля.

На этом обеде у Бореля присутствовало более ста человек. В считанные часы известие об инциденте стало достоянием всех гостиных Петербурга. И через три дня в зале Благородного собрания, расположенного, кстати, в соседнем доме с рестораном Бореля (№№ 12 и 14 по Большой Морской), большинство публики выражало аплодисментами не только свое отношение к прозвучавшим литературным текстам и чтецкому мастерству их авторов, но, очевидно, и поддержку политических взглядов и идеологически позиций того или другого писателя.

В 1879 г. Достоевский еще трижды выступал на чтениях в зале Благородного собрания. Все они пришлись на середину – конец декабря, когда писатель несколько освободился от срочной работы над романом «Братья Карамазовы». Поэтому, когда к нему обратились организаторы благотворительного вечера в пользу Высших женских курсов с просьбой принять участие в традиционных, ежегодно проводившихся 14 декабря литературных чтениях, он без колебаний ответил на их предложение согласием.

Обозреватель «Нового времени», присутствовавший на чтениях, сообщал: «В пятницу, 14 декабря, в зале Благородного собрания был дан художественно-литературный вечер в пользу слушательниц Высших бестужевских курсов. Вечер носил чисто семейный характер и распадался на два отделения». Охарактеризовав выступления проф. Н. П. Вагнера, поэта А. Н. Плещеева и писателя А. А. Потехина, а также пианистки г-жи Малявко, скрипача Дегтярева и певцов А. Скальковской,

²¹⁴ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. СПб., 1912. Т. 3. С. 367.

В. Ильинского и баронессы Е. Клебек, хроникер продолжал: «Г-н Достоевский прочел отрывок из романа „Униженные и оскорбленные“ в виде рассказа двенадцатилетней девочки. Правдивость, простота, безыскусственность речи, самое мирозерцание ребенка были до того живо переданы автором, что у многих из присутствующих навертывались слезы. Надо отдать справедливость автору, что он сумел вполне воспроизвести действительность, и довольно было закрыть глаза, чтобы поверить, что перед вами лепечет подросток-девочка». Автор обозрения отметил, что «все исполнители были встречены очень радушно. Многих встречали оглушительным взрыв аплодисментов, вызовам не было конца!!»²¹⁵ Что означает в таком контексте указание обозревателя на «чисто семейный» характер вечера, остается непонятным...

Выбор для чтения фрагмента из «Униженных и оскорбленных» — романа, написанного в 1861 г., был, очевидно, обусловлен тем, что в 1879 г. Достоевский вновь обратился к тексту этого произведения, проведя серьезную стилистическую правку для очередного, 5-го издания романа (вышел в свет 10 ноября 1879 г.). Мемориальный экземпляр «Униженных и оскорбленных» в издании 1879 г., по которому писатель читал на этом вечере, с его пометками на соответствующих страницах, хранится ныне в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Наряду с газетным обозрением это обстоятельство позволяет исправить ошибку А. Г. Достоевской, которая датировала в своих мемуарах вечер, на котором в зале Благородного собрания читался монолог Нелли, декабрем 1878 г.²¹⁶

Спустя два дня, 16 декабря, Достоевский вновь выступил в зале дома Елисеева на «литературном утре» в пользу Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Ларинской гимназии. «Прочел он, — сообщает о муже А. Г. Достоевская, — „Мальчика у Христа на елке“. Чтение было дневное, в час дня»²¹⁷. Кроме Достоевского перед собравшимися в аудитории Благородного собрания выступали участники позавчерашних чтений А. А. Потехин и А. Н. Плещеев, а также П. И. Вейнберг, Д. В. Григорович и А. И. Пальм.

Вообще отметим, что, начиная с первых выступлений Достоевского в начале 1879 г., именно эти литераторы (может быть, за исключением Пальма) наиболее часто

²¹⁵ Новое время. 1879. 16 декабря. № 1366.

²¹⁶ См.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. СПб., 2011. С. 345. Ошибка допущена Анной Григорьевной не только в тексте воспоминаний, но и в сохранившейся в ее архиве рукописной программе этих чтений, где первоначально была проставлены только число и месяц — «14 декабря», — а позднее рукой жены писателя приписано: «1878». Ошибка, как можно предположить, была вызвана тем, что эти чтения в пользу Высших женских (Бестужевских) курсов проводились в это число — день рождения одного из их основателей, историка К. Н. Бестужева-Рюмина, — ежегодно.

²¹⁷ Там же. С. 362.

фигурируют совместно с ним в программах разных благотворительных вечеров. Складывается впечатление, что в это время в Петербурге сложилась как бы «бригада» столичных писателей (к названным именам можно добавить Я. П. Полонского, позднее О. Ф. Миллера, из актеров — М. Г. Савину, отчасти И. Ф. Горбунова), которые более или менее регулярно принимали участие в большинстве проводимых литературных чтений. В отличие от таких «маститых» авторов (в дальнейшем сделавшихся «школьными классиками»), как И. А. Гончаров или М. Е. Салтыков-Щедрин, не более чем один-два раза выступивших в эти годы на подобных мероприятиях, Достоевский — единственный из литераторов первого ранга, кто последовательно участвовал почти во всех благотворительных литературных вечерах и утренниках этого времени.

Описывая чтения в пользу учеников Ларинской гимназии, жена писателя, в частности, отмечает: «В числе участвовавших был актер, знаменитый рассказчик И. Ф. Горбунов, и я запомнила, что, благодаря его присутствию, в читательской все были чрезвычайно оживлены. Литераторы, прочитав выбранный отрывок, уже не выходили в публику, а оставались в читательской. Иван Федорович был в ударе, много рассказывал неизвестного и остроумного и даже на афише нарисовал чей-то портрет»²¹⁸. Однако в сохранившейся программе чтений имя И. Ф. Горбунова отсутствует. Поскольку программы подобных мероприятий всегда требовали утверждения градоначальника или попечителя Петербургского учебного округа, не исключено, что А. Г. Достоевская и здесь допустила ошибку в своих воспоминаниях и запомнившийся ей эпизод в кулуарах чтений имел место в какой-то другой раз.

Под самый Новый год, 30 декабря, Достоевский вновь выступил в любимейшей аудитории, на этот раз он принял участие в «литературном утре» в пользу студентов Санкт-Петербургского университета. Вместе с ним выступали А. А. Потехин, Д. В. Григорович, П. И. Вейнберг, Я. П. Полонский. Знаменитый актер Александринского театра В. В. Самойлов, не однажды выражавший сожаление, что Достоевский ничего не написал в драматическом жанре и он не имеет возможности воплотить на сцене созданных им героем, нашел-таки возможность приобщиться к творчеству писателя и, приняв участие в вечере, прочел его рассказ «Мальчик у Христа на елке». Из новых лиц выступал также поэт, драматург и прозаик А. А. Навроцкий, писавший под прозрачным псевдонимом Н. А. Вроцкий и прославившийся как автор текста песни «Есть на Волге утес...»

---

²¹⁸ Там же.

«...Федор Михайлович, — вспоминает этот вечер жена писателя, — мастерски прочитал „Великого Инквизитора“ из „Братьев Карамазовых“. Чтение имело необыкновенный успех, и публика много раз заставила автора выйти на ее аплодисменты»²¹⁹. Чтение «Великого инквизитора» писатель предварил вступительным словом, в котором кратко обозначил идейный замысел главы и дал характеристику автору поэмы — Ивану Карамазову. «Один страдающий неверием атеист в одну из мучительных минут своих, — говорил писатель о своем герое, — сочиняет дикую, фантастическую поэму, в которой выводит Христа в разговоре с одним из католических первосвященников — Великим инквизитором. Страдание сочинителя поэмы происходит именно оттого, что он в изображении своего первосвященника с мировоззрением католическим, столь удалившимся от древнего апостольского православия, видит воистину настоящего служителя Христова. Между тем его Великий инквизитор есть, в сущности, сам атеист. Смысл тот, что если исказишь Христову веру, соединив ее с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства, ум несомненно должен впасть в безверие, вместо великого Христова идеала созиждется лишь новая Вавилонская башня...»²²⁰

В зале Благородного собрания на этом «литературном утре» присутствовал попечитель Петербургского учебного округа князь М. С. Волконский (сын декабриста), давший разрешение на публичное чтение «Великого инквизитора». Однако после выступления писателя он объявил Достоевскому, что, «судя по произведенному впечатлению», он впредь «запрещает читать» эту главу на публичных вечерах.²²¹

31 декабря, на следующий день после вечера, О. Ф. Миллер, один из организаторов чтений, сообщал председателю Литературного фонда В. П. Гаевскому: «Как ни поздно вышла наша афиша (вследствие многих помех), имя Федора Михайловича Достоевского успело привлечь, и в самое короткое время, весьма многочисленную публику, так что при сравнительной умеренности наших цен мы получили свыше 1200 рублей»²²².

21 марта 1880 г. зала Благородного собрания вновь была набита до отказа. В этот раз на благотворительных чтениях в пользу слушательниц Высших женских курсов вновь сошлись Достоевский и Тургенев. Обозреватель «Петербургской газеты» лаконично сообщал: в вечере «приняли участие: гг. Тургенев, Достоевский, Вейнберг,

²¹⁹ Там же. С. 363.

²²⁰ ПСС. Т. 15. С. 198.

²²¹ ПСС. Т. 30, кн. 1. С. 145.

²²² Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 83). С. 493.

Плещеев и Потехин, а в музыкальной части: г-жи Белинская, Кузнецова, Бичурина, гг. Гольдштейн и Корякин. <...> Вечер удался вполне, зала была полна, и сбор превысил две тысячи рублей, несмотря на то что о вечере не было оповещено ни в афишах, ни в газетах»²²³. Эту сухую информацию более яркой и объемной позволяют сделать воспоминания С. В. Карчевской, в будущем жены великого физиолога И. П. Павлова, а тогда еще двадцатилетней курсистки, слушательницы Бестужевских курсов, которая как помощница распорядителей имела возможность наблюдать маститых участников вечера еще до начала чтений, в кулуарах.

«В небольшом зале на белоснежной скатерти, покрывающей длинный стол, сервирован чай с бутербродами, холодной закуской, дорогими печеньями, фруктами, конфетами и винами, — начинает мемуаристка. — Мне и в ум не приходит обратить внимание на угощение, когда в одной комнате со мной находятся Достоевский, Тургенев, Плещеев, Мельников, Бичурина...

Достоевский молча прохаживался вдоль комнаты, прихлебывая крепкий чай с лимоном. Тургенев старается казаться спокойным, но как-то неудачно подшучивает над хорошенькими делегатками, окружающими его...» «Первым читал Тургенев, — пишет далее Карчевская, — величественный человек с красивой осанкой, с гривой седых волос над выразительным, умным лицом». В противоположность М. Г. Савиной, заметившей, как мы помним, что «читал Тургенев вообще плохо», курсистка Карчевская осталась в восторге от чтения мэтра:

«Читал Тургенев артистически — на разные голоса — и умел интонацией охарактеризовать каждое лицо, — сообщает она. — „Певцы“ встали перед публикой как живые. По окончании гром аплодисментов и возгласы приветствовали Тургенева».

«Когда все стихло, — продолжает Карчевская, — на эстраде появился маленький человек, бледного, болезненного вида, с мутными глазами, и начал слабым, едва слышным голосом чтение. „Пропал бедный Достоевский!“ — подумала я.

Но что случилось? Вдруг я услышала громкий голос и, выглянув на эстраду, увидела „Пророка“! Лицо Достоевского совершенно преобразилось. Глаза метали молнии, которые жгли сердца людей, а лицо блистало вдохновенной высшей силой!»²²⁴

Перед выходом Достоевского, сообщает другая мемуаристка, «Тургенев выразил мне желание слышать его чтение, я прошла в залу, чтобы приготовить место.

²²³ Петербургская газета. 1880. № 59. 25 марта.

²²⁴ Павлова С. В. Из воспоминаний // Новый мир. 1946. № 3. С. 116-117.

Как полна была зала! Не только все места заняты, но стоят во всех проходах; очевидно, курсистки продали билеты без мест... Достоевский вошел в зал под шумные аплодисменты, долго не стихавшие. Тургенев сел и стал внимательно слушать чтение.

Достоевский читал то захватывающее место из „Подростка“, где несчастная Оля, приехавшая из провинции в Петербург, напрасно ищет места, и наконец отец „подростка“, без всякого злого умысла, предлагает ей, до приискания места, 30 рублей, которые она принимает. Но, изверившаяся в добрых чувствах людей и их бескорыстии, она начинает сомневаться, следовало ли брать эти деньги, возвращает их после дикой сцены с отцом „подростка“, и, придя домой, ночью вешается на гвозде, с которого случайно было снято зеркало.

Достоевский читал не очень громко, но таким проникновенным голосом, что становилось как-то жутко и казалось, что эту страшную сцену действительно переживаешь сама. Впечатление было так сильно, что аплодисменты раздались не сразу. Только когда прошло первое тяжелое впечатление, раздались аплодисменты. И Тургенев громко хлопал Достоевскому²²⁵. «По окончании чтения началось настоящее столпотворение. Публика кричала, стучала, ломала стулья и в бешеном сумасшествии вызывала: „Достоевский!“»²²⁶ — свидетельствует С. В. Карчевская.

Если мемуаристка называет выбранный писателем для чтения эпизод «захватывающим», то обозреватель «Петербургской газеты», напротив, остался весьма недовольным. «К сожалению, — делится он своим впечатлением, — нельзя умолчать, что наш высокоталантливый романист Ф. М. Достоевский сделал не особенно удачный выбор для чтения. Он прочел эпизод из своего романа „Подросток“, и именно рассказ, как одна бедная молодая девушка, кончившая курс с золотой медалью в гимназии, ищет уроков, чтобы иметь хоть какие-либо средства к существованию. Вследствие ее публикации в газетах об уроках, она получает предложение поступить на содержание и обманным образом попадает в дом терпимости. Оскорбленная злонамеренными людьми и гонимая судьбою и крайностью, несчастная честная труженица кончает самоубийством: она повесилась. Нечего говорить, что рассказ в талантливом изложении автора и его прекрасном чтении производит тяжелое впечатление на слушателей. Но насколько уместно рисовать такую мрачную, хотя единично возможную, картину при молодых девушках, из которых многим предстоит борьба с жизнью и нуждою, и, может быть, наводить их на ложную мысль, что исход подобной непосильной борьбы один —

²²⁵ Бретцель А. А. фон. Мои воспоминания о Достоевском и Тургеневе // Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 83). С. 320.

²²⁶ Павлова С. В. Из воспоминаний. С. 117.

самоубийство; насколько приличен на подобном литературном вечере, хотя и в сокращенном виде, рассказ, что произошло с его героинею в доме на Вознесенском проспекте, — это вопрос другой и вопрос весьма серьезный...»²²⁷

А. Г. Достоевская в своих мемуарах ошибочно свидетельствует, что писатель для этого выступления «выбрал отрывок из „Преступления и наказания“ — „Сон Раскольникова о загнанной лошади“». «Впечатление, — пишет мемуаристка, — было подавляющее, и я сама видела, как люди сидели, бледные от ужаса, а иные плакали. Я и сама не могла удержаться от слез»²²⁸. Возможно, ошибка жены писателя вызвана тем, что первоначально планировалось чтение именно сна Раскольникова (и в рукописной программе вечера, фрагмент которой сохранился в архиве А. Г. Достоевской, означено: «отрывок из „Преступления и наказания“ Ф. М. Достоевского прочтет автор»). Однако обозрение в «Петербургской газете» и воспоминания современников позволяют восстановить реальные события. Можно предположить, однако, что Анна Григорьевна, конечно же, не выдумала описанный ею эпизод чтения «Сна Раскольникова», и это чтение имело место в другой раз, но, возможно, также в зале Благородного собрания, где весной 1880 г. писатель выступал еще трижды.

Впрочем, в двух из трех раз мы знаем, из каких произведений читал Достоевский. Так через неделю, 28 марта, на вечере в пользу студентов Петербургского университета, вновь проходившем в знакомых нам стенах, Достоевский действительно читал из «Преступления и наказания», но не сцену избиения лошади, а «Разговор Раскольникова с Мармеладовым». На этот раз указание жены писателя совпало со свидетельством обозревателя «Нового времени». Сообщив, что после выступлений О. Ф. Миллера, прочитавшего «Люцерн» Л. Толстого, Я. П. Полонского, П. И. Вейнберга и пианистки Сергеевич, во втором отделении выступил Достоевский, журналист продолжает: «...как только Достоевский появился на эстраде, разразилась буря рукоплесканий. Ф. М. прочел вторую главу из своего романа „Преступление и наказание“. По окончании чтения, лектору поднесли два лавровых венка и вызывали раз семь. <...> Все участвовавшие в вечере встречались и провожались самыми дружными аплодисментами, но больше всех оваций выпало на долю Ф. М. Достоевского»²²⁹.

Два лавровых венка, поднесенных Достоевскому, — деталь, заметим, несколько необычная. Но она объясняется просто. Согласно программе, в вечере, так же как и неделю назад, должен был принимать участие И. С. Тургенев. Но в газетах отмечалось,

²²⁷ Петербургская газета. 1880. № 59. 25 марта.

²²⁸ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 378.

²²⁹ Новое время. 1880. № 1468. 30 марта. См. также: Новое время. 1880. № 1470. 1 апреля

что «выступление Тургенева не состоялось из-за его внезапного нездоровья». Вот «лишний», приготовленный для автора «Отцов и детей» второй лавровый венок и был поднесен Достоевскому! Конечно же, никто более из участников вечера — ни Миллер, ни Вейнберг, ни Полонский, — по мнению организаторов, не мог претендовать на то, чтобы быть увенчанным лаврами триумфатора...

В своих мемуарах А. Г. Достоевская замечает, что вечер 28 марта был «последним весенним чтением этого года»²³⁰, однако это утверждение не соответствует действительности. До отъезда в Старую Руссу, который в 1880 г. состоялся около 12 мая, писатель по крайней мере еще трижды принимал участие в разных благотворительных чтениях. И два из них вновь состоялись в доме Елисеевых на Невском.

6 апреля он участвовал в литературно-музыкальном вечере в пользу Общества вспомоществования студентам Медико-хирургической академии, который и на этот раз состоялся в зале Благородного собрания. Кроме Достоевского в вечере приняли участие писатели и поэты Г. П. Данилевский, Я. П. Полонский, И. Ф. Горбунов, А. Н. Плещеев, певцы и музыканты Г. Вурм, Г. Черни, Д. Климов, А. А. Полякова, О. А. Скальковская, Бертенсон, В. М. Самусь, Н. В. Дегтярев, А. В. Вержбилович и Н. Д. Кившенко. К сожалению, обнаружен только газетный анонс этого вечера с указанием даты его проведения. Но мы знаем точно, что Достоевский выступал перед студентами-медиками, поскольку в конце 1880 г. он получил благодарственное письмо, подписанное начальником Медико-хирургической академии, председателем Общества вспомоществования нуждающимся студентам профессором Я. А. Чистовичем с благодарностью за участие «весною» в благотворительном вечере, который «имел блестящий успех и принес <...> студентам Академии значительное облегчение в нуждах их»²³¹. Поскольку в газетном анонсе перечислены только имена участников вечера, мы, к сожалению не знаем, что именно читал на этот раз Достоевский. Но вполне вероятно, что именно в этот раз писателем как раз и был прочтен «Сон Раскольникова» из Преступления и наказания». Совпадение в обоих случаях места проведения чтений подсказывает, что именно это обстоятельство и могло послужить причиной ошибки А. Г. Достоевской.

27 апреля в последний раз этой весной писатель выступал в зале Благородного собрания. На этот раз — в пользу Славянского благотворительного общества.

²³⁰ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 378.

²³¹ Цит. по: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 511.

Достоевский выбрал для чтения еще не напечатанную главу из десятой книги романа «Братья Карамазовы» — «Мальчики». По воспоминаниям знакомого писателя — метранпажа М. А. Александрова, «несмотря на то что дело было в заключительный день пасхальных увеселений,²³² стояла прекрасная погода, которая, заодно с только что наступившими белыми петербургскими ночами, манила на прогулку на открытом воздухе, зала Благородного собрания у Полицейского моста к началу вечера, то есть еще засветло, была буквально переполнена публикою...

Когда по программе дошла очередь до выхода на эстраду Федора Михайловича, — пишет Александров, — в зале водворилась необыкновенная тишина, свидетельствующая о напряженном внимании, с которым присутствовавшие устремляли свои взоры на эстраду, где вот-вот появится автор „Братьев Карамазовых“, писатель давно знаменитый, но недавно признанный таковым... И вот, когда этот момент наступил, среди напряженной тишины раздался взрыв рукоплесканий, длившийся, то чуть-чуть ослабевая, то вновь вдруг возрастая, около пяти минут. Федор Михайлович, деловую поступью вышедший из-за кулис и направлявшийся к столу, стоявшему посредине эстрады, остановился на полдороге, поклонился несколько раз приветствовавшему его партеру и продолжал, тою же деловую поступью, путь к столу; но едва он сделал два шага, как новый взрыв рукоплесканий остановил его вновь. Поклонившись опять направо и налево, Федор Михайлович поспешил было к столу, но оглушительные рукоплескания продолжались и не давали ему сесть за стол, так что он еще с минуту стоял и раскланивался. Наконец, выждав, когда рукоплескания несколько поутихли, он сел и раскрыл рукопись; но тотчас же, вследствие нового взрыва рукоплесканий, должен был снова встать и раскланиваться. Наконец, когда рукоплескания стихли, Федор Михайлович принялся читать. Читал он в тот вечер не напечатанные в „Русском вестнике“ главы из „Братьев Карамазовых“.

Чтение его было, по обыкновению, мастерское, отчетливое и настолько громкое или, вернее, внятное, что сидевшие в самом отдаленном конце довольно большой залы Благородного собрания, вмещающей в себе более тысячи сидящих человек, слышали его превосходно»²³³.

По просьбе слушателей, сообщает тот же мемуарист, после антракта, во втором отделении, Достоевский «сверх программы» выступил с чтением стихов. «Несмотря на продолжительность только что оконченного чтения, Федор Михайлович чувствовал

²³² «...в Фомино воскресенье», — уточняет Александров тут же.

²³³ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 308-309.

себя настолько бодрым, что охотно исполнил эту просьбу. Перед многочисленным собранием публики он чувствовал себя так же хорошо и держал себя так же свободно, как бы в дружеском кружке; публика в свою очередь, чутко отличая искренность в его голосе, относилась к нему так же искренно, как к давно знакомому своему любимцу, так что, в отношении тона, овации публики Федору Михайловичу существенно отличались от оваций какой-нибудь приезжей знаменитости из артистического мира вообще.

На этот раз перед чтением вне программы Федор Михайлович сказал следующее маленькое вступление, полное характеристичности и остроумия:

— Я прочту стихи одного русского поэта... истинного русского поэта, который, к сожалению, иногда думал не по-русски, но когда говорил, то говорил всегда истинно по-русски!

И Федор Михайлович прочел „Власа“ Некрасова — и как прочел! Зала дрожала от рукоплесканий, когда он кончил чтение. Но публика не хотела еще расстаться с знаменитым чтецом и просила его еще что-нибудь прочесть. Федор Михайлович и на этот раз не заставил себя долго просить; он сам, видимо, был сильно наэлектризован энтузиазмом публики и не ощущал еще усталости. Он прочел маленькую поэму графа А. К. Толстого „Илья Муромец“ и при этом очаровал своих слушателей художественною передачею полной эпической простоты воркотни старого, заслуженного киевского богатыря-вельможи, обидевшегося на князя Владимира Красное Солнышко за то, что тот как-то обнес его чарою вина на пиру <...>. Когда Федор Михайлович читал финальные стихи поэмы:

И старик лицом суровым
 Просветлел опять,
 По нутру ему здоровым
 Воздухом дышать;
 Снова веет воли дикой
 На него простор,
 И смолой и земляникой
 Пахнет темный бор... —

одушевление его, казалось, достигло высшей степени, потому что заключительные слова „и смолой и земляникой пахнет темный бор...“ были произнесены им с такою удивительною силою выражения в голосе, что иллюзия от истинно художественного чтения произошла полная: всем показалось, что в зале „Благородки“ действительно запахло смолою и земляникою... Публика остолбенела, и, благодаря этому

обстоятельству, оглушительный гром рукоплесканий раздался лишь тогда, когда Федор Михайлович сложил книгу и встал со стула»²³⁴.

Удивительно, что А. Г. Достоевская «упустила» это выступление мужа в своих мемуарах, ведь в ее архиве хранился корректурный оттиск книги «Мальчики» с главами «Коля Красоткин», «Детвора», «Школьник», «Жучка», «У Илюшиной постельки», по которому Достоевский читал на этом «литературном утре». На листе, вплетенном перед текстом, рукой А. Г. Достоевской сделана запись: «Отрывок из романа „Братья Карамазовы“ с собственноручными пометками Ф. М. Достоевского для чтения на литературном вечере»²³⁵.

В ночь после выступления, а скорее всего, под утро (писатель постоянно работал по ночам) он писал Н. А. Любимову: «Вчера, 27 числа, читал эпизод из этой книги (то есть „Мальчиков“. — *Б. Т.*) на литературном вечере в пользу Славянского благотворительного общества, — и эффект, без преувеличения и похвальбы могу сказать, был чрезвычайно сильный».

Заслуживает внимания, что в последние месяцы жизни, когда он завершал роман «Братья Карамазовы», Достоевский, в отличие от 1879 и начала 1880 г., преимущественно читал на литературных вечерах не свои произведения, а стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Алексея Толстого, эпизоды из «Мертвых душ» и сцены из «Недоросля», «Горя от ума», «Бориса Годунова», «Женитьбы», то есть выступал не столько как автор, сколько в качестве чтеца.

Выразительным примером, подтверждающим сказанное, является участие Достоевского в благотворительном вечере 21 ноября 1880 г. в пользу Литературного фонда, который и на этот раз проводился в зале Благородного собрания. По свидетельству жены писателя, на этом вечере Достоевский «в первом отделении прочел стихотворение Некрасова: „Когда из мрака заблужденья“, во втором — отрывки из первой части поэмы Гоголя „Мертвые Души“»²³⁶. Сохранившаяся программа вечера позволяет уточнить, что Достоевский и на этот раз также читал балладу А. К. Толстого «Илья Муромец». Это подтверждает и В. А. Поссе, который, дополнительно назвав еще пушкинского «Пророка», дал такое выразительное описание характера, стиля декламации писателя:

²³⁴ Там же. С. 309-310.

²³⁵ НИОР РГБ. Ф. 93. I.2.4. Также см.: Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции: Научное описание. СПб., 2005. С. 46.

²³⁶ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. СПб., 2011. С. 390.

«На эстраду вышел небольшой сухонький мужичок, мужичок захудалый, из захудалой белорусской деревушки. Мужичок зачем-то был наряжен в длинный черный сюртук. Сильно поредевшие, но не поседевшие волосы аккуратно причесаны над высоким выпуклым лбом. Жиденская бородка, жиденские усы, сухое угловатое лицо...»

Но «не успел он раскрыть книгу, по которой должен был читать, как я уже почувствовал силу его удивительных глаз, тревожных и вызывающих.

Светлые глаза Толстого буравили того, на кого обращались. Темные глаза Достоевского всех звали заглянуть в тайники его раздвоенной, его непримиренной души.

Сначала Достоевский прочел сцену между Чичиковым и Собакевичем из „Мертвых душ“ Гоголя. <...> Читал Гоголя Достоевский чрезвычайно просто, по-писательски или по-читательски, но, во всяком случае, совсем не по-актерски.

Думаю, однако, что ни один актер не сумел бы так ярко оттенить внешнюю противоположность вкрадчиво-настойчивого Чичикова и непоколебимо-устойчивого Собакевича при внутреннем единстве на основе тупой корысти.

За Гоголем следовал Алексей Толстой. Достоевский выбрал былинку об Илье-Муромце.

Раздалось сердитое ворчание обиженного князем мужика-богатыря. И не был ли этот „богатырь“ такой же щедушный с виду и такой же непомерно выносливый и сильный, как читавший о нем каторжанин? <...>

За Алексеем Толстым — Некрасов. <...> Прочел Достоевский одно из первых стихотворений Некрасова, стихотворение его молодости, начинающееся словами:

Когда из мрака заблужденья...

И как прочел!.. Такого чтения я никогда больше не слышал. В нервной игре бледного лица — страдание и восторженность, голос мягкий, слегка певучий. Слова нежно, молитвенно вырываются из глубины души, из глубины сердца.

Публики нет перед ним. Обращается прямо к страдающей душе, разбуженной „горячим словом убежденья“, к душе женщины падшей и в то же время святой. Высоким напряжением любовного чувства преодолевает мучительный надрыв и голосом звенящим, голосом победы зовет прийти к нему и „смело“, и „свободно“.

...В душе болезненно пугливой
Гнетущей мысли не таи,
Скорбя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи к груди.

И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди.

Смело и свободно ударил призыв в сердца всех присутствующих, и не было больше „толпы пустой и лживой“ ... раскрылись души скорбные и любящие.

От этого призыва новый подъем к „Пророку“ Пушкина, гений которого Достоевский воспринимал так чутко и восторженно.

Слушая „Пророка“, казалось, что это к Достоевскому на перепутье русской жизни явился серафим. Его „очей коснулся он“ — и „разверзлись вещие зеницы, как у испуганной орлицы“.

Его „ушей коснулся он, и их наполнил шум и звон“, и внял Достоевский „неба содроганье, и горний ангелов полет, и дольней лозы прозябанье, и гад морских подводный ход“.

У него вырвал он „язык и празднословный и лукавый, и жало мудрыя змеи в уста замершие вложил десницею кровавой“.

Ему „он грудь рассек мечом“, но... увидев трепет бедного, страдающего сердца, серафим отказался выполнить последний завет пославшего его Бога. Он не вырвал человеческое сердце и выронил из рук пророческий „уголь, пылающий огнем“.

И пошел по миру не пророк, глаголом жгущий сердца людей, а человек с глазами испуганной орлицы, человек, надрывающийся под тяжестью неизбывного людского горя, человек с рассеченною грудью и обнаженным сердцем»²³⁷.

О выступлении Достоевского на очередном литературном вечере — в пользу Петербургского славянского благотворительного общества, состоявшемся 10 декабря в зале Благородного собрания, нам известно лишь по газетному объявлению. Можно только пожалеть, что не обнаружены, как в ряде других случаев, отчеты газетных обозревателей, в которых были бы сообщены подробности состоявшегося чтения. Умалчивает о нем в своих мемуарах и А. Г. Достоевская. А вечер этот был совершенно не похож на другие. Он целиком был посвящен русской драматургии — от Третьяковского до Островского, из пьес которых читалось по несколько сцен. Наряду с Достоевским в этом вечере принимали участие И. Ф. Горбунов, О. Ф. Миллер, К. К. Случевский, Н. Ф. Сазонов, А. И. Незеленов и чтец, скрывший свое имя за криптонимом А. Н. П...нь.²³⁸ Достоевский, судя по программе, должен был выступать в

²³⁷ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 440-443.

²³⁸ Н. Н. Богдановым высказано предположение, что за этим криптонимом мог скрываться А. Н. Пыпин, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского. Это представляется вполне правдоподобным, тем более что из

этот вечер трижды. После нескольких явлений из пьесы императрицы Екатерины II «О время!» в исполнении А. Незеленова в программе следуют четыре явления из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» и два явления из комедии «Бригадир» с пометой в скобках, что читать их будет Достоевский. Затем идут четыре явления трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской» в чтении Миллера, и опять объявлен Достоевский с шестью явлениями из 4-го действия «Горя от ума». Трудно представить, как писатель мог выдержать такое напряжение, но вслед за чтением Случевским сцены из пушкинской «Русалки» в программе стоит сцена в Чудовом монастыре из «Бориса Годунова» — вновь в исполнении Достоевского. Даже странно, что профессиональные актеры, например Горбунов или Сазонов, выступали по одному разу (первый читал два явления из трагедии В. К. Третьяковского «Деидамия», второй — явление из гоголевского «Ревизора»), а слабогрудый, задыхающийся Достоевский — такой колоссальный объем сложного драматического текста. Кроме него только О. Ф. Миллер должен был выступать тоже трижды (помимо упомянутого Озерова, он обозначен в программе как чтец двух действий из комедии А. П. Сумарокова «Опекун» и монолога из «Театрального разъезда» Гоголя) — и более ни один участник вечера не назван даже дважды (таинственный А. Н. П...нь должен был читать из комедии Островского «Бедность не порок»). Конечно же, это был праздник отечественной драматургии! Но даже страшно становится за Достоевского, когда познакомишься с этой программой!

В воспоминаниях дочери писателя содержится свидетельство, что именно в последнюю зиму отец особенно часто читал им с братом Федей «Горе от ума», особо выделяя роль Репетилова. «Достоевский так часто читал нам эту комедию и объяснял нам ее, — сообщает мемуаристка, — что наконец у него появилось желание самому сыграть эту роль, чтобы показать, как он ее понимал. О своем намерении он сообщил нескольким друзьям, предложившим ему устроить у них любительский спектакль и поставить последний акт бессмертной комедии Грибоедова. <...> Отец хотел показаться перед публикой только тогда, когда хорошо подготовится...»²³⁹ Явления с 4-го по 9-е из последнего действия «Горя от ума», которые, согласно программе, Достоевский должен был читать на вечере 10 декабря в зале дома Елисеева, — это как раз диалоги Репетилова с Чацким, Скалозубом и Загорецким. Нет сомнения, что инициатива в выборе этих сцен для чтения принадлежала не кому-то из организаторов вечера, а,

---

литературных псевдонимов Пыпина один достаточно близок к рассматриваемому варианту: П-нь А. (см.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 394.

²³⁹ *Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992. С. 194.

конечно же, самому писателю. И его усиленная подготовка к этому чтению дома запомнилась одиннадцатилетней дочери как намерение Достоевского сыграть роль Репетилова в каком-то домашнем любительском спектакле...

Как знать, может быть в дальнейшем и удастся найти мемуарные или какие-то иные свидетельства об этом литературном чтении. Если оно состоялось, — а у нас нет оснований предполагать иное, — то для нашей темы важно подчеркнуть: вечер 10 декабря 1880 г. — это последнее выступление Достоевского в зале Благородного собрания в доме Елисеева на Невском проспекте у Полицейского моста. И одно из трех последних публичных выступлений в его жизни...

ПОДВЕСКИ ИЗ АНГЛИЙСКОГО МАГАЗИНА

Дом № 16 по Невскому проспекту на углу Большой Морской улицы — один из наиболее часто упоминаемых в связи с художественной литературой. Наверное, самый известный случай — исторический роман Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов», *прототипы героев* которого тесно связаны с этим домом. Правда, у Окуджавы художественная топография изменена и не соответствует историческим реалиям Петербурга. Но в действительности именно в доме № 16 жила до замужества Лавиния Жадимировская (в романе — Ладимировская); здесь, у дома матери (а не из Гостиного двора), произошло похищение ее товарищем князя Сергея Трубецкого штаб-ротмистром Федоровым (в романе, соответственно, — князь Сергей Мятлев и отставной поручик Амилахвари); сюда же, а не в дом супруга была привезена (и оставлена под расписку матери) юная беглянка, когда Лавиния и князь Сергей были, по личному распоряжению самого императора Николая Павловича, достигнуты в порту Редут-Кале на Черном море и из Тифлиса под охраной препровождены в Петербург.

Не однажды упоминается этот дом и комментаторами произведений Достоевского.

Четырехэтажный особняк на углу Невского проспекта и Большой Морской ул., построенный в стиле раннего классицизма по проекту зодчего А. В. Квасова, стоял на этом месте с 60-х гг. XVIII в. В 1832 г. ряд перестроек здания осуществил архитектор П. Жако. В обновленном виде, с пилястрами коринфского ордера в верхней части фасада, дом запечатлен на акварели В. С. Садовникова, исполненной для знаменитой «Панорамы Невского проспекта». Таким его увидел и Достоевский, приехавший в Петербург в 1837 г. Тогда дом принадлежал генералу от кавалерии графу Дмитрию Васильевичу Васильчикову, егермейстеру Двора Его Императорского Величества.

С последней четверти XVIII в. в доме Васильчиковых²⁴⁰ размещался знаменитый на весь Петербург *Английский магазин*, переведенный сюда в 1786 г. с Галерной (ныне Английской) набережной. С 1815 г. (тогда адрес дома был: 1-й Адмиралтейской части, 1-го квартала, № 61) он принадлежал купцам 1-й гильдии Константину Никольсу и Вильяму Плинке. И в дальнейшем, в 1860-е гг., которые, в связи с Достоевским, будут для нас особенно интересны, когда у магазина будут уже другие владельцы, он по-прежнему будет торговать под фирмой «Никольс и Плинке». В 1860-е гг. хозяином Английского магазина был купец 1-й гильдии Роберт Кохун, ставший партнером торгового дома «Никольс и Плинке» еще в 1840-х. (в 1870-е гг. он стал и владельцем всего дома).²⁴¹ Располагался Английский магазин со стороны Большой Морской улицы. По наблюдению Л. И. Бройтман и Е. И. Красновой, первоначально он находился на втором этаже.²⁴² Позднее, расширившись, магазин вполне мог занимать и два этажа.

Именно Английский магазин особенно часто упоминается в художественной литературе. Для примера можно привести «Египетские ночи» Пушкина, «Женитьбу» Гоголя и «Маскарад» Лермонтова, роман Гончарова «Обломов».

Чем же был так знаменит Английский магазин? Представление о его ассортименте дает реклама, опубликованная в одном из путеводителей по Петербургу середины 1860-х гг.: «Английский магазин на углу Невского пр. и Малой Миллионной²⁴³, под фирмою Никольс-Плинки [так!] и К°. Торговля заграничными галантерейными изделиями всякого рода, золотыми и серебряными вещами, гаванскими сигарами, винами и проч. По разнообразию и качеству товаров считается первым магазином в С.-Петербурге»²⁴⁴. В другом справочнике по Петербургу, вышедшем уже в 1870-е гг., в разделе «богатейших магазинов, с универсальной, можно сказать, торговлей по части роскоши», говорится: «Первое место между такими магазинами

²⁴⁰ В то время домом владела Екатерина Илларионовна Васильчикова (урожд. Овцына), дочь первого владельца дома генерал-поручика И. Я. Овцына, получившая его, по-видимому, в приданое.

²⁴¹ Лавиния Жадимировская (урожд. де Бравура-Манини), судьба которой послужила основой для романа Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов», была падчерицей Р. Я. Кохуна. Ее мать, выведенная Окуджавой под именем вдовы Е. Тучковой, — жена Р. Я. Кохуна.

²⁴² Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Большая Морская улица. СПб., 2005. С. 51.

²⁴³ В указании адреса употреблено уже давно устаревшее к середине 1860-х гг. название Малой Миллионной улицы, как до 30-х гг. XIX в. называлась Большая Морская ул. *в своей начальной части* — от арки Главного штаба до Невского проспекта. Подобные анахронизмы в справочной литературе XIX в. встречаются нередко. Невнимательные к этому обстоятельству комментаторы могут запутаться сами и ввести в заблуждение своих читателей. Так, С. В. Белов в 1985 г. писал, что «Английский магазин, торговавший в основном галантерейными изделиями из Англии, помещался на Миллионной улице (ныне ул. Халтурина)» (Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. М., 1985. С. 185). Однако улица, которая в советское время, с 1918 по 1991 г., носила имя Халтурина, — это бывшая Большая Миллионная, ведущая от Дворцовой площади мимо Эрмитажа к Марсову полю. Ныне она называется просто Миллионной.

²⁴⁴ Путеводитель по С.-Петербургу / Сост. А. П. Червяков. СПб., 1865. С. 211.

занимает Английский магазин <...> на углу Невского пр. и Б. Морской ул. <...> имеет несколько отделений со всевозможными товарами, от бриллиантов и лионских бархатов, фарфора, вин, серебра и проч. до стальных перьев и зажигательных спичек. Цены здесь несколько высоки, но зато товары безукоризненны; аккуратность и добросовестность магазина образцовые...»²⁴⁵

Кто же из героев Достоевского делает покупки в Английском магазине? Бедным людям, униженным и оскорбленным, здесь, наверное, едва ли были по карману даже «зажигательные спички». Кандидатов в клиенты Английского магазина надо искать среди персонажей более состоятельных.

Важнейший эпизод, где значимо упоминается Английский магазин, находим в романе «Идиот». Он относится к предыстории отношений Рогожина и Настасьи Филипповны. Точнее, именно с покупки в Английском магазине и начинаются отношения этих героев. Вот как об этом рассказывает в начале романа князь Мышкину сам Рогожин:

«Я тогда, князь, в третьегоднейшей отцовской бекеше через Невский перебежал, а она из магазина выходит, в карету садится. Так меня тут и прожгло. Встречаю Залёжева, тот не мне чета, ходит как приказчик от парикмахера, и лорнет в глазу, а мы у родителя в смазных сапогах да на постных щах отличались. Это, говорит, не тебе чета, это, говорит, княгиня, а зовут ее Настасьей Филипповной, фамилией Барашкова <...>. Тут он мне и внушил, что сегодня же можешь Настасью Филипповну в Большом театре видеть, в балете, в ложе своей, в бенуаре, будет сидеть. У нас, у родителя, — продолжает Рогожин, — попробуй-ка в балет сходить, — одна расправа, убьет! Я однако же на час втихомолку сбежал и Настасью Филипповну опять видел; всю ту ночь не спал. На утро покойник (отец. — *Б. Т.*) дает мне два пятипроцентные билета, по пяти тысяч каждый, сходи, дескать, да продай, да семь тысяч пятьсот к Андреевым на контору снеси, уплати, а остальную сдачу с десяти тысяч, не заходя никуда, мне представь; буду тебя дожидаться. Билеты-то я продал, деньги взял, а к Андреевым в контору не заходил, а пошел, никуда не глядя, в Английский магазин, да на все пару подвесок и выбрал, по одному бриллиантику в каждой, эдак почти как по ореху будут, четыреста рублей должен остался, имя сказал, поверили».

О дальнейшем герой повествует так: «С подвесками я к Залёжеву: так и так, идем, брат, к Настасье Филипповне. Отправились. Что у меня тогда под ногами, что предо мною, что по бокам — ничего я этого не знаю и не помню. Прямо к ней в залу

²⁴⁵ *Михневич Вл.* Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 506.

вошли, сама вышла к нам. Я то есть тогда не сказался, что это я самый и есть; а „от Парфена, дескать, Рогожина, — говорит Залёжев, — вам в память встречи вчерашнего дня; соблаговолите принять“. Раскрыла, взглянула, усмехнулась: „Благодарите, говорит, вашего друга господина Рогожина за его любезное внимание“, — откланялась и ушла. Ну, вот зачем я тут не помер тогда же! Да если и пошел, так потому, что думал: „Всё равно, живой не вернусь!“»

А Залёжев «смеется: „А вот как-то ты теперь Семену Парфенычу отчет отдавать будешь?“ Я, правда, хотел было тогда же в воду, домой не заходя, да думаю: „Ведь уж всё равно“, — и как окаянный воротился домой».

Да, дорого встала Рогожину покупка в Английском магазине! Отец его, как тут же напоминает Лебедев, «не то что за десять тысяч, а за десять целковых на тот свет сживывал». «Взял меня родитель, — рассказывает князю Парфен, — и наверху запер, и целый час поучал (калиновым посохом. — *Б. Т.*). „Это я только, говорит, предуготовляю тебя, а вот я с тобой еще на ночь попрощаться зайду“. Что ж ты думаешь? Поехал седой к Настасье Филипповне, земно ей кланялся, умолял и плакал; вынесла она ему, наконец, коробку, шваркнула: „Вот, говорит, тебе, старая борода, твои серьги, а они мне теперь в десять раз дороже ценой, коли из-под такой грозы их Парфен добывал. Кланяйся, говорит, и благодари Парфена Семеныча“»²⁴⁶.

Подвески, естественно, были возвращены в Английский магазин, который в художественном отношении необходим был здесь Достоевскому *для масштаба*. С его помощью с первых страниц романа обозначил писатель меру страсти Парфена Рогожина, продемонстрировал безудерж его характера.

Для масштаба упоминается Английский магазин и героем «Подростка» — Аркадием Долгоруким — в его исповедальных записках. Но здесь совсем другой герой, и упоминание им Английского магазина оказывается мерой совсем иных вещей — степени его нравственного падения, развращенности, отступления от собственных идеалов; выражением глубины переживаемого героем кризиса.

«Наконец, — записывает Аркадий, ретроспективно оценивая свое недавнее прошлое, — сделаю и еще признание: я уже тогда развратился; мне уже трудно было отказаться от обеда в семь блюд в ресторане, от Матвея, от Английского магазина, от мнения моего парфюмера, ну и от всего этого. Я сознавал это и тогда, но только отмахивался рукой; теперь же, записывая, краснею»²⁴⁷.

²⁴⁶ ПСС. Т. 8. С. 11-13.

²⁴⁷ ПСС. Т. 13. С. 230.

Последним в ряду героев Достоевского упомянем Петра Петровича Лужина из «Преступления и наказания». Этот персонаж — прямая противоположность Парфену Рогожину — ничего не покупает в Английском магазине. Но, будучи прогнанным Дунечкой Раскольниковой и Пульхерией Александровной, раскаивается в своем скупердяйстве. Дорогие подарки, полагает он с запозданием, позволили бы ему крепче держать в узде и невесту, и ее маменьку. «Ошибка была еще, кроме того, и в том, — рассуждает Лужин наедине с самим собой, — что я им денег совсем не давал <...> и с чего, черт возьми, я так ожидал? Тут даже и расчета никакого не было! Я думал их в черном теле поприветствовать и довести их, чтоб они на меня как на Провидение смотрели, а они вон!.. Тьфу!.. Нет, если б я выдал им за все это время, например, тысячи полторы на приданое, да на подарки, на коробочки там разные, несессеры, сердолики, материи и на всю эту дрянь от Кнопа да из Английского магазина, так было бы дело почище и... покрепче! Не так бы легко мне теперь отказали! Это народ такого склада, что непременно почли бы за обязанность возратить в случае отказа и подарки, и деньги; а возвращать-то было бы тяжеленько и жалко!»

Любопытно, что здесь также — пусть в сослагательном наклонении — возникает мотив *возврата* подарков, купленных в Английском магазине. Но работает здесь этот мотив существенно иначе, демонстрируя до предела мелочную душонку «делового и рационального человека» — даже в вопросах любви и брака — Петра Петровича Лужина.

Наряду с Английским магазином в своей тираде Лужин упоминает также галантерейный и парфюмерный «Magasin à la toilette», торговавший под фирмой «Кноп» и находившийся в соседнем доме по Невскому проспекту, № 14 (содержал купец 1-й гильдии Г. Больдемман, позднее ставший и владельцем дома). Как помним, реальный прототип героя «Преступления и наказания» присяжный поверенный Павел Петрович Лыжин в 1860-е гг. жил совсем неподалеку, в доме П. Гамбса на Невском проспекте, № 4. Как знать, может быть, упоминание героем романа двух названных магазинов, расположенных в двух шагах от места жительства его реального прототипа, — это, наряду с именем, дополнительное скрытое авторское указание на связь двух «хороших людей», двух адвокатов — Петра Петровича Лужина и Павла Петровича Лыжина.

Незадолго до смерти Достоевского, в самом конце 1870-х гг., дом на Невском проспекте, № 16 сменил владельца. Им стал купец 1-й гильдии С. М. Тадески, который сразу же по вступлении во владение приступил к перестройке здания. Работы были поручены архитектору Людвигу Шпереру, который в 1880–1881 г. надстроил пятый

этаж, придал прежде классицистическим фасадам черты поздней эклектики, обработав стены рустом, введя в их оформление множественную мелкую детализировку (сохранив, однако, пилястры, объединяющие третий и четвертый этажи). На фотографиях конца XIX – начала XX в. на уровне третьего этажа со стороны Невского и со стороны Б. Морской ул., а также на срезанном при перестройке углу видны несколько массивных, на три окна каждый, балконов, ныне не существующих. Их убрали при реконструкции дома в 1905 г.

Кроме упомянутой выше «Панорамы Невского проспекта», выполненной по акварелям В. С. Садовникова, увидеть, как выглядел этот дом в эпоху Достоевского, — хотя и под острым углом, в общей перспективе проспекта, — можно на литографии Андре Дюрана «Вид Невского проспекта с Полицейского моста» (1839). Более поздние изображения этого здания до перестройки в 1880–1881 г. нам неизвестны.

«КАКАЯ ИДЕЯ ВАШЕЙ БУДУЩЕЙ ПОВЕСТИ, ПОЗВОЛЬТЕ СПРОСИТЬ?»

Знакомство Достоевского с М. В. Петрашевским

Событие, на первый взгляд вполне незначительное, произошедшее в середине мая 1846 г. на Невском проспекте, близ дома № 18, в действительности явилось для Достоевского судьбоносным, определившим всю его дальнейшую жизнь. Здесь при нескольких странных обстоятельствах он познакомился с человеком, имя которого поначалу даже не сразу смог запомнить. Позднее, через три года, на следствии по делу петрашевцев в Петропавловской крепости Достоевский должен был подробно изложить, когда, где и как произошло это знакомство...

Дом, расположенный между Большой Морской улицей и Мойкой, приобрел свой современный облик в 1812–1815 гг., когда для домовладельца Конона Борисовича Котомина, богатого купца, а в прошлом крепостного князя К. Б. Куракина, выдающийся русский зодчий, мастер высокого классицизма В. П. Стасов кардинально перестроил стоявший на этом месте с 1741 г. особняк. В общих чертах дом и сегодня выглядит примерно так же, как он выглядел в середине 1840-х годов. В то время он имел по Невскому проспекту № 19 и принадлежал, видимо, одному из наследников прежнего владельца — купцу Михайле Антоновичу Котомину.

Еще до перестройки, осуществленной Стасовым, в доме Котомина существовала популярная у петербуржцев кондитерская швейцарца С. Вольфа и француза Т. Беранже, которая располагалась в угловой части, выходившей прямо к Полицейскому мосту. Перестраивая дом, Стасов декорировал боковые части фасада двухэтажными лоджиями

с дорическими колоннами.²⁴⁸ Вход в кондитерскую Вольфа и Беранже находился как раз между центральными колоннами правой лоджии. В 1834 г. старинная кондитерская была отремонтирована, расширена и оформлена в китайском стиле. В кафе при кондитерской, получившем название «Café chinois»²⁴⁹, была организована читальня, где можно было почитать русские и иностранные газеты и журналы, познакомиться с новинками европейской литературы.

Чего угодно вам? Газет каких? Французских,
Немецких, английских, отечественных русских?
Вот «Северная пчела», вот «Русский инвалид»,
Вот рядом «Телескоп» с афишкой лежит...
Вот «Французский журнал», огромный вот «Деба»,
В нем всей Европы вам откроется судьба... —

рекламировал в 1847 г. в газете «Северная пчела» широту ассортимента читальни Вольфа и Беранже безвестный стихотворец.²⁵⁰

«Ни в одной кондитерской не было столько журналов и газет, как здесь, и затем молодежь пила здесь кофе и шоколад ведрами, что было далеко не в ущерб хозяев...»²⁵¹ — вспоминал один из современников. Достоевский нередко появлялся в «Китайской кофейне» Вольфа и Беранже, которая имела репутацию своеобразного «литературного клуба». Здесь он мог и позавтракать, и почитать последний номер «Journal des Débats», и встретиться с приятелями.

Совсем недавно, в начале 1846 г. вышел в свет изданный Н. А. Некрасовым «Петербургский сборник», главной литературной новостью в котором был роман Достоевского «Бедные люди», произведший фурор в литературных кругах северной столицы еще до своего напечатания.²⁵² Явившийся к Белинскому с рукописью «Бедных

²⁴⁸ Центральную часть фасада также украшал трехчетвертной дорический портик из восьми колонн. Однако в конце 1840-х – начале 1850-х гг. «для уширения тротуара» портик был уничтожен. Одновременно были заложены и лоджии. При реконструкции дома в 1978–1981 гг. лоджии были восстановлены, но восстановить портик, отбирающий часть и без того недостаточно широкого здесь тротуара не посчитали возможным. Исторический облик дома с портиком в центральной части запечатлен в знаменитой «Панораме Невского проспекта», выполненной по акварелям В. С. Садовникова (1830–1835).

²⁴⁹ «Китайская кофейня» (фр.).

²⁵⁰ Цит. по: Шульц С. С. мл. Невская перспектива: Ландскрона. Ниеншанц. Санкт-Петербург. Пропилеи Невского проспекта. Невский проспект от Адмиралтейства до Мойки. СПб., 2004. С. 537.

²⁵¹ Цит. по: Алянский Ю. Веселящийся Петербург. (По материалам собрания Г. А. Иванова). СПб., 1994. Т. 3. С. 168 (из письма В. П. Бурнашева М. И. Пылаеву от 31 июля 1886 г.).

²⁵² Отметим, кстати, что одним из книжных магазинов на Невском проспекте, в котором, согласно газетным анонсам, продавался в 1846 г. «Петербургский сборник», был магазин Ю. А. Юнгмейстера, находившийся в доме Котомина. На литографии 1840-х гг. рядом с рекламой кондитерской Вольфа и

людей» Некрасов с порога заявил: «Новый Гоголь явился!» Белинский страстно увлекся Достоевским и провозгласил его крупнейшим писателем новой литературной школы, которую он пропагандировал в самом популярном столичном журнале «Отечественные записки». Вслед за «Бедными людьми» почти сразу было напечатано следующее произведение Достоевского — повесть «Двойник».²⁵³ Не было в первой половине 1846 г. другого литературного имени, о котором столько бы говорили и писали в обеих столицах, как о Достоевском. Он сам сообщал в письме брату Михаилу, что за два минувших месяца о нем «было говорено около 35 раз в различных изданиях». В общем весной 1846 г. Достоевский был одной из самых больших знаменитостей литературного Петербурга.

В этот раз он встречался в «Китайской кофейне» Вольфа и Беранже со своим новым другом, с которым они познакомились совсем недавно, — двадцатилетним поэтом Алексеем Плещеевым. Их знакомство произошло либо в кружке братьев Бекетовых, с которыми они оба были дружны, либо в кружке братьев Майковых. Плещеев тоже был популярной фигурой в среде молодежи 1840-х гг. Начиная с 1844 г. стихи юного поэта регулярно появлялись в журналах «Современник», «Репертуар и Пантеон», «Иллюстрация». Как раз в мае 1846 г. вышел в свет первый сборник «Стихотворений» А. Н. Плещеева. В нем впервые увидело свет знаменитое стихотворение «Вперед! без страха и сомненья...», в котором нашли выражение «души прекрасные порывы» молодых вольнолюбцев тех лет.

Кстати, как важно было бы определить, когда именно состоялась эта встреча Плещеева и Достоевского в кондитерской у Полицейского моста. Но, к сожалению, мы знаем дату этого события лишь приблизительно. В показаниях следственной комиссии

Беранже хорошо видна вывеска книжной торговли, надпись на которой сделана по-немецки: «Buchhandlung». Судя по всему, это вывеска именно магазина Юнгмейстера. В таком случае вход в книжный магазин и библиотеку для чтения Юнгмейстера располагался рядом с входом в «Китайскую кофейню» Вольфа и Беранже.

²⁵³ В «Двойнике», кстати, упоминается торговля братьев Елисеевых (под фирмой «Петр Елисеев и сыновья»), которые в 1840-е гг. содержали в доме Котомина магазин, торговавший иностранными виноградными винами, фруктами и «колониальными товарами» (кофе, ромом, пряностями и т. п.). Как помнят читатели, день рождения Клары Олсуфьевны в доме Берендеевых у Измайловского моста был «озаменован» «блистательным, великолепным званым обедом, таким обедом <...> который походил более на какой-то пир вальтасаровский, чем на обед, — который отзывался чем-то вавилонским в отношении блеска, роскоши и приличия, с шампанским-кликко, с устрицами и плодами Елисеева и Милютиных лавок...» (ПСС. Т. 1. С. 128). Достоевский и позднее упоминает «вина „разлива братьев Елисеевых“» и другие яства из их магазина, причем не только в петербургских своих произведениях («Униженные и оскорбленные», «Подросток» — ПСС. Т. 3. С. 321, 330 и Т. 13. С. 87), но даже в «Братьях Карамазовых» (ПСС. Т. 14. С. 83), действие которых происходит в заштатном Скотопригоньевске. У Елисеевых также был фирменный магазин на Васильевском острове (Биржевая линия, № 14), но в «Подростке» магазин Елисеевых упоминается вместе с кондитерским магазином Балле, также расположенным на Невском (№ 54). Это косвенно подтверждает, что герои Достоевского делают свои покупки на главном проспекте столицы.

Достоевский указал, что встреча у Вольфа и Беранже произошла накануне его отъезда в Ревель. На все лето к брату Михаилу, который служил в ревельской инженерной команде, писатель уехал 24 мая 1846 г. Но насколько буквально нужно понимать его слова «накануне»? Это могло быть и за день-два до его отплытия из Петербурга на пароходе «Сторфурстен», и за одну-две недели.

Почему для нас сейчас это так важно? Сборник «Стихотворений» Плещеева получил цензурное разрешение 14 мая 1846 г. Значит, в середине месяца он еще не вышел в свет. А вот в начале 20-х чисел мая автор вполне мог уже получить отпечатанные экземпляры. И может быть, встреча в «Китайской кофейне» Вольфа и Беранже не только с Достоевским, но, как увидим далее, и с Петрашевским была связана с тем, что поэт намеревался подарить своим друзьям еще пахнущие типографской краской книжечки своих стихов?

С Михаилом Васильевичем Буташевичем-Петрашевским Плещеев познакомился еще в 1844 г. С 1845 г. он стал посещать его «пятницы», которые проходили в доме Петрашевского в Коломне, на Покровской площади. На собраниях у Петрашевского поэт дорожил сочувствующей его таланту аудиторией, которой мог свободно декламировать свои стихи, иногда достаточно жестко «отредактированные» цензурой в их печатном виде. Не вызывает сомнения, что он рассказывал Петрашевскому о своем знакомстве с автором «Бедных людей» и «Двойника». Интересно, случайной или нет была встреча Достоевского и Петрашевского в кондитерской Вольфа и Беранже? Нельзя исключать, что Петрашевский мог знать, с кем вместе будет Плещеев во время назначенной с ним встречи. А может быть, он узнал, что в «Китайской кофейне» находится и Достоевский, только на месте, во время разговора с Плещеевым.

Сам Достоевский в показаниях следственной комиссии, отвечая на вопрос об обстоятельствах их знакомства с Петрашевским, изложил этот эпизод так.

«Знакомство наше было случайное. Я был, если не ошибаюсь, вместе с Плещеевым, в кондитерской у Полицейского моста и читал газеты. Я видел, что Плещеев остановился говорить с Петрашевским, но я не разглядел лица Петрашевского. Минут через пять я вышел. Не доходя Большой Морской (то есть непосредственно перед домом Кононова. — *Б. Т.*), Петрашевский поравнялся со мною и вдруг спросил меня: „Какая идея вашей будущей повести, позвольте спросить?“ Так как я не разглядел Петрашевского в кондитерской и он там ни сказал со мною ни слова, то мне показалось, что Петрашевский совсем посторонний человек, попавшийся мне на улице, а не знакомый Плещеева. Подоспевший Плещеев разъяснил мое недоумение: мы сказали два

слова и, дошедши до Малой Морской, расстались. Таким образом, Петрашевский с первого раза завлек мое любопытство...»²⁵⁴

М. В. Петрашевский вообще отличался в своем поведении экстравагантностью. Рассказывали, что однажды он явился в Казанский собор, переодетым в женское платье. Но густая черная борода, не очень искусно замаскированная, выдавала его принадлежность мужскому полу. На странную «богомолку» очень быстро обратили внимание окружающие. Вскоре к Петрашевскому подошел квартальный надзиратель и сказал ему: «Милостивая государыня, мне кажется, что вы — переодетый мужчина». Петрашевский не растерялся и ответил фразой, которая как будто взята из произведения Даниила Хармса: «Милостивый государь, а мне кажется, что вы — переодетая женщина». Квартальный пришел в смятение, и Петрашевский, воспользовавшись его растерянностью, успел скрыться из храма. Конечно же, это происшествие больше смахивает на анекдот. Но в анекдоте этом выразительно проявилось, каков был «имидж» Петрашевского в восприятии современников.

«Меня всегда поражало много эксцентричности и странности в характере Петрашевского, — свидетельствует и Достоевский. — Даже знакомство наше началось тем, что он с первого раза поразил мое любопытство своими странностями. <...> Об эксцентричностях и странностях его говорят очень многие, почти все, кто знают или слышали о Петрашевском <...>. Нередко при встрече с ним на улице спросишь: куда он и зачем? — и он ответит какую-нибудь такую странность, расскажет такой странный план, который он только что шел исполнить, что не знаешь, что подумать о плане и о самом Петрашевском...»²⁵⁵

Впрочем, не будем сбрасывать со счетов, что Достоевский заостряет эксцентричность характера и поведения Петрашевского, отвечая на вопросы следственной комиссии на допросе в Петропавловской крепости, куда он был заключен, будучи арестованным за участие в «тайном политическом кружке», собиравшемся по «пятницам» в доме Петрашевского на Покровской площади. Нет сомнений, что здесь он акцентирует одни качества Петрашевского и умалчивает о других. Можно предположить, что и их краткая беседа при первой встрече на Невском проспекте у дома Кононова была более содержательной, чем это описал Достоевский в своих показаниях. Так, сообщив, что при знакомстве они сказали друг другу «два слова», Достоевский далее замечает: «Мне показался он очень оригинальным человеком, но не

²⁵⁴ ПСС. Т. 18. С. 138.

²⁵⁵ Там же. С. 118.

пустым; я заметил его начитанность, знания»²⁵⁶. Конечно же, чтобы оценить эти качества в незнакомом человеке «двух слов» было бы явно недостаточно.

Отметим, что в вопросе, с которым Петрашевский *ex abrupto*²⁵⁷ обратился к Достоевскому, ключевым оказывается слово «идея» («Какая *идея* вашей будущей повести?»). Это слово сразу же обозначило ту плоскость, в которой в дальнейшем и будут преимущественно, если не исключительно, разворачиваться отношения Достоевского и Петрашевского, никогда не переходившие на уровень приятельских или товарищеских. Показательно, что в исторической литературе политическая деятельность кружка петрашевцев (не только не предпринимавших, но и не планировавших никаких практических шагов) традиционно характеризуется как «заговор идей». Так что своим вопросом Петрашевский сразу обозначил ту точку, на которой они единственно и могли сойтись с Достоевским. Интересно было бы знать, что ответил ему Достоевский. В мае 1846 г. он работал над позднее уничтоженной повестью «Сбритые бакенбарды». Мы практически ничего не знаем о ее содержании. Как неплохо было бы услышать из уст самого автора, *какова была идея* его нового произведения!

Надо думать, что Петрашевский, расставаясь, предложил своему новому знакомому бывать на его «пятницах» в Коломне. Но Достоевский на днях уезжал к брату в Ревель и вернулся в Петербург лишь в первых числах сентября. Однако и осенью он не торопился продолжить знакомство, так оригинально начавшееся на Невском проспекте, у витрин кондитерской Вольфа и Беранже. По-видимому, впервые он посетил Петрашевского в день его именин, 8 ноября 1846 г.²⁵⁸ С 1847 г. Достоевский начал изредка появляться на «пятницах» у своего нового знакомого — «из любопытства», как он пояснял следственной комиссии. В 1848–1849 гг. посещения писателем собраний в доме на Покровской площади стали все чаще и чаще. В кружке Петрашевского Достоевский познакомился с множеством новых лиц, которые были ему гораздо интереснее, чем хозяин «пятниц» (Николай Спешнев, Николай Момбелли, Федор Львов, Павел Филиппов, Василий Головинский, Ипполит Дебу, Константин Тимковский и др.). Другие посетители дома в Коломне, напротив, резкостью своих

²⁵⁶ Там же. С. 138.

²⁵⁷ Внезапно, сразу, без предварительной подготовки (*лат.*).

²⁵⁸ В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (СПб., 1993. Т. 1. С. 138), со ссылкой на показания следственной комиссии самого писателя, указано, что это были именины Петрашевского 8 ноября 1847 г. Однако Достоевский свидетельствует, что в тот раз, «в именины Петрашевского, в *званный* вечер», вместе с ним в доме на Покровской площади присутствовал критик Валериан Майков, умерший 13 июля 1847 г. Значит, это могли быть лишь именины Петрашевского 1846 г.

выступлений давали основания Достоевскому заподозрить их в том, что они чуть ли не являются провокаторами и шпионами (Р. Черносвитов). Последнее обстоятельство, так же как и не всегда адекватные поступки экстравагантного хозяина, склоняли часть посетителей «пятниц» Петрашевского, включая и Достоевского, к мысли о необходимости ограничить отношения с некоторыми лицами и встречаться более тесным кружком в других домах. С марта 1849 г. такой новый кружок стал собираться в доме Дурова и Пальма на Гороховой улице близ Семеновского моста. Но было уже поздно. Среди посетителей «пятниц» в Коломне действительно оказался провокатор и шпион, но им оказался вовсе не Рафаил Черносвитов, а бывший студент Петербургского университета Петр Антонелли, поступивший на службу в тот же департамент Министерства иностранных дел, в котором служил и Петрашевский. Войдя в доверие к Петрашевскому, Антонелли с марта 1849 г. начал посещать «пятницы» в его доме, многословно сообщая в своих донесениях об участниках собраний в доме на Покровской площади, о темах их разговоров, о позициях в разгоравшихся по разным вопросам спорах и т. п.

В частности, в донесении от 16 апреля Антонелли подробнейшим образом излагает содержание переписки Белинского с Гоголем, которую по копии, полученной из Москвы от Плещеева, на последней «пятнице» читал Достоевский. В «деле» Достоевского публичное чтение письма Белинского, «наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти», явилось чуть ли не главной статьёй обвинения, поставившей его в число «важнейших преступников».

Информация, добытая Антонелли, регулярно докладывалась министром внутренних дел графом Л. А. Перовским самому Императору Николаю I. И тот 20 апреля 1849 г. распорядился произвести аресты участников кружка Петрашевского. На списке петрашевцев, представленном царю на высочайшее утверждение, Николай наложил резолюцию: «...Дело важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно в высшей степени преступно и нетерпимо. Приступить к арестованию...»

Дальнейшее очень хорошо известно. В ночь на 23 апреля Достоевский, как и многие его друзья-петрашевцы, был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. После восьми месяцев следствия, 22 декабря 1849 г., вместе с двадцатью своими товарищами, среди которых были и Петрашевский с Плещеевым, ранним морозным утром он был привезен на Семеновский плац, расположенный на дальней окраине Петербурга. Там петрашевцев взвели на специально построенный эшафот, переодели в белые балахоны и каждому прочли приговор, заканчивавшийся

одними и теми же словами: «Приговорить к смертной казни расстрелянием». Затем трех первых из них — Петрашевского, Григорьева и Момбелли — привязали к врытым в землю столбам, и выстроившееся напротив них отделение солдат направило стволы своих ружей им в грудь, ожидая команду «Пли!» Но в это время барабанной дробью была подана команда «Отбой!» Ружья были опущены, и петрашевцам была оглашена высочайшая конфирмация об отмене смертной казни, вслед за чем каждому был зачитан новый приговор. Достоевскому — четыре года каторги с дальнейшим бессрочным определением рядовым солдатом.

Рассказывая в письме брату Михаилу, написанном сразу же после экзекуции на Семеновском плацу, о своих чувствах в то время, когда три его товарища в смертных балахонах стояли привязанными к столбам под направленными на них ружьями, Достоевский так передает свое переживание встречи со смертью: «Я стоял (на эшафоте. — *Б. Т.*) шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты»²⁵⁹. Позже, в романе «Идиот», в словах князя Мышкина, страстно выступающего против смертной казни, писатель даст этой экзистенциальной ситуации такой «комментарий»:

«Разве это возможно? Разве не ужас? <...> Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят? Надругательство над душой, больше ничего! <...> Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя поступать!»²⁶⁰

Всех, — кроме Петрашевского, которого прямо на Семеновском плацу заковали в кандалы, посадили в сани и отправили напрямик в Тобольский острог, — после оглашения приговоров возвратили в Петропавловскую крепость. Через два дня, 24 декабря, в ночь накануне Рождества (об этих событиях в нашей книге еще будет отдельный рассказ), Достоевского вместе с петрашевцами Дуровым и Ястржембским отправили по этапу в Сибирь.

Мы далеко уже отделились от того эпизода, с которого начали этот рассказ, но раньше чем вернемся назад, к дому Котомина на Невском проспекте, хотя бы скороговоркой упомянем о том, что было в жизни Достоевского в дальнейшем. А было четыре года заключения в Омском остроге и затем годы солдатской службы в Семипалатинске, было совершившееся с Достоевским в Сибири «перерождение убеждений», сутью которого, его сердцевиной, по самооценке самого писателя, стало

²⁵⁹ ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 161.

²⁶⁰ ПСС. Т. 8. С. 20-21.

открытие им на каторге русского народа и возвращение к Христу, «забытому» в петербургский период его жизни. Было мощное возвращение Достоевского в начале 1860-х гг. в литературу, из которой он был вычеркнут на целое десятилетие, — возвращение великой «каторжной эпопеей» — «Записками из Мертвого дома», одной из наиболее важных книг во всей отечественной литературе. И было создание в 1860–1870-е гг. пяти больших философских романов — «Преступления и наказания», «Идиота», «Бесов», «Подростка» и «Братьев Карамазовых», — «великого пятикнижия» Достоевского, в котором он явился величайшим в мировой литературе христианским художником и мыслителем...

Кто-то из мемуаристов вспоминал, что, когда в конце 1870-х гг. один из собеседников выразил писателю запоздалое соболезнование, сказав: «Какое, однако, несправедливое дело была эта ваша ссылка», — Достоевский ему страстно возразил, убежденно ответив: «Нет, нет, справедливое. Нас бы осудил русский народ. Это я почувствовал там только, в каторге. И почему вы знаете, — может быть там, наверху, *то есть Самом Высшем*, нужно было меня привести в каторгу, чтоб я там что-нибудь узнал, то есть узнал *самое главное, без чего нельзя жить*, иначе люди съедят друг друга, с их материальным развитием <...> чтоб я вынес это оттуда и другим сообщил <...>. И этого уже много. *Из-за этого стоило пойти на каторгу*»²⁶¹.

Так сам Достоевский в конце своего жизненного и творческого пути оценил свою непростую судьбу, выявляя глубинный, осуществившийся в ней *смысл*, видя свершившуюся в его судьбе *волю и замысел Провидения*. И в этой логике в том, образно говоря, «сценарии» жизненной судьбы Достоевского, который, как он был страстно убежден, создавался на *Самом Высшем верху*, «первым действием», с которого началось движение и к Семеновскому плацу, и к Омскому острогу, и ко всем последовавшим далее событиям, стала случайная и малозначащая, казалось бы на первый взгляд, встреча с Михаилом Васильевичем Буташевичем-Петрашевским, произошедшая в середине мая 1846 г. на Невском проспекте, в кондитерской Вольфа и Беранже у Полицейского моста.²⁶²

²⁶¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 14 т. СПб., 1883. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки с портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. С. 57 (3-я пагин.) (Курсив мой. — *Б. Т.*).

²⁶² В краеведческой литературе встречаются сведения, что кондитерская Вольфа и Беранже прекратила свое существование в конце 1840-х гг. Однако это неверно. В частности «Путеводитель по Петербургу» А. П. Червякова, вышедший в 1865 г., в числе «лучших кондитерских, кофейных и ресторанов» указывает и кондитерскую с кафе-рестораном Вольф «у Полицейского моста в доме Котомина» (Путеводитель по С.-Петербургу / Сост. А. П. Червяков. СПб., 1865. С. 221). Ресторан В. Вольф по Невскому просп., № 18 (ошибочно относя этот адрес к Казанской части) указывает и В. Михневич в своем капитальном издании 1874 г. «Петербург весь на ладони» (*Михневич Вл.* Петербург весь на ладони.

ПОЕДИНОК НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ

Остановившись около дома № 19 по Невскому проспекту, вспомним безымянного героя повести «Записки из подполья», за которым в исследовательской литературе прочно закрепилось прозвище Подпольный парадоксалист или еще проще — Подпольный человек. За неимением иного так будем называть его и мы, сразу уточнив, что в определении «подпольный» содержится указание не столько на «пространственные координаты» существования героя Достоевского, сколько на его жизненную позицию и нравственно-психологический облик.

Живет этот желчный, раздражительный человек, представляющий собою оригинальную разновидность Мечтателя с ущемленной амбицией, где-то в районе Сенной площади или Мещанских улиц (где в первой половине 1860-х гг. снимал квартиры и сам Достоевский). Но на Невском проспекте с ним происходит один характернейший эпизод, к которому Подпольный тщательно, даже, можно сказать, болезненно-тщательно готовится. Вообще заметим, что всякое, самое пустячное соприкосновение с действительностью вызывает в нем бурю противоречивых эмоций и ввергает его в болезненную рефлексю...

Но сначала несколько слов о предыстории События, имевшего место на Невском проспекте (именно так: События с большой буквы, потому что для Подпольного человека все, что касается его личности, — Событие). Действие происходит во второй половине 1840-х гг. Впрочем, не лишне будет заметить, что вспоминает о нем герой Достоевского спустя шестнадцать лет, уже из середины 1860-х... Как же не Событие?

Все началось в третьеразрядном трактиришке, куда Подпольный зашел, потому что увидел в окно, как «господа киями подрались у биллиарда и как одного из них в окно спустили»²⁶³. И вот здесь... Здесь с ним «поступили как с мухой». С первого шагу «осадил» его там *один офицер*. «Я стоял у биллиарда и по неведению заслонял дорогу, — вспоминает Подпольный, — а тому надо было пройти; он взял меня за плечи и молча, — не предупредив и не объяснившись, — переставил меня с того места, где я стоял, на другое, а сам прошел как будто и не заметив». «Я бы даже побои простил, — признается герой, — но никак не мог простить того, что он меня переставил и так

С. 486). Всеобщая адресная книга С.-Петербурга 1867–1868 гг. позволяет установить и имена владельцев заведения: это Иоганн и Варвара Вольф (СПб., 1867–1868. Отд. III. С. 96). В мемуарной литературе есть сведения, что Достоевский бывал в кондитерской Вольф и в 1860-е гг. Так, А. Г. Шиле в своих незавершенных мемуарах упоминает (применительно к 1864–1866 гг.), что иногда Федору Михайловичу «приходила фантазия» покатать ее «по Невскому на „лихаче“» и он не раз угощал ее «шоколадом в кондитерской Вольфа» (Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9. С. 286).

²⁶³ ЛСС. Т. 5. С. 128 и след. Далее эпизод цитируется без указания страниц.

окончательно не заметил». И никто не заметил. Но для самого героя Достоевского это — бытийная трагедия едва ли шекспировского масштаба...

«Был этот офицер вершков десяти росту — предоставим и дальше вести рассказ самому Подпольному; — я же человек низенький, истощенный. Ссора, впрочем, была в моих руках: стоило попротестовать, и, конечно, меня бы спустили в окно. Но я раздумал и предпочел... озлобленно стушеваться».

«Я часто потом встречал этого офицера на улице, — продолжает герой, — и хорошо запомнил. Не знаю только, узнавал ли он меня. Должно быть, нет... Но я-то, я, — смотрел на него со злобою и ненавистью, и так продолжалось несколько лет-с!...»

Но однажды... он отомстил этому офицеру-верзиле «самым простейшим, самым гениальнейшим (по его самоощущению) образом!» И вот тут действие переносится на Невский проспект, причем Подпольный парадоксалист дает очень выразительную зарисовку Невского, увиденного сквозь призму его ущемленного самосознания.

«Иногда по праздникам я хаживал в четвертом часу на Невский и гулял по солнечной стороне.²⁶⁴ То есть я там вовсе не гулял, а испытывал бесчисленные мучения, унижения и разлития желчи; но того-то мне, верно, и надобно было. Я шмыгал, как вьюн, самым некрасивым образом, между прохожими, уступая непрерывно дорогу то генералам, то кавалергардским и гусарским офицерам, то барыням; я чувствовал в эти минуты конвульсивные боли в сердце и жар в спине при одном представлении о мизере моего костюма, о мизере и пошлости моей шмыгающей фигурки. Это была мука-мученская, непрерывное невыносимое унижение от мысли, переходившей в непрерывное и непосредственное ощущение того, что я муха, перед всем этим светом, гадкая, непотребная муха, — всех умнее, всех развитее, всех благороднее, — это уж само собою, — но непрерывно всем уступающая муха, всеми униженная и всеми оскорбленная. Для чего я набирал на себя эту муку, для чего я ходил на Невский — не знаю? но меня просто *тянуло* туда при каждой возможности».

Переживания, прямо скажем, отдающие мазохизмом. Но тут, на Невском, ему суждено было пережить и великое торжество. Впрочем, путь к нему был нескор и нелегок.

«После же истории с офицером, — рассказывает Подпольный, — меня еще сильнее туда стало тянуть: на Невском-то я его и встречал наиболее, там-то я и

---

²⁶⁴ Почти официальное наименование четной стороны Невского проспекта, часто встречающееся в художественной литературе, дневниках, переписке XIX в. Причем, по-видимому, как правило, подразумевалась лишь парадная часть Невского — до Садовой или Фонтанки, не далее. Потому что было в порядке вещей, когда встречу назначали *просто* «на Невском, на солнечной стороне...»

любовался им. Он тоже ходил туда более в праздники. Он хоть тоже сворачивал с дороги перед генералами и перед особами сановитыми и тоже вилял, как вьюн, между ними, но таких, как наш брат, или даже почище нашего брата, он просто давил; шел прямо на них, как будто перед ним было пустое пространство, и ни в каком случае дороги не уступал. Я упивался моей злобой, на него глядя, и... озлобленно перед ним каждый раз сворачивал. Меня мучило, что я даже и на улице никак не могу быть с ним на равной ноге. „Отчего ты непременно первый сворачиваешь? — приставал я сам к себе, в бешеной истерике, проснувшись иногда часу в третьем ночи. — Отчего именно ты, а не он? Ведь для этого закона нет, ведь это нигде не написано? Ну пусть будет поровну, как обыкновенно бывает, когда деликатные люди встречаются: он уступит половину, и ты половину, вы и пройдете, взаимно уважая друг друга“. Но так не было, и все-таки сворачивал я, а он даже и не замечал, что я ему уступаю...»

«И вот удивительнейшая мысль вдруг осенила меня. „А что, — вздумал я, — что, если встретиться с ним и... не посторониться? Нарочно не посторониться, хоть бы даже пришлось толкнуть его: а, каково это будет?“ Дерзкая мысль эта мало-помалу до того овладела мною, что не давала мне покоя. Мечтал я об этом непрерывно, ужасно и нарочно чаще ходил на Невский, чтоб еще яснее себе представить, как я это сделаю, когда буду делать. Я был в восторге. Все более и более мне казалось это намерение и вероятным и возможным. „Разумеется, не совсем толкнуть, — думал я, уже заранее добрея от радости, — а так, просто не посторониться, состукнуться с ним, не так, чтобы очень больно, а так, плечо о плечо, ровно на столько, сколько определено приличием; так что на сколько он меня стукнет, на столько и я его стукну“. Я решился наконец совершенно...»

Но такие важные дела так просто не делаются. Нужно было подготовиться. Потому что «во время исполнения нужно было быть в более приличнейшем виде и позаботиться о костюме. „На всякий случай, если, например, завяжется публичная история (а публика-то тут суперфлю: графиня ходит, князь Д. ходит, вся литература ходит), нужно быть хорошо одетым; это внушает и прямо поставит нас некоторым образом на равную ногу в глазах высшего общества“», — размышляет Подпольный.

«Князь Д.» применительно к Петербургу второй половины 1840-х гг. — это чуть ли не генерал-адъютант князь Василий Андреевич Долгоруков, без пяти минут военный министр (кстати, в 1849 г. член Следственной комиссии по делу петрашевцев), а в период создания «Записок из подполья» — главный начальник III Отделения и шеф жандармов. «Князь Д. ходит, графиня ходит, „вся литература ходит“» — можно смело

говорить, что речь идет не вообще о Невском проспекте, но о прилегающей к Дворцовой площади ее парадной, аристократической части — до Мойки, в крайнем случае — до Казанского моста.

Готовиться к Событию на Невском проспекте, конечно же, надо было тоже на Невском. Подпольный человек описывает свои приготовления так: «С этой целью я выпросил вперед жалованья и купил черные перчатки и порядочную шляпу у Чуркина. Черные перчатки казались мне и солиднее, и бонтоннее, чем лимонные, на которые я посягал сначала. <...> Хорошую рубашку, с белыми костяными запонками, я уж давно приготовил; но задержала очень шинель. Сама-то по себе шинель моя очень была недурна, грела; но она была на вате, а воротник был енотовый, что составляло уже верх лакейства. Надо было переменить воротник во что бы ни стало и завести бобрик, вроде как у офицеров. Для этого я стал ходить по Гостиному двору и после нескольких попыток нацелился на один дешевый немецкий бобрик. Эти немецкие бобрики хоть и очень скоро занашиваются и принимают мизернейший вид, но сначала, с обновки, смотрят даже и очень прилично...»

О героях Достоевского, делающих покупки в Гостином Дворе, у нас еще пойдет речь. Но покупки покупками, а главное испытание еще впереди. Вновь дадим слово Подпольному герою:

«Нельзя же было решиться с первого разу, зря; надо было это дело обделать умеючи, именно помаленьку. Но признаюсь, что после многократных попыток я даже было начал отчаиваться: не состукиваемся никак — да и только! Уж я ль приготавливался, я ль не намеревался, — кажется, вот-вот сейчас состукнемся, смотрю — и опять я уступил дорогу, а он и прошел, не заметив меня. Я даже молитвы читал, подходя к нему, чтоб Бог вселил в меня решимость. Один раз я было и совсем уже решился, но кончилось тем, что только попал ему под ноги, потому что в самое последнее мгновение, на двухвершковом каком-нибудь расстоянии, не хватило духу. Он преспокойно прошел по мне, и я, как мячик, отлетел в сторону. В эту ночь я был опять болен в лихорадке и бредил. И вдруг все закончилось как нельзя лучше...»

Наконец-то мы приблизились к развязке События! Впрочем наступила она как-то неожиданно, чуть ли не вопреки намерению Подпольного героя:

«Накануне ночью я окончательно положил не исполнять моего пагубного намерения, — сообщает он, — и все оставить втуне и с этой целью в последний раз я вышел на Невский, чтобы только так посмотреть, — как это я оставляю все это втуне? Вдруг, в трех шагах от врага моего, я неожиданно решился, зажмурил глаза и — мы

плотно стукнулись плечо о плечо! Я не уступил ни вершка и прошел мимо совершенно на равной ноге! Он даже и не оглянулся и сделал вид, что не заметил; но он только вид сделал, я уверен в этом. Я до сих пор в этом уверен! Разумеется, мне досталось больше; он был сильнее, но не в том было дело. Дело было в том, что я достиг цели, поддержал достоинство, не уступил ни на шаг и публично поставил себя с ним на равной социальной ноге. Воротился я домой совершенно отмщенный за все. Я был в восторге. Я торжествовал и пел итальянские арии...»

Эта «триумфальная победа» наполнила сердце героя таким ликованием, что и спустя полтора десятилетия, он *с любовью* вспоминает *своего* офицера: его «потом куда-то перевели; лет уже четырнадцать я его теперь не видел. Что-то он теперь, *мой голубчик?* Кого-то давит?»

Хорошо, спросит кто-то, а почему мы остановились, чтобы прослушать эту историю, именно у дома № 19 по Невскому проспекту? Дело в том, что готовясь к поединку с офицером-верзилой, заботясь о том, чтобы во время стычки у него была порядочная экипировка, именно здесь в известном петербургском магазине «У Чуркина» Подпольный герой приобретает себе «черные перчатки и порядочную шляпу».

Шляпный магазин находился в этом доме, принадлежавшем (как и соседний дворцовый особняк) графине Софии Строгановой²⁶⁵, еще в пушкинское время. Правда, в заведении купца Евсея Чуркина велась торговля разными галантерейными товарами, а шляпами торговал купец Никита Фалелеев. Но, как подсказывают документы, Фалелеев, став позднее зятем Чуркина, наследовал и его галантерейный магазин.²⁶⁶ А его вдова, дочь Чуркина — Надежда, уже в 1860-е гг., когда писались «Записки из подполья», торговала в доме графини Строгановой шляпами под фирмой «Фалелеева-Чуркина»²⁶⁷. Интересно, что даже в 1881 г. в этом доме под фирмой «Чуркин» торговал

²⁶⁵ Трехэтажный дом на этом месте существовал уже в конце XVIII в., но для графы Строгановой, приобретя его в 1830-е гг., капитально перестроили здание в классицистическом духе. В 1864 г., как раз в год создания «Записок из подполья», фасад дом был поновлен и сделана надстройка для фотографического павильона Г. Денъера. Уже в XX в. (1951) «вместо прежних надстроек был сооружен полный четвертый этаж, а фасад получил оформление в приемах неоклассицизма» (Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект: Дом за домом. М., 2009. С. 77-78). Но в целом облик современного дома достаточно схож с тем, как он выглядел в эпоху 1860–1870-х гг.

²⁶⁶ Ср.: Нистрем К. Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. С. 1453, 1454; Цылов [Н.] Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1849 год. СПб., 1849. С. 225, 511.

²⁶⁷ Справочная книга о лицах, получивших на 1865 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1865. С. 364. Шляпный магазин Фалелеевой-Чуркиной находился и в доме № 25 по Невскому проспекту, но в отличие от дома № 19 там изначально торговал только Никита Фалелеев и никогда не торговал Евсей Чуркин.

шляпами купец 2-й гильдии Василий Чистяков.²⁶⁸ Нельзя исключать, что и сам Достоевский, будучи достаточно требователен к своей одежде, тоже покупал перчатки и шляпы в магазине Чуркина?..

III. ОТ КАЗАНСКОГО МОСТА ДО АНИЧКОВА

ДОСТОЕВСКИЙ В КОНЦЕРТНОМ ЗАЛЕ

Дом № 30 на углу Невского проспекта и канала Грибоедова (быв. Екатерининского канала) многими нитями связан с именем Достоевского. Но сначала скажем несколько слов об истории самого здания. Ибо «дом Энгельгардт», как называют его историки Петербурга, — это один из тех редких случаев, когда постройка на Невском проспекте сохранила свой исторический облик с начала 1830-х гг. Это значит, что этот дом, за исключением некоторых деталей, мы видим сегодня таким же, каким увидел его Достоевский во время своей первой прогулки по Невскому в 1837 г.

Трехэтажный особняк на этом участке был построен крупнейшим зодчим эпохи барокко Ф. Б. Растрелли еще в 1759–1761 гг. В 1799 г. его приобрел купец первой гильдии, миллионер Михаил Кусовников. От него в 1820-х гг. дом перешел к его дочери Ольге Михайловне Энгельгардт — супруге отставного полковника барона В. В. Энгельгардта, приятеля Пушкина. В 1829–1832 гг. Энгельгардты предприняли капитальную перестройку дома, которую осуществил известный архитектор П. Жако, надстроивший дом до четырех этажей и придавший фасадной части формы позднего классицизма. В дальнейшем дом и горел (в 1856 г.), и получил разрушения в период ленинградской блокады, вследствие чего от его первоначальных интерьеров и убранства сегодня практически ничего не сохранилось. Но внешне, повторим, дом сегодня выглядит так же, как он выглядел при Энгельгардтах.

Исполняя желание домовладельцев, П. Жако спроектировал во втором этаже особняка обширные залы для балов и концертов. В 1830-е гг. в доме Энгельгардтов (тогда он имел по Невскому проспекту № 33) устраивались популярные в великосветских кругах публичные маскарады (именно здесь разворачивается действие

²⁶⁸ Как можно понять, Василий Чистяков в начале 1870-х гг. женился на вдове внука Чуркина — Василия Никитича Фалелеева-Чуркина и наследовал его шляпный магазин. Во всяком случае в специальном справочнике указывалось, что в его семье в 1881 г. воспитывались две падчерицы — Александра и Зинаида Фалелеевы-Чуркины (Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и др. званий, получивших в течение времени с 1-го ноября 1881 по 1-е февраля 1882 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1882 г.. СПб., 1882. С. 597).

драмы Лермонтова «Маскарад»). В концертном зале в 1830–1840-х гг. проходили музыкальные вечера, на которых выступали приезжие знаменитости: Г. Берлиоз, Ф. Лист, И. Штраус, пела Полина Виардо. В 1837 г. В. В. Энгельгардт умер, и в газетных сообщениях о гастролях музыкантов сообщалось, что их выступления состоятся «в зале г-жи Энгельгардт».

О музыкальных пристрастиях Достоевского в первой половине 1840-х гг. достаточно подробно рассказывает в своих мемуарах его товарищ этих лет барон А. Е. Ризенкампф. Согласно его воспоминаниям, они с Достоевским бывали на концертах Ференца Листа и Иосифа Блаза, которые одновременно гастролировали в Петербурге в 1842 г.²⁶⁹ Можно с большой долей вероятности предположить, что хотя бы некоторые из концертов, которые посещали Достоевский с Ризенкампом, проходили в доме Энгельгардт.

Так, например, первый концерт бельгийского кларнетиста-виртуоза И. Блаза, о котором газета «Северная пчела» накануне его гастролей писала, что «он то же на кларнете, что Лист на фортепиано, а Паганини на скрипке», состоялся 8 февраля 1842 г. именно в зале дома Энгельгардт. Здесь же Блаз играл и 16 марта. Выступал он и в другом зале на Невском — в доме графа В. К. Браницкого (о чем мы упомянем в своем месте). Достоевский, судя по всему, слушал его выступление и там. Характеризуя эти музыкальные впечатления писателя, автор капитального исследования «Достоевский и музыка» А. А. Гозенпуд писал: «В концертах со сборной программой, данных <...> Блазом при участии певицы Э. Мерти и оркестра, Достоевский мог услышать „Приглашение к танцу“ Вебера (в инструментовке Берлиоза), романсы Даргомыжского, увертюру к опере Обера „Густав III“ и ряд сочинений, написанных или переложенных Блазом для кларнета, в том числе Фантазию на русские темы, Вариации на мотивы „Фенеллы“ Обера и Военный концерт Бермана».

Отметим, что Блаз концертировал в Петербурге и в 1843 г. Так, газета «Северная пчела» сообщала о его «утреннем концерте», который состоится 31 января, и вновь в доме г-жи Энгельгардт.

С 8 апреля в Петербурге начались гастроли Ф. Листа²⁷⁰, которые по утверждению специалистов, «наряду с постановкой „Руслана и Людмилы“ были «самым

²⁶⁹ Гастроли И. Блаза начались 8 февраля, Лист дал первый концерт 8 апреля. 30 апреля они выступали вместе в благотворительном концерте в пользу С.-Петербургской детской больницы, состоявшийся в Дворянском собрании (см.: Северная пчела. 1842. № 30. 7 февраля; № 78. 8 апреля; № 94. 30 апреля).

²⁷⁰ Лист прибыл в Петербург еще 4 апреля и назавтра, 5 апреля, был представлен ко двору и играл для императора Николая I.

значительным явлением музыкальной жизни России начала 40-х годов»²⁷¹. Барон Ризенкампф свидетельствует, что они с Достоевским «не пропустили почти ни одного концерта» прославленного музыканта, «несмотря на неслыханную до тех пор цену билетов». Мемуарист называет цену билетов «сначала по 25, после по 20 рублей ассигнациями»²⁷². Но газетные объявления того времени позволяют уточнить сведения мемуариста: на выступления Блаза билеты продавались по 10 руб., на концерты Листа — по 10 и 15 руб. ассигнациями. Все равно деньги немалые!

В этот приезд в Петербург Лист дал пять сольных концертов. В зале дома № 30 по Невскому проспекту у Казанского моста он выступал на «музыкальном утре» 28 апреля и 5 мая. На ряду с собственными композициями Лист исполнял произведения Баха, Бетховена, Вебера, Шопена, Шуберта и «многочисленные транскрипции и фантазии на темы опер Моцарта, Россини, Беллини, Доницетти, Мейербера и Галеви <...> импровизации на темы из „Ивана Сусанина“ Глинки»²⁷³.

Впечатления от внешности и игры Листа зафиксировал в своем дневнике А. В. Никитенко, побывавший в эти дни на одном из его концертов. «Наружность Листа очень оригинальна. У него тонкие черты лица; он худ и бледен; длинные светло-русые волосы стелются у него по плечам. Когда он играет, физиономия его оживляется и буквально делается горящею». «Какая сила и какой огонь в его игре! Инструмент под его пальцами исчезает. Он переносит вас всецело в мир звуков, где он безграничный властелин. Каждый звук, который он извлекает из инструмента, — или мысль, или чувство. Нет, я не слыхал ничего подобного! Далее в музыке, кажется, нельзя идти»²⁷⁴. Именно такого Листа видел и слышал в 1842 г. Достоевский.²⁷⁵

Учитывая свидетельство Ризенкампфа, что писатель посещал почти все концерты музыканта, можно с уверенностью говорить, что он непременно побывал в эти весенние дни и в зале Энгельгардт.

В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ А. Ф. БАЗУНОВА

В 1853 г., после смерти О. М. Энгельгардт, дом перешел по наследству к ее дочери Екатерине Васильевне Ольхиной, которая владела им до конца 1860-х гг. Продолжая отслеживать «сюжеты», связанные с именем Достоевского, укажем, что в

²⁷¹ Гозенпуд А. А. Достоевский и музыкально-театральное искусство: Исследование. Л., 1981. С. 12.

²⁷² Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 180.

²⁷³ Гозенпуд А. А. Достоевский и музыкально-театральное искусство... Л., 1981. С. 12.

²⁷⁴ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 248 (запись от 26 апреля 1842 г.).

²⁷⁵ Весной 1843 г. Лист вновь концертировал в Петербурге, вновь выступая в том числе и в доме Энгельгардт (например, 14 апреля).

1860–1870-е гг. в доме Ольхиной (а позднее Ссудного учетного банка) у Казанского моста располагался книжный магазин Александра Федоровича Базунова, в котором писатель бывал не однажды.

Опережая последовательное изложение событий, отметим одно, совершенно особое посещение Достоевским книжного магазина А. Ф. Базунова. 14 апреля 1867 г. писатель уезжал за границу, в Европу (как первоначально планировалось, на несколько месяцев, а оказалось — на четыре с лишним года) с молодой женой Анной Григорьевной, с которой они обвенчались за два месяца до этого, 15 февраля, в Троицком Измайловском соборе. Книготорговец Александр Федорович Базунов присутствовал на свадьбе писателя среди приглашенных гостей, что свидетельствует о достаточно близких отношениях между ними. И вот «перед самым выездом» Достоевский заходит в книжный магазин А. Ф. Базунова. Зачем? Приобрести какие-то книги, необходимые ему в поездке? Проститься со своим хорошим знакомым — хозяином магазина? Возможно. Но была у него и совершенно особая цель. Через книжный магазин на Невском проспекте Достоевский вел секретную от жены переписку со своей прежней возлюбленной — Аполлиinarieй Суловой, которая в это время находилась в Европе. И очередное письмо от нее он получил накануне отъезда из Петербурга.²⁷⁶

Отношения Достоевского с Суловой — это особая тема, выходящая за рамки настоящей книги. Напомним только читателям известное место из стенографического дневника А. Г. Достоевской 1867 г., в котором под датой 27 апреля / 9 мая жена писателя записывает, как в кармане у мужа она обнаружила письмо от Аполлиарии и с каким драматическим чувством его читала.²⁷⁷ Это было очередное письмо Суловой, посланное уже в Дрезден, в ответ на письмо Достоевского, написанное после получения предыдущего послания от нее в книжном магазине Базунова. Писатель не обманывал Анну Григорьевну: он ее нежно и преданно любил. Но и старую любовь вырвать из сердца ему было непросто. Повторим: здесь не место углубляться в эту тему. Поэтому сосредоточимся лишь на одном вопросе: чем для Достоевского среди прочих многочисленных книжных магазинов Невского проспекта выделялось именно заведение

²⁷⁶ Конечно же, Достоевский вел через магазин А. Ф. Базунова не только интимную переписку. Он получал здесь и корреспонденцию иного рода. Так, например, когда в 1864 г. он пожаловался переводчице и издательнице Е. Н. Ахматовой, что нерегулярно получает выпускаемое ею периодическое «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык», подписчиком которого он являлся, та ответила ему, что издание посылалось писателю «каждый месяц по городской почте с адресом в магазин Базунова, и вероятно затеряно там» (РГБ. Ф. 93. П.1.59).

²⁷⁷ См.: *Достоевская А. Г. Дневник 1867 года*. М., 1993. С. 19-20

А. Ф. Базунова, если именно на его адрес посылалась писателю столь важная для него корреспонденция?²⁷⁸

Первый по времени контакт писателя с А. Ф. Базуновым ориентировочно датируется второй половиной 1860 г., когда братья Достоевские получили разрешение на издание журнала «Время». В газетных объявлениях, которые начали появляться в С.-Петербургских ведомостях», «Русском инвалиде», «Сыне отечества» и др. изданиях с сентября 1860 г., указывалось, что «подписка принимается для жителей Петербурга и Москвы в конторах журнала „Время“: в Петербурге — в книжном магазине Базунова, на Невском проспекте, в доме Энгельгардт; в Москве — в книжном магазине Базунова, на Страстном бульваре, в доме Загрязского». Указанный в этом объявлении «книжный магазин Базунова в Москве» содержал родной дядя Александра Федоровича — Иван Григорьевич.²⁷⁹ Заметим также, что, хотя уже семь лет домовладелицей была Е. В. Ольхина, в объявлении указывается более привычный для петербуржцев адрес: «дом Энгельгардт». И в дальнейшем все пять лет, в которые выходили журналы братьев Достоевских «Время» и затем «Эпоха», «конторой» этих изданий служил книжный магазин А. Ф. Базунова на Невском проспекте, в доме № 30.

Отношения Достоевского с Базуновым получили новый импульс в самом начале 1862 г. В 1861 г. в журнале «Время» были напечатаны главы первой части «каторжной эпопеи» Достоевского «Записки из Мертвого дома». Продолжение «Записок...» начало публиковаться с январской книжки «Времени» 1862 г. «Записки из Мертвого дома» произвели в читательских кругах настоящий фурор. Это, бесспорно, было самое значительное произведение отечественной литературы начала 1860-х гг. Благодаря его публикации подписка на журнал братьев Достоевских подскочила вверх. Как опытный редактор, Достоевский принял решение, не дожидаясь завершения работы над «Записками...», выпустить первую часть отдельным изданием и рассылать ее в качестве приложения к № 1 «Времени» 1862 г. Эта акция преследовала цель привлечь к журналу новых подписчиков, которые не получали «Время» в 1861 г., но теперь смогут читать

²⁷⁸ В магазине Базунова Достоевский также назначал свидания своим знакомым. Так, начинающая писательница Аделаида Шиле, имя которой мы уже упоминали в связи с кондитерской Вольфа на Невском, № 18, свидетельствует в своих мемуарах, что, когда они с Достоевским устраивали в середине 1860-х гг. прогулки по Невскому проспекту, писатель назначал ей встречи именно в этом книжном магазине у Казанского моста (Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 172, 174).

²⁷⁹ В 1866 г., пользуясь родственными и деловыми отношениями племянника и дяди Базуновых, Достоевский именно через магазин Базунова отправлял в Москву, в редакцию «Русского вестника», для публикации рукописи очередных частей романа «Преступление и наказание».

продолжение «Записок...», имея в своем распоряжении первую часть отдельной книжкой.

Договор на издание первой части «Записок из Мертвого дома» писатель заключил с «временным с.-петербургским и полным купцом» (как сказано в документе) Александром Федоровичем Базуновым.²⁸⁰ За право издать «Записки...» тиражом в пять тысяч экземпляров Базунов обязывался заплатить писателю 3500 рублей серебром. При подписании договора 16 января 1862 г. Базунов выплатил Достоевскому задаток в тысячу рублей, а затем, после выхода книги в свет еще двумя частями по 1250 руб.

Когда в майской книжке «Времени» публикация «Записок из Мертвого дома» была завершена, тот же Базунов выпустил новое, полное издание — в двух томах. Продавалось оно в его книжном магазине в доме Ольхиной на Невском проспекте.²⁸¹ Сохранился экземпляр «Записок...» с дарственной надписью автора: «Николаю Алексеевичу Некрасову. В память всего прошедшего». На обложке этого мемориального экземпляра указано: «Издание книгопродавца А. Ф. Базунова».

Издавал Базунов произведения Достоевского и позднее. В частности, первое отдельное издание «Преступления и наказания», вышедшее в феврале 1867 г., было осуществлено издателями А. Базуновым, Э. Працем и Я. Вейденштрухом. Еще позднее, в 1871 г., в серии «Библиотека современных писателей» Базунов выпустил единственное отдельное издание рассказа Достоевского «Вечный муж».²⁸²

Естественно, так плотно общаясь с Базуновым, был Достоевский и покупателем в его магазине. В архиве писателя сохранились два суммарных счета за 1862 и 1863 гг. на фирменных бланках книжной торговли А. Ф. Базунова, свидетельствующие о покупке писателем за неполный год (с 25 августа 1862 по 5 апреля 1863 г.) двух с половиной десятков разнообразных изданий, причем некоторые из них были многотомными (например, пять частей «Истории государства Российского» М. Н. Карамзина или три тома «Всемирной истории» Ф. Шлоссера, переведенной под редакцией Н. Г. Чернышевского).

²⁸⁰ Издание в 1862 г. «Записок из Мертвого дома» было первым издательским опытом А. Ф. Базунова, занимавшегося книжной торговлей в Петербурге с 1858 г.

²⁸¹ Одновременно здесь же продавалась Комическая поэма Гете «Рейнеке-Лис». Перевод в стихах М. Достоевского (СПб., 1861).

²⁸² Достоевский предполагал также выпустить у Базунова отдельное издание романа «Идиот», но эти планы не осуществились.

Особенно впечатляет количество книг по истории раскола, купленных Достоевским в магазине Базунова.²⁸³ Это семь изданий либо старообрядческих сочинений, либо литературы о старообрядцах. Среди них такие любопытные, как «История Выговской старообрядческой пустыни», написанная одним из вождей раскола первой половины XVIII в. Иваном Филипповым (Иваном Филипповичем) или «Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря». Отметим также «Рассказы из истории старообрядства, по раскольничьим рукописям» Сергея Максимова. Из этой книги Достоевский мог почерпнуть сведения о непростых отношениях патриарха Никона и идеолога раскола протопопа Аввакума, автора знаменитого «Жития». Но были среди купленных у Базунова и книги иного рода, например читанный писателем еще в юности «Кот Мурр» Э. Т. А. Гофмана или «Физиология обыденной жизни» Г. Льюиса, упомянутая в романе «Преступление и наказание».

Надо сказать, что библиотека Достоевского 1860-х гг., собранная им в Петербурге после возвращения из Сибири, пропала во время его четырехлетнего пребывания в Европе. О ее составе исследователи располагают лишь самыми скудными сведениями. В восполнении нашего знания о круге чтения писателя 1860–1867 гг. состоит особая ценность названных счетов книжной торговли А. Ф. Базунова, сохранившихся, как можно предполагать, в силу особенно тесного общения Достоевского с хозяином магазина на Невском проспекте у Казанского моста.

Достоевский поддерживал отношения с А. Ф. Базуновым и пользовался услугами его «фирмы» и в 1870-е гг., после возвращения из Европы. Так, когда в 1876 г. он предпринял издание «Дневника писателя», «контора» журнала, куда иногородние подписчики посылали деньги, первоначально вновь имела своим «юридическим адресом», указанным в объявлениях, книжный магазин на Невском проспекте в доме Ольхиной. И в эти годы Достоевский приобретал у Базунова книги и журналы. Так, именно здесь он купил № 1 журнала «Русский вестник» за 1875 г. с началом «Анны Карениной» Льва Толстого, а уезжая летом для лечения за границу, в немецкий курортный городок Бад-Эмс, просил Базунова высылать ему туда очередные номера журнала с продолжением романа.

Тесные отношения с А. Ф. Базуновым Достоевский поддерживал до 1876 г. Еще в 1874 г. в справочнике «Петербург весь на ладони» В. Михневич писал, что книжный

²⁸³ П. Д. Боборыкин, кратко упомянув в своих воспоминаниях о встрече с Достоевским в магазине Базунова, также отметил, что писатель зашел туда за «какой-то духовной книжкой, которая заинтересовала его своим заглавием» (*Боборыкин П. Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 391-392).

магазин в доме Ольхиной у Казанского моста «по обширности торговли один из первых в С.-Петербурге»²⁸⁴. Однако на самом деле дела у Базунова в середине 1870-х гг. шли все хуже и хуже. Когда в конце 1875 г. Александр Федорович уехал за границу на лечение, по столице поползли слухи, что он сбежал из России, прихватив с собой деньги иногородних подписчиков (в том числе и на «Дневник писателя» Достоевского).²⁸⁵ Слух оказался, мягко говоря, преувеличенным. Но повод к таким разговорам был реальным. Когда через несколько месяцев Базунов вернулся в Петербург, он «заявил кредиторам о своем критическом положении, вследствие чего книги и имущество его были распроданы с аукциона, а он объявлен в июне месяце несостоятельным должником»²⁸⁶. Так плачевно закончилась карьера некогда преуспевающего книготорговца.

Достоевский первоначально поверил городским слухам. Одному из своих корреспондентов он писал в начале февраля 1876 г.: «О Базунове я слышал двояко, и сам не знаю, на чем остановиться. Есть слухи, его оправдывающие. Во всяком случае магазин продолжит дела и до времени я оставляю там подписку. Впрочем, вероятнее, что он бежал, обманув люд; но магазин кому-то сдан²⁸⁷ ...»²⁸⁸ Тогда же Достоевский перевел «контору» «Дневника писателя» в другой книжный магазин на Невском, принадлежавший М. П. Надеину (соврем. № 44).

Однако по отношению к А. Ф. Базунову писатель в приведенных суждениях несправедлив. По крайней мере его, Достоевского, разорившийся книготорговец обманывать не намеревался. Перед своим отъездом в Европу Базунов специально встретился с ним и выплатил ему «все сполна накопившиеся у него деньги за „Дневник“»²⁸⁹. Сам Достоевский позднее считал, что тот «руководствовался всё тем же, неминуемым в сем случае соображением, что мне не отдать *всех грешнее*, что тут значит взять последнее у того, который в 54 года от роду всё еще живет тягчайшим литературным трудом, работает по ночам, к сроку, несмотря на свои две большие болезни...»²⁹⁰ После этого в «контору» «Дневника писателя» еще поступило около 300-330 рублей. После объявления банкротства Базунова и продажи с аукциона его

²⁸⁴ Михневич Вл. Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 529.

²⁸⁵ См.: Биржевые ведомости. 1876. 1 февраля. № 31; Голос. 1876. 2 февраля. № 33.

²⁸⁶ Белов С. В. Издательская деятельность А. Ф. Базунова // Роль книги в демократизации культуры: Сб. научн. трудов. Л., 1987. С. 71.

²⁸⁷ А. Ф. Базунов оставил доверенность на управление магазином своей сестре (см. ее опровержение слухов: Биржевые ведомости. 1876. 6 февраля. № 36).

²⁸⁸ ПСС. Т. 29, кн. 2. С. 74.

²⁸⁹ Там же. С. 127.

²⁹⁰ Там же.

имущества Достоевский в последний раз побывал в магазине у Казанского моста, где ему в погашение долга по подписке «кто-то» выдал 50 руб.²⁹¹

Получил ли писатель оставшуюся сумму, виделся ли после этого с самим Александром Федоровичем, нам, к сожалению, неизвестно.²⁹² Хочется верить, что не только с многолетним клиентом, но и с близким приятелем, у которого он когда-то гулял на свадьбе, Базунов, хотя и находившийся в бедственном положении, расплатился сполна.

«СВЕТ СЕГОДНЯ ОЧЕНЬ ХОРОШ...»

Достоевский в фотосалоне Константина Шапиро

Мы не знаем, заходил ли Достоевский после визита в октябре 1876 г. еще хотя бы раз в книжный магазин на Невском проспекте, № 30, да и существовал ли здесь книжный магазин после окончательного разорения Базунова. Но достоверно известно, что в бывшем доме Е. В. Ольхиной у Казанского моста (теперь дом принадлежал Ссудному учетному банку) писатель побывал в во второй половине марта 1879 г.

В архиве Достоевского сохранилась недатированная записка такого содержания: «Глубокоуважаемый Федор Михайлович! Сегодня в час я жду Вас в моей фотографии. Надеюсь, что Вы будете так добры и не дадите мне напрасно ждать. Свет сегодня очень хорош. Ваш покорный слуга фотограф Шапиро». Здесь же указан адрес фотоателье: «Невский пр., 30, у Казанского моста»²⁹³. Справочники по истории петербургской фотографии позволяют уточнить, что фотосалон Константина (Ошера) Александровича Шапиро (1840–1900) находился по указанному адресу с конца 1873 по 1882 г. Дополнительный свет на ситуацию проливает комментарий А. Г. Достоевской, который позднее был приложен ею к процитированной записке: «В конце семидесятых годов лучшею фотографию в С.-Петербурге считалась фотография К. А. Шапиро (на Невском проспекте). В начале 1879 года Шапиро приехал к Федору Михайловичу и просил его позволения снять с него большой портрет для помещения в изданной [sic] „Портретной галерее русских литераторов, ученых и артистов“. Ф. М. снялся у Шапиро, и портрет его вышел довольно удачный. Ввиду сильного успеха его „Портретной

²⁹¹ Там же.

²⁹² Разорившийся и потерявший собственное «дело», А. Ф. Базунов в дальнейшем еще двадцать с лишним лет проработал приказчиком в одной из книжных лавок Гостиного двора (см.: Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». СПб., 2001. Т. 1. С. 70.

²⁹³ РГБ. Ф. 93. П.9.134.

галереи“ г. Шапиро счел нужным предложить моему мужу, кроме большого портрета, две дюжины кабинетных его портретов»²⁹⁴.

Наконец, еще более точно установить время съемки позволяет рекламная публикация самого Шапиро в газете «Голос» (1879. № 114. 26 марта), сообщающая, что все желающие могут приобрести «Ф. М. Достоевского кабинетный портрет, на днях снятый с натуры в моей фотографии. Цена 50 к., с пересылкою 75 к.». На основании всех приведенных наблюдений и процитированную записку, и саму фотографию можно датировать началом 20-х чисел марта 1879 г.

Впрочем, стоит уточнить: в эту сессию Шапиро было сделано *три* фотографии Достоевского. Но на продажу им, видимо, была выставлена лишь одна из них, скорее всего, та самая, которая позднее была использована при подготовке упомянутой женой писателя «Портретной галереи русских литераторов, ученых и артистов, с биографиями и факсимиле». Это роскошный альбом большого формата, в котором кроме Достоевского также были помещены фотографии И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Портреты заключены в оригинальные рамки, выполненные в «старинном русском стиле», основой для которых послужил орнамент, позаимствованный, как сообщено в предисловии «От издателя» из хранящегося в Императорской Публичной библиотеке «рукописного свитка одной челобитной царю Алексею Михайловичу». Изображения сопровождаются краткими биографиями писателей на русском и французском языках.

Под каждой фотографией (исключая фотографию уже умершего к 1879 г. Некрасова) напечатано факсимильное воспроизведение подписи портретируемого лица, сопровождаемое датой. Любопытно, что автограф Достоевского датирован 29 марта 1879 г. Можно было бы подумать, что это дата съемки. Однако приведенная публикация в газете «Голос» от 26 марта свидетельствует об ином. Очевидно, это дата, когда Достоевский поставил свою подпись под уже отпечатанным изображением для дальнейшего полиграфического воспроизведения. Надо полагать, что на этот раз не писатель приходил в фотоателье К. Шапиро в доме № 30 по Невскому проспекту, а тот

²⁹⁴ Цит. по: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1995. Т. 3. С. 323. Задним числом А. Г. Достоевская смещает хронологию: цензурное разрешение «Портретной галереи...» датировано 29 окт. 1879 г.; на титульном листе год выхода обозначен как 1880. Шапиро же присылает Достоевскому «две дюжины кабинетных портретов» в начале июня 1879 г., к тому же извиняясь в сопроводительном письме, что замешкался, так как «был завален работой и вдобавок еще заболел на целый месяц» (РГБ. Ф. 93. П.9.134). Скорее всего, напечатание определенного количества фотографий кабинетного размера (видимо, бесплатное) входило в условие договоренности между писателем и фотографом.

вновь посетил его в скромной квартирке на углу Ямской улицы и Кузнечного переуллка (впрочем, фотографии мог принести и рассыльный).

Можно согласиться с А. Г. Достоевской, назвавшей фотографию работы К. А. Шапиро «довольно удачной». На снимке, выбранном в «Портретную галерею...», Достоевский изображен погрудно, фронтально, статично — так снимаются на официальные документы. Технически фотография выполнена, может быть, и безупречно, но в композиционном отношении оставляет желать лучшего. Тем не менее изображение вызывает сильное впечатление: пожалуй, ни на каком другом фотопортрете писателя так рельефно и мощно не выступает «купол лба» гениального романиста. Направленный прямо в объектив пристальный взгляд выражает сознание уверенного в своих силах и знающего себе цену человека.

Две другие фотографии этой «сессии» отличаются лишь поворотом головы — в одном случае $\frac{3}{4}$ вправо, в другом — $\frac{3}{4}$ влево.²⁹⁵ Первая из них имеет свои бесспорные достоинства. В ней нет присущей фотографии из «Портретной галереи...» монументальности, величавости; возможно, и печать гениальности просматривается на ней не так определенно. Но взамен здесь возникает ощущение «живой жизни», как любил выражаться сам Достоевский. В прищуре глаз, в линиях чуть приоткрытого рта фотографом схвачен какой-то характерный момент внутренней жизни писателя: как будто ему загадали каверзную загадку и он только что ухватил суть подвоха и через мгновение готов дать правильный ответ. Возможно, во время перемены позы между Достоевским и Шапиро происходил какой-то заинтересованный диалог, и объектив фотокамеры сумел запечатлеть след общения фотографа и писателя. Блики яркого весеннего света на лице Достоевского дополнительно усиливают игру жизненных сил в этом портрете автора «Братьев Карамазовых».

Завершая этот сюжет, укажем, что Достоевский фотографировался на Невском не однажды и не только в фотоателье Шапиро. Больше того, *половина* известных нам фотографий писателя сделана фотографами с Невского проспекта. Вообще нужно заметить, что, в отличие, скажем, от Тургенева или Льва Толстого, сохранилось менее двух десятков фотопортретов Достоевского (Толстого же, например, несколько тысяч). Писателя за всю его жизнь снимали всего лишь двенадцать фотографов: С. Лейбин в Семипалатинске, Э. Бондоно в Париже, Н. Лоренкович в Старой Руссе, М. Панов в Москве, две фотографии неустановленного авторства — это семь фотографий.

²⁹⁵ Укажем дополнительно, что все отпечатки кабинетного формата выполнены попоясно, в то время как для «Портретной галереи...» Шапиро кадировал снимок погрудно, в придачу несколько сузив его по ширине.

Остальные двенадцать сняты в Петербурге (два фотопортрета с неустановленным авторством, возможно, тоже). И за вычетом двух снимков И. Гоха и В. Лауфферта, ателье которых находились в Большой Московской, оставшиеся *десять* фотографий Достоевского, повторим, сделаны на Невском. Кроме Шапиро, писателя снимали: в 1861 г. Михаил Тулинов, салон которого располагалось по адресу: Невский просп., № 60, в 1863 г. Алексей Бауман, имевший ателье в доме Голландской церкви на Невском, № 20, и, наконец, в 1876 г. Иван-Николай Досс. Фотосалон последнего, кстати, находился по адресу: Невский просп. № 1 — в том самом доме, где и магазин эстампов С. Дациаро.²⁹⁶ Вот такое любопытное дополнение к нашей теме «Достоевский на Невском»!

И последнее. По поводу портретов исторических лиц В. В. Розанов как-то заметил, что практически каждый из знаменитых деятелей в какую-то пору своей жизни и деятельности как бы «входит в фокус», когда «контуры личности» совпадают с контурами внешними, и, запечатленный тем или иным художником или фотографом, он именно в этом образе затем сохраняется в культурной памяти следующих поколений. Возникает невольная абберрация, и нам кажется, что, например, «Детство. Отрочество. Юность» написал не тот хрупкий, безбородый двадцатилетний юноша, изображенный на известной фотографии 1851 г. (со стеклом), а похожий на Саваофа Лев Толстой, которого мы знаем по портретам 1870-х годов или по более поздним изображениям. Достоевский «вошел в фокус», в розановском смысле, в 1870-е годы. Для нас «подлинный» Достоевский — это, может быть, в первую очередь писатель, запечатленный на фотографиях Н. Досса (1876) и К. Шапиро (1879). Показательно, что в обоих случаях эти портреты великого русского художника и мыслителя выполнены в фотосалонах на Невском проспекте.

ПЛОДЫ И УСТРИЦЫ МИЛЮТИНЫХ ЛАВОК

Напротив дома Энгельгардт, на другом углу Невского проспекта и набережной Екатерининского канала, располагается трехэтажный дом, составлявший в XIX в. вместе с соседним четырехэтажным единое владение (и по сей день два этих здания сохранили общий № 27). Эти дома знамениты тем, что с 40-х гг. XVIII в. здесь располагались так называемые Милютины или Милютинские торговые ряды, пользовавшиеся у петербуржцев исключительной популярностью. Еще в 1737–1742 гг.

²⁹⁶ Подробнее см.: *Тихомиров Б. Н.* Прижизненная иконография Достоевского. 1847–1881 // Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре. Альбом. СПб., 2009.

придворный истопник Анны Иоанновны А. И. Милютин построил на месте нынешнего четырехэтажного дома протяженное двухэтажное здание с лавками в первом этаже. По имени домовладельца они и получили название Милютинских рядов. В 1770-х гг. к ним со стороны набережной был пристроен современный трехэтажный дом, который в начале XIX в. был расширен в сторону канала постройкой еще одного корпуса. В архитектурном отношении угловой дом явился образчиком стиля раннего классицизма. Соседний дом, который в 1820-х гг. построили на месте упомянутого двухэтажного здания истопника Анны Иоанновны, был оформлен уже в формах позднего классицизма. В XIX в. эти дома неоднократно меняли владельцев (переходили по наследству, продавались с торгов), принадлежали Глазуновым, Яковлевым, Ворониным, Лесниковым, но торговые лавки, простиравшиеся от примыкавших к зданию Думы Серебряных рядов до набережной Екатерининского канала неизменно удерживали свое исконное наименование — Милютины ряды.

У Достоевского Милютины лавки впервые вскользь упоминаются в повести 1840-х гг. «Двойник» в картине «вальтасаровского пира» в доме его превосходительства Олсуфия Ивановича Берендеева на Фонтанке у Измайловского моста, пира, устроенного по случаю дня рождения его единородной дочери Клары Олсуфьевны. День этот, сообщает повествователь, ознаменовался «блистательным, великолепным званым обедом, таким обедом, какого давно не видали в стенах чиновничьих квартир у Измайловского моста и около, — обедом, который походил более на какой-то пир вальтасаровский, чем на обед, — который отзывался чем-то вавилонским в отношении блеска, роскоши и приличия, с шампанским-кликко, с устрицами и плодами Елисеева и Милютиных лавок...»²⁹⁷.

Напомним читателям, что о Вальтасаре, могущественном царе вавилонском из Халдейской династии, который «сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих», упоминается в ветхозаветной книге пророка Даниила (Дан. 5: 1-4). Знаменательно, что Достоевскому в «Двойнике», чтобы передать (естественно, иронически) масштабы «вальтасаровского пира» в доме статского советника Берендеева потребовалось, наряду с торговлей купца Елисеева, упоминание именно Милютиных рядов. «Устрицы и плоды Милютиных лавок», как можно заключить из этого описания, были пределом фантазии, до которого могло возвыситься воображение чиновника V класса, желавшего продемонстрировать сослуживцам, что значит уметь «поймать за хвост фортуны».

---

²⁹⁷ ПСС. Т. 1. С. 128.

Если в «Двойнике» Милютины лавки лишь косвенно упоминаются, то в романе «Подросток» они оказываются местом действия в одном из важных эпизодов. После кутежа в ресторане Бореля в Большой Морской с Тришатовым и Андреевым подвыпившего Аркадия Долгорукого в одну из Милютиных лавок чуть не силой затаскивает Ламберт, завлекая угощением «свежими устрицами». Петербургский справочник 1870-х гг. подтверждает, что в Милютиных рядах действительно были лавки «с распивочной продажей крепких напитков и комнатами для закусок»²⁹⁸. Отсюда же можно узнать, что в 1874 г., именно тогда, когда Достоевский начал работу над «Подростком», такие лавки в Милютиных рядах содержали купчиха 2-й гильдии Ираида Одинцова, купец 2-й гильдии Николай Осетров и купец с великокняжескими именем и фамилией Константин Романов. В одной из лавок этих владельцев, очевидно, и совершается действие в «Подростке». О том, что тут действительно можно было полакомиться «свежими устрицами», свидетельствует также герой-повествователь «Современная идиллия» М. Е. Салтыкова-Щедрина, который, признаваясь в своих вожделениях, одновременно рисует весьма выразительную картинку: «Зато у Милютиных лавок мы отдохнули и взорами и душой. Апельсины, мандарины, груши, виноград, яблоки. Представьте себе — земляника! На дворе февраль, у извозчиков уши на морозе побелели, а там в этой провонялой лавчонке — уже лето в самом разгаре! <...> И как меня вдруг потянуло туда, в задние низенькие комнаты, в эту провонялую, сырую атмосферу, на эти клеенчатые диваны <...>. Прийти туда, лечь с ногами на диван, окружить себя устрицами, пить шабли...»²⁹⁹.

Вот в одну из таких «задних низеньких комнат» и увлекает Ламберт Аркадия:

«— Сюда, вот сюда, видишь?

— Да тут свежие устрицы, видишь, написано. Тут так скверно пахнет...»³⁰⁰.

Далее идет зарисовка, очень напоминающая щедринскую:

«В этой лавке, в задней комнате, действительно можно было есть устрицы, и мы уселись за накрытый скверной, грязной скатертью столик. Ламберт приказал подать шампанского; бокал с холодным золотого цвета вином очутился предо мною и соблазнительно глядел на меня...»

В этой сцене, занимающей целую главку, подливая и подливая Аркадию вино, Ламберт (одна из вариаций «хищного типа» у Достоевского) пытается «уловить» его,

²⁹⁸ Михневич Вл. Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 487.

²⁹⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1973. Т. 15, кн. 1. С. 17.

³⁰⁰ ПСС. Т. 13. С. 355 (далее эпизод цитируется по этому изданию без указаний на страницы).

«как мальчишку», и выведать все про письмо, содержащее компромат на Ахмакову. Разговор его под стать окружающей обстановке:

«— Ты еще маленький, а она над тобою смеется — вот что! — говорит он Аркадию, стремясь склонить его к идее шантажа Ахмаковой. — У нас была одна такая добродетель в Москве: ух как нос подымала! а затрепетала, когда пригрозили, что все расскажем, и тотчас послушалась; а мы взяли и то и другое: и деньги и то — понимаешь что? Теперь она опять в свете недоступная — фу ты, черт, как высоко летает, и карета какая, а коли б ты видел, в каком это было чулане! Ты еще не жил; если б ты знал, каких чуланов они не побоятся...»

«Я сидел как ошалелый, — вспоминает об этом раз говоре в Милютинской лавке Подросток. — Ни с кем другим никогда я бы не упал до такого глупого разговора». Действие продолжается и тогда, когда герои выходят на Невский. «Мы вышли из лавки, и Ламберт меня поддерживал, слегка обнявши рукой. Вдруг я посмотрел на него, — пишет Аркадий, — и увидел <...> выражение его пристального, разглядывающего, страшно внимательного и в высшей степени трезвого взгляда <...>. У пьянеющих людей, но еще не опьяневших совсем, бывают вдруг мгновения самого полного отрезвления».

«— Ни за что к тебе не пойду! — твердо и связно проговорил [он], насмешливо смотря на него и отстраняя его рукой». Вслед за этим Аркадий вырывается от Ламберта и, поймав тут же, на Невском, извозчика, уезжает к себе в Семеновский полк...

Мы же продолжим нашу «литературную прогулку» и двинемся дальше, в сторону Гостиного двора.

ПИСЬМО «ДЛЯ К. И. М» В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ Я. А. ИСАКОВА

Во времена Достоевского, особенно в 1860–1870-е гг., Яков Алексеевич Исаков был одним из старейших и опытнейших книготорговцев Гостиного двора. Еще четырнадцатилетним подростком в 1825 г. он поступил на службу в лавку иностранных книг Х. М. Панькова, проработав в которой шесть лет, выкупил ее у хозяина и завел с 1831 г. собственное дело. Первоначально Исаков торговал в лавке № 13 справа от центрального входа в Гостиный двор, в начале 1840-х гг. перевел свой магазин в левую часть Суконной линии, заняв лавку № 22, а с 1850-х гг. и до конца жизни вел торговлю в лавке № 24, расположенной еще ближе к Садовой.

Наряду с французскими изданиями, которые он выписывал из Парижа, Исаков вел и букинистическую торговлю, продавая книги прежних лет выпуска.³⁰¹ Очень соблазнительно было бы предположить, что Полное собрание сочинений Пушкина в «Бедных людях» Варенька Доброселова и старик Покровский покупают именно в магазине Я. А. Исакова, однако, по словам героини романа, книги были куплены ими не «в лавках», где они были чрезвычайно дороги, а «у букинистов», то есть в этом контексте, видимо, на книжном развале.

А вот когда в романе «Идиот», после чтения Аглаей на даче Лебедева в Павловске стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» и его обсуждения присутствующими, генеральша Лизавета Прокофьевна распоряжается послать в город кого-нибудь из прислуги, «Федора или Алексея, с первым поездом» купить собрание сочинений Пушкина, можно почти достоверно сказать, что направиться посланный должен был именно в магазин Я. А. Исакова. Дело в том, что еще в 1850-е гг. Исаков откупил у наследников право на издание произведений поэта и начиная с 1859 г. издал 6-томное собрание сочинений Пушкина и несколько разрозненных сборников. Поскольку он имел «монополию на Пушкина», сочинения поэта быстрее и дешевле всего можно было купить именно в магазине Исакова.

Кстати, в свое время Исаков лично знал Пушкина.³⁰² Поэт посещал его магазин вместе с князем Вяземским. Возможно, их отношения были достаточно короткие. Уже в 1870-е гг. в переписке двух современников один из них писал другому: «Исакову лет 70. Если узришь его, пади ему в ноги. Он знал Пушкина и пивал с ним вино кометы»³⁰³. Интересно, знал ли об этом Достоевский и спрашивал ли Якова Алексеевича об общении с великим поэтом?

Впрочем, о коротких отношениях Достоевского и Исакова нам фактически ничего неизвестно. После банкротства А. Ф. Базунова, в книжном магазине которого с конца 1860 г. была контора журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», а в 1870-е гг. «Дневника писателя», Достоевский объявляет в газетах, что теперь подписку на его моножурнал, наряду с «Магазином для иногородних» М. П. Надеина, петербуржцы могут оформить в книжном магазине Я. А. Исакова в Гостином дворе.

³⁰¹ См.: *Баренбаум И. Е.* Книжный Петербург. Три века истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб., 2003. С. 98.

³⁰² Между прочим этот факт упущен в специальной статье о лицах из окружения Достоевского, которые были знакомы и с Пушкиным; см.: *Белов С. В.* Пушкинские современники Ф. М. Достоевского // Пушкин и Достоевский: Материалы для обсуждения. Международная научная конференция 21–24 мая 1998 года. Новгород Великий; Старая Русса, 1998. С. 14–18. В персоналии, построенной по алфавитному принципу, вслед за И. Ф. Золотаревым здесь следует И. Д. Козловский (С. 16).

³⁰³ Цит. по: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 174.

Представляется, что это знак особого доверия «фирме». Ведь не избрал же для этого писатель М. О. Вольфа, к которому после краха Базунова перешло все «базуновское наследство». Показательно также, что местом подписки для петербуржцев на «Дневник писателя» 1881 г. Достоевский выбирает уже только магазин одного Исакова.

Кстати, когда Достоевский с женой в 1879 г. открыли собственную книжную торговлю и Анне Григорьевне для помощи в этом деле потребовался знающий работу подросток, они обратились за советом именно в магазин Исакова, где им и порекомендовали шестнадцатилетнего мальчика Петра Кузнецова, проработавшего у Достоевских до самой смерти писателя.

Ставший впоследствии известным петербургским (ленинградским) книготорговцем, П. Г. Кузнецов в 1930-е гг. написал краткие воспоминания «На службе у Достоевского в 1879–1881 г.». Описывая обстоятельства, благодаря которым он оказался помощником жены писателя в ее занятиях по книжной торговле, Кузнецов, перешедший в дом Достоевских из магазина Исакова, «по рекомендации приказчика Н. Г. Тюнтина и управляющего Мартынова», в начале своих воспоминаний отмечает, что «Анна Григорьевна часто ходила в магазин Я. А. Исакова» в Гостином дворе.³⁰⁴ Конечно же, нередко бывал у Исакова и сам писатель, но поскольку наймом на службу Кузнецова, судя по всему, занималась именно А. Г. Достоевская, он здесь упоминает только ее.

Есть ли твердые документальные данные, свидетельствующие о посещении магазина Исакова самим писателем? Да, их приводит в своих воспоминаниях присяжный поверенный К. И. Маслянников, служивший в кассационном департаменте министерства юстиции и вступивший в переписку с Достоевским в связи с «делом Корниловой», после того как прочитал о нем в главке «Простое, но мудреное дело» октябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. По ряду личных обстоятельств Маслянников начал переписку с Достоевским анонимно, скрыв свое имя под инициалами К. И. М. и не сообщив писателю своего адреса, но прося оставить для себя ответ «в книжном магазине Исакова, кассиру для передачи тому, кто явится за ним и спросит письмо под буквами „К. И. М.“»³⁰⁵.

5 ноября 1876 г., как и назначил К. И. Маслянников, Достоевский оставил для него в магазине обширное и содержательное письмо. Однако корреспондент писателя

³⁰⁴ Кузнецов П. Г. На службе у Достоевского в 1879–1881 г. // Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 334.

³⁰⁵ ПСС. Т. 29, кн. 2. С. 270, примеч. Также см.: Маслянников К. И. Эпизод из жизни Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 222.

как раз в эти дни заболел, провел две недели в постели и не смог появиться в Гостином дворе. Во время очередного посещения Достоевским магазина Исакова кассир сообщил ему, что письмо лежит без движения, и настоял, чтобы писатель его забрал. Но вопросы, поднимаемые в переписке, были настолько важны для обоих корреспондентов, что, определив по косвенным признакам личность Масляникова, Достоевский следующее письмо (с вложением в него и первого, забранного из магазина Исакова) посылает уже на его домашний адрес в Поварском переулке.

Что же так взволновало автора «Дневника писателя» и одного из его читателей? Почему Масляников посчитал необходимым послать Достоевскому письмо сразу же по прочтении главы «Простое, но мудреное дело»? Как эта переписка и ее последствия характеризуют их обоих?

Достоевский посвятил одну из главок октябрьской книжки «Дневника писателя» разбору судебного процесса над молодой женщиной Е. П. Корниловой, приговоренной к каторжным работам и последующему вечному поселению в Сибири за то, что она выбросила из окна четвертого этажа свою шестилетнюю падчерицу, к счастью не только оставшуюся живой, но и каким-то чудом не получившую серьезных телесных повреждений. Писатель, проведя тонкий психологический анализ личности подсудимой, доказывал, что совершила она свой дикий поступок, находясь в состоянии болезненного аффекта, обусловленного беременностью. Разбирая обстоятельства дела и обсуждая его последствия как для самой Корниловой, так и всей ее семьи, Достоевский настаивал, что приговор чрезмерно суров, и так закончил статью: «А неужели нельзя теперь смягчить как-нибудь этот приговор Корниловой? Неужели никак нельзя? Право, тут могла быть ошибка... Ну, так вот и мерещится, что ошибка!»³⁰⁶

Под впечатлением от статьи, прочитанной в «Дневнике писателя»³⁰⁷, Масляников, по роду своей служебной деятельности лучше других представляющий, какие шаги необходимо предпринять, чтобы добиться пересмотра «дела Корниловой», написал Достоевскому письмо, в котором советовал, что и как в сложившейся ситуации можно и нужно делать. В первом письме, оставленном «для господина К. И. М.» в книжном магазине Я. А. Исакова, Достоевский сообщал Масляникову, что он уже предпринял из намеченной его корреспондентом программы (визит к прокурору Фуксу, посещение Корниловой в тюремном лазарете). Закончил это письмо писатель евангельской притчей: «Прокурор обещал содействовать. Вы тоже, и дело, стало быть,

³⁰⁶ ПСС. Т. 23. С. 141.

³⁰⁷ Масляников оценил ее как «произведение, содержащее замечательно правильный взгляд на поступок Корниловой» (ПСС. Т. 29, кн. 2. С. 270, примеч.).

имеет перед собой *надежду*. В Иерусалиме была купель, Вифезда, но вода в ней тогда лишь становилась целительною, когда ангел сходил с неба и возмущал воду. Расслабленный жаловался Христу, что уже долго ждет и живет у купели, но не имеет человека, который опустил бы его в купель, когда возмущается вода. По смыслу письма Вашего думаю, что этим человеком у нашей больной хотите быть Вы. Не пропустите же момента, когда возмутится вода. За это наградит Вас Бог, а я буду тоже действовать до конца»³⁰⁸.

В декабрьском выпуске «Дневника писателя» Достоевский вновь вернулся к «делу Корниловой» и, рассказывая читателям о предпринятых им шагах, почти дословно повторил многое из того, о чем сообщил в письме Маслянникову, закончив известием о том, что приговор суда кассирован и дело «поступит вновь на рассмотрение другого отделения суда с участием присяжных заседателей». Что же, — заключил он в конце далеко не риторическим вопросом: — «еще раз вновь осудят ее в каторгу, вновь ее, столь уже пораженную и столь вынесшую, поразят и раздавят вторым приговором и, двадцатилетнюю, еще почти не начавшую жить, с грудным младенцем на руках ринут в каторгу и — что же выйдет? Много вынесет она из каторги? Не ожесточится ли душа, не развратится ли, не озлобится ли навеки? <...> Неужели ж нельзя оправдать, *рискнуть оправдать?*»³⁰⁹

Финал этой истории Достоевский осветил в апрельском выпуске «Дневника писателя», в главке «Освобождение подсудимой Корниловой». 22 апреля 1877 г. состоялось повторное рассмотрение дела. Достоевский был в зале суда. Длительное заседание с привлечением нескольких медицинских экспертов закончилось вынесением оправдательного приговора, «произведшего почти восторг в многочисленной публике»³¹⁰.

Небывалое в истории отечественной журналистики явление: «Дневник писателя» вызвал лавину читательских писем, которые писали Достоевскому совершенно разные люди из обеих столиц и из дальних уголков империи. Переписка писателя с присяжным поверенным К. И. Маслянниковым — лишь один из ее эпизодов, занимающий, однако, особое место в общей картине. Эта переписка ярко демонстрирует, с одной стороны, какой отклик в неравнодушных сердцах находило публицистическое слово Достоевского, а с другой — какую моральную поддержку, подвигавшую его не на одну лишь творческую работу, но и на работу души получал сам писатель. И наконец — к

³⁰⁸ ПСС. Т. 29, кн. 2. С. 131.

³⁰⁹ ПСС. Т. 24. С. 41-42, 43.

³¹⁰ ПСС. Т. 25. С. 120.

каким практическим результатам могли приводить совместные усилия на поприще деятельной любви автора «Дневника писателя» и его читателей.

Одним из этапов этой истории явилось письмо Достоевского анонимному корреспонденту, оставленное им в книжном магазине Я. А. Исакова в Гостином дворе «для передачи тому, кто явится за ним и спросит письмо под буквами „К. И. М.“».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ «ПОЧТИ КЛУБ» МАВРИКИЯ ВОЛЬФА

Правее лавок Исакова, почти у самого центрального входа в Гостиный двор, располагался книжный магазин купца 2-й гильдии М. О. Вольфа. Болеслав-Мауриций (русифицированный вариант Маврикий Осипович) Вольф, еще в конце 1840-х гг. служивший у Исакова приказчиком, открыл собственный магазин в Суконной линии в 1853 г. Вывеска над входом гласила по-русски и по-французски: «Универсальная книжная торговля». Начиная Маврикий Осипович с одной лавки под № 18. К концу XIX века (при наследниках Вольфа) магазин занимал уже шесть помещений — с № 18 по № 23. В 1870-е гг., когда здесь бывал Достоевский, Вольф торговал в лавках № 18-20.

Надо полагать, что Достоевский не однажды заходил в магазин Вольфа, который был крупнейшим петербургским книготорговцем и издателем (Николай Лесков называл его «царем русской книги»), и в 1860-е гг. Но об этом не сохранилось документальных свидетельств. О том, что после их возвращения из-за границы в 1871 г. Достоевский комплектовал свою библиотеку, приобретая книги в том числе и в магазине Вольфа, свидетельствует в своих мемуарах его жена, Анна Григорьевна, упомянувшая, как однажды в рождественскую ночь 1872 г. ее муж «похвалялся <...> новой, сегодня купленной у Вольфа книгой, очень для него интересной, которую собирался ночью читать»³¹¹. Упоминание это, не отраженное, кстати, в «Летописи жизни и творчества Достоевского»³¹², любопытно между прочим как свидетельство того, что именно в магазине М. О. Вольфа Достоевский покупал себе *рождественский подарок*. Заслуживает оно внимание и как *единственное* точное указание даты — 24 декабря 1872 г., когда писатель посетил книжную торговлю Вольфа на Невском проспекте.³¹³

В 1870-е гг. между Достоевским и М. О. Вольфом установились деловые отношения: в «Универсальной книжной торговле» в Суконной линии Гостиного двора продавались «Бесы», «Идиот», «Записки из Мертвого дома», позднее — «Дневник

³¹¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 255.

³¹² Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1994. Т. 2. С. 326.

³¹³ Называют и другую точную дату — 30 марта 1878 г. Однако степень точности этого указания не имеет достаточных оснований (см. далее).

писателя» и «Братья Карамазовы». После банкротства А. Ф. Базунова, о котором выше уже шла речь, нераспроданные книги из его магазина перешли к М. О. Вольфу. В их числе и несколько сотен книжек рассказа Достоевского «Вечный муж», которые продавались очень тяжело и, перевезенные с одной стороны Невского проспекта на другую, долго пролежали на прилавках магазина Вольфа.³¹⁴

Сохранилось письмо на бланке «Книжного магазина Вольфа», датированное 28 февраля 1878 г., в котором Маврикий Осипович приглашал Достоевского принять участие в затеваемом им фундаментальном многотомном издании «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом отношении». Однако писатель в это время уже начал разрабатывать планы своего будущего романа «Братья Карамазовы» и участвовать в этом издании не имел возможности.³¹⁵

В «Универсальную книжную торговлю» М. О. Вольфа Достоевский заходил не только как покупатель или автор и издатель, чьи книги продавались в этом магазине. Во второй половине 1870-х гг. у Вольфа в Суконной линии Гостиного двора происходили регулярные собрания литераторов, известные в мемуарной литературе под наименованием «почти-клуб». Здесь собирались писатели Лесков, Гончаров, Григорович, Салтыков-Щедрин, поэты Майков, Полонский, Минаев, Случевский, Вейнберг, актер и неподражаемый рассказчик собственных миниатюр Горбунов, этнограф Сергей Максимов и др. Во время своих приездов в Петербург почти непременно заходили Островский, Писемский, Мельников-Печерский. Как-то раз появился даже Катков. Бывал в «почти-клубе» и Достоевский. Впрочем, по воспоминаниям мемуариста, он обычно «сидел недолго и говорил мало. Полемический задор обычных бесед, очевидно, не нравился Достоевскому, и он точно старался всегда подчеркнуть свое изолированное положение среди других гостей Вольфа»³¹⁶. Заседания этого литературного «почти-клуба» происходили в лавке № 18, в рабочем кабинете Вольфа, который завсегда и называли «Маврикиевой каморкой». Рассказывают, что однажды, когда обсуждение какого-то злободневного вопроса приняло особенно шумный характер, «к магазину Вольфа неожиданно подкатила коляска грозного

³¹⁴ См.: *Либрович С. Ф.* На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Таллин; Москва, 1993. С. 248-249.

³¹⁵ См.: *Белов С. В.* Из переписки русских издателей // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX вв.: Сб. научн. трудов. Л., 1983. С. 157-158.

³¹⁶ *Либрович С. Ф.* На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Таллин; Москва, 1993. С. 23.

петербургского градоначальника Трепова. Войдя быстрым шагом в магазин и заметив в открытую дверь кабинета собравшихся, Трепов сказал:

— Да у вас, Маврикий Осипович, здесь почти клуб!...»³¹⁷

С легкой руки градоначальника за собраниями у Вольфа и закрепилось это странное имя «почти-клуб», которое произносилось с единой интонацией, а со временем и писаться стало через дефис.

Одна из бурных дискуссий в «почти-клубе» у Маврикия Осиповича Вольфа в Гостином дворе, участие в которой принимал и Достоевский, состоялась в конце марта 1878 г. Кстати, связана она была с только что упомянутым градоначальником генерал-адъютантом Ф. Ф. Треповым, точнее — с рассматривавшимся как раз в эти дни в Окружном суде делом террористки Веры Засулич, которая 24 января 1878 г. прямо в приемной градоначальничества на Гороховой улице стреляла в Трепова и ранила его.

Тогда никто не предполагал, что выстрел Засулич станет «первой ласточкой» кровавого народовольческого террора, буквально захлестнувшего Россию в конце 1870-х – начале 1880-х гг., кульминацией которого будет царубийство 1 марта 1881 г. В либеральных кругах поступок террористки был воспринят с сочувствием. Во время инспекции градоначальником дома предварительного заключения один из заключенных — А. С. Боголюбов, арестованный за участие в политической демонстрации 6 декабря 1876 г. на Невском проспекте у Казанского собора, — не снял перед Треповым шапки. За это Трепов распорядился подвергнуть Боголюбова наказанию розгами.³¹⁸ Факт истязания арестанта по прямому приказу градоначальника стал известен в обществе. Выстрел Засулич оценивался многими как справедливое возмездие высокопоставленному самодуру. А. Ф. Кони в воспоминаниях о деле Веры Засулич приводит ходившую в те дни по столице эпиграмму:

Грянул выстрел-отомститель,
Опустился Божий бич,
И упал градоправитель
Как подстреленная дичь!³¹⁹

Суд над Засулич был назначен на 31 марта 1878 г. Это событие был главным предметом обсуждений во всем Петербурге. Спорили о нем и в «почти-клубе» у М. О. Вольфа. В «Летописи жизни и творчества Достоевского» участие писателя в дискуссии

³¹⁷ Там же. С. 14.

³¹⁸ В воспоминаниях А. Ф. Кони сообщается, что Трепов получил разрешение на эту экзекуцию у министра юстиции графа Палена.

³¹⁹ Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. М.; Л., 1933. С. 97.

о деле Веры Засулич датировано 30 марта 1878 г.³²⁰ Однако для этого нет достаточных оснований. Мемуарист, секретарь и ближайший помощник Вольфа С. Ф. Либрович, в своих воспоминаниях пишет: «Когда день разбора дела Засулич (в суде. — *Б. Т.*) стал известен, в „почти-клубе“ настало особенное возбуждение»³²¹. Более точного указания на дату у него нет, поэтому нельзя категорически утверждать, что все происходило «накануне процесса».

Ход дискуссии Либрович передает так:

«— Я думаю, присяжные ее оправдают, — утверждал Лесков.

— Это немыслимо, — возражал Мордовцев.

— Все зависит от состава присяжных, — замечали другие.

— Осудить эту девушку нельзя, — спокойно говорил <...> Достоевский, принявший участие в беседе по поводу дела Засулич. — Нет, нет, — повторял он затем несколько раз, уже заметно возбуждаясь. — Наказание тут неуместно и бесцельно... Напротив, присяжные должны бы сказать подсудимой: „У тебя грех на душе, ты хотела убить человека, но ты уже искупила его, — иди и не поступай так в другой раз...“

Эти слова Достоевский повторял несколько раз в присутствии разных лиц»³²².

У нас нет оснований сомневаться в точности воспроизведения приведенных слов писателя (другие мемуаристы схожим образом передают позицию Достоевского в отношении дела Засулич³²³). Однако есть одна деталь, которая заставляет предположить, что сказаны эти слова были не *до*, а *после* судебного заседания, на котором, кстати, в зале заседаний уголовного отделения Окружного суда на Литейном проспекте Достоевский присутствовал лично, в качестве немногочисленных «представителей печати»³²⁴ (мы сегодня сказали бы, что писатель «имел аккредитацию»).

О том, что споры в «почти-клубе» продолжались и после суда над Засулич, свидетельствует сам С. Ф. Либрович. «Приговор, вынесенный поздно ночью и гласивший „не виновна“, застал еще в сборе у Вольфа писателей, — сообщает

³²⁰ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 262. (Здесь ошибочно указаны инициалы Веры *Ивановны* Засулич, которая названа *В. Ф.* Засулич.)

³²¹ Либрович С. Ф. На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Таллин, Москва, 1993. С. 42.

³²² Там же.

³²³ См.: Градовский Г. К. Из воспоминаний «Роковое пятилетие. 1878–1882» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 233.

³²⁴ Там же. С. 231. Можно предположить, что получить билет на проход в здание суда Достоевскому помог А. Ф. Кони, председательствовавший на этом заседании, с которым писатель был в дружеских отношениях с 1873 г.

мемуарист. — Известие об оправдании, привезенное туда сотрудником „Голоса“ Карцовым, вызвало у одних восторг, у других изумление.

— Да здравствует правосудие! — крикнул кто-то из присутствующих»³²⁵.

Обсуждение приговора, надо думать, продолжалось в «почти-клубе» и в следующие дни. Мемуарист подчеркнул, что приведенные им слова «Достоевский повторял несколько раз в присутствии разных лиц». Похоже, что к этой теме писатель возвращался во время *нескольких посещений* магазина Вольфа.

Что дает основания предполагать, что зафиксированные в воспоминаниях С. Ф. Либровича слова были высказаны Достоевским уже после суда и что мемуариста в этом пункте подвела память? Одна фраза: «У тебя грех на душе, ты хотела убить человека, **но ты уже искупила его...**» Что значит в устах писателя слова, о том, что Засулич *уже искупила* свой грех?

В рабочей тетради Достоевского 1880–1881 г. есть такая запись: «Засулич: „Тяжело поднять руку пролить кровь“, — это колебание было нравственнее, чем само пролитие крови»³²⁶. Тут отражены слова подсудимой, которые писатель услышал, находясь в зале суда во время ее показаний. Вера Засулич сказала: «Страшно поднять руку на человека... но я находила, что мне должно было это сделать»³²⁷. Можно предположить, что великий психолог-сердцевед Достоевский именно в этих словах расслышал мучительные нравственные колебания молодой женщины, непросто решавшейся и все-таки решившейся «поднять руку пролить кровь». В этой нравственной боли, сопровождавшей преступное деяние, писатель, некогда сказавший устами одной из своих героинь: «Страдание принять и искупить себя им, вот что нужно»³²⁸, — прозрел искупительное начало. *Без* этих слов, *до* этих слов говорить, что Вера Засулич «уже искупила» свой грех у Достоевского не было каких либо оснований.

Воспоминания С. Ф. Либровича были опубликованы в 1916 г. За восемь лет до того вышла в свет книга воспоминаний публициста Г. К. Градовского «Итоги», автор которой приводит схожие слова, сказанные ему Достоевским прямо в зале суда на процессе Засулич, когда присяжные удалились для принятия решения и публика обсуждала, каким оно может быть: «Осудить нельзя, наказание неуместно, излишне; но как бы ей сказать: „Иди, но не поступай так в другой раз“.

³²⁵ Либрович С. Ф. На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Таллин; Москва, 1993. С. 43.

³²⁶ ПСС. Т. 27. С. 57.

³²⁷ Заседание петербургского окружного суда с участием присяжных заседателей, 31 марта // Голос. 1878. 2 апреля. № 92.

³²⁸ Слова Сони Мармеладовой Раскольникову в «Преступлении и наказании» (ПСС. Т. 6. С. 323).

— Нет у нас, кажется, такой юридической формулы, — добавил Достоевский, — а чего доброго, ее теперь возведут в героини»³²⁹.

Можно было бы предположить, что Либрович, работая над своими воспоминаниями, был знаком с мемуарами Градовского и, передавая слова Достоевского, ориентировался на них. Но тут и важно подчеркнуть, что слов об искуплении, искупленности греха Засулич в версии Градовского Достоевский не произносит. Это придает свидетельству Либровича особую достоверность, но — с поправкой на время, когда писателем были сказаны эти слова в «почти-клубе» М. О. Вольфа в Гостином дворе: не *до*, а *после* процесса над Верой Засулич.

КОНДИТЕРСКАЯ ШВЕЙЦАРЦА ИВАНА ИВАНОВИЧА ИЗЛЕРА

На противоположной стороне проспекта, почти напротив той самой лавки Гостиного двора, где размещался «почти клуб» Маврикия Вольфа, находится одна из старейших построек на Невском — Армянская апостольская церковь Святой Екатерины. Она была возведена в 1770-е гг. по проекту архитектора Ю. М. Фельтена. Два дома (№ 40 и 42), второй из которых был построен одновременно с возведением церкви, образуют как бы своеобразные пропилены, ведущие к храму со стороны Невского проспекта. О доме № 40 часто пишут, что в конце 1870-х гг. здесь располагался книжный магазин и контора газеты «Новое время» А. С. Суворина.³³⁰ Достоевский был подписчиком «Нового времени»; судя по его записным тетрадям, регулярно читал воскресный фельетон «Недельные очерки и картинки», который под псевдонимом *Незнакомец* вел в своей газете Суворин. В этой связи здесь можно было бы коснуться отношений писателя и журналиста, которые далеко не исчерпаны рассказом о воображаемом эпизоде у витрин магазина Дациаро. Однако приведенное утверждение является ошибочным. В доме № 40 магазин «Нового времени» разместился только лишь в конце XIX в., а с 1878 г. он находился также на Невском проспекте, но в доме № 60. Об отношениях же Достоевского и Суворина у нас еще будет повод поговорить, когда мы перейдем на другую сторону Фонтанки.

Сейчас же обратимся ко второму из двух домов Армянской церкви — № 42, который позволит нам вернуться в 1840-е гг., к началу литературной деятельности Достоевского, и вспомнить его первые произведения — «Бедные люди» и «Двойник».

³²⁹ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 233.

³³⁰ См., например: *Баренбаум И. Е.* Книжный Петербург. Три века истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб., 2003. С. 426.; *Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В.* Невский проспект: Дом за домом. М., 2009. С. 195.

Но раньше — два слова о том, чем славился этот дом среди завсегдаев Невского проспекта. Еще в пушкинские времена (тогда оба дома Армянской церкви имели № 45) здесь располагалась популярная среди петербуржцев кондитерская Х. Амбиеля, которую в самом конце 1839 г. приобрел служивший некогда в этом же заведении «первым гарсоном» Иоганн Люций (в народе Иван Иванович) Излер. Молодой, предприимчивый хозяин сразу же поставил дело на широкую ногу, и вскоре кондитерская Излера стала одной из первых в городе, успешно конкурируя с кондитерскими Вольфа и Беранже и Доминика.³³¹ «У нас кондитерские лавки, — писал об этих заведениях в 1844 г. обозреватель „Северной пчелы“, — то же, что в Париже *cafés* (кофейные дома)», они «превратились в настоящие парижские *cafés-restaurants*»³³². «Теперь кондитерские на Невском проспекте сделались не лавки, не магазины, а храмы лакомств и мотовства, — восхищался в 1846 г. журналист Е. И. Расторгуев. — Убранство по образцам кондитерских Парижа: зеркальные окна, граненые стекла в дверях, ослепляющий газ, благоухающие деревья, фантастическая живопись, богатейшая мебель с бронзой и слоновою костью, щегольские жокеи, множество журналов и газет на всех почти языках, всякого рода афиши и объявления — все прелестно, восхитительно, все удовлетворяет посетителей даже с самыми изысканными требованиями!»³³³

Пора, однако, вернуться к Достоевскому. И последний штрих в перечне достоинств кондитерских Невского проспекта — «всякого рода афиши и объявления» — дает нам для этого удобный повод. Главной литературной новостью, о которой говорил весь Петербург в начале 1846 г., явился выход в свет «Петербургского сборника», изданного Николаем Некрасовым. Его ждали с нетерпением. Под одной обложкой здесь были собраны повести, рассказы, очерки, стихи и поэмы литераторов нового направления, которое вскоре получит название «натуральная школа». Вождем этого направления был пользовавшийся исключительной популярностью критик «Отечественных записок» Виссарион Белинский. Но с особым нетерпением публика жаждала прочитать роман «Бедные люди» никому неизвестного писателя Достоевского, которого еще с прошлого года столичная молва именovala не иначе, как «новым Гоголем».

³³¹ Еще раньше, чем он приобрел кондитерскую Амбиеля, Излер владел кондитерской на Невском проспекте за Фонтанкой, напротив Троицкого переулка. Во второй половине 1840-х гг., когда там бывал Достоевский, заведение уже принадлежало компаньону Излера — Лерху.

³³² Северная пчела. 1844. 24 марта.

³³³ *Расторгуев Е. И.* Прогулки по Невскому проспекту // Чувствительные путешествия и прогулки по Невскому проспекту / Сост. вступ. статья и примеч. А. М. Конечного. СПб., 2009. С. 160.

«Петербургский сборник» появился в продаже в 20-х числах января 1846 г. Ажиотаж вокруг него был невероятный. В первые же дни было продано «больше 200 экземпляров»³³⁴ — по тем временам успех чрезвычайный. Критика сразу же разделилась на два лагеря. Во главе одного стояли «Отечественные записки» Андрея Краевского, во главе другого — «Северная пчела» Фаддея Булгарина и Николая Греча. Бурному восторгу первых противостоял кислый скепсис и язвительная ирония вторых. Больше всего споров было о романе «Бедные люди». 1 апреля 1846 г. Достоевский сообщал в письме брату Михаилу: «В 2 месяца обо мне, по моему счету, было говорено около 35 раз в различных изданиях. В иных хвала до небес, в других с исключениями, а в третьих руготня напрапалую»³³⁵.

Судя по газетным объявлениям, «Петербургский сборник» продавался едва ли не во всех книжных магазинах Невского проспекта, торгующих русскими книгами — у Юнгмейстера, Ратькова, Ольхина... А что же кондитерская Излера? Это особый сюжет.

1 марта 1846 г. на страницах «Северной пчелы» Булгарина и Греча можно было прочесть: «На Невском проспекте в многолюдной кондитерской Излера всенародно вывешено великолепно-картинное объявление о „Петербургском сборнике“. На вершине сего отлично расписанного яркими цветами объявления, по сторонам какого-то бюста, красуются, спиною друг к другу, большие фигуры „Макара Алексеевича Девушкина“ и „Варвары Алексеевны Доброселовой“, героя и героини романа г. Достоевского „Бедные люди“. Один пишет на коленях, другая читает письма, услаждавшие их горести. Нет сомнения, что, подвигнутый этим картинным объявлением, „Петербургский сборник“ воспользуется успехом, отнятым у него покамест завистью и несправедливостью»³³⁶.

Оставим без внимания финальное злопыхательство обозревателя «желтой газеты». Отметим другое: упомянутая Л. В. Брандтом афиша, вывешенная в кондитерской Излера, нарисованная, как полагают, художником П. П. Соколовым, — это, бесспорно, первая иллюстрация к произведениям Достоевского. Уж не она ли, претерпев разнообразные метаморфозы, через тридцать с лишним лет отозвалась в известном «анекдотике» о бордюрчике или кайме, которыми автор «Бедных людей» будто бы требовал обвести в «Петербургском сборнике» свое первое произведение?

³³⁴ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 261.

³³⁵ *ПСС*. 28; 119.

³³⁶ Северная пчела. 1846. 1 марта. № 48. С. 2 (подстрочное примечание к обозрению *Я.Я.Я.* [*Л. В. Брандта*] «Русская литература. Журналистика. „Отечественные записки“. Январская и февральская книжки 1846»).

«Анекдотик» этот, имевший хождение в литературных кругах и ранее, был печатно пущен в свет в 1880 г. П. В. Анненковым на страницах публиковавшихся в «Вестнике Европы» воспоминаний «Замечательное десятилетие».³³⁷ Однако автором сплетни, судя по всему, был не кто иной, как И. С. Тургенев, чья повесть «Три портрета» также была напечатана в «Петербургском сборнике» 1846 г. Что же двигало маститым писателем? Похоже, что так и не прошедшая с годами литераторская ревность к феноменальному успеху первого романа Достоевского, как бы «заслонившего», «затмившего» собою произведения всех других участников «Петербургского сборника». И действительно, каково было молодому Тургеневу, который также нередко заходил в кондитерскую Излера, рассматривать вывешенную там афишу, на которой его повесть — тоже, надо признать, весьма замечательная — была лишь упомянута в общем перечне содержания, а искусно выписанные художником герои «Бедных людей», привлекая всеобщее внимание, занимали большую часть этого, по слову Брандта, «картинного объявления»!

Кондитерская Излера должна быть упомянута в связи и со вторым произведением Достоевского — «петербургской поэмой» «Двойник». Ее главный герой господин Голядкин-старший (так его именует автор в отличие от господина Голядкина-младшего — точной, но «незаконной» копии господина Голядкина-старшего) не раз заглядывает в разные съестно-выпивательные заведения. Так, например, пробегая однажды по Невскому проспекту и столкнувшись «с каким-то проходим так ловко и плотно, что только искры посыпались», он в тот же миг «почувствовал вдруг щипки и щелчки по желудку». Ни мало не мешкая, «вбежал он вверх по лестнице в ресторан перехватить что-нибудь поскорее». «В ярко освещенной комнате, у прилавка, на котором лежала разнообразная груда всего того, что потребляется на закуску людьми порядочными, стояла довольно густая толпа посетителей. Конторщик едва успевал наливать, отпускать, сдавать и принимать деньги». Поскольку в заведении «было все дорогонько», Яков Петрович ограничился лишь одним «пирожком расстегайчиком». Но когда он попытался расплатиться гривенничком, конторщик «процедил сквозь зубы»:

«— С вас рубль десять копеек...»

«Господин Голядкин порядочно изумился.

— Вы мне говорите?.. Я... я, кажется, взял один пирожок.

— Одиннадцать взяли, — с уверенностью возразил конторщик.

— Вы... сколько мне кажется... вы, кажется, ошибаетесь... Я, право, кажется, взял один пирожок.

³³⁷ См.: Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 274.

— Я считал; вы взяли одиннадцать штук. Когда взяли, так нужно платить; у нас даром ничего не дают.

Господин Голядкин был ошеломлен».³³⁸

Как догадался господин Голядкин-старший, это, конечно же, были козни господина Голядкина-младшего, которого он тут же и увидел неподалеку, «в дверях в соседнюю комнату», «которые, между прочим, герой наш принимал доселе за зеркало». «Другой господин Голядкин находился, по-видимому, в превосходном расположении духа. Он улыбался господину Голядкину первому, кивал ему головою, подмигивал глазками <...>. В руках его был последний кусок десятого расстегая, который он, в глазах же господина Голядкина, отправил в свой рот, чмокнув от удовольствия и чуть не проговаривая, что, дескать, хороши на чужой счет расстегайчики!»³³⁹

Ничего не оставалось делать. «Господин Голядкин бросил рубль серебром так, как будто бы об него все пальцы обжег, и, не замечая значительно-наглой улыбки конторщика, улыбки торжества и спокойного могущества, выдрался из толпы и бросился вон без оглядки»³⁴⁰.

Название ресторации в тексте Достоевского отсутствует, но есть в повествовании несколько значимых деталей, позволяющих установить место действия. Первая из них — «пирожок-расстегайчик». В этой связи немаловажно свидетельство обозревателя «Северной пчелы», который, отмечая достоинства кафе-ресторана господина Излера, писал, что это заведение «вошло в моду русскими пирожками, называемыми *расстегайчики*. Как некогда толпились гастрономы в Певческом трактире в Москве, как толпятся более тридцати лет парижане лакомиться пирожками (*petits pâtés*) у Феликса, так точно теперь у г-на Излера нет отбоя от любителей *расстегайчиков*. Вообразите, что ежедневно продается до *тысячи* пирожков»³⁴¹.

Существенна и другая деталь. В начале эпизода отмечено, что господин Голядкин-старший, «дорогого своего времени не теряя, вбежал <...> **вверх по лестнице в ресторан...**» И в конце также, «**сходя с лестницы на крыльцо**», герой «**на**

³³⁸ ПСС. Т. 1. С. 173.

³³⁹ Там же. С. 174, 382 (окончание последней фразы было сокращено Достоевским при переработке «Двойника» в 1860-е гг.).

³⁴⁰ Там же. С. 174.

³⁴¹ Северная пчела. 1841. 24 декабря. С. 2. В другом источнике указывалось: в 1840-е гг. «основной приманкой для публики служили знаменитые излеровские пирожки. В обычные дни выпекалось по четыре сорта пирожков, в зависимости от дня недели. Каждому из этих сортов давались оригинальные шуточные названия. На вторник, например, приходились такие: „Просто прелесть!“, «Мал золотник да дорог!», „С вариациями“, «На здоровье». А в Великом посту у Излера пекли аж 28 сортов пирожков. Стоили все эти чудеса кулинарии 5 и 10 копеек за штуку» (Шерих Д. По Невскому без скуки. М., 2003. С. 152). Также см.: Демиденко Ю. Рестораны, трактиры, чайные... Из истории общественного питания в Петербурге конца XVIII – начала XX века. М., 2011. С. 40.

последней ступеньке <...> остановился как вкопанный»³⁴². Это — тоже указание на кондитерскую Излера, которая располагалась в бельэтаже и к которой, во время перестройки здания в 1835–1837 гг. (еще при Амбиеле), была «с Невского проспекта сооружена одномаршевая лестница»³⁴³.

Если же вспомнить, что Яков Петрович перекусывал здесь и поутру, после своей прогулки по Гостиному двору (о чем у нас уже шла речь)³⁴⁴, то отпадают и последние сомнения, поскольку ресторация Излера в доме Армянской церкви находилась непосредственно *напротив Гостиного двора*.

***

Сюжет с кондитерской Излера на этом можно считать исчерпанным. Но нам еще рано уходить от дома № 42. Приходится констатировать, что варварское искажение ансамбля Невского проспекта пушкинской эпохи, как он запечатлен на знаменитой литографированной «Панораме Невского проспекта», выполненной в 1830–1835 гг. И. А. и П. С. Ивановыми по акварелям В. С. Садовникова, началось еще при жизни поэта. Так, во время упомянутой перестройки дома Армянской церкви в 1835–1837 гг. трехэтажное здание, абсолютно, до мелочей повторявшее облик соседнего дома № 40, было надстроено четвертым этажом. До этого две симметричные постройки чрезвычайно выразительно обрамляли проезд от Невского проспекта к храму, образуя своеобразные «пропилеи», создававшие впечатление редкой архитектурной гармонии. Уродливая надстройка четвертого этажа, сопровождавшаяся также изменением облика третьего этажа, перекосячив выверенную симметричность исконного замысла, совершенно разрушила очарование этого архитектурного ансамбля.

Мы, впрочем, упоминаем о надстройке четвертого этажа (произведенной, кстати, скорее всего до приезда Достоевского в Петербург) вовсе не для этих запоздалых филиппик. Наше внимание к уродливому четвертому этажу этого дома обусловлено тем, что в 1854 г. именно здесь поселился гениальный русский поэт и выдающийся мыслитель Федор Иванович Тютчев. Здесь он прожил без малого двадцать лет, вплоть до своей смерти в 1873 г.

³⁴² ПСС. Т. 1. С. 173, 174.

³⁴³ Кругликова М. С. Два дома Армянской церкви // Дома рассказывают. СПб., 2001. Вып. 1. С. 128.

³⁴⁴ Ср.: «Осмотревшись и заметив, что находится именно возле того ресторана, в котором отдыхал, приготовляясь к званому обеду у Олсуфия Ивановича, герой наш почувствовал вдруг щипки и щелчки по желудку» (ПСС. Т. 1. С. 173).

«Достоевский и Тютчев» — тема чрезвычайно обширная.³⁴⁵ Романист и поэт весьма близки по своим религиозным, философским и политическим воззрениям. Много общих мотивов объединяет их художественное творчество. В произведениях Достоевского не однажды возникают цитаты из стихотворений Тютчева, а расколотый, двойственный, «палимый и иссушенный» безверием человек XIX века в поэтическом шедевре «Наш век» (1851) как будто предвосхищает тип героя в романах «великого пятикнижия» — от Раскольникова до Ивана Карамазова.

Нас, однако, будет занимать биографический аспект темы «Достоевский и Тютчев». Скажем сразу, что твердых данных, о личных встречах писателя и поэта в распоряжении их биографов нет. Но исключать их знакомство тоже нет достаточных оснований. Больше того, уже после смерти Тютчева Достоевский вспоминал, как отозвался поэт о его романе «Преступление и наказание»: высказав в одном из писем высокую оценку творчества Виктора Гюго, Достоевский затем в скобках добавил: «...за что, представьте себе, покойник Ф. Тютчев на меня даже раз рассердился, сказавши, что „Преступление и наказание“ (мой роман) выше „Misérables“»³⁴⁶. У писателя и поэта было много общих знакомых (поэты Аполлон Майков, Яков Полонский и др.), и Достоевскому вполне могли передать мнение Тютчева. Однако построение фразы («**раз рассердился, сказавши...**») скорее свидетельствует, что это был личный разговор. О том же как будто говорит и запись в рабочей тетради Достоевского 1875–1876 гг., варьирующая ту же ситуацию. Сделав здесь набросок: «У Виктора Гюго бездна страшных художественных ошибок, но зато то, что у него вышло без ошибок, равняется по высоте Шекспиру», Достоевский затем рядом приписал: «Ф. И. Тютчеву, напротив, казалось „Преступление и наказание“ выше. **Я горячо защищал свое мнение**»³⁴⁷.

Если не бесспорным является факт личных контактов писателя и поэта, то тем более у нас нет оснований утверждать, что Достоевский бывал в доме Тютчева на Невском. Однако факт духовной близости двух великих художников и выразителей русского духа, их взаимный интерес к творчеству друг друга, ряд общих знакомых, некоторые из которых в начале 1870-х гг. чуть не ежедневно общались и с Тютчевым, и с Достоевским, что позволяло и тому и другому быть в курсе суждений и оценок друг друга и создавало атмосферу как бы заочного общения писателя и поэта³⁴⁸, наконец,

³⁴⁵ См., например, капитальную монографию: *Гачева А. Г.* «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...»: Достоевский и Тютчев. М., 2004.

³⁴⁶ ПСС. Т. 29, кн. 2. С. 78.

³⁴⁷ ПСС. Т. 24. С. 119.

³⁴⁸ См. об этом в указанной монографии: *Гачева А. Г.* «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...

отклик Достоевского на смерть Тютчева в еженедельнике «Гражданин», редактором которого он был в 1873 г., — все это в совокупности не позволяет нам не упомянуть о связи двух великих современников, проходя мимо дома № 42 на Невском проспекте.

КОРОБОЧКА ИЗ-ПОД ТАБАКА ФИРМЫ «ЛАФЕРМ»

Современное монументальное здание на Невском проспекте, № 46 было воздвигнуто для Петербургского отделения Московского купеческого банка в 1901–1902 г. Специалисты отмечают, что это «самое раннее сооружение стиля модерн» на главной магистрали столицы (архитектор Л. Н. Бенуа).³⁴⁹ А в XIX в. без малого восемьдесят лет на этом месте стоял доходный дом генерал-лейтенанта (с 1855) Александра Сутгофа, мало отличающийся от окружающей застройки проспекта. В 1874 г. генерал-домовладелец скончался, но дом перешел к его наследникам и принадлежал семейству Сутгофов до 1890-х гг. Заметим, что это редчайший случай, когда дом на Невском проспекте не менял своих владельцев в течение такого долгого времени.

С этим зданием связан лишь один небольшой сюжет наших литературных прогулок, хотя есть основания утверждать, что в последние годы своей жизни Достоевский бывал здесь достаточно часто, можно сказать — регулярно.

Дело в том, что в конце 1870-х – начале 1880-х гг. в доме Сутгофа размещался табачный магазин фабричного товарищества «Лаферм».³⁵⁰ Достоевский был заядлый курильщик. Он курил папиросы-пушки, самостоятельно набивая их с помощью специальной машинки, с которой очень ловко управлялся. Причем, как вспоминала жена писателя, он смешивал в только одному ему известной пропорции табака двух фирм — «Саатчи и Мангуби Дивес и Лаферм»³⁵¹. Магазин «Саатчи и Мангуби» (имена двух табачных фабрикантов)³⁵² также находился на Невском, но располагался между Садовой и Фонтанкой, и мы о нем еще упомянем. Фирма же «Лаферм» имела еще один

³⁴⁹ Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект: Дом за домом. М., 2009. С. 208-209.

³⁵⁰ Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и др. званий, получивших в течение 1879 и в январе месяце 1880 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1880 г.. СПб., 1880. С. 110.

³⁵¹ Достоевская А. Г. Записная книжка 1881 года // Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 276.

³⁵² Отмечаем здесь это обстоятельство, поскольку в одной из публикаций указанной записной книжки А. Г. Достоевской публикатором (опытным текстологом) непонятное слово «Саатчи» было воспринято как написанное латиницей, в результате чего фабрикант греческого происхождения Саатчи превратился в «Саатчи» — не то экзотическое имя, не то название фирмы «Каамру»! (Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 232). Вот уж точно — истинная «реникса»!

магазин на Васильевском острове, в 8-й линии (неподалеку от собственной фабрики), но, зная адреса, где жил в 1870-е – начале 1880-х гг. Достоевский, можно смело утверждать, что он, без сомнения, был постоянным покупателем магазина в доме Сутгофа.

Возможно, о таком малозначительном факте и не стоило бы так подробно сообщать. Однако есть одно обстоятельство, которое придает указанному факту дополнительную значимость.

В Литературно-мемориальном музее Достоевского в Кузнечном переулке несколько мемориальных экспонатов выставлены под стеклянными колпаками с подведенной к ним сигнализацией. Ясно, что это предметы музейной коллекции повышенной ценности. К ним относится, например, «циммермановская» шляпа Достоевского (заметим, к слову, также купленная на Невском проспекте), которая встречает посетителей в прихожей мемориальной квартиры. А вот в гостиной, на овальном столике, застеленном малиновой скатертью, и также под стеклянным колпаком, вместе с полдюжиной пустых папиросных гильз помещена коробочка от табака фирмы «Лаферм». Небольшая, овальная, на четверть фунта, ценою в 80 коп.³⁵³ Почему ей такая честь? Не просто потому, что это вещь, принадлежавшая Достоевскому. На донце коробочки содержится какая-то карандашная надпись. Подойдем поближе и прочитаем ее.

Нет, это не автограф великого писателя, не набросок к «Братьям Карамазовым». Запись сделана дрожащей рукой одиннадцатилетней дочери писателя — Лили Достоевской — в трагический вечер смерти отца. В своих воспоминаниях «Достоевский в изображении своей дочери», которые она писала в эмиграции, в Западной Европе, к столетию со дня рождения писателя, Любовь Федоровна посвятила смерти и похоронам отца отдельную главку, подробно описав его последние дни, смерть и похороны. «То была истинно христианская кончина, какую желает всем верующим христианская церковь, — смерть без боли и стыда»³⁵⁴, — спустя без малого сорок лет, засвидетельствовала дочь Достоевского. А первое письменное свидетельство о смерти отца она сделала буквально через несколько минут после того, как он испустил последний вздох, написав на донце табачной коробочки: «28-го Января 1881-го г<ода> умир папа в 3 ч<етверти> 9-го».

³⁵³ «¼ фунта 80 коп.», — скрупулезно отмечает в приведенной записи жена писателя (Достоевская А. Г. Записная книжка 1881 г. С. 276).

³⁵⁴ Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992. С. 200.

При кончине Достоевского присутствовал литератор Б. М. Маркевич, которого близкая знакомая Федора Михайловича графиня С. А. Толстая послала узнать о состоянии здоровья писателя. Вернувшись домой, Маркевич сразу же подробно описал обстоятельства смерти Достоевского и, проставив точное время: «среда, 11 часов вечера», отправил свой очерк для публикации в «Московские ведомости». За полночь, узнав о кончине Достоевского, в его квартиру на Кузнечном прибежал журналист, издатель «Нового времени» Алексей Суворин. Прямо на глазах Суворина в кабинете, на полу, на соломе, «четыре человека, стоя на коленях», обмывали тело умершего. В выразительном очерке «О покойном», опубликованном 1 февраля, в день погребения Достоевского, Суворин опишет эту картину.³⁵⁵ Здесь же, в квартире, под впечатлением от увиденного он наскоро набрасывает записку художнику И. Н. Крамскому с сообщением о смерти писателя и с просьбой сделать портрет с усопшего (наутро Крамской уже будет рисовать Достоевского на смертном одре).³⁵⁶ Очерк Маркевича и записка Суворина рассматриваются биографами писателя как первые письменные свидетельства о его кончине. Однако в действительности самой первой и, несомненно, самой эмоционально пронзительной «письменной фиксацией» факта смерти гениального художника и великого человека является лапидарная запись на коробочке из-под табака фирмы «Лаферм», сделанная дрожащей рукой его дочери, с царапающей сердце орфографической ошибкой в страшном и непонятном для ребенка слове «умир»...³⁵⁷

«ДОСТОЕВСКОМУ ХЛОПАЛИ МНОГО, НО...»

Литературные вечера в Пассаже в начале 1860-х гг.

Дом № 48 по Невскому проспекту, выходящий своей противоположной стороной в Итальянскую улицу, — одно из самых прославленных и оригинальных зданий Петербурга. Впрочем, когда Достоевский приехал в столицу в 1837 г., на этом месте стоял достаточно заурядный двухэтажный дом «на высоких погребках», не

³⁵⁵ См.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 467-468.

³⁵⁶ См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 547-548.

³⁵⁷ О том, что факт смерти близкого человека, действительно, с трудом вмещается в сознание ребенка, выразительно свидетельствуют воспоминания Любы Достоевской, которая так описывает свое состояние в первые дни после смерти писателя: «Я грезила, что мой отец не умер, что он погребен живым в состоянии летаргического сна, что скоро он проснется в своей могиле, будет звать на помощь кладбищенских сторожей и вернется домой. Я воображала нашу радость, наш смех, поцелуи, ласковые слова, которые скажем друг другу. Недаром я была дочерью писателя; потребность придумывать сцены, жесты, слова жила во мне, и это детское творчество давало мне много радости. Но по мере того, как проходили дни, недели, все больше пробуждался разум в моем детском мозгу и разрушал мои иллюзии, говоря мне, что люди не могут долго оставаться под землей без воздуха и без пищи; что летаргический сон отца чрезмерно затянулся и что, возможно, он действительно умер. Тогда я стала ужасно страдать...» (*Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери.* СПб., 1992. С. 206).

привлекавший внимания горожан своими архитектурными достоинствами. Принадлежал он тогда супруге генерала от инфантерии А. Д. Влодек. Но в 1845 г. у Влодеков это здание (как и смежный дом по Итальянской улице) приобрел граф Яков Иванович Эссен-Стенбок-Фермор, задумавший по примеру Лондона и Парижа построить здесь Пассаж — торговое здание нового для России типа. И в 1846–1848 гг. по заказу домовладельца трехэтажный петербургский Пассаж на Невском проспекте был спроектирован и возведен архитектором Р. А. Желязевичем. Фасад со стороны Невского был выполнен в духе неоренессанса. Высокий первый этаж был раскрыт арочными проемами. Два верхних этажа оформлены пилястрами тосканского и композитного ордера. Отметим, что сегодня дом выглядит существенно иначе, чем при Достоевском. В 1900 г., когда им владели наследники Я. И. Эссен-Стенбок-Фермора (жена его младшего брата), здание было капитально перестроено в стиле классицистической эклектики. Дом стал выше на этаж, фасад, облицованный радомским песчаником, сделан более монументальным: вход выделен порталом, два верхних этажа — строем пилястр большого коринфского ордера, над ними сооружен антаблемент и аттик.³⁵⁸

Конструктивной особенностью Пассажа, спроектированной Р. Желязевичем и обусловившей название этого «торгового комплекса» (в XIX в. популярное ныне наименование, естественно, не использовалось), явилась трехъярусная галерея-проход (франц. *passage*) во всю высоту здания между Невским проспектом и Итальянской улицей, перекрытая на всем протяжении стеклянным световым фонарем. На галереях первого и второго этажей во второй половине XIX в. находились 104 магазина. Фруктовые и табачные лавки, а также ресторан «с продажей русских щей, каши, пирогов и квасу»³⁵⁹ были расположены в подвальном этаже. Третий этаж предназначался под жилые помещения. В Пассаже также в разное время были открыты «анатомический музей», «кабинет восковых фигур», различные диорамы и панорамы; пел цыганский хор. Со стороны Итальянской улицы был построен концертный зал.³⁶⁰ Заметной особенностью было и устройство в галерее газового освещения. Первое время, пока Пассаж был еще в диковинку для петербуржцев, он стал модным местом для променада великосветской публики.

³⁵⁸ См.: Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект. Дом за домом. СПб., 2009. С. 213-214.

³⁵⁹ Михневич Вл. Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 249.

³⁶⁰ В начале XX в. (1901 г.) концертный зал был перестроен и превращен в театральный. Сейчас на его месте располагается театр имени В. Ф. Комиссаржевской.

Пассаж был открыт для посетителей 9 мая 1848 г. О посещении его Достоевским до ареста весной 1849 г. у нас нет никаких данных. Другое дело, когда, после десятилетнего отсутствия в столице, в самом конце 1859 г. писатель возвратился в Петербург из Сибири. Только что было учреждено Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд). Инициатором его создания был А. В. Дружинин. Среди учредителей — И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, А. А. Краевский, А. В. Никитенко, П. В. Анненков. Первым председателем был избран Егор Петрович Ковалевский — известный путешественник и государственный деятель (в это время директор Азиатского департамента МИДа). С первых же дней по возвращении Достоевский стал активным его членом.³⁶¹

Одним из важных направлений в деятельности Литературного фонда явилось проведение благотворительных вечеров и концертов, собранные средства от которых шли на помощь нуждающимся писателям, поэтам, журналистам, педагогам. У нас нет об этом твердых данных, но несомненно Достоевский должен был присутствовать на самом первом таком благотворительном вечере, который состоялся 10 января 1860 г. в концертном зале Пассажа. На десятилетие выключенный из столичной общественной жизни, буквально истосковавшийся по ней, Достоевский просто не мог пропустить это событие, которое воспринималось петербуржцами как важный знак происходящих социальных и политических перемен. И выступавшие на сцене, и сидевшие в зале — все воспринимали этот вечер именно как «событие». Ведь это было *впервые в России*, чтобы литераторы публично выступали перед многочисленной аудиторией. Такое выступление нельзя сравнивать с обычным чтением в гостиной, в тесном дружеском кружке. «...Попасть на первые чтения было очень трудно, — вспоминал один из современников, — так как зала Пассажа была невелика, а желающих послушать было видимо-невидимо»³⁶².

Вечер начался в половине восьмого. Зал, безвозмездно предоставленный Литературному фонду издательским торговым домом «Общественная польза»³⁶³, был набит битком, как говорится, «яблоку негде было упасть». Выступали преимущественно поэты: Яков Полонский, Аполлон Майков³⁶⁴, Владимир Бенедиктов, Николай Некрасов.

³⁶¹ См. об этом: *Орнатская Т. И.* Деятельность Достоевского в «Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (1859–1866) // *Достоевский: Материалы и исследования.* Л., 1987. Т. 7. С. 240–241.

³⁶² *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 221.

³⁶³ Учредители Г. Д. Похитонов, С. Д. Струговщиков и Н. И. Водов.

³⁶⁴ Майков читал стихотворение «Приговор (Легенда о Констанцском соборе)», особо ценимое Достоевским (см.: *ПСС.* Т. 29, кн. 1. С. 39 и 41).

И. С. Тургенев прочел свое еще не напечатанное эссе «Гамлет и Дон-Кихот». Завершил вечер Болеслав Маркевич — единственный литератор, читавший «не свое» произведение — фрагмент из шекспировского «Ричарда III» в переводе А. В. Дружинина. Аудитория неистово аплодировала всем выступавшим: «дамы махали платками, мужчины не жалели своих рук»³⁶⁵. Это тоже было впервые — публичные аплодисменты не певцам или артистам, но — *литераторам*.

Если Достоевский, как мы предположили, и находился в зале Пассажа на вечере 10 января 1860 г., то — среди зрителей. В дальнейшем же он неоднократно участвовал в благотворительных вечерах в Пассаже как чтец. «На первых чтениях, — вспоминал Л. Ф. Пантелеев, — участвовали все корифеи тогдашней литературы: Тургенев, Гончаров, Писемский, Достоевский, Островский, Некрасов, Шевченко, Майков, Полонский»³⁶⁶. Газетные анонсы и обозрения свидетельствуют о том, что по крайней мере дважды в первые годы деятельности Литературного фонда Достоевский выступал в зале Пассажа.³⁶⁷

В «Летописи жизни и творчества» писателя первые зарегистрированные чтения в зале Пассажа с участием Достоевского датированы 25 октября 1860 г. Источником для составителей стало газетное объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 20 октября. Однако в действительности этот вечер был перенесен «в связи с трауром по случаю кончины императрицы Александры Федоровны». В назначенный день, 25 октября, об отмене чтений сообщила та же газета, писавшая: «Лица, получившие билеты, могут получить деньги обратно <...> или сохранить свои билеты до дня, в который чтение состоится, о чем будет в свое время объявлено»³⁶⁸. Отложенный вечер, устраиваемый в пользу частных воскресных школ, состоялся через две с половиной недели — 11 ноября. Это первое достоверно установленное выступление Достоевского в зале Пассажа. Кроме очередного газетного анонса, о нем сохранились и документальные свидетельства очевидцев.

³⁶⁵ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. С. 222.

³⁶⁶ Там же. С. 221.

³⁶⁷ В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (СПб., 1993. Т. 1. С. 298, 299, 305, 306, 340-341) зарегистрировано *пять* выступлений писателя в 1860–1861 гг. в зале Пассажа, причем парадоксальным образом на последнем вечере, датированном здесь 21 ноября 1861 г. Достоевский выступает вместе с Т. Г. Шевченко, умершим 26 февраля этого года. Для академического издания такая путаница представляется непростительной. Критический анализ источников и их интерпретации составителями «Летописи...» см.: Дудко В. И. Достоевский — участник литературных чтений 1860–1861 гг. // Достоевский и мировая литература. СПб., 2007. № 23. С. 202-212.

³⁶⁸ Цит. по: Дудко В. И. Достоевский — участник литературных чтений 1860–1861 гг. // Достоевский и мировая литература. СПб., 2007. № 23. С. 202.

Правда, в отличие от восторженных отзывов мемуаристов о Достоевском-чтеце в конце 1870-х гг., которые мы приводили выше, рассказывая о чтениях в зале Благородного собрания, выступление писателя на вечере 11 ноября 1860 г. оценивается видевшими и слышавшими его более чем сдержанно. Так, например, грузинский общественный деятель Д. Кипиани сообщал жене в письме от 13 ноября 1860 г.: «Третьего дня был я на публичном чтении литераторов в Пассаже. Читали: Бенедиктов — прекрасно; наш Полонский — он здесь теперь, замечательный поэт — хорошо; Майков — прекрасно; Достоевский, Писемский — так себе и Шевченко, малороссийский поэт и художник, — великолепно. Дело продолжалось от семи с половиной до десяти с половиной. Зала была битком набита»³⁶⁹.

Согласно газетному анонсу, Достоевский читал на этом вечере «отрывок из „Неточки Незвановой“» — своего незавершенного романа 1849 г., работу над которым прервал его арест и заключение в Петропавловскую крепость. Отзывы современников о его чтении настолько сдержанны, что мы не знаем даже, какой именно фрагмент из этого произведения был избран писателем для чтения. Оставившая в своем дневнике более подробное описание вечера 11 ноября Е. А. Штакеншнейдер³⁷⁰ также, со своей стороны, коснулась того, как публика принимала выступление Достоевского, замечая, что прием был далеко не таким, какого писатель заслуживал.³⁷¹ «Вечером была на чтении в пользу воскресных школ, в Пассаже, — записала Е. А. Штакеншнейдер. — Читали Бенедиктов, Полонский, Майков, Писемский, Достоевский и Шевченко. Вот, век изучай и все не поймешь то, что называют публикой. Шевченку она так приняла,

³⁶⁹ Цит. по: Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 482. См. также: [Зотов В. Р.] Письма из Петербурга // Иллюстрация. 1860. 17 ноября. № 145. С. 314.

³⁷⁰ Аргументированное обоснование того, что запись Штакеншнейдер, датированная в публикациях ее дневника 21 ноября, относится к вечеру 11 ноября, см.: Дудко В. И. Достоевский — участник литературных чтений 1860–1861 гг. С. 202–209.

³⁷¹ Вспоминая об этом чтении в 1880 г., Штакеншнейдер более определенно пишет в своем дневнике о том, что различный прием, который со стороны публики получали выступления Шевченко и Достоевского, был преимущественно обусловлен «духом партийности»: «И вспомнилось мне, как лет двадцать тому назад, когда впервые возникли литературные вечера в Пассаже и читали на них Достоевский и Шевченко, только что получившие право жить в Петербурге, как принимала их публика. Шевченку осыпали, оглушали рукоплесканиями и самыми восторженными овациями, однажды довели его ими до обморока. Достоевскому же не выпадало на долю ничего! Его едва замечали и хлопали заурядно, как всем, меньше, чем всем. Как это объяснить и согласить с тем, что происходит ныне, и правы ли те, которые его успех и его все возрастающую популярность хотят приписать каторге? Достоевский был в каторге четыре года и двенадцать лет в Сибири, Шевченко не был ни на каторге, ни в Сибири, он был в солдатах. Я себе все это объясняю, но желала бы знать, как объясняют и другие, если помнят, что происходило двадцать лет тому назад. Я думаю, что у Шевченки была тогда своя партия в университете, с Костомаровым во главе, среди студентов. Сепаратистические идеи были тогда в большом ходу, а идея самостоятельности Малороссии в особенности; ведь и Чубинский, горячий поборник ее, был тогда в Петербурге, и малороссийский журнал „Основа“ издавался, малороссы выносили, вероятно, Шевченку, а у Достоевского партии не было» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 364).

точно он гений, сошедший в залу Пассажа прямо с небес. Едва успел он выйти, как начали хлопать, топтать, кричать. Бедный певец совсем растерялся.

Думаю, что неистовый шум этот относился не столько лично к Шевченку, сколько был демонстрацией. Чествовали мученика, пострадавшего за правду.

Но ведь Достоевский еще больший мученик за ту же правду. (Уж будем все, за что они страдали, называть правдой, хотя я и не знаю хорошенько, за что они страдали, довольно, что страдали.) Шевченко был только солдатом, Достоевский был в Сибири, на каторге. Между тем Шевченка ошеломили овациями, а Достоевскому хлопали много, но далеко не так. Вот и разбери»³⁷².

Говоря о выступлениях других чтецов — Полонского, Майкова, Бенедиктова, Писемского, подчеркивая, что ее оценки разошлись с тем, как принимала выступавших аудитория, Е. А. Штакеншнейдер замечает: «Что касается остальных исполнителей, то тут я опять узнала и поняла мою публику. Не нужно ей лучшего, дайте только то, что бросается в глаза и что в моде»³⁷³. По оценке Штакеншнейдер, «лучшим» из всего прочитанного в этот вечер был первый акт «Горькой судьбины» А. Ф. Писемского, который автор прочел «превосходно, изредка только мурлыча себе под нос». Однако в зале это чтение «мало оценили». Так же и когда Я. Полонский «прекрасно, как редко читает», прочел стихотворение «К женщине» — «прекраснейшее стихотворение свое, — публика отнеслась холодно; но его „Нищий“ привел ее в восторг, и она заставила его повторить». «Достоевский, — продолжает Е. А. Штакеншнейдер, — читал „Неточку Незванову“, вещь немного длинную и растянутую для публичного чтения. К тому же у Достоевского голос слабый и однообразный, по-видимому, не применившийся еще к подобному чтению...»³⁷⁴

Следующее выступление Достоевского в зале Пассажа, проводившееся «в пользу воскресной школы за Шлиссельбургской заставой»³⁷⁵, состоялось 15 января 1861 г. На этот раз писатель читал фрагмент из своего первого романа — «Бедные люди». Кроме Достоевского в чтениях вновь участвовали А. Н. Майков, В. Г. Бенедиктов³⁷⁶, Я. П.

³⁷² Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. (1854–1886). М.; Л., 1934. С. 269.

³⁷³ Там же. С. 270.

³⁷⁴ Там же. С. 270-271.

³⁷⁵ См. газетный анонс: Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 10. 13 января.

³⁷⁶ Вместо не пропущенного цензурой стихотворения «Воскресная школа» Бенедиктов читал стихотворение «Человек» (1853). Заслуживает внимания, что в этом стихотворении, которое должен был слышать Достоевский, в рендент знаменитому парадоксальному высказыванию Диогена «Человека ищу!» поставлен образ евангельского Христа. Можно предположить, что эта «связка» из стихотворения Бенедиктова отозвалась в реплике Настасьи Филипповны из романа «Идиот», обращенной к князю Мышкину: «Прощай, князь, в первый раз человека видела!» (ПСС. Т. 8. С. 148). В то же время в финальной строке стихотворения: «„Человек, однако, мог / Нам явиться хоть однажды?“ / — Нет, о люди,

Полонский, А. Ф. Писемский. Из новых участников были студент П. П. Чубинский и знаменитая итальянская актриса Аделаида Ристори, гастролировавшая в это время в Петербурге.

О том, как на этот раз принимали Достоевского, у нас вновь нет обстоятельных свидетельств. Отметим только, что, хотя к этому времени уже было опубликовано несколько глав из «Записок из Мертвого дома», писатель вновь избирает для своего выступления произведение докаторжного периода. Можно предположить, что в накаленной атмосфере начала 1861 г. чтение эпизода из книги о сибирской каторге, несомненно, вызвало бы самый горячий прием. Но, возможно, именно чрезмерной реакции аудитории и опасался в этом случае Достоевский. Так, характеризуя реакцию публики на чтение в этот вечер Аполлоном Майковым стихотворения «Два карлина», Е. А. Штакеншнейдер³⁷⁷ замечает: это «стихотворение грациозное, миленькое, умненькое, но есть в нем одно слово — „деспот“, — это слово публика подхватила и стала хлопать. Ей как будто иногда и дела нет, к чему иное слово относится. Говорят, что отставные кавалерийские лошади, заслышав военную трубу, хотя бы в эту минуту и были впряжены в водовозную бочку, тотчас начинают выделять все аллюры, которым их когда-то учили. Вот так и публика»³⁷⁸. Достоевский же, находившийся под негласным полицейском надзором, судя по всему, в это время чрезвычайно опасался цензурных преследований в отношении своей «каторжной эпопеи». Вполне сознавая, какой исключительный читательский интерес должны были вызвать его «Записки из Мертвого дома», он тем не менее даже не рискнул начать их публикацию в журнале «Время», издание которого с начала 1861 г. они предприняли со старшим братом Михаилом, а предпочел, в качестве «пробного шара», напечатать первые главы в газете «Русский мир».³⁷⁹ Е. А. Штакеншнейдер не однажды касается в своем дневнике темы полицейских шпионов, негласно присутствовавших в аудитории на благотворительных

то был — Бог!» — поэт, подобно героям Достоевского, проблематизирует соотношение божественного и человеческого в Богочеловеке Христе. Ср., например, реплику Ивана Карамазова: «По-моему Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо. Правда, он был Бог. Но мы-то не боги» (ЛСС. Т. 14. С. 216). Тут звучит одна из ключевых коллизий всего позднего творчества Достоевского.

³⁷⁷ Обоснование того, что запись, датированная в публикациях дневника Штакеншнейдер 11 января в действительности относится к вечеру 15 января, см.: Дудко В. И. Достоевский — участник литературных чтений 1860–1861 гг. С. 210–212.

³⁷⁸ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. (1854–1886). М.; Л., 1934. С. 281–282. Здесь название стихотворения Майкова ошибочно прочитано публикаторами как «Два карлика». В печатном тексте стихотворения (Светоч. 1861. № 1. С. 13) слово «деспот» отсутствует. Если допустить, что Майков читал на вечере какую-то опущенную (по цензурным причинам?) строфу, то по контексту слово «деспот» могло, по-видимому, относиться к вулкану Везувий.

³⁷⁹ См. об этом: Параккини Л. Вопрос о тюремном заключении в журнале «Время»: Достоевский и Казанова // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17. С. 31–35.

чтениях 1860–1861 гг.³⁸⁰ Можно предположить, что Достоевский решил до поры до времени не рисковать, чтобы какой-нибудь эксцесс на литературных чтениях не поставил под удар дальнейшую публикацию «Записок...», которую он намеревался продолжить в собственном журнале.³⁸¹ Чтение «Неточки Незвановой» и «Бедных людей» были в этом отношении гораздо безопаснее.

ПАССАЖ В ПАССАЖЕ

От биографии Достоевского теперь подошло время обратиться к его творчеству и вспомнить одно совершенно необычное произведение, действие которого разворачивается именно в Пассаже. Показательно уже название произведения: «Крокодил. Необыкновенное происшествие, или Пассаж в Пассаже». Еще более замечателен подзаголовок: «Справедливая повесть о том, как один господин, известных лет и известной наружности, пассажным крокодилом был проглочен живьем, весь без остатка, и что из этого вышло».³⁸²

Начало этой «справедливой повести» было напечатано в февральской книжке журнала «Эпоха» за 1865 г., который после смерти брата Михаила единолично издавал Достоевский. Продолжение планировалось поместить в следующем, мартовском выпуске. Но весной 1865 г. журнал потерпел банкротство и прекратил свое существование. Продолжения публикации «Крокодила» не последовало, оно даже не было написано (хотя в записных тетрадях Достоевского сохранилось много набросков, намечающих дальнейшую разработку сюжета).

По своей художественной природе повесть «Крокодил» представляет оригинальный образец довольно редкого в творческой работе Достоевского *фантастического гротеска*. Завязка действия происходит в одном из магазинов петербургского Пассажа³⁸³, где заезжий немецкий предприниматель показывает за

³⁸⁰ См.: Там же. С. 247, 271.

³⁸¹ Укажем, что профессор русской истории и истории искусств Петербургского университета П. В. Павлов, выступавший вместе с Достоевским на литературном вечере в зале М. Руадзе у Полицейского моста 2 марта 1862 г., после чтения своей статьи «Тысячелетие России» и реакции на это чтение аудитории, когда в зале «произошло нечто трудно описуемое» и «вероятно потом в зале оказалось немало поломанных стульев» (Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 228), через несколько дней, вследствие донесений полицейских агентов, был арестован и сослан в Ветлугу. В романе «Бесы», описывая приезд Степана Трофимовича и Варвары Петровны в начале 1860-х гг. в Петербург и упоминая «о вчерашней ссылке такого-то, о каком-то скандале в Пассаже» (ИСС. Т. 10. С. 22), Достоевский, очевидно, имеет в виду именно этот эпизод.

³⁸² ИСС. Т. 5. С. 180.

³⁸³ Если условность фантастического повествования допускает топографическую конкретизацию места действия, то можно обратить внимание на указание автора, что магазин крокодильщика находился «в двух шагах от той самой залы, где, может быть, в эту самую минуту господин Лавров читал публичную лекцию» (ИСС. Т. 5. С. 184). В этих словах содержится аллюзия на публичные лекции философа и социолога, в дальнейшем идеолога революционного народничества П. Л. Лаврова «О современном

известную плату разных диковинных заморских животных, в числе которых находится и «огромнейший крокодил» (любовно именуемый хозяином Карльхен). Чиновник Иван Матвейч, главный герой произведения, заходит в этот магазин, сопровождая свою супругу, Елену Ивановну, воспылавшую непреодолимым желанием увидеть крокодила, о котором много говорили в городе. Крокодил, однако, разочаровал героиню: он, как бревно, лежал на дне большого жестяного ящика «в виде как бы ванны, накрытый крепкою железною сеткой», и не подавал признаков жизни. Чтобы возбудить интерес посетительницы, хозяин-крокодилщик, «приподняв до половины сетку ящика, стал палочкой тыкать крокодила в голову», на что «коварное чудовище, чтоб показать свои признаки жизни, слегка пошевелило лапами и хвостом, приподняло рыло и испустило нечто подобное продолжительному сопенью».

Сложно представить, что иное ожидала увидеть Елена Ивановна, но крокодил показался ей противным и ужасным, и в сопровождении друга семьи, еще одного чиновника Семена Семеновича Захожего, от лица которого собственно и ведется повествование, она отошла от крокодила, обратив все свое внимание на обезьян, находившихся в шкафу у противоположной стены. Муж же ее, Иван Матвеевич, остался около ящика с крокодилом. «Взяв свою перчатку, он начал щекотать ею нос крокодила, желая, как признался он после, заставить его вновь сопеть».

Елена Ивановна увлеченно рассматривала обезьян «и хохотала от замечаемого ею сходства сих мартышек с ее короткими знакомыми». В этот момент и совершается первая кульминация повести, описанная Семеном Захожим так:

«И вот в это-то самое мгновение вдруг страшный, могу даже сказать, неестественный крик потряс комнату. Не зная, что подумать, я сначала оледенел на месте; но, замечая, что кричит уже и Елена Ивановна, быстро оборотился и — что же увидел я! Я увидел, — о Боже! — я увидел несчастного Ивана Матвейча в ужасных челюстях крокодиловых, перехваченного ими поперек туловища, уже поднятого горизонтально на воздух и отчаянно болтавшего в нем ногами. <...> Крокодил начал с того, что, повернув бедного Ивана Матвейча в своих ужасных челюстях к себе ногами, сперва проглотил самые ноги; потом, отрыгнув немного Ивана Матвейча, старавшегося выскочить и цеплявшегося руками за ящик, вновь втянул его в себя уже выше поясицы. Потом, отрыгнув еще, глотнул еще и еще раз. Таким образом Иван Матвейч

значении философии», которые при огромном стечении народа тот читал в ноябре 1861 г. в концертном зале Пассажа, том самом, где неоднократно выступал и Достоевский. Зал этот, как уже отмечалось, располагался со стороны Итальянской улицы. Следовательно, и магазин крокодилщика находился ближе к концу галереи, у выхода на Итальянскую.

видимо исчезал в глазах наших. Наконец, глотнув окончательно, крокодил вобрал в себя всего моего образованного друга и на этот раз уже без остатка. На поверхности крокодила можно было заметить, как проходил по его внутренности Иван Матвейч со всеми своими формами. Я было уже готовился закричать вновь, как вдруг судьба еще раз захотела вероломно подшутить над нами: крокодил понатужился, вероятно давясь от огромности проглоченного им предмета, снова раскрыл всю ужасную пасть свою, и из нее, в виде последней отрыжки, вдруг на одну секунду выскочила голова Ивана Матвейча, с отчаянным выражением в лице, причем очки его мгновенно свалились с его носа на дно ящика. Казалось, эта отчаянная голова для того только и выскочила, чтоб еще раз бросить последний взгляд на все предметы и мысленно проститься со всеми светскими удовольствиями. Но она не успела в своем намерении: крокодил вновь собрался с силами, глотнул — и миг она снова исчезла, в этот раз уже навеки».

Действие повести на этом, однако, не заканчивается, а, напротив, лишь с этого момента, собственно, и начинается. Ибо когда Елена Ивановна, друг семьи Семен Захожий, крокодилщик и его муттер, обсуждая, что надо предпринять в произошедшей ситуации, начинают яростно спорить, причем немцы больше ужасаются за судьбу своего Карльхена, а жене Ивана Матвейча грозят штрафом, проглоченный чиновник вдруг начинает подавать реплики из чрева крокодила.

«Друг мой, — раздался в эту минуту совершенно неожиданно голос Ивана Матвейча, изумивший нас до крайности, — друг мой, мое мнение — действовать прямо через контору надзирателя, ибо немец без помощи полиции не поймет истины...»

«Иван Матвейч, друг мой, итак, ты жив!» — восклицает супруга проглоченного.

«Жив и здоров, — отвечал Иван Матвейч, — и благодаря Всевышнего проглочен без всякого повреждения. Беспокоюсь же единственно о том, как взглянет на сей эпизод начальство...»

На вопросы изумленных близких, в каком состоянии находится герой в утробе крокодила, как удалось ему там поместиться целым и невредимым, Иван Матвейч методично, по пунктам разъясняет:

«Во-первых, крокодил, к удивлению моему, оказался совершенно пустой. Внутренность его состоит как бы из огромного пустого мешка, сделанного из резинки, вроде тех резиновых изделий, которые распространены у нас в Гороховой, в Морской и, если не ошибаюсь, на Вознесенском проспекте. <...> Крокодил обладает только пастью, снабженной острыми зубами, и вдобавок к пасти — значительно длинным хвостом — вот и всё, по-настоящему. В середине же между сими двумя его оконечностями

находится пустое пространство, обнесенное чем-то вроде каучука <...>. Подобно тому как надувают геморроидальную подушку, так и я надуваю теперь собой крокодила. Он растяжим до невероятности...»

Прослышав о проглоченном чиновнике, петербуржцы и гости столицы повалили в Пассаж валом. Уже в первый день в магазине крокодильщика народу перебивала «целая бездна», несмотря на то, что предприимчивый немец поднял плату с четвертака до рубля. «К вечеру не хватило места и для порядка явилась полиция. В восемь часов, то есть ранее обыкновенного, хозяин нашел даже нужным запереть магазин и прекратить представление, чтоб сосчитать привлеченные деньги и удобнее приготовиться к завтраму».

Всеобщее внимание льстит честолюбию проглоченного героя, распаляет его амбиции. Он приходит к мысли, что чрево крокодила может стать его «кафедрой», с которой он намеревается вещать приходящим к нему великие истины. В будущем он уже мыслит себя учителем человечества.

«Знаю, — говорит он своему другу, — что завтра соберется целая ярмарка. Таким образом, надо полагать, что все образованнейшие люди столицы, дамы высшего общества, иноземные посланники, юристы и прочие здесь перебивают. Мало того: станут наезжать из многосторонних провинций нашей обширной и любопытной империи. <...> Стану поучать праздную толпу. Наученный опытом, представлю из себя пример величия и смирения перед судьбою. Буду, так сказать, кафедрой, с которой начну поучать человечество. <...> Из крокодила выйдет теперь правда и свет. Несомненно изобрету новую собственную теорию новых экономических отношений <...>. Опровергну всё и буду новый Фурье».

Он мечтает: «Если не Сократ, то Диоген, или то и другое вместе, и вот будущая роль моя в человечестве». «Каждое слово мое будет выслушиваться, каждое изречение обдумываться, передаваться, печататься»: «государственному мужу сообщу мои проекты; с поэтом буду говорить в рифму; с дамами буду забавен и нравственно мил...» Мысль его заносится не менее чем до вопросов «об улучшении судьбы всего человечества», намерения — до задач «перевернуть судьбу человечества».

Параллельно истории проглоченного крокодилом прожектера развиваются иные сюжетные линии: реакция на происходящее сослуживцев Ивана Матвевича, любовные интрижки его полуовдовевшей супруги. Отдельным пунктом разрабатывается мотив отражения «необыкновенного события» в «прогрессивнейших газетах наших».

Развернув одну из них, именуемую героем-повествователем «Листок», тот «не без удивления прочел <...> в ней следующее»:

«Вчера в нашей обширной и украшенной великолепными зданиями столице распространились чрезвычайные слухи. Некто N., известный гастроном из высшего общества, вероятно наскучив кухнею Бореля и –ского клуба, вошел в здание Пассажа, в то место, где показывается огромный, только что привезенный в столицу крокодил, и потребовал, чтоб ему изготовили его на обед. Сторговавшись с хозяином, он тут же принялся пожирать его (то есть не хозяина, весьма смирного и склонного к аккуратности немца, а его крокодила) — еще живьем, отрезая сочные куски перочинным ножичком и глотая их с чрезвычайною поспешностью. Мало-помалу весь крокодил исчез в его тучных недрах...»

В другой газете, «Волос», история была переиначена на другой манер:

«Всем известно, что мы прогрессивны и гуманны и хотим угоняться в этом за Европой. Но, несмотря на все наши старания и на усилия нашей газеты, мы еще далеко не „созрели“, как о том свидетельствует возмутительный факт, случившийся вчера в Пассаже и о котором мы заранее предсказывали. Приезжает в столицу иностранец-собственник и привозит с собой крокодила, которого и начинает показывать в Пассаже публике. Мы тотчас же поспешили приветствовать новую отрасль полезной промышленности, которой вообще недостает нашему сильному и разнообразному отечеству. Как вдруг вчера, в половине пятого пополудни, в магазин иностранца-собственника является некто необычайной толщины и в нетрезвом виде, платит за вход и тотчас же, безо всякого предуведомления, лезет в пасть крокодила, который, разумеется, принужден был проглотить его, хотя бы из чувства самосохранения, чтоб не подавиться. Ввалившись во внутренность крокодила, незнакомец тотчас же засыпает. Ни крики иностранца-собственника, ни вопли его испуганного семейства, ни угрозы обратиться к полиции не оказывают никакого впечатления. Из внутри крокодила слышен лишь хохот и обещание расправиться розгами (sic!), а бедное млекопитающее, принужденное проглотить такую массу, тщетно проливает слезы...»

Первая часть обрывается на том, что на следующий день, не дожидаясь, когда закончится присутствие, Семен Захожий «пораньше улизнул из канцелярии, чтоб побывать в Пассаже и хоть издали посмотреть, что там делается, послушать разные мнения и направления...» С новой сцены в магазине крокодила, очевидно, и должна была начинаться вторая часть. Но, повторим, из-за краха журнала «Эпоха» продолжения не последовало.

Среди набросков дальнейшего развития сюжета планы Ивана Матвеича печатать «Записки из крокодила» или «издавать сатирический орган», вести журнальную и газетную полемику. «Парад» известных современных литераторов и журналистов, которые, один за другим, должны были появиться в Пассаже, в магазине крокодилщика (среди них издатель «Волоса» — газеты «Голос» — Андрей Краевский). Конфликт с хозяином-немцем, который, когда наплыв посетителей стал ослабевать, должен был настаивать, чтобы вместо утопических прожектов Иван Матвеич пел бы из крокодила под шарманку французские шансонетки. Намерение героя, подать прошение, чтобы изменяющую ему жену отправили в Сибирь по этапу, и т. п.

В финале планировалось «изрыгновение» крокодилом героя. Немец должен был требовать, чтобы тот вернулся «на место»: «Ступайт. Влезайт опять... Але, марш!» Сомнения Ивана Матвеича, «когда вылез»: «Примут ли на службу? Правда, меня показывали за деньги. Но кто же не показывает теперь себя за деньги».

Истории создания «Крокодила» Достоевский коснулся через восемь лет, в 1873 г., в одном из выпусков «Дневника писателя», который печатался тогда главами на страницах редактируемого им еженедельника «Гражданин». В частности, он здесь упоминает, что действительно года за полтора до начала работы его над повестью, то есть где-то в середине 1863 г., «в Петербурге в Пассаже какой-то немец показывал за деньги крокодила» и это обстоятельство натолкнуло его на мысль «написать одну фантастическую сказку, вроде подражания повести Гоголя „Нос“». «Никогда еще не пробовал я писать в фантастическом роде, — продолжает Достоевский. — Это была чисто литературная шалость, единственно для смеху. Представилось, действительно, несколько комических положений, которые мне захотелось развить»³⁸⁴.

Своего героя, проглоченного крокодилом, он представляет чем-то вроде другого гоголевского персонажа — Хлестакова. Это человек «еще молодой, но заеденный самолюбием; прежде всего дурак <...>. Он комически уверен в своих великих достоинствах; полуобразован, но считает себя чуть не за гения, почитается в своем департаменте за человека пустейшего и постоянно обижен всеобщим к нему невниманием». Оказавшись в исключительных обстоятельствах в утробе крокодила, он пытается, воспользовавшись ситуацией, осуществить свои непомерные амбиции.

Так излагает свой замысел сам Достоевский, характеризуя его как «литературную шалость». Но современники усмотрели в фантастическом сюжете скрытую подоплеку. Писатель сообщает, что об этом ему поведал Н. Н. Страхов.

³⁸⁴ ПСС. Т. 21. С. 26 (главка IV «Нечто личное»).

«Знаете, что там думают? — сказал он ему. — Там уверены, что ваш „Крокодил“ — аллегория, история ссылки Чернышевского, и что вы хотели выставить и осмеять Чернышевского»³⁸⁵. Идеолог-утопист, вознамерившийся стать «новым Фурье» и, будучи проглоченным крокодилом, вещающий из утробы чудовища, развивая прожекты «улучшения судьбы всего человечества», — это арестованный в 1862 г. Чернышевский, который, будучи посаженным в Петропавловскую крепость и находясь под следствием по политическому обвинению, создает там (и публикует в 1863 г. в журнале «Современник») роман «Что делать?», содержащий воплощенную в художественной форме философскую доктрину «разумного эгоизма» и утопическую картину грядущего социалистического общества.

Пассажный крокодил при такой интерпретации оказывался сюжетной метафорой секретной политической тюрьмы — Алексеевского рavelина, где был заключен Чернышевский.

В исследовательской литературе до сих пор идут споры, был ли в действительности у Достоевского подобный скрытый замысел или это остроумно придуманный навет его идеологических противников (намек на аллегорический подтекст «Крокодила» содержались в отзыве, напечатанном в газете А. А. Краевского «Голос»). Сам Достоевский в «Дневнике писателя» решительно отверг подобное допущение. К чести писателя надо сказать, что в черновиках «Крокодила» не содержится никаких материалов, которые подтверждали бы наличие в повести скрытого аллюзионного плана. Тем не менее в печатном тексте слишком много совпадений, делающих такую интерпретацию вполне правдоподобной. Поэтому и по сей день этот вопрос остается дискуссионным.

«ОТПУСТИТЕ МНЕ ДЕСЯТОЧЕК „ДИАВОЛОВ“...»

Обратившись к «Дневнику писателя» 1873 г., мы из 1860-х гг. перебрались в 1870-е. И здесь материал вновь заставляет нас возвратиться к биографии Достоевского.

В 1872 г. в московском журнале «Русский вестник» завершилась публикация романа «Бесы». Работая над последними главами «Бесов», писатель параллельно готовил отдельное трехтомное издание романа. Причем впервые они с Анной Григорьевной приняли решение не продавать право на публикацию кому-либо из

---

³⁸⁵ Там же. С. 28.

издателей, но напечатать «Бесов» самостоятельно, на собственные средства. В писательской среде это было дело новое, неслыханное. И весьма рискованное.

«Наступил знаменательный день в нашей жизни, 22 января 1873 года, когда в „Голосе“ появилось наше объявление о выходе в свет романа „Бесы“, — рассказывает А. Г. Достоевская. Накануне Достоевский поинтересовался у «одного из виднейших книгопродавцев (у которого постоянно покупал книги)», не захочет ли тот «купить некоторое количество экземпляров». «Ну что ж, пришлите двести экземпляров на комиссию», — ответил тот (судя по всему, это был А. Ф. Базунов, об отношении которого с Достоевским у нас уже шла речь в связи с домом № 30 по Невскому проспекту). — «С какою же уступкой?» — спросил писатель. «Да не меньше как с пятьюдесятью».³⁸⁶

Достоевский вернулся домой опечаленный и рассказал о своей неудаче жене. Ситуация грозила финансовым крахом.

На утро следующего дня, продолжает Анна Григорьевна, «явился посланный от книжного магазина М. В. Попова, помещавшегося под Пассажем». Мы уже упоминали выше, что в подвальных помещениях Пассажа находились фруктовые, зеленные и табачные лавки; об этом сообщают несколько справочных изданий по истории Петербурга. Свидетельство А. Г. Достоевской позволяет утверждать, что там также располагался по крайней мере один *книжный магазин*. Его содержал купец 2-й гильдии Михаил Васильевич Попов.³⁸⁷ Именно от него и явился посыльный.

«Я вышла в переднюю и спросила, что ему надо, — продолжает рассказ жена писателя.

— Да вот объявление ваше вышло, так мне надо десяток экземпляров.

Я вынесла книги и с некоторым волнением сказала:

— Цена за десять экземпляров — тридцать пять рублей, уступка двадцать процентов, с вас следует двадцать восемь рублей.

— Что так мало? А нельзя ли тридцать процентов? — сказал посланный.

— Нельзя.

— Ну, хоть двадцать пять процентов?

— Право, нельзя, — сказала я, в душе сильно беспокоясь: а что, если он уйдет и я упущу первого покупателя?

— Если нельзя, так получите. — И он подал мне деньги.

³⁸⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 261.

³⁸⁷ Это имя отсутствует в наиболее авторитетном издании: Баренбаум И. Е. Книжный Петербург. Три века истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб., 2003.

Я была так довольна, что дала ему даже тридцать копеек на извозчика»³⁸⁸.

Вдохновленная тем, как она удачно провела переговоры с представителем книжного магазина Попова, Анна Григорьевна такую же твердую линию выдерживала в это утро и с посыльными от других книгопродавцев. «Приходило еще несколько человек, все брали по десятку экземпляров, все торговались, но я больше двадцати процентов не уступала»³⁸⁹, — сообщает она.

В том числе и приказчику из книжного магазина Базунова (полагаем, что это все-таки был он), с которым накануне вел переговоры Достоевский, жена писателя заявила, что не намерена отдавать книги на комиссию, а продает только на наличные. После некоторой заминки пятьдесят экземпляров «Бесов» купили и в этот магазин (тут, учитывая большое количество книг, Анна Григорьевна сделала скидку тридцать процентов).

Работая по ночам, Достоевский обычно вставал около часа дня. Проснувшись, он спросил жену:

«— Ну, Анечка, как идет наша торговля?

— Превосходно идет, — ответила я ему в тон.

— И ты, пожалуй, одну книгу уже успела продать?

— Не одну, а сто пятнадцать книг продала.

— Неужели?! Ну, так поздравляю тебя! — продолжал насмешливо Федор Михайлович, полагая, что я шучу.

— Да я правду говорю, — подсадовала я, — что ж ты мне не веришь? — И я достала из кармана листок, на котором было записано количество проданных экземпляров, а вместе с листком пачку кредиток, всего около трехсот рублей. Так как Федор Михайлович знал, что дома у нас денег немного, то показанная мною сумма убедила его в том, что я не шучу»³⁹⁰.

«Название романа „Бесы“, — замечает далее жена писателя, — послужило для приходивших за книгой поводом называть ее выдававшей книге девушке различными именами: то называли ее „вражьей силою“, то иной говорил: „Я за „чертями“ пришел“, другой: „Отпустите мне десяточек „диаволов“»³⁹¹. Эти разговоры очень пугали старушку Прохоровну, няню детей писателя. Но, кажется, она была единственной, кто в

³⁸⁸ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 261.

³⁸⁹ Там же. С. 262.

³⁹⁰ Там же. С. 263.

³⁹¹ Там же. С. 265.

серьез крестился, услышав название нового романа. Во всяком случае поток посыльных из книжных магазинов не только не иссякал, но и увеличивался.

Так, предприятие, которое еще вчера грозило обернуться крахом, благодаря сметливости и твердости Анны Григорьевны стало триумфом Достоевских. Для нашей же темы важно подчеркнуть, что почин предпринимательской инициативе жены писателя положили ее переговоры с посыльным книготорговца М. В. Попова. И, что не менее важно, что самые первые книги отдельного трехтомного издания великого романа «Бесы» были выложены 22 января 1873 г. на прилавки книжного магазина, располагавшегося в подвальных помещениях петербургского Пассажа по адресу: Невский проспект, дом № 48.

Первыми были выложены, — очевидно, первыми и раскуплены. Анна Григорьевна, завершая свой рассказ, сообщает, что во второй половине дня наряду с новыми покупателями «явились и утренние за новым запасом»³⁹². Нет оснований сомневаться, что среди них были и посыльные из Пассажа от книготорговца Михаила Васильевича Попова.³⁹³

АУДИЕНЦИЯ В АНИЧКОВОМ ДВОРЦЕ

Подходя к Аничковому мосту через Фонтанку, сделаем короткую остановку перед Аничковым дворцом. Больше столетия, с начала XIX в. Аничков дворец служил резиденцией императорской фамилии. «Достоевский и августейшие особы» — чрезвычайно интересная и малоисвоенная тема.³⁹⁴ Выше уже шла речь, в начале нашего маршрута, о визитах писателя в Зимний дворец, его общении с младшими детьми Императора Александра II — Великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами. Особая тема, остающаяся, к сожалению, за рамками нашей книги, — дружба Достоевского с юным Великим князем Константином Константиновичем, неоднократные посещения им Мраморного дворца.³⁹⁵ Теперь же подошло время рассказать о визите писателя в декабре 1880 г. в Аничков дворец, встрече с Великим князем Александром Александровичем, старшим сыном Царя, будущим Императором Александром III и его супругой, Великой княгиней Марией Федоровной.

³⁹² Там же.

³⁹³ Имя М. В. Попова позднее еще раз возникнет в переписке Достоевского с женой: в 1877 г. в магазине под Пассажем также будет продаваться «Дневник писателя».

³⁹⁴ Наибольший вклад в ее разработку внес И. Л. Волгин; см., например: *Волгин И. Л.* Колеблясь над бездной: Достоевский и императорский дом. М., 1998.

³⁹⁵ Об этом см.: *Тихомиров Б. Н.* Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. СПб., 2012. С. 115-130.

Но сначала несколько слов о самом Аничковом дворце — этой старейшей постройке на Невском проспекте.

Аничков дворец был возведен в середине XVIII в. по повелению Императрицы Елизаветы Петровны. Его первоначальный проект в 1741 г. разработал архитектор М. Г. Земцов, вскоре после этого умерший, и завершил строительство в 1754 г. уже его преемник Ф. Б. Растрелли. Однако в отличие от другой знаменитой постройки этого мастера — Зимнего дворца, об Аничковом дворце, созданном Растрелли в пышных формах высокого барокко, мы можем судить только по старинным гравюрам. В 1776 г. Императрица Екатерина II подарила дворец своему фавориту — графу Г. А. Потемкину, для которого в 1776–1778 гг. он был полностью перестроен архитектором И. Е. Старовым в строгих формах раннего классицизма. Сам дворец, каким мы его видим сегодня, — постройка именно этого времени.

Однако привычный нам дворцовый ансамбль складывался еще десятилетия. Аничков дворец, совершенно парадоксально, обращен к Невскому проспекту своим боковым фасадом. Это объясняется тем, что еще по первоначальному проекту Земцова его главный, парадный фасад выходил в сторону Фонтанки, и до середины 1870-х гг. с этой стороны перед дворцом существовала просторная гавань, отделенная от реки двумя идущими вдоль берега сквозными галереями. Но при перестройке дворца Е. И. Старовым гавань была засыпана, а галереи разобраны. До начала XIX в. здесь существовал парадный двор, а в 1803–1805 гг. по проекту Д. Кваренги на углу Невского и далее по Фонтанке были построены торговые ряды с открытой аркадой, через несколько лет приспособленные для помещений Кабинета Его Императорского Величества — учреждения, которое первоначально являлось личной канцелярией Царя, а позднее осуществляло управление императорской казной, имуществом и землями. Исторический облик этой, восточной части дворцового ансамбля можно видеть на уже не однажды упомянутой выше панораме Невского проспекта, выполненной в 1830-е гг. по акварелям В. С. Садовникова. Именно такую эту постройку видел и Достоевский. Но в 1885–1886 гг., уже после смерти писателя, аркада первого этажа была заложена (очевидно, для расширения помещений Кабинета). И сегодня с этой стороны ансамбль Аничкова дворца выглядит уже существенно иначе.

Зато с противоположной стороны, там, где расположен прилегающий ко дворцу сад, вид западной части ансамбля уже без малого два столетия определяют построенные К. И. России два изящных и строгих садовых павильона со столь непривычными для петербургской городской скульптуры фигурами древнерусских витязей. Один из

павильонов расположен на углу Невского проспекта, другой — в глубине Александринской (ныне Островского) площади. Между собой их соединяет сквозная металлическая ограда с небольшими воротцами, такая же, как и ограда по Невскому проспекту, идущая от углового павильона к Аничкову дворцу. Здесь и ныне все выглядит точно так же, как было во времена Достоевского.

Перепланировка сада, постройка павильонов Росси в 1817–1818 гг. происходила тогда, когда владельцем Аничкова дворца стал Великий князь Николай Павлович — будущий Император Николай I. В 1841 г. он подарил дворец своему старшему сыну — Цесаревичу Наследнику Александру Николаевичу, а тот, уже будучи Императором, в 1866 г., в свою очередь подарил Аничков дворец Цесаревичу Наследнику Александру Александровичу, который жил здесь со своей супругой Марией Федоровной. С визитом у этой августейшей четы и побывал здесь Достоевский.

8 ноября 1880 г. писатель завершил работу над своим великим романом «Братья Карамазовы». В этот день рукопись Эпилога была отправлена им по почте в Москву, в редакцию «Русского вестника». И 1 декабря вышла в свет ноябрьская книжка журнала с завершением публикации романа. Так была поставлена последняя точка в напряженной работе гениального художника над его главным творческим созданием, длившаяся без малого три года. Параллельно с работой над последними главами «Братьев Карамазовых» Достоевский готовил их издание отдельной книгой. Оно не заставило себя долго ждать. 9 декабря типография братьев Г. Ф. и П. Ф. Пантелеевых на Казанской улице (соврем. № 35) «выдала на гора» первую партию из трехтысячного тиража романа. Это были два увесистых тома, один — в 500, второй — в 700 страниц!

В тот же день Достоевский делает на свежееотпечатанных книжках «Братьев Карамазовых» несколько дарственных надписей — своим самым близким друзьям. Одна из книг (к сожалению, не сохранившаяся) была надписана для Константина Петровича Победоносцева.

К. П. Победоносцев был интереснейшей фигурой в окружении Достоевского этих лет. Государственный деятель, правовед, публицист, переводчик, он являлся одним из наиболее высокопоставленных и влиятельных в высших сферах лиц, с которыми писатель тесно общался в последние годы жизни. Мало того что Победоносцев был сенатором, членом Государственного совета, а с апреля 1880 г. и обер-прокурором Святейшего Синода, он был лично близок к Великому князю Александру Александровичу — будущему императору Александру III. Будучи профессором Московского университета, Победоносцев еще в 1861 г. был приглашен учителем

законоведения к Цесаревичу Николаю, старшему сыну императора Александра II, а после его преждевременной смерти в 1865 г. стал давать уроки новому Наследнику престола Александру и на долгие годы сделался идейным авторитетом для своего ученика.

Об отношениях Достоевского с его высокопоставленным другом пишет в своих воспоминаниях жена писателя, Анна Григорьевна: «Чрезвычайно любил Федор Михайлович посещать К. П. Победоносцева; беседы с ним доставляли Федору Михайловичу высокое умственное наслаждение, как общение с необыкновенно тонким, глубоко понимающим, хотя и скептически настроенным умом»³⁹⁶. Сохранились на этот счет свидетельства и самого Победоносцева, упоминавшего в одном из писем, что для Достоевского у него «был отведен тихий час в субботу после всенощной», и писатель «засиживался у [него] за полночь в задушевной беседе»³⁹⁷. В другом письме о характере их общения сказано даже так: «Для него [Достоевского] исключительно у меня был назначен вечер субботний, и он нередко приходил проводить его вдвоем со мною. И своего „Зосиму“ он задумывал по моим указаниям: много было между нами задушевных речей»³⁹⁸.

Конечно же, великий писатель не творил по чьей бы то ни было указке. Но он, действительно, как свидетельствует их переписка, делился с Победоносцевым проблемами, которые вставали перед ним в процессе создания «Братьев Карамазовых», серьезно прислушивался к его мнению. Поэтому не должно показаться странным, что чуть ли не первому он подарил отдельное издание романа именно ему.

Возможно, это была спонтанная ответная реакция при получении подарка от Достоевского, а может быть — и давно вызревший план, но Победоносцев в ответном письме, поблагодарив писателя за преподнесенный ему экземпляр романа, высказал пожелание, которое, судя по формулировке, не предполагало обсуждения: «Теперь, когда „Карамазовы“ вышли отдельною книгой, — писал он в тот же день Достоевскому, — я бы посоветовал Вам представить ее Цесаревичу: я знаю, что он ожидал выхода целой книги, чтобы начать чтение, ибо не любит читать по кусочкам...»³⁹⁹ Достоевский ответил на это предложение согласием, но попросил неделю времени, чтобы дождаться, когда поспеет переплетенный экземпляр. 15 декабря Победоносцев писал ему вновь, уже давая писателю конкретные инструкции о порядке его действий во дворце:

³⁹⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 375.

³⁹⁷ Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 534.

³⁹⁸ Чешихин-Ветринский В. Е. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1912. С. 162-163.

³⁹⁹ Лит. наследство. М., 1934. Т. 15. С. 148.

«Почтеннейший Федор Михайлович! Я предупредил письменно Великого князя, что Вы завтра в исходе 12-го часа явитесь в Аничков дворец, чтобы представиться ему и Цесаревне. Извольте идти наверх и сказать адъютанту, чтоб об Вас доложили и что Цесаревич предупрежден мною. А затем, когда выйдете от него, извольте спросить камердинера Цесаревны, чтобы ей доложили. Дело это просто делается»⁴⁰⁰.

Некоторые подробности визита Достоевского в Аничков дворец сообщает в своих воспоминаниях дочь писателя, Любовь Федоровна, которой, впрочем, во время события было всего лишь одиннадцать лет. «Их высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу. Очень характерно, что Достоевский, пылкий монархист в тот период жизни, не хотел подчиняться этикету двора и вел себя во дворце, как привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго и, простившись с Цесаревной и ее супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной... Наверное, это был единственный раз в жизни Александра III, когда с ним обращались, как с простым смертным»⁴⁰¹.

Обращает внимание, что в этой колоритной зарисовке Достоевский увиден принципиально «со стороны». Источником нарисованной Любовью Федоровной картины никак не могли быть рассказы об этом событии в кругу семьи самого писателя. Цесаревич «не обиделся на это, — завершает свое повествование мемуаристка, — и впоследствии говорил о моем отце с уважением и симпатией»⁴⁰². Кому говорил? — возникает у нас естественный вопрос. О личных встречах с монархом жены или дочери Достоевского нам ничего не известно. Тогда остается лишь одно предположение. Указанные подробности поведения писателя во время аудиенции Великий князь Александр Александрович мог обсуждать с тем же К. П. Победоносцевым. А уже от Победоносцева, который, кстати, после смерти Достоевского стал опекуном его детей, об этом могла услышать и Любовь Федоровна.

---

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ *Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992. С. 181.

⁴⁰² Там же.

IV. ОТ АНИЧКОВА МОСТА ДО ЗНАМЕНСКОЙ ПЛОЩАДИ

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДВОЙНИКИ: КАМЕННЫЕ, БРОНЗОВЫЕ, АЛЕБАСТРОВЫЕ, ЕТ САЕТЕРА...

Аничков мост, к которому мы подошли, — одна из замечательнейших достопримечательностей Петербурга. Как ни странно, не мост назван по имени дворца, а наоборот: самая первая переправа через Фонтанку, наведенная на этом месте в 1715 г., получила свое название от имени подполковника М. Аничкова, солдатам которого было поручено его строительство. В дальнейшем мост неоднократно перестраивали, но его название неизменно сохранялось. Когда же близь него был воздвигнут дворец, то его для удобства стали называть «дворцом у Аничкова моста», а позднее и просто — Аничковым дворцом. Но дворец у нас остался позади, и сейчас мы вступаем на Аничков мост.

Академик Д. С. Лихачев утверждал, что для читателей Достоевского, которые хорошо знают Петербург, в том числе Петербург исторический, город в процессе чтения петербургской прозы писателя *как бы дописывает* художественный текст. Яркий пример, подтверждающий истинность этого наблюдения, — ранняя повесть Достоевского «Двойник», жанр которой сам автор определил как «петербургскую поэму».

Все, кто читал эту повесть, хорошо помнят, что встреча господина Голядкина старшего, главного героя произведения, и господина Голядкина младшего, его двойника, происходит ужасной ноябрьской петербургской ночью — «мокрой, туманной, дождливой, снежливой, чреватой флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками всех возможных родов и сортов»⁴⁰³, — когда Яков Петрович (так зовут героя) возвращался к себе домой в Шестилавочную улицу (ныне улица Маяковского) из дома у Измайловского моста на Фонтанке, принадлежавшего его бывшему благодетелю Олсуфию Ивановичу Берендееву, со званого вечера у которого его со скандалом выдворили «в толчки». Двойник сначала дважды попадаетеся господину Голядкину навстречу, а когда герой, миновав Невский проспект, поворачивает с Литейного проспекта в Итальянскую улицу (ныне ул. Жуковского), двойник обгоняет его сзади и уже до Шестилавочной они движутся в одном направлении, а в доме Голядкина происходит и их личное «знакомство».

---

⁴⁰³ ЛСС. Т. 1. С. 138.

Исследователи затрудняются однозначно определить природу двойника господина Голядкина, но тот, кто не читал повести, может сейчас условно принять, что двойник главного героя — это галлюцинация его больного сознания, и отношения Якова Петровича старшего и Якова Петровича младшего — это, как определил психиатр Н. Е. Осипов, «роман господина Голядкина с самим собой»⁴⁰⁴.

Как же город «дописывает» «петербургскую поэму» Достоевского? Это блестяще раскрыл в своих работах замечательный исследователь жизни и творчества писателя Г. А. Федоров.⁴⁰⁵ Дело в том, что сама *идея* двойника в известной мере подсказана больному сознанию господина Голядкина *Петербургом*.

Как уже было отмечено, от дома его превосходительства Берендеева у Измайловского моста Голядкин бредет по набережной Фонтанки, затем переходит через Аничков мост, проходит один квартал по Невскому, сворачивает на Литейный и после — в Итальянскую улицу... На всем этом маршруте (хотя Достоевский и не отмечает данного обстоятельства, оно оказывается как бы в подтексте повествования) герою с навязчивой повторяемостью, вновь и вновь, встречаются двойники, порожденные петербургской городской средой, — архитектурные, скульптурные... Так исподволь Достоевским подготавливается возникновение в повести мотива двойничества.

Двигаясь по набережной Фонтанки от дома Берендеева, господин Голядкин оставляет за своей спиной Измайловский мост, а затем минует Обуховский, Семеновский, Чернышев... Сегодня это совершенно разные мосты, но в 1840-е гг., когда происходит действие «Двойника», это было не так. В 1780-е гг. по типовому проекту неизвестного архитектора в Петербурге через Фонтанку было построено семь *совершенно одинаковых* каменных мостов оригинальной конструкции, о которой сегодня можно судить по единственно сохранившемуся в первозданном виде мосту Ломоносова (бывшему Чернышеву). В 1850–1860-е гг. большая их часть была перестроена, и мосты утратили былое конструктивное единство. Но в 1845 г. (время написания повести) на пути господина Голядкина, как в фантастическом экспрессионистском фильме, *четырежды* должны были, один за другим, из ноябрьской призрачной мглы возникать мосты-двойники...

⁴⁰⁴ Осипов Н. Е. «Двойник. Петербургская поэма» Ф. М. Достоевского (*Заметки психиатра*) // О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема. ПРАГА, 1929/1933/1936. М., 2007. С. 89.

⁴⁰⁵ См.: Федоров Г. А. Петербург «Двойника» // Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 194-210; *Он же*. Санкт-Петербург. Год 1846 // Там же. С. 211-253.

Казалось бы, Аничков мост должен был разрушить это наваждение героя Достоевского. Еще недавно он тоже был одним из таких же мостов-двойников. Но в 1841 г. его перестроили, и мост приобрел свой современный облик, ничуть не похожий на облик мостов-собратьев. Однако в действительности *мотив двойничества* сопровождал движение господина Голядкина и здесь, только выразилось это не в конструкции моста, а в иной, совершенно оригинальной форме.

Дойдя по набережной до Невского проспекта и переходя Фонтанку Аничковым мостом, Яков Петрович Голядкин дважды проходит между парами скульптурных групп знаменитой композиции барона П. К. Клодта «Укрощение коня», водруженных на высоких гранитных устоях-пьедесталах на западной и восточной стороне моста. «Ну и что же? — спросит современный петербуржец. — Где же здесь мотив двойничества?» Отвечая на этот вопрос, мы вновь от современного Петербурга должны обратиться к архитектурной истории северной столицы.

Дело в том, что первоначально, изготовленные в 1841 г., скульптурная композиция Клодта представляла собой не четыре *разных* сюжета, динамически развивающих единую тему, как мы видим это в настоящее время, а две пары *одинаковых фигур*, отлитых с двух моделей и установленных так, что скульптура, остающаяся у пешехода при входе на мост справа за спиной, тождественно встречала его при сходе с моста слева (соответственно была установлена и вторая пара). Таким образом, господин Голядкин (скорее всего переходящий ночью пустынный Аничков мост *по диагонали*) двигался от одной скульптурной группы Клодта к другой, являющейся ее *точным повторением*.

Но оказывается и это еще не все! Когда в 1841 г. были отлиты в бронзе все четыре фигуры клодтовской композиции, то только одна пара из них была установлена на западной стороне Аничкова моста, а вторая прямо из мастерской скульптора была по распоряжению императора Николая I отправлена в Берлин в качестве подарка прусскому королю Фридриху Вильгельму, и на восточных устоях моста водружены их раскрашенные под бронзу гипсовые (алебастровые) копии. Удивительное дело! Значит, на мосту стояли не просто две пары скульптур-двойников, но одна из них была, фигурально выражаясь, *фальшивая!* Подобная «конфигурация» еще более составляла своеобразный *pendent* «Двойнику» Достоевского, где из двух господ Голядкин один — Яков Петрович старший — был *настоящим*, а второй — Яков Петрович младший — *самозванцем, фальшивкой*.

Впрочем, для точности надо констатировать, что описанная ситуация с клодтовскими группами на Аничковом мосту существовала лишь до октября 1843 г., когда алебастровые копии были заменены на вновь отлитые бронзовые изваяния. Так что в 1845 г., когда господин Голядкин проделывал свой маршрут от Измайловского моста в Шестилавочную улицу, гипсовые фигуры-двойники на Аничковом мосту были уже хотя и в недавнем, но прошлом. Однако первые петербургские читатели повести, конечно же, помнили совсем недавнюю историю с фальшивыми монументами...

На этом история, однако, еще не заканчивается. Повесть «Двойник» была опубликована в февральском номере журнала «Отечественные записки» за 1846 г. А в апреле этого же года многострадальная пара клодтовских коней, теперь уже прямо с устоев, была отправлена в Италию, в подарок неаполитанскому королю. И на пьедесталы вновь водрузили раскрашенные под бронзу алебастровые копии, которые простояли на восточной стороне моста до 1850 г., когда их заменили новыми бронзовыми группами, теперь уже воплощающими иные моменты в единоборстве человека и коня, созданные бароном Клодтом в конце 1840-х гг. С этого момента скульптурная композиция «Укрощения коня» на Аничковом мосту приобрела свой современный вид.

Какова же итоговая картина? Мотив двойничества, как мы показали, присутствовал в ансамбле Аничкова моста на протяжении всех 1840-х гг. (ориентация в первоначальном замысле П. К. Клодта на античные изваяния *близнецов* Диоскуров еще усиливала его звучание). Но также немаловажно, что почти все это десятилетие (за вычетом двух с половиной лет) одна из двух парных групп была не бронзовой, а гипсовой — фальшивой. Так на маршруте героя «Двойника» Петербург своими специфическим средствами, в камне, бронзе и гипсе, разыгрывал столь важную для проблематики повести Достоевского коллизию *подлинности* и *подмены*. И пусть на момент выхода повести в свет это соотношение фигур на Аничковом мосту на короткое время изменилось, но у петербургских читателей второй половины 1840-х гг., у наиболее чутких из них, когда они, следя за злоключениями господина Голядкина, представляли себе героя семенящим от одной клодтовской скульптурной группы к другой, которые снова стали воплощением названной коллизии, вполне могли возникнуть столь созвучные «петербургской поэме» Достоевского ассоциации.

Перейдя вместе с героем повести «Двойник» через Аничков мост, мы исчерпали свой сюжет в рамках литературной прогулки по Невскому проспекту. Но Яков Петрович Голядкин продолжает свое движение в Шестилавочную улицу. И чтобы

завершить картину, отойдем на несколько сотен шагов от Невского по Литейному проспекту, остановимся перед левым флигелем Мариинской больницы, мимо которого проходит герой Достоевского, поворачивая с Литейного в Итальянскую улицу. Удивительно, но и здесь в новой, оригинальной вариации возникает мотив двойничества, и это дает нам основания утверждать, что мы имеем дело не с игрой случая в выборе писателем петербургских реалий для своего произведения, а с осознанным приемом творческой работы Достоевского.

Мы уже отметили выше, что окончательная встреча героя повести со своим двойником, после которой Яков Петрович младший до конца становится неразлучным спутником Якова Петровича старшего, происходит именно в этой точке, когда господин Голядкин сворачивает с Литейного в Итальянскую, огибая левый флигель Мариинской больницы. Представляется совершенно замечательным, что точной копией («двойником») Мариинской больницы для бедных в Петербурге (построенной архитектором Дж. Кваренги в 1803–1805 гг.) является открытая несколько позднее московская Мариинская больница для бедных, в которой служил врачом отец писателя и в левом флигеле которой жила семья Достоевских. В этом случае, очевидно, мотив двойничества запрятан глубоко в подтекст повествования и открывается, в отличие от рассмотренных ситуаций с мостами и скульптурным ансамблем «Укрощение коня», только искушенному исследователю, хорошо знакомому с биографией писателя. Очевидно, что здесь этот мотив имеет глубоко личный, автобиографический характер и позволяет нам прикоснуться к каким-то сокровенным источникам творческого процесса Достоевского.

«ВАМ ПРАВДА ВОЗВЕЩЕНА КАК ХУДОЖНИКУ, ДОСТАЛАСЬ КАК ДАР...»

Достоевский и Белинский

Так называемый «литературный дом» на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки у Аничкова моста (соврем. № 68/40) — одно из самых известных мест в Петербурге, связанных с биографией Достоевского. Об этом доме столько написано в самых разных изданиях, что можно было бы в нашей книге ограничиться о нем самой краткой справкой, если бы появление здесь в первых числах июня 1845 г. юного, дотоле никому не известного автора «Бедных людей» не стало для него воистину судьбоносным. Сам Достоевский помнил об этих «звездных» мгновениях до последних дней своей жизни. Здесь состоялась его встреча с «властителем дум» эпохи 1840-х гг. литературным критиком Виссарионом Григорьевичем Белинским. «...Перелом

навеки»⁴⁰⁶ — так Достоевский через тридцать лет оценивал в «Дневнике писателя» значение этого события.

С 1830-х гг. этот дом принадлежал членам купеческого рода Лопатиных. В середине 1840-х гг. еще был в живых глава семейства древний Фрол Агафонович Лопатин, но по причине его дряхлости (он умер в мае 1847 г., не дожив трех месяцев до своего столетия) реальными домовладельцами являлись его сыновья Алексей Фролович, а позднее Иван Фролович. Со стороны Невского в 1840-е гг. на участке Лопатиных стояло два дома — в четыре и пять этажей (числившихся под единым № 71). Уже при новых владельцах, купцах Туляковых, в 1870-е гг. эти здания подверглись перестройке, после которой приобрели единый фасад. В первые месяцы блокады Ленинграда, в ноябре 1941 г., центральная часть дома со стороны Невского была разрушена фугасной бомбой. В послевоенные годы тут «возвели новое здание с частичным использованием старых стен и включением существовавшей парадной лестницы»⁴⁰⁷. В 2011 г. дом был демонтирован, и в настоящее время на его месте ведется строительство. Насколько будет воссоздан исторический облик дома Лопатиных, сказать затруднительно.

Нас, впрочем, больше интересует часть «литературного дома» со стороны Фонтанки. По набережной участок Лопатиных занимал даже большее пространство, чем по Невскому проспекту, и изначально имел двойную нумерацию, сохраненную и после того, как в 1839–1840 гг. архитектором В. Морганом здесь был возведен единый четырехэтажный корпус. В середине 1840-х гг. по Фонтанке этот дом значился под № 41 и 43. В отличие от фасада, выходящего на Невский, эта часть «литературного дома», весьма типичная в архитектурном отношении для массовой застройки эпохи позднего классицизма, сохранила и по сей день свой внешний вид в точности таким, каким он был во времена Достоевского и Белинского.

В 1844 г. в первом выпуске изданного Некрасовым сборника «Физиология Петербурга» Белинский опубликовал эссе «Петербург и Москва», в котором сравнивал две столицы Российской империи — древнюю и новую, размышлял о роли каждой из них в отечественной истории, о своеобразии стиля жизни обитателей двух городов. Здесь мы находим, в частности, описание петербургского доходного дома, в котором усматриваются и приметы дома Лопатиных. «Дома в Петербурге, как известно, огромные, — начинает свою зарисовку Белинский. — <...> Дом, где нанимает

⁴⁰⁶ ПСС. Т. 25. С. 30.

⁴⁰⁷ Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект: Дом за домом. М., 2009. С. 309.

[петербуржец] квартиру, сущий Ноев ковчег, в котором можно найти по паре всяких животных. Редко случается петербуржцу узнать, кто живет возле него, потому что и сверху, и снизу, и с боков его живут люди, которые так же, как и он, заняты своим делом и так же не имеют времени узнавать о нем, как и он о них. Главное удобство в квартире, за которым гонится петербуржец, состоит в том, чтобы ко всему быть поближе — и к месту службы, и к месту, где все можно достать и лучше и дешевле. Последнего удобства он часто достигает в своем Ноевом ковчеге, где есть и погребок, и кондитерская, и кухмистер, и магазины, и портные, и сапожники, и всё на свете. <...> В противоположность Москве, огромные дома в Петербурге днем не затворяются и доступны и через ворота и через двери; ночью у ворот всегда можно найти дворника или вызвать его звонком <...>. У дверей каждой квартиры видна ручка звонка, а на многих дверях не только номер, но и медная или железная дощечка с именем занимающего квартиру...»⁴⁰⁸

Любопытно, что через несколько страниц после этой зарисовки можно встретить такое замечание: «Что же касается петербургского купечества, — оно резко отличается от московского. Купцов с бородами, особенно богатых, в Петербурге очень мало, и они кажутся решительно колонистами в этом оевропеившемся городе...»⁴⁰⁹ Интересно, распространяется ли написанное жильцом дома на углу Невского и Фонтанки о внешности именитого петербургского купечества на его домовладельцев, купцов Лопатиных — людей весьма состоятельных?

«Литературную историю» дома Лопатиных, видимо, надо начинать с того, что в самом конце 1830-х или в 1840 г. здесь снял квартиру № 47 А. А. Краевский, который как раз в это время становится издателем и редактором журнала «Отечественные записки» — одного из самых популярных периодических изданий эпохи. В апреле 1841 г., за три дня до своего последнего отъезда на Кавказ, здесь у Краевского побывал Лермонтов, расстроенный известием о том, что ему предписано в 48 часов покинуть Петербург. С начала 1842 г. в доме Лопатиных жили И. И. и А. Я. Панаевы (Краевский и Панаев были свояками, женатыми на сестрах Брянских). А осенью 1842 г., — что для нашей темы является наиважнейшим, — в квартире № 55 поселился В. Г. Белинский, вскоре сменивший ее на квартиру № 48 (на третьем этаже, вход со стороны Фонтанки, по черной лестнице; окна одной из комнаток выходили во двор, на конюшни и навозные кучи). Судя по номеру, она, видимо, была соседней с квартирой А. А. Краевского. Но

⁴⁰⁸ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 148-149.

⁴⁰⁹ Там же. С. 157.

соседство это продолжалось недолго: в мае 1843 г. Краевский выехал из дома Лопатиных (о его новом адресе у нас еще пойдет речь), и вскоре Белинский перебрался в его квартиру № 47. Именно здесь и произошло его знакомство с автором «Бедных людей».

Топография наших литературных прогулок с Достоевским по Невскому проспекту от Дворцовой площади к Николаевскому вокзалу, увы, не всегда «дружит» с хронологией. Лишь в связи с домом № 96, на углу улицы Маяковского, у нас пойдет речь о том, как петербургской белой ночью в самом конце мая или начале июня 1845 г. Некрасов и Григорович будут со слезами на глазах по рукописи читать роман Достоевского «Бедные люди». А остановка у дома № 68 на углу набережной Фонтанки уже заставляет нас обратиться к событиям следующего дня, когда, едва дождаввшись утра, возбужденный Некрасов появился в квартире Белинского в «литературном доме».

Об этом событии сохранилось несколько свидетельств. В разных вариантах современники сообщают, как Некрасов с Григоровичем чуть не вбежали с рукописью «Бедных людей» к только что проснувшемуся критику. «„Белинский! — вскричал один из них, входя, — новый Гоголь родился!“ „Эк у вас Гоголи-то как грибы растут“, — сурово ответил Белинский»⁴¹⁰, однако рукопись взял.

Навряд ли загруженный текущей журнальной работой критик сразу же принялся за чтение романа неизвестного автора⁴¹¹ (хотя можно предположить, что Некрасов должен был, что называется, «с порога», захлебываясь, начать если не читать, то пересказывать Белинскому так восхитившее его произведение Достоевского). Но уже вскоре критик весь был под впечатлением трогательной истории Макара Алексеевича Девушкина и Вареньки Доброселовой. В своей известной мемуарной книге «Замечательное десятилетие», посвященной 1840-м гг., П. В. Анненков вспоминал:

«В одно из моих посещений Белинского, перед обедом, когда он отдыхал от утренних писательских работ, я со двора дома увидел его у окна гостиной с большой тетрадь в руках и со всеми признаками волнения на лице. Он тоже заметил меня и прокричал: „Идите скорее, сообщу новость...“ „Вот от этой самой рукописи, — продолжал он, поздоровавшись со мною, — которую вы видите, не могу оторваться второй день. Это — роман начинающего таланта: каков этот господин с виду и каков

⁴¹⁰ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 234.

⁴¹¹ Рассказывая этот эпизод со слов Достоевского, С. В. Ковалевская замечает: «Эта неосторожная рекомендация Некрасова («Новый Гоголь явился!» — Б. Т.) так скверно настроила его [Белинского], что он долго мешкал и не принимался за чтение» (Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1974. С. 361).

объем его мысли — еще не знаю, а роман открывает такие тайны жизни и характеров на Руси, которые до него и не снились никому. Подумайте, это первая попытка у нас социального романа, и сделанная притом так, как делают обыкновенно художники, то есть не подозревая и сами, что у них выходит. Дело тут простое: нашлись добродушные чудаки, которые полагают, что любить весь мир есть необычайная приятность и обязанность для каждого человека. Они ничего и понять не могут, когда колесо жизни со всеми ее порядками, наехав на них, дробит им молча члены и кости. Вот и все, — а какая драма, какие типы! Да, я и забыл вам сказать, что художника зовут Достоевский, а образцы его мотивов представлю сейчас⁴¹². И Белинский принялся с необычайным пафосом читать места, наиболее поразившие его, сообщая им еще большую окраску своей интонацией и нервной передачей»⁴¹².

О дальнейшем на страницах «Дневника писателя» в 1870-е гг. поведал уже сам Достоевский. Упомянув (в несколько иной редакции) о восторженном восклицании Некрасова («Новый Гоголь явился!») и о скептической реакции Белинского, он затем продолжает: «Когда Некрасов опять зашел к нему, вечером, то Белинский встретил его „просто в волнении“: „Приведите, приведите его скорее!“⁴¹³

И вот (это, стало быть, уже на третий день) меня привели к нему. Помню, что на первый взгляд меня очень поразила его наружность, его нос, его лоб; я представлял его себе почему-то совсем другим — „этого ужасного, этого страшного критика“. Он встретил меня чрезвычайно важно и сдержанно. „Что ж, оно так и надо“, — подумал я, но не прошло, кажется, и минуты, как все преобразилось: важность была не лица, не великого критика, встречающего двадцатидвухлетнего начинающего писателя, а, так сказать, из уважения его к тем чувствам, которые он хотел мне излить как можно скорее, к тем важным словам, которые чрезвычайно торопился мне сказать. Он заговорил пламенно, с горящими глазами: „Да вы понимаете ль сами-то, — повторял он мне несколько раз и вскрикивая по своему обыкновению, — что это вы такое написали!“⁴¹⁴ «И так он строго спросил, — рассказывал писатель уже друзьям, — что в первую минуту я даже растерялся, не зная, как понять это»⁴¹⁵.

«Он вскрикивал всегда, когда говорил в сильном чувстве, — продолжает Достоевский в „Дневнике писателя“. — „Вы только непосредственным чутьем, как

⁴¹² Там же. С. 214.

⁴¹³ «— Давайте мне Достоевского! — были первые слова его», — свидетельствует о реакции Белинского И. И. Панаев (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 217).

⁴¹⁴ ПСС. Т. 25. С. 30.

⁴¹⁵ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. С. 361.

художник, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? Не может быть, чтобы вы в ваши двадцать лет уж это понимали. <...> Это трагедия! Вы до самой сути дела дотронулись, самое главное разом указали. Мы, публицисты и критики, только рассуждаем, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художник, одною чертой, разом в образе выставляете самую суть, чтоб ощупать можно было рукой, чтоб самому нерассуждающему читателю стало вдруг всё понятно! Вот тайна художественности, вот правда в искусстве! Вот служение художника истине! Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!..“»⁴¹⁶

Достоевский «даже сконфузился» от этой «патетической тирады»⁴¹⁷. Но внутри его все ликовало. «Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни, — признавался он. — Я в каторге, вспоминая ее, укреплялся духом». ««Я вышел от него в упоении, — продолжает писатель. — Я остановился на углу его дома, смотрел на небо, на светлый день, на проходивших людей и весь, всем существом своим, ощущал, что в жизни моей произошел торжественный момент, перелом навеки, что началось что-то совсем новое, но такое, чего я и не предполагал тогда даже в самых страстных мечтах моих. <...> „И неужели вправду я так велик“, — стыдливо думал я про себя в каком-то робком восторге. <...> „О, я буду достойным этих похвал, и какие люди, какие люди! Вот где люди! Я заслужу, постараюсь стать таким же прекрасным, как и они, пребуду „верен“! О, как я легкомыслен, и если б Белинский только узнал, какие во мне есть дрянные, постыдные вещи! А все говорят, что эти литераторы горды, самолюбивы. Впрочем, этих людей только и есть в России, они одни, но у них одних истина, а истина, добро, правда всегда побеждают и торжествуют над пороком и злом, мы победим; о к ним, с ними!“»⁴¹⁸.

Все эти переживания обуревали Достоевского, как он сам указывает, когда, выйдя от Белинского на Невский, он стоял «на углу» дома Лопатиных, в двух шагах от кладовских коней на Аничковом мосту.

История дальнейшего трехлетнего знакомства Достоевского и Белинского знала периоды тесного сближения писателя и критика, их восторженной влюбленности друг в друга⁴¹⁹ и затем достаточно быстро начавшегося охлаждения. Белинский,

⁴¹⁶ ПСС. Т. 25. С. 30.

⁴¹⁷ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. С. 361.

⁴¹⁸ ПСС. Т. 25. С. 30.

⁴¹⁹ «Когда к нему привезли Достоевского, — пишет И. И. Панаев о Белинском в своих мемуарах, — он встретил его с нежною, почти отцовскою любовью...» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 217).

исключительно высоко оценивший «Бедных людей», говоривший друзьям, «что автор их пойдет далее Гоголя»⁴²⁰, увидел в молодом писателе яркое воплощение своих эстетических и идеологических представлений о сущности и назначении искусства. Начинаящий литератор сразу же был вознесен Белинским на вершину литературного олимпа.

Чрезвычайно высокая оценка авторитетным критиком его первого произведения будоражила воображение Достоевского, разжигала его молодую амбициозность. «Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, то есть иду в глубину и, разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я»⁴²¹, — писал он брату Михаилу 1 февраля 1846 г., вскоре после выхода в свет «Петербургского сборника».

Но «Двойник», второе произведение писателя, при общей высокой оценке вызвал у Белинского некоторую настороженность. В мартовской книжке «Отечественных записок» критик писал, что «в „Двойнике“ еще больше творческого таланта и глубины мысли, нежели в „Бедных людях“» и что «каждое отдельное место в этом романе — верх совершенства»⁴²². Но позднее он отмечал как «существенный недостаток» повести «ее фантастический колорит»: «Фантастическое в наше время, — писал он, — может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находиться в заведовании врачей, а не поэтов»⁴²³. В этих словах выразилось решительное неприятие Белинским столь сильно сказавшейся в «Двойнике» устремленности художнических поисков Достоевского за пределы «натуральной школы», в рамках которой оценивалась критиком значимость первого романа писателя.

Впечатлительный Достоевский тяжело переживал перемену настроения Белинского в отношении «Двойника». На этой почве у него даже началось нервное заболевание. В какой-то момент писатель сам усомнился в своем произведении. «Что же касается до меня, то я даже на некоторое мгновение впал в уныние, — писал он брату Михаилу 1 апреля 1846 г. — У меня есть ужасный порок: неограниченное самолюбие и честолюбие. Идея о том, что я обманул ожидания и испортил вещь, которая могла бы быть великим делом, убивала меня. Мне Голядкин опротивел. Много в нем писано наскоро и в утомлении. 1-я половина лучше последней. Рядом с

⁴²⁰ Там же.

⁴²¹ ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 118.

⁴²² Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8. С. 140, 141.

⁴²³ Там же. С. 213-214.

блистательными страницами есть скверность, дрянь, из души воротит, читать не хочется. Вот это-то создало мне на время ад, и я заболел от горя»⁴²⁴.

Последовавшие за «Двойником» произведения «Господин Прохарчин» и «Хозяйка», где творческие искания писателя проявились в еще более резкой форме, вызвали у Белинского чувство обманутых надежд. «Не знаю, писал ли я вам, что Достоевский написал повесть „Хозяйка“, — ерунда страшная! — признавался он своему другу, литературному критику П. В. Анненкову. — Надулись же мы, друг мой, с Достоевским-гением!.. Я, первый критик, разыграл тут осла в квадрате»⁴²⁵.

На таком фоне, естественно, претерпевали серьезные метаморфозы и личные отношения писателя и критика. Сыграли свою роль в их расхождении также скоро обнаружившиеся глубокие разногласия Достоевского и Белинского в религиозных вопросах. «...В первые дни знакомства, привязавшись ко мне всем сердцем, он тотчас же бросился с самою простодушною торопливостью обращать меня в свою веру, — вспоминал писатель в 1873 г. — Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма. <...> В новые нравственные основы социализма <...> он верил до безумия и безо всякой рефлексии; тут был один лишь восторг. Но, как социалисту, ему прежде всего следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма. Ему надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества»⁴²⁶. Дело доходило до того, что Белинский в пылу пропаганды даже ругал в разговорах с Достоевским «Христа по-матерну»⁴²⁷. Тот же, выросший в религиозной семье и пронесший через всю свою жизнь любовь к Спасителю, «которого узнал в родительском доме еще ребенком»⁴²⁸, воспринимал это исключительно болезненно. «...Каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него все лицо изменяется, точно заплакать хочет...»⁴²⁹ — вспоминал писатель иронические слова Белинского о себе, сказанные критиком кому-то из друзей во время одного такого разговора. «Да поверьте же, наивный вы человек, — обращался он вновь к Достоевскому, — поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней

⁴²⁴ ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 120.

⁴²⁵ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 713-714.

⁴²⁶ ПСС. Т. 21. С. 10.

⁴²⁷ ПСС. Т. 29, кн. 1. С. 215.

⁴²⁸ ПСС. Т. 26. С. 152.

⁴²⁹ ПСС. Т. 21. С. 11.

науке и при нынешних двигателях человечества...»⁴³⁰ Такие разногласия, конечно же, не способствовали упрочению их взаимоотношений.

В результате к концу 1846 г. первоначальное «горячее влечение» Белинского к автору «Бедных людей» сменилось нарастающим разочарованием. В писателе же в ответ на охлаждение к нему критика росли боль и обида, развивалась и настороженность в отношении атеистического радикализма Белинского. Однако в первый год знакомства их дружба была еще достаточно крепка. Говоря о критике и его жене Марии Васильевне, он замечает в письме брату от 26 апреля 1846 г.: «Я люблю и уважаю этих людей»⁴³¹. Незадолго до этого Достоевский в последний раз побывал в гостях у Белинских в доме на углу Невского и набережной Фонтанки (с начала 1846 г. критик вновь переменил квартиру), перед самым его отъездом в Москву (а затем на юг, для поправки здоровья). После возвращения Белинского в Петербург в октябре Достоевский также будет неоднократно посещать его (уже на новой квартире, на противоположном берегу Фонтанки), но со временем встречи их становятся все реже и реже. В последние месяцы жизни Белинского они практически не встречались...

Впрочем, об одной их встрече на Знаменской площади за несколько месяцев до смерти критика у нас еще пойдет речь.

ГИМНАЗИСТКА АННА СНИТКИНА, БУЛОЧНИК ФИЛИППОВ И А. С. СУВОРИН

Остановимся у дома № 45 в современной нумерации (во времена Достоевского он имел № 43) на углу Невского и ул. Рубинштейна (в XIX в. Троицкая ул.). Трехэтажное здание было построено на этом месте еще в начале XIX в. С 1850-х гг. дом принадлежал штабс-капитану (позднее генерал-майору) И. И. Ростовцеву. По решению домовладельца в 1875–1877 гг. здание было перестроено, причем высота его увеличилась до пяти этажей. В оформлении фасада архитектор А. Л. Гун сочетал «мотивы французского ренессанса с классицистическими и барочными элементами»⁴³². На уровне третьего и пятого этажей дом украсили изящные балконы (эта деталь нам еще пригодится). Так это здание выглядит и сегодня.

С конца 1860-х гг. в этом доме находилась чрезвычайно популярная у петербуржцев булочная Филиппова. В разрозненных записях, сделанных вскоре после смерти Достоевского, его жена Анна Григорьевна отмечает, что, когда они жили в

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 122.

⁴³² Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект: Дом за домом. М., 2009. С. 261.

Кузнечном переулке, Федор Михайлович «непрерывно заезжал к Филиппову за калачом или за булкой к обеду, а иногда привозил детям баранков»⁴³³. Но нас в связи с этим адресом, конечно же, интересуют не такие мелочи...

Отметим и еще одно обстоятельство, имеющее отношение не столько к Достоевскому, сколько к его жене. Весной 1858 г. в доме на углу Невского просп. и Троицкой ул. открылось первое в Петербурге Мариинское женское училище «для приходящих девиц» всех сословий, переименованное в 1862 г. в Мариинскую женскую гимназию. Ее основателем и первым начальником был известный педагог Н. А. Вышнеградский. А осенью 1858 г. в училище Вышнеградского поступили сестры Мария и Анна Сниткины. Вторая из них, младшая, через восемь лет, в октябре 1866 г., придет к Достоевскому для работы в качестве стенографистки. Вместе они менее чем за месяц напишут роман «Игрок». Затем Анна продолжит работу с писателем над окончанием «Преступления и наказания». А 15 февраля 1867 г. станет его женой (венчание состоится в Троицком Измайловском соборе). Этот сюжет широко известен как по воспоминаниям самой Анны Григорьевны Достоевской, так и по кинематографическим воплощениям: фильму А. Зархи «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского» и сериалу В. Хотиненко «Достоевский».

Мариинскую гимназию Неточка Сниткина (Неточкой прозвал ее отец, поклонник творчества Достоевского) закончила в 1864 г. с большой серебряной медалью. Вслед за этим, осенью 1864 г., она поступила на Педагогические курсы, открывшиеся при Мариинской гимназии в предыдущем году. К этому времени, однако, гимназия уже переехала в Стремянную улицу, и мы прервем на этом наше повествование. Интересующихся же читателей отправляем к «Воспоминаниям» А. Г. Достоевской.⁴³⁴

Интересное само по себе, названное обстоятельство, имеющее отношение к предыстории отношений Достоевского и его жены, тоже не дает нам достаточных оснований чрезмерно задерживаться перед этим домом. И мы готовы были бы двинуться дальше, если бы в конце 1870-х гг. (видимо, после перестройки 1875–1877 гг.) в этом доме не поселился журналист и издатель Алексей Сергеевич Суворин. Отношения Достоевского и Суворина в эти годы требует отдельного рассказа, тем более

⁴³³ *Достоевская А. Г.* Записная книжка 1881 года // Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 282. Отметим для точности, что в конце 1870-х гг., когда Достоевские жили на Кузнечном, владелицей сети булочных и пекарен в Петербурге была, после смерти в 1878 г. мужа, московская купчиха Татьяна Филиппова. Ее сын Дмитрий Филиппов, который позднее станет и владельцем дома № 45 по Невскому проспекту, войдет во владение семейным бизнесом лишь в 1882 г. Так что при Достоевском это была булочная *Филипповой*.

⁴³⁴ См.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. СПб., 2011. С. 39 и след.

что достоверно известно, что писатель не однажды бывал в гостях в этом доме (от квартиры Достоевского в Кузнечном переулке сюда спокойным шагом можно было пройти менее чем за десять минут). В некоторых случаях возможно даже назвать точную дату визита.

Об отношениях Достоевского с А. С. Сувориным мы уже вспоминали около дома № 1 (разговор у магазина Дациаро). Теперь подошло время для более подробного разговора.

С журналистом, издателем и фактическим редактором (с 1876 г.) популярной газеты «Новое время» А. С. Сувориным Достоевский был знаком еще с середины 1870-х гг. Но длительное время их отношения не выходили за узкоцеховые, журналистские рамки. Достоевский внимательно следил за периодическим фельетоном «Недельные очерки и картинки», который на протяжении нескольких лет под псевдонимом *Незнакомец* Суворин вел сначала в «Санкт-Петербургских ведомостях», позднее в «Биржевых ведомостях», а затем и в собственной газете «Новое время». Однако в это время в отзывах Достоевского преобладали критические оценки журналистской деятельности и личности Суворина.

Отношение Достоевского к А. С. Суворину заметно меняется по мере того, как во второй половине 1870-х гг. в собственной газете «Новое время» ее издатель и редактор начинает проводить самостоятельную политическую линию, которую применительно к этому периоду можно определить как «независимый консерватизм». С 1877 г. положительные отклики писателя на газетные выступления Суворина и общую позицию «Нового времени» становятся все более сочувственными. Достоевский заимствует из публикаций «Нового времени» целый ряд «сюжетов», которые публицистически развивает на страницах своего «моножурнала» «Дневник писателя». Сближаются их позиции с Сувориным и в отношении русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Когда весной 1880 г. П. В. Анненков в своих воспоминаниях о 1840-х гг., названных «Замечательное десятилетие», воспроизвел старую сплетню о молодом Достоевском, который будто бы амбициозно требовал, чтобы его роман «Бедные люди» был напечатан в «Петербургском сборнике» Некрасова отлично от других произведений, будучи типографски выделен, например, бордюром или каймой, — именно «Новое время» выступило в защиту писателя и уличило мемуариста во лжи. За это писатель, конечно же, был очень признателен Суворину.

20 февраля 1880 г., в день покушения террориста Млодецкого на графа Лорис-Меликова Суворин, как мы помним, побывал в гостях у Достоевского. Тогда-то между

ними и состоялся разговор о воображаемой сцене у витрин магазина Дациаро. А 29 февраля, через полторы недели после описанного посещения издателем «Нового времени» дома на Кузнечном, мы уже Достоевского встречаем у него в гостях в его доме на углу Невского и Троицкой ул., где поздним вечером творческая интеллигенция отмечала четырехлетие суворинской газеты. Кроме хозяев, Алексея Сергеевича и его жены Анны Ивановны, присутствовали писатели Д. В. Григорович и Н. С. Лесков, поэт Я. П. Полонский, журналист В. П. Буренин, актер Александринского театра Н. Ф. Сазонов со своей женой писательницей С. И. Смирновой-Сазоновой, художник И. Н. Крамской с супругой Софьей Николаевной, историк, редактор «Исторического вестника» С. Н. Шубинский, профессор-естественник и литератор Н. П. Вагнер, известный адвокат Н. П. Карабчиевский и др. По свидетельству в дневнике Смирновой-Сазоновой, Достоевский говорил в застольном разговоре присутствовавшим, что он «русский социалист и что напрасно это просмотрели в 1-й части „Братьев Карамазовых“», объяснял, в чем состоит своеобразие «русского социализма». В другом разговоре «назвал Бисмарка глупцом...»

Силами собравшихся в этот вечер был разыгран любительский спектакль «Доходное место» по пьесе А. Н. Островского. «Сцена с кулак и зрители тут же на носу у актеров», — записала на следующий день в дневнике Смирнова-Сазонова. Достоевский, который иногда и сам не прочь был выступить в небольшой роли на любительской сцене, был на этот раз среди зрителей. «...Пьеса имела громадный успех, — вспоминала А. И. Суворина. — Ставил пьесу у нас большой наш приятель Ник. Фед. Сазонов. Жадова играл Н. Пл. Карабчиевский — красавец и знаменитый адвокат, очень талантливый актер и покоритель дамских сердец... Жену его глупенькую... Полину играла я, мою мать, то есть тещу (типаж) Жадова, играла жена Ив. Ник. Крамского, С. Н. Крамская, сестру мою, Юленьку, играла дочь моего мужа *belle-fille*⁴³⁵ А. Ал. Коломнина и Викт. Пет. Буренин играл генерала Вышневского...»⁴³⁶ Домашние спектакли были в тот год в чрезвычайной моде.

Эта же мемуаристка свидетельствует и о других посещениях их дома Достоевским. «В Петербурге у нас были еженедельные собрания по воскресеньям, — пишет А. И. Суворина. — Приезжали к чаю к девяти часам, к ужину, к двенадцати, приезжали обыкновенно из театра и артисты. Обычными посетителями были Ив. Фед.

⁴³⁵ падчерица (*фр.*).

⁴³⁶ РО ИРЛИ. Р. I, оп. 6. № 85. Лл. 33-34 (цит. по комментарию Н. Н. Мостовской к дневнику С. И. Смирновой-Сазоновой. — Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 277).

Горбунов, мой кум и крестный отец моего сына, Арди⁴³⁷, В. Н. Давыдов, П. А. Стрепетова, из оперы Ив. Алекс. Мельников, Е. А. Лавровская, Д. М. Леонова и многие другие. Из художников близки были Ив. Н. Крамской и К. Е. Маковский. Всё это были интересные люди, и разговоры, речи текли без умолку. Тут и политика, и литература всех оживляла и сближала. Любил посещать наши воскресенья и Федор Михайлович, часто оставался ужинать, чтобы послушать за ужином незабвенного и незаменимого моего кума Ив. Фед. Горбунова... Особенно любил Ф. М. слушать роль генерала Дитятин и смеялся, как ребенок, да и весь стол помирал от смеха, так что генерал Дитятин долго мрачно смотрел и ждал, когда закончится этот недетский хохот!..»⁴³⁸

«После ужина, — продолжает мемуаристка, — бывали сценки, например: цыганские пляски, пение, уличные музыканты <...>. Иван Федорович изображал музыканта-шарманщика, а Арди — певицу, с предупреждением, что это петербургский двор — „колодезь“ пятиэтажного дома. И начинали пение „Под вечер осени ненастной пустынным дева шла местам и тайный плод любви несчастной держала трепетным рукам“.⁴³⁹ При этом они глядели все время вокруг и вверх — не открыта ли форточка, и когда она открывалась и падал завернутый в бумажку пятак, Арди бросался на него, как ястреб бросается на добычу. Все это Арди проделывал страшно смешно и верно и вызывал хохот»⁴⁴⁰. Завершается эта незамысловатая зарисовка выразительным портретом Достоевского: «Смеялся и Федор Михайлович, но до сих пор помню его лицо, — замечает А. И. Суворина, — то он смеялся, то мрачно, серьезно, скорей проникновенно смотрел, как бы видя воочию эту несчастную деву и этот, с самого рождения, несчастный плод любви. Ведь он всегда смотрел особенно. Взгляд его был пронизателен, и казалось он все видит насквозь и читает душу. И удивительно странно он действовал на меня!..»⁴⁴¹

Сам А. С. Суворин в некрологической статье, посвященной памяти Достоевского, свидетельствует, что писатель побывал у него в гостях «дней за десять до его смерти», то есть около 18 января 1881 г. Как можно понять, это не было общее собрание вроде описанных выше: Достоевский и Суворин беседовали один на один. «Мы с ним сели и стали говорить», — начинает мемуарист, подробно воспроизводя далее темы своей беседы с писателем. «Он приступал к печатанию своего „Дневника“,

⁴³⁷ Сценический псевдоним актера Александринского театра Н. И. Нечаева.

⁴³⁸ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 429.

⁴³⁹ Текст «Романса» на Слова А. С. Пушкина пародийно искажен. Ср.: «Под вечер осенью ненастной / В пустынных дева шла местах / И тайный плод любви несчастной / Держала в трепетных руках».

⁴⁴⁰ Там же. С. 429-430.

⁴⁴¹ Там же. С. 430.

— пишет Суворин. — Срочная работа его волновала. Он говорил, что одна мысль о том, что к известному числу надо написать два листа — подрезывает ему крылья. Он не отдохнул еще после „Братьев Карамазовых“, которые страшно его утомили, и он рассчитывал на лето. Эмс обыкновенно поддерживал его силы, но прошлый год он не поехал из-за празднования Пушкина»⁴⁴².

«На столе у меня лежали „Четыре очерка“ Гончарова, где есть статья о „Горе от ума“, — продолжает мемуарист. — Я сказал, что настоящие критики художественных произведений — сами писатели-художники, что у них иногда являются необыкновенно счастливые мысли. Достоевский стал говорить, что ему хотелось бы в „Дневнике“ сказать о Чацком, еще о Пушкине, о Гоголе и начать свои литературные воспоминания. Чацкий ему был не симпатичен. Он слишком высокомерен, слишком эгоист. У него доброты совсем нет. У Репетилова больше сердца...»⁴⁴³

В связи с грибоедовской комедией разговор коснулся своеобразия драматического рода литературы. Суворин спросил Достоевского, «отчего он никогда не писал драмы, тогда как в романах его так много чудесных монологов, которые могли бы производить потрясающее впечатление». Тот отвечал:

«— У меня какой-то предрассудок насчет драмы. Белинский говорил, что драматург настоящий должен начинать писать с двадцати лет. У меня это и засело в голове. Я все не осмеливался. Впрочем, нынешним летом я надумывал один эпизод из „Карамазовых“ обратить в драму»⁴⁴⁴.

Вспоминая об этом разговоре с писателем в примечаниях к другой публикации, Суворин уточнил, что речь шла о главке «Таинственный посетитель» из жизнеописания старца Зосимы.⁴⁴⁵

В это время Достоевский заканчивал работу над январским выпуском «Дневника писателя». Темы «Дневника...» были главным предметом его беседы с Сувориным:

«Он много говорил в этот вечер, шутил насчет того, что хочет выступить в „Дневнике“ с финансовой статьей, и в особенности распространился о своем любимом предмете — о Земском соборе, об отношениях царя к народу, как отца к детям. Достоевский обладал особенным свойством убеждать, когда дело касалось какого-

⁴⁴² Суворин А. С. О покойном // Там же. С. 468.

⁴⁴³ Там же. С. 468-469.

⁴⁴⁴ Там же. С. 469.

⁴⁴⁵ Литературный журнал. 1881. № 2. Стлб. 198. В этом месте некрологической статьи В. К. Петерсена (псевд. *Оникс*) «Ф. М. Достоевский» в сноске к цитате из воспоминаний А. С. Суворина читаем: «Сколько известно он [Достоевский] хотел драматизировать преступление неизвестного, посещавшего Зосиму в бытность его еще офицером». Поскольку издателем «Литературного журнала» был тот же Суворин, резонно предположить, что источником сведений является именно он.

нибудь излюбленного им предмета: что-то ласкающее, просящееся в душу, отворявшее ее всю звучало в его речах. Так он говорил и в этот раз. У нас, по его мнению, возможна полная свобода, такая свобода, какой нигде нет, и все это без всяких революций, ограничений, договоров. Полная свобода совести, печати, сходок <...>. Нам свободы необходимо больше, чем всем другим народам, потому что у нас работы больше, нам нужна полная искренность, чтоб ничего не оставалось невысказанным...»⁴⁴⁶

Еще один поворот беседы Достоевского с Сувориным позволяют восстановить воспоминания Великого князя Александра Михайловича. «Незадолго до его смерти, в январе 1881 г., — пишет мемуарист, — Достоевский в разговоре с издателем „Нового времени“ А. С. Сувориным заметил с необычайной искренностью: „Вам кажется, что в моем последнем романе „Братья Карамазовы“ было много пророческого? Но подождите продолжения. В нем Алеша уйдет из монастыря и сделается анархистом. И мой чистый Алеша убьет царя...“»⁴⁴⁷ Заметим, что слухи о подобных планах продолжения «Карамазовых» ходили по Петербургу еще в начале 1880 г. и даже попали в провинциальную печать.⁴⁴⁸

Эта беседа А. С. Суворина с Достоевским была, очевидно, последней. Вечером 28 января Суворин был первым, кто поспешил в квартиру на Кузнечном, узнав о кончине писателя. Увиденное там он описал в некрологическом очерке «О покойном», опубликованном в «Новом времени» в день погребения Достоевского... Там есть потрясающие строки.

«Я смотрел в драме Гюго г-жу Стрепетову, в роли венецианской актрисы, — начинает Суворин, — которая умирает от руки возлюбленного, которому она самоотверженно приготовила счастье с своей соперницей. Смерть предстала в реальном образе — так умирают не на сцене, а в жизни. Потрясенный этой игрою, я приезжаю домой, и в передней меня встречают известием, что Достоевский умер. Я бросился к нему. Это было за полночь. <...> Я вошел в темную гостиную, взглянул в слабо освещенный кабинет...

⁴⁴⁶ Суворин А. С. О покойном. С. 469-470.

⁴⁴⁷ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 42. Конечно же, в январе 1881 г. речь могла идти лишь о покушении на цареубийство: аберрация памяти мемуариста объясняется произошедшими вскоре трагическими событиями 1 марта 1881 г.

⁴⁴⁸ В № 1578 одесской газеты «Новороссийский телеграф» за 26 марта 1880 г. в разделе «Журнальных заметок» (за подписью: Z.) было опубликовано сообщение: «...из кое-каких слухов о дальнейшем содержании романа <„Братья Карамазовы“>. — Б. Т.), слухов, распространившихся в петербургских литературных кружках, я могу сказать <...> что Алексей делается со временем сельским учителем и под влиянием каких-то особых психических процессов, совершающихся в его душе, он доходит даже до идеи о цареубийстве». Анализ свидетельств о возможном продолжении романа «Братья Карамазовы» см.: Волгин И. Л. Последний год Достоевского. М., 1986. С. 22-36.

Длинный стол, накрытый белым, стоял наискосок от угла. Влево от него, к противоположной стене, на полу лежала солома и четыре человека, стоя на коленях, вокруг чего-то усердно возились. Слышалось точно трение, точно всплески воды. Что-то белое лежало на полу и ворочалось или его ворочали. Что-то привстало, точно человек. Да, это человек. На него надевали рубашку, вытягивали руки. Голова совсем повисла. Это он, Федор Михайлович, его голова. Да он жив? Но что это с ним делали? Зачем он на этой соломе? В каторге он так леживал, на такой же соломе, и считал мягкой подобную постель. Я решительно не понимал. Все это точно мелькало передо мной, но я глаз не мог оторвать от этой странной группы, где люди ужасно быстро возились, точно воры, укладывая награбленное. Вдруг рыдания сзади у меня раздались. Я оглянулся: рыдала жена Достоевского, и я сам зарыдал... Труп подняли с соломы те же самые четыре человека; голова у него отвисла навзничь; жена это увидела, вдруг смолкла и бросилась ее поддерживать. Тело поднесли к столу и положили. Это оболочка человека — самого человека уже не было...»⁴⁴⁹

На следующее утро в суворинской газете — первой — появился краткий некролог, сообщавший о смерти великого писателя. А. С. Суворин был одним из тех, благодаря усилиям которых похороны Достоевского вылились в грандиозное событие, в котором приняли участие десятки тысяч человек. 31 января 1881 г. совершался перенос гроба с телом писателя из его квартиры в Кузнечном переулке в Александро-Невскую лавру. «Перед выносом, когда все участники процессии заняли свои места, — писал один из очевидцев, — голова кортежа была уже на углу Невского проспекта и Владимирской»⁴⁵⁰. По Невскому проспекту «гроб был несен на руках до самой Александро-Невской лавры. Печальная колесница под балдахином следовала сзади», — сообщало «Новое время».

А. С. Суворин был среди провожавших Достоевского к месту последнего упокоения. Но его жена, Анна Ивановна, воспоминания которой мы приводили выше, была в этот день нездорова и не выходила из дома. Однако в неопубликованной части своих мемуаров она сообщает, что наблюдала траурную процессию, растянувшуюся в половину Невского проспекта, с *балкона своей квартиры*.⁴⁵¹ Эта деталь позволяет нам высказать предположение о том, где же располагалась квартира Сувориных, номер которой нам не известен. Навряд ли издатель влиятельной газеты «Новое время» квартировал под самой кровлей, на пятом этаже; скорее его апартаменты находились на

⁴⁴⁹ Суворин А. С. О покойном. С. 467-468.

⁴⁵⁰ Всемирная иллюстрация. 1881. 14 февраля. № 631. С. 127.

⁴⁵¹ РО ИРЛИ. Р. I, оп. 6. № 85.

привилегированном третьем этаже здания, с балконом в срединной части фасада, с которого, действительно, удобно наблюдать за всем, что происходит на Невском проспекте...

К слову, это не единственный раз, когда именно балкон дает нам подсказку, где же конкретно могло проживать лицо, попадающее в орбиту нашего рассказа. Впрочем, о другом подобном случае речь еще впереди.⁴⁵² Сейчас же, завершая этот сюжет, отметим, что как когда-то на каторгу (о чем будет сказано далее⁴⁵³), так и к Тихвинскому кладбищу Александро-Невской лавры путь Достоевского (последний путь его брэнного тела) пролегал по главной магистрали столицы Российской империи.

ОБЕДЫ В «НОВО-ПАЛКИНЕ» И ПЯТОКАПЕЛЬСИНОВ ДЛЯ РЕДАКТОРА

У следующего дома, № 47/1, нам также необходимо задержаться. С осени 1874-го и вплоть до 1917 г. в этом здании размещался известный на весь Петербург ресторан купца 1-й гильдии Константина Палкина. Издавна купцы Палкины содержали ресторан на углу Невского и Садовой (напротив Публичной библиотеки) в доме переплетного мастера Карла Рихтера, а позднее жены инженер-полковника Юлии Таубе (№ 52/8). В 1850-х гг. они открыли еще один ресторан на углу Невского и Литейного, в доме корнета Владимира Алексеева (№ 76/63). Чтобы не запутаться, горожане стали первый из них именовать «Старо-Палкин», а второй — «Ново-Палкин». Когда К. П. Палкин, приобретя в 1873 г. дом на углу Невского и Владимирского проспектов (тогда он числился под № 45/1) и капитально его перестроив, перенес туда свое заведение, то название «Ново-Палкин» закрепилось и за ним.

Еще когда «Ново-Палкин» находился на углу Литейного проспекта, он был излюбленным местом посещения столичных литераторов. А. Ф. Кони в «Воспоминаниях старожила» указывает, что в начале 1860-х гг. здесь любили гулять поэты Л. Мей и Н. Щербина.⁴⁵⁴ Из других источников известно, что нередким гостем у Палкина был И. И. Панаев, захаживал сюда и М. Е. Салтыков-Щедрин.

В 1870-е гг., уже после переезда «Ново-Палкина» в дом на углу Владимирского, товарищеские обеды писателей, ученых, юристов устраивались в этом фешенебельном ресторане регулярно. Принимал участие в этих обедах столичной интеллигенции и Достоевский. Сохранилось письмо к нему, датированное 1877 г., в котором редактор

⁴⁵² См. рассказ о домах № 90 и 92.

⁴⁵³ См. главу «Ночь перед Рождеством, или Прощание в Петропавловской крепости».

⁴⁵⁴ Кони А. Ф. «Петербург. Воспоминания старожила // Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 7. С. 32.

еженедельника «Неделя» П. А. Гайдебуров приглашает Достоевского на обед к Палкину, который состоится 22 ноября, в 5 ½ часов. «Обеды в нынешнем году предположены раз в месяц, — пишет Гайдебуров от имени Оргкомитета, — а потому, если будете иметь возможность, пожалуйста, приезжайте». Здесь же он добавляет, что на этом обеде у Палкина будет Н. В. Шелгунов, который «очень надеется познакомиться» с Достоевским.⁴⁵⁵

Откликнулся ли писатель на это приглашение, мы не знаем. Но достоверно известно, что он был у Палкина 13 декабря этого же года, когда Оргкомитет устраивал второй в этом сезоне «литературный обед». Описывая этот сбор столичных литераторов и ученых в «Ново-Палкине», исторический романист Д. Л. Мордовцев в письме дочери, написанном через неделю после события, сообщает: «На этом обеде, между прочим, были: Стасюлевич, Спасович, Плещеев, Курочкин, Полетика, Бутлеров, Гайдебуров, Достоевский, проф. Андреевский, Вейнберг, Микешин, Полонский-поэт, Скабичевский, Чубинский, Максимов, Каразин и т. д., и т. д.»⁴⁵⁶. Отметим, что, при безусловном преобладании в этом перечне имен журналистов и писателей, среди участников есть и представители иных творческих профессий (художник Н. Н. Каразин, скульптор М. О. Микешин), и юристы (Спасович, И. Е. Андреевский), и ученые (Бутлеров, далее Д. Л. Мордовцев также упоминает Д. И. Менделеева).

Мордовцев отмечает, что во время этого сбора в «Ново-Палкине» проходили выборы «обеденного комитета», причем голосовали «закрытою баллотировкой». Когда, подсчитывая голоса, поданные за разных кандидатов (выбрать надо было шесть человек), развернули «бюллетень» поэта-пародиста П. И. Вейнберга, то под общий хохот прочли экспромтом «состряпанные» им стихи:

Стасюлевич, Плещеев, Спасович
И Полонский Иаков Петрович,
Достоевский и Бутлеров — вот комитет,
Идеальней которого нет!⁴⁵⁷

В Обеденный комитет (бюро), однако, вошли далеко не все названные Вейнбергом лица: Достоевский, Полонский и Плещеев не получили поддержки большинства голосовавших. Вместо них были избраны Гайдебуров, Боборыкин и Менделеев. Создатель знаменитой таблицы периодических элементов, по-видимому,

⁴⁵⁵ РГБ. Ф. 93. П.2.63 (цит. по: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 233).

⁴⁵⁶ Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973 (Лит. наследство. Т. 86). С. 461.

⁴⁵⁷ Там же. С. 462.

стал председателем Комитета. Об этом позволяют заключить мемуары А. Г. Достоевской. Вспоминая об обедах, которые «в начале 1878 года» (то есть как раз после описанной баллотировки в «Ново-Палкине») «устраивались каждый месяц Обществом литераторов в разных ресторанах: у Бореля, в „Малоярославце“ и др.», жена писателя отмечает: «Приглашения рассылались за подписью знаменитого химика Д. И. Менделеева»⁴⁵⁸.

Не исключено, что «литературные обеды» с участием Достоевского еще не раз происходили в заведении Константина Палкина, хотя жена писателя упоминает лишь два знаменитых ресторана в Большой Морской, обозначая все прочие места сборов многозначительным «и др.». Во всяком случае А. Г. Достоевская отмечает, что «за зиму (1878 года) Федор Михайлович побывал на этих обедах раза четыре и всегда возвращался с них очень возбужденный и с интересом рассказывал <...> о своих неожиданных встречах и знакомствах»⁴⁵⁹. Возбуждение мужа она объясняет тем, что «на обедах собирались <...> литераторы самых различных партий, и здесь Федор Михайлович встречался с своими самыми заклятыми литературными врагами»⁴⁶⁰. Хочется верить, что Анна Григорьевна здесь все-таки преувеличивает: ресторан — не место для выяснения идеологических разногласий. Но надо согласиться, что среди перечисленных Д. Л. Мордовцевым участников обеда 13 декабря 1877 г. ни издатель «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич, ни критик «Отечественных записок» А. М. Скабичевский, ни издатель «Биржевых ведомостей» В. А. Полетика не вызывали у Достоевского особых симпатий. О последнем в одном из набросков к «Дневнику писателя» он ядовито заметил: «Завелась от нравственной нечистоты полетика, подобно как вошь от нечистоты физической, а плащица от нечистоты сладострастной»⁴⁶¹. Популярного же адвоката В. Д. Спасовича, избранного в члены Обеденного комитета, в «Братьях Карамазовых» Достоевский позднее выведет под прозрачным именем *Фетюковича*.⁴⁶²

⁴⁵⁸ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 348.

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ Там же.

⁴⁶¹ ПСС. Т. 27. С. 42.

⁴⁶² Наверяд ли Достоевский мог с симпатией отнестись и к Н. В. Шелгунову, упомянутому в письме П. А. Гайдебурова. Слишком на разных идеологических позициях они находились. Характерно в этом отношении письмо Шелгунова Е. Ардовой-Апрелевой, посылая которой в августе 1880 г. только что вышедший выпуск «Дневника писателя» с Пушкинской речью, он писал о Достоевском: «Просто невозможный человек! Говорит страшные вещи, и все это искренно, с самым добрым намерением... Л. П. очень верно заметил, что Достоевский не рассуждает, а крестится. <...> Достоевский — публицист! Недостает еще, чтобы с проповедью выступили Яков Полонский и Писемский... Достоевский — все тот же стриж, каким он был в шестидесятых годах, но тогда ему, по крайней мере, не целовали рук, а теперь не только целовали (после Пушкинской речи. — Б. Т.), но он сам останавливался перед каждой

Какой-то скандальный эпизод, имевший место в ресторане Палкина, Достоевский предполагал затронуть и в своем творчестве. В его записных тетрадях несколько раз упоминается «обиженная дама у Палкина»⁴⁶³. Как можно судить, Достоевский собирал материалы для «Дневника писателя», накапливая их под рубрикой «К нашему шатанию». Усиливающуюся шатость нравственных основ современного общества он считал одной из тревожных тенденций современной жизни. Внимание писателя, похоже, привлек не столько факт «оскорбления дамы у Палкина»⁴⁶⁴ сам по себе, сколько отношение к возникшей ситуации со стороны как окружающих, так и представителей власти. «Палкинские: <...> пусть пошлют»⁴⁶⁵, — воспроизводит он, видимо, реплику кого-то из публики. А по поводу реакции блюстителей порядка записывает: «Полицейские боятся потерять свое достоинство». Продолжение записи, скорее всего, отражает развитие эпизода в «Ново-Палкине»: «Били и толкали городского. Чуть не били и толкали участкового пристава (помощника)»⁴⁶⁶.

Остается только пожалеть, что замысел использовать этот материал в своей публицистической работе остался у Достоевского неосуществленным, и мы можем только строить предположения о том, что же за скандальный эпизод произошел в ресторане Константина Палкина на углу Невского и Владимирского проспектов.

Ресторан «Ново-Палкин» — главная историческая достопримечательность описываемого дома. И поэтому мы начали этот очерк именно с него. Но если строго следовать хронологии, то начать надо было бы с другого эпизода в жизни Достоевского.

В самом конце 1872 г. в газетах появилось объявление, сообщавшее, что «с 1-го января 1873 г. редактором журнала „Гражданин“ будет Ф. М. Достоевский»⁴⁶⁷. Еженедельник «Гражданин» издавался князем Владимиром Петровичем Мещерским. Писатель познакомился с князем Мещерским и стал частым посетителем его салона на Николаевской улице⁴⁶⁸ вскоре после возвращения из Западной Европы. Посетители салона Мещерского принадлежали к так называемой «антинигилистической партии». Здесь собирались А. Н. Майков, Н. Н. Страхов, Вс. Крестовский, Н. С. Лесков, Н. Я. Данилевский, Т. И. Филиппов и др. Идеологом этого кружка был будущий обер-прокурор св. Синода Константин Петрович Победоносцев. В последнем, декабрьском

московской церковью и крестился. Совсем блаженный!..» (*Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 369).

⁴⁶³ Там же. С. 218.

⁴⁶⁴ ПСС. Т. 24. С. 223.

⁴⁶⁵ Там же. С. 233.

⁴⁶⁶ Там же. С. 218.

⁴⁶⁷ Гражданин. 1872. 25 декабря. № 34.

⁴⁶⁸ Современный адрес: ул. Марата, № 9, в двух шагах от Невского проспекта.

номере журнала «Русский вестник» завершилась публикация романа Достоевского «Бесы». Писатель должен был задуматься о своих дальнейших творческих планах. И как раз в это время он получил предложение Мещерского стать редактором его еженедельника «Гражданин». Члены кружка горячо одобрили этот выбор князя, обещали со своей стороны всестороннюю поддержку новому редактору. По некотором размышлении Достоевский дал согласие.

С прекращением в 1865 г. журнала «Эпоха» писатель практически лишился возможности выступать в качестве публициста. Редакторство в «Гражданине» давало Достоевскому значительную свободу в его публицистических выступлениях. Можно полагать, что это обстоятельство сыграло не последнюю роль в его решении принять на себя редактирование такого непопулярного у столичного читателя издания, как «Гражданин». С первого же номера журнала за 1873 г. Достоевский начинает публиковать на его страницах главы из своего «Дневника писателя» — «Старые люди», «Среда», «Нечто личное», «Влас»...

В 1872 г. редакция «Гражданина» размещалась в квартире князя Мещерского на Николаевской. С января 1873 г. она была переведена на Невский проспект, в дом К. Кохендорфера, почти напротив Знаменской церкви, по месту жительства секретаря редакции Виктора Пуцыковича (об этом адресе у нас еще пойдет речь). Однако больше времени, чем в редакции, Достоевский проводил, иногда засиживаясь над корректурами до утра, в типографии А. И. Траншеля, где печатался «Гражданин». Здесь он даже писал страницы своего «Дневника», тут же отдавая рукопись в набор.

До августа 1873 г., когда типография была переведена в специально построенный для нее флигель во дворе собственного дома Траншеля в Стремянной улице (№ 12), она располагалась на углу Невского и Владимирского проспектов. Курьезная деталь. Вскоре после того, как Достоевский приступил к редактированию «Гражданина», дом генерал-майора Ростовцева как раз был куплен Константином Палкиным, и прежде чем открыть здесь ресторан новый домовладелец решил капитально перестроить здание. Залы ресторана как раз планировались там, где размещалась типография.⁴⁶⁹ Перестройка, в ходе которой двухэтажный дом превратился в четырехэтажный, длилась более полутора лет.⁴⁷⁰ Как вспоминала корректор типографии Траншеля Варвара Васильевна

⁴⁶⁹ Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях метранпаж типографии Траншеля М. А. Александров (см.: Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1871–1881 годах // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2. т. М., 1990. Т. 2. С. 223).

⁴⁷⁰ В начале XX в., при очередной перестройке, у дома был надстроен пятый этаж, и он окончательно принял свой современный облик.

Тимофеева, вместе с которой Достоевский готовил к выпуску номера «Гражданина», какое-то время их работа продолжалась в полуразобранном доме. Лестниц уже не было, и строительные рабочие на руках поднимали писателя в типографию, размещавшуюся на втором этаже, а затем так же спускали вниз. В очередной раз, когда Достоевский со своей помощницей засиделись за работой за полночь и их с фонарями таким образом «эвакуировали» из типографии, на Невском собралась толпа зевак, которые бурно обсуждали, что же происходит: «Несчастный случай? Похищение? Пожар?..»⁴⁷¹

Достоевский впервые появился в типографии Граншеля на Невском поздним вечером 20 декабря 1872 г. Перед тем как вступить в заведование редакцией «Гражданина», он намеревался разобраться в деталях производственного процесса по выпуску журнала. Сопровождавшего его владельца типографии писатель засыпал вопросами: «когда здесь бывает князь М<ещерский>, когда выходит номер и когда приступают к набору следующего»⁴⁷². Выразительную портретную зарисовку нового редактора «Гражданина», каким она увидела его в этот вечер, дает в своих мемуарах В. В. Тимофеева — в то время 22-летняя девушка, недавно приехавшая в столицу из провинциального города в Западном крае.

«Это был очень бледный — землистой, болезненной бледностью — немолодой, очень усталый или больной человек, с мрачным изнуренным лицом, покрытым, как сеткой, какими-то необыкновенно выразительными тенями от напряженно сдержанного движения мускулов, — пишет мемуаристка. — Как будто каждый мускул на этом лице с впалыми щеками и широким и возвышенным лбом одухотворен был чувством и мыслью. И эти чувства и мысли неудержимо просились наружу, но их не пускала железная воля этого щедрого и плотного в то же время, с широкими плечами, тихого и угрюмого человека. Он был весь точно замкнут на ключ — никаких движений, ни одного жеста, — только тонкие, бескровные губы нервно подергивались, когда он говорил. А общее впечатление с первого взгляда почему-то напомнило мне солдат — из „разжалованных“, — каких мне не раз случалось видеть в моем детстве, — вообще напомнило тюрьму и больницу и разные „ужасы“ из времен „крепостного права“⁴⁷³ ... И уже одно это напоминание до глубины взволновало мне душу...»⁴⁷⁴

⁴⁷¹ См.: Тимофеева В. В. (Починковская О.) Год работы со знаменитым писателем // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 167.

⁴⁷² Там же. С. 139.

⁴⁷³ О том, что при первом знакомстве его «прежде всего поразила чисто народная русская типичность <...> наружности» Достоевского, вспоминает и М. А. Александров (Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика... С. 256).

⁴⁷⁴ Тимофеева В. В. (Починковская О.) Год работы со знаменитым писателем. С. 139-140.

Завершает этот эпизод В. В. Тимофеева такой остро отмеченной деталью: «Траншель провожал его до дверей, — пишет она о Достоевском; — я смотрела им вслед, и мне бросилась в глаза странная походка этого человека. Он шел неторопливо — мерным и некрупным шагом, тяжело переступая с ноги на ногу, как ходят арестанты в ножных кандалах...»⁴⁷⁵

В дальнейшем между маститым писателем и его юной помощницей, смотревшей на него как на полубога, сложились очень теплые, доверительные отношения. Добрые, товарищеские отношения сложились у Достоевского также с метранпажем типографии Михаилом Александровичем Александровым. Оба они, и В. В. Тимофеева, и М. А. Александров, оставили очень содержательные воспоминания о сотрудничестве с великим романистом. А вот владелец типографии полунемец-полуфранцуз Андрей Иванович (Генрих-Фердинанд) Траншель, человек либеральных взглядов, отнесся к Достоевскому весьма неприязненно. После первого появления писателя в его типографии он сказал Тимофеевой «с брезгливой grimасой»: «Знаете, кто это? <...> Новый редактор „Гражданина“, знаменитый ваш Достоевский! Этакая гниль!»⁴⁷⁶

Подобное отношение к писателю со стороны либералов-западников после публикации «Бесов» было достаточно распространенным. «Мне показалось это тогда возмутительно грубым, невежественным кощунством, — комментирует мемуаристка выходку владельца типографии. — Достоевский был тогда для меня самым мучительным и самым любимым...»⁴⁷⁷

Поначалу, в силу специфического отношения автора «Дневника писателя» к тексту своих произведений, между Достоевским и Тимофеевой возникали серьезные трения. Федор Михайлович настоятельно требовал от корректора оставлять без исправлений, как есть пунктуацию в своих сочинениях. «Я ссылалась тогда на грамматику, — вспоминает мемуаристка, — а он раздраженно восклицал:

— У каждого автора свой собственный слог, и потому своя собственная грамматика... Мне нет никакого дела до чужих правил! Я ставлю запятую перед что, где она мне нужна; а где я чувствую, что не надо перед что ставить запятую, там я не хочу, чтобы мне ее ставили!

— Значит, вашу орфографию можно только угадывать, ее знать нельзя, — возражала я, стараясь лучше понять, чего от меня требуют.

---

⁴⁷⁵ Там же. С. 140.

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Там же.

— Да! *Угадывать*. Непременно. Корректор и должен уметь угадывать! — тоном, не допускавшим никаких возражений, сердито сдвигая брови, решал он»⁴⁷⁸.

Однако как-то раз вышел казус. В главке «Дневника писателя» «Нечто личное» Достоевский по рассеянности допустил опisku, назвав роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» — «Кто виноват?». Очередной выпуск «Гражданина» так и вышел с путаницей в названиях.⁴⁷⁹ «И это вызвало потом упреки автору в незнании „даже заглавия“ произведения, по поводу которого он полемизировал» («Кто виноват?» — знаменитый роман А. И. Герцена 1840-х гг.)

«— Почему же вы не поправили, если знали? — укоризненно заметил мне Федор Михайлович, когда я выразила ему мое сожаление, что допустила эту ошибку.

— Я не смела исправить сама, — возразила ему девушка. — Вы столько раз говорили мне, что „все должно оставаться так“, как стоит у вас в корректуре. И я подумала, что вы могли и умышленно сделать эту опisku...

Федор Михайлович подозрительно взглянул на меня и не промолвил ни слова»⁴⁸⁰.

Однако очень скоро в процессе общей работы между Достоевским и его помощницей сложились доверительные, искренние отношения, и разговор их все чаще выходил за рамки только профессиональных вопросов, связанных с корректурами и подготовкой очередного номера «Гражданина». Они беседовали о поэзии, о религии, о настроениях современной молодежи. Писатель рассказывал девушке о своем прошлом, говорил, что она похожа на его первую, умершую жену Марию Дмитриевну...

Один разговор особенно запомнился его собеседнице. Речь шла об идеалах, которые руководят человеком в его жизненном поведении. «...Я всегда и думала и думаю, что лучше и выше Евангелия ничего у нас нет!» — искренно и восторженно проговорила девушка.

«— Но как же вы понимаете Евангелие? Его ведь разно толкуют, — переспросил Достоевский. — Как по-вашему: в чем вся главная суть?

Вопрос, который он задал мне, впервые пришел мне на ум. Но сейчас же точно какие-то отдаленные голоса из глубины моей памяти подсказали ответ:

— Осуществление учения Христа на земле, в нашей жизни, в совести нашей...

— И только? — тоном разочарования протянул он.

Мне самой показалось этого мало.

⁴⁷⁸ Там же. С. 142.

⁴⁷⁹ Гражданин. 1873. 15 января. № 3. С. 64.

⁴⁸⁰ Тимофеева В. В. (Починковская О.) Год работы со знаменитым писателем. С. 143.

— Нет, и еще... Не все кончается здесь, на земле. Вся эта жизнь земная — только ступень... в иные существования...

— К мирам иным! — восторженно сказал он, вскинув руку вверх к раскрытому настежь окну, в которое виднелось тогда такое прекрасное, светлое и прозрачное июньское небо.

— И какая это дивная, хотя и трагическая, задача — говорить это людям! — с жаром продолжал он, прикрывая на минуту глаза рукою. — Дивная и трагическая, потому что мучений тут очень много... Много мучений, но зато — сколько величия! Ни с чем не сравнимого... То есть решительно ни с чем! Ни с одним благополучием в мире сравнить нельзя!»⁴⁸¹

Вот какие разговоры происходили летом 1873 г. под шум строительных работ в полуразобранном доме на углу Невского и Владимирского проспектов. Тогда же, незадолго до переезда типографии в Стремянную улицу, когда однажды поздно вечером В. В. Тимофеева уже собралась идти домой, а Достоевский еще оставался в типографии для ночной работы над идущим утром в набор выпуском, он обратился к ней с просьбой:

«— Сделайте мне божескую милость, — сказал он, — возьмите вот этот рубль и купите мне где-нибудь по дороге коробочку папирос-пушек, если можно Саатчи и Мангуби или Лаферм, и спичек тоже коробочку, и пришлите все это с мальчиком».

«Я купила ему папиросы и спички, — продолжает рассказ мемуаристка, — и, кроме того, на последние свои два двугривенных (я получала по десяти рублей каждую неделю по выходе номера) купила пяток апельсинов, так как Федор Михайлович перед тем только что жаловался, что ему страшно хочется пить, — и снова поднялась по мосткам (строительным. — *Б. Т.*) в типографию, чтобы передать покупки и сдачу. И может быть, думала я, он возьмет мои апельсины!.. <...> Забавно и радостно было думать, что вот именно я, какая-то никому не известная „корректорша“... и угощаю знаменитого на всю Россию писателя... на последние два двугривенных!»⁴⁸²

Достоевский был растроган. Отчитав свою помощницу за расточительность, он таки взял у нее пару апельсинов. А через два дня сам пришел в типографию, как пишет В. В. Тимофеева, «с мешком дорогих французских дюшес»:

⁴⁸¹ Там же. С. 162.

⁴⁸² Там же. С. 167.

«— Сегодня у меня гости, поэтому разорился, но вот вас первую хочу угостить, — сказал он мне, подавая мешок. — Возьмите, попробуйте. Дюшесы хорошие. Я всегда у Эрбера покупаю».

«В такой деликатной форме, — заканчивает мемуаристка, — оплатил он мне за мое простодушное угощение апельсинами»⁴⁸³.

В воспоминаниях В. В. Тимофеевой, написанных через тридцать лет после совместной работы с Достоевским в типографии Траншеля, много подобных черточек, рисующих облик не только знаменитого писателя, редактора еженедельника «Гражданин», увиденного и изображенного в его профессиональной работе, но и просто пятидесятилетнего человека со сложным, противоречивым характером — могущего быть и гневным и нежным, и проницательным и наивным... Эти воспоминания написаны с нежностью и с благодарностью Достоевскому за некогда пережитое счастье общения с ним. Выдержки из них можно было бы приводить еще и еще. Но полагаем, что заинтересованный читатель сам сможет обратиться к полному тексту мемуаров В. В. Тимофеевой...

В завершение еще два слова об... апельсинах и дюшесах. Табачный магазин фирмы «Лаферм», как мы уже упоминали, располагался на Невском проспекте близ Пассажа. Табачная фабрика Саатчи и Мангуби еще не имела в это время своего специализированного магазина (он появится на Невском только через несколько лет, в 1877 или 1878 гг.). Так что, выполняя поручение Достоевского, В. В. Тимофеева должна была дойти до фирменного магазина «Лаферм» напротив Гостиного Двора. Где-то близ тех мест она, видимо, купила для писателя и апельсина. Достоевский за дюшесами ездил еще дальше: фруктовый магазин купца 1-й гильдии Николая Эрбера находился на Невском проспекте в доме Ольхина, № 30.⁴⁸⁴ И в этой связи можно заметить, что до начала перестройки дома Ростовцева–Палкина в 1873 г. в нем среди прочих заведений располагался и магазин «Фрукты и овощи», принадлежавший купеческой фамилии Набилковых. Однако с началом строительных работ магазин этот, очевидно, был закрыт. Иначе и апельсины, и груши можно было бы купить прямо на месте, в том же здании, где находилась и типография Траншеля...

Когда после реконструкции дома в 1874 г. в нем открылся фешенебельный ресторан «Ново-Палкин», фруктовая торговля Набилковых в этом здании уже не существовала. А вот магазин колониальных товаров, торгующий под фирмой «Яков-

⁴⁸³ Там же. С. 168.

⁴⁸⁴ См.: Справочная книга о лицах, получивших на 1873 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1873. С. 96.

Август Фохтс» (его содержал сын основателя фирмы Николай Яковлевич Фохтс), вновь, как и до перестройки, распахнул для покупателей свои двери. И когда в 1878 г. семья Достоевских поселилась неподалеку, в Кузнечном переулке, Федор Михайлович, как свидетельствует его жена, во время своих прогулок «всегда покупал на углу Владимирского и Невского закуски и гостинцы» детям.⁴⁸⁵ Так что связь с этим домом писатель поддерживал буквально до последних дней своей жизни.

ДЕЛО ИГУМЕНЬИ МИТРОФАНИИ

На углу Невского и Владимирского проспектов (№ 49/2) ныне находится роскошная пятизвездочная гостиница «Рэдиссон САС Ройал отель», разместившаяся здесь после реконструкции здания с 2001 г. А до конца XX в. в этом здании располагалась гостиница «Москва», основанная купцом 2-й гильдии Иваном Ротиным еще в 1860-е гг. и сохранившая свое название в советскую эпоху. Трехэтажный дом стоял на этом месте уже в пушкинскую эпоху. В 1837–1838 гг. он был надстроен четвертым этажом и после этой перестройки простоял без изменений более сорока лет. Когда И. И. Ротин решил открыть в этом здании гостиницу, домовладельцем был известный табачный фабрикант, купец 1-й гильдии В. Г. Жуков. В 1873 г., о котором у нас пойдет речь, дом уже шесть лет принадлежал отставному поручику С. Петрову, а гостиницей владел наследовавший в 1867 г. семейный бизнес после смерти отца 32-летний Петр Иванович Ротин.

В 1880 г. дом приобрел новый владелец — купец 2-й гильдии А. М. Ушаков, сколотивший капитал на торговле «растениями и цветами» (один из его магазинов размещался на углу Невского и Караванной ул., в доме П. И. Лихачева, № 66). Он сразу же затеял перестройку здания, которую по его заказу осуществил известный архитектор П. Ю. Сюзор. При перестройке был заложен проезд во двор со стороны Невского (на этом месте был устроен парадный вход в гостиницу), отделка фасада обогащена цепочками рустов и лепными деталями. На уровне четвертого этажа появились скульптурные фигуры кариатид.⁴⁸⁶ При реконструкции здания на рубеже XX–XXI в., при которой была осуществлена полная внутренняя перепланировка, исторические фасады были сохранены практически без изменений. Однако надо констатировать, что в его обновленном виде это здание Достоевский не видел, хотя, несомненно, не однажды

⁴⁸⁵ *Достоевская А. Г.* Записная книжка 1881 года // Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 282.

⁴⁸⁶ См.: *Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В.* Невский проспект: Дом за домом. М., 2009. С. 268.

проходил мимо дома Ушакова, когда тот в 1880 г. стоял в строительных лесах: перестройка была завершена уже после смерти писателя, умершего в самом начале 1881 г.

В начале 1870-х гг. гостиница Ротина, по свидетельству современников, была одной из второстепенных и «довольно грязной»⁴⁸⁷. Тогда даже невозможно было предположить, что в XX–XXI вв. ее ждет такая великолепная будущность. Однако весной 1873 г. гостиница «Москва» привлекла к себе всеобщее внимание, когда в одном из ее номеров проживала «под домашним арестом» вызванная следствием в Петербург фигурантка одного из самых громких уголовных дел 1870-х гг. игуменья Владычне-Покровского монастыря *Митрофания* (в миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен), в прошлом фрейлина императрицы Марии Александровны, дочь некогда могущественного «наместника Кавказа»⁴⁸⁸, генерал-адъютанта и сенатора эпохи николаевского царствования Г. В. Розена.

Сегодня фраза, которой в романе «Подросток» Достоевский характеризует одну из героинь, Анну Андреевну Версилу, дочь «дворянина древнейшего рода и в то же время парижского коммунара» Андрея Петровича Версилова: — «Лицо в размерах матушки игуменьи Митрофании — разумеется, не предрекая ничего уголовного»⁴⁸⁹, — по необходимости требует комментариев. А в середине 1870-х гг. «дело игуменьи Митрофании» прогремело на всю Россию. Как писал один из журнальных обозревателей, «с самого открытия новых судебных учреждений не было еще такого громкого, шумного, возбудившего такой общий, всероссийский интерес дела, как это»⁴⁹⁰. И Достоевский не ограничился лишь попутным упоминанием ее в эпилоге «Подростка». Незаурядная личность матушки Митрофании привлекла самое пристальное его внимание. Скорее всего, он знал о ней не только из газетных публикаций, но непосредственно и от инициатора судебного процесса, знаменитого юриста Анатолия Федоровича Кони, с которым близко сошелся как раз в 1873–1874 гг. и затем поддерживал дружеские отношения до конца жизни. Фигуре игуменьи Митрофании Достоевский предполагал посвятить специальную главку в своем моножурнале «Дневник писателя». В его рабочей тетради 1875–1876 гг. имя Митрофании упоминается неоднократно. Фигурирует оно и в набросках к неосуществленному

⁴⁸⁷ Кони А. Ф. Избр. произведения: Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. М., 1956. С. 865.

⁴⁸⁸ Так отца игуменьи Митрофании называет А. Ф. Кони (Указ. соч. С. 864). Официально барон Г. В. Розен числился командиром Отдельного кавказского корпуса и главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами Грузии и Армении.

⁴⁸⁹ ПСС. Т. 13. С. 455.

⁴⁹⁰ Отечественные записки. 1874. № 11. Отд. II. С. 256.

романному замыслу 1870-х гг. «Отцы и дети». Остается только пожалеть, что эти творческие планы Достоевского не были реализованы.

Вернемся, однако, на Невский проспект, в гостиницу «Москва», в середину весны 1873 г. Как вспоминает А. Ф. Кони, бывший в это время прокурором Петербургского окружного суда, в самом конце января или начале февраля к нему на рассмотрение поступила жалоба столичного купца 1-й гильдии лесоторговца Д. Н. Лебедева, в которой были приведены неопровержимые доказательства того, что игуменьей Владычне-Покровского монастыря в подмосковном Серпухове матушкой Митрофанией были подделаны векселя от его имени на сумму в 22 тысячи рублей. Несмотря на то что в преступных действиях обвинялась весьма влиятельная личность, имевшая покровителей на самых верхах правительственной иерархии, А. Ф. Кони, проведя предварительную проверку изложенных Н. Д. Лебедевым фактов и получив санкцию министра юстиции графа Палена, возбудил судебное преследование против игуменнии Митрофании. И судебный следователь титулярный советник Н. Ф. Русинов по распоряжению прокурора вызвал ее в Петербург для дачи показаний.

Хотя в обычные свои приезды Митрофания останавливалась в Николаевском дворце на Благовещенской площади (она была в приятельских отношениях с Великой княгиней Александрой Петровной, принцессой Ольденбургской, — женой Великого князя Николая Николаевича старшего) и «появлялась на улицах в карете с красным придворным лакеем»⁴⁹¹, на этот раз — стояла уже середина апреля 1873 г. — она остановилась во второразрядной гостинице на углу Невского и Владимирского проспектов. По результатам первого же допроса следователем Н. Ф. Русиновым совместно с А. Ф. Кони было принято решение избрать для монашескующей баронессы в качестве меры пресечения против уклонения от суда и следствия домашний арест, во исполнение чего ими было предложено подследственной переселиться в Новодевичий женский монастырь на Царскосельском проспекте (ныне Московский просп., № 100). Однако в ответ они услышали неожиданную настойчивую просьбу:

«Я умоляю вас, — ответила им игуменья Митрофания, — не делать этого: этого я не перенесу! Быть под началом другой игуменьи — для меня ужасно! Вы себе представить не можете, что мне придется вынести и какие незаметные для посторонних, но тяжкие оскорбления проглотить. Тюрьма будет гораздо лучше!..»

«Ее отчаянье при мысли быть помещенной в монастырь было так искренне, — продолжает А. Ф. Кони, — что пришлось предоставить ей жить в гостинице под

⁴⁹¹ Кони А. Ф. Избр. произведения... С. 864.

домашним арестом, установив осуществление полицейского надзора за нею незаметным для посторонних образом, так что с внешней стороны могло казаться, что она пользуется полной свободой и лишь по собственному желанию не выходит из своего помещения...»⁴⁹² Таким образом, несколько месяцев, пока Н. Ф. Русиновым проводилось следствие по жалобе Лебедева, игуменья Митрофания провела в стенах гостиницы «Москва». С нею здесь же проживали две послушницы из ее сопровождения и «ее верный друг игуменья Московского Страстного монастыря Валерия»⁴⁹³.

В ходе следствия Митрофания была полностью изобличена в подлоге. Больше того, узнав из газет о начатом расследовании, в Москве еще несколько человек, ставших жертвами махинаций настоятельницы Владычне-Покровского монастыря, о влиятельных покровителях которой ходили легендарные слухи, подали свои иски, и в августе 1873 г. дело было передано в Московский окружной суд. Там, по окончании следствия, в октябре 1874 г. состоялся длившийся две недели судебный процесс, в заключение которого игуменья Митрофания была приговорена к лишению «всех лично и по состоянию ей присвоенных прав и преимуществ» и ссылке в Енисейскую губернию с запрещением выезда в течение четырнадцати лет за ее пределы.

На процессе один из адвокатов потерпевшей стороны, Ф. Н. Плевако, назвал игуменью Митрофанию «волком в овечьей шкуре»⁴⁹⁴. Как можно предположить, у Достоевского, скорее всего, о личности подсудимой было несколько иное, далеко не столь однозначное мнение.⁴⁹⁵ В частности, возможно, и поэтому он резко критически отнесся к пьесе А. Н. Островского «Волки и овцы», где в образе одной из главных

⁴⁹² Там же. С. 865-866.

⁴⁹³ Там же.

⁴⁹⁴ Дословно Ф. Н. Плевако, обращаясь к присяжным, сказал: «Овечья шкура на волке не должна ослеплять вас. Я не верю, чтоб люди серьезно думали о Боге и добре, совершая грабительства и подлоги» (цит. по: *Потапчук И. В.* Дело игуменьи Митрофании // *Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века.* Тула, 2007. С. 156).

⁴⁹⁵ В наброске из записной книжки 1875–1876 гг., который отнесен публикаторами *ПСС* к неосуществленному замыслу «Отцы и дети», упоминание имени Митрофании сопровождается иронической филиппикой в адрес адвокатов (см.: *«Митрофания. И кричит адвокат иступленно-либерально-заимствованно, и ударяет по сердцам иступленно-либерально-заимствованным...»* — *ПСС.* Т. 17. С. 7). В окончательном варианте майского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. всю первую главу (состоящую из пяти главков) Достоевский посвятил «делу Каировой», стенографический отчет о котором печатался в газетах в конце апреля – начале мая 1876 г. Одна из важнейших «линий» этой главы — ироническая полемика Достоевского с позицией и словоблудием либерального адвоката — защитника подсудимой — Е. И. Утина. Если в задуманной главке этого же выпуска, посвященной «процессу» игуменьи Митрофании, адвокатскому словоблудию также предполагалось уделить значительное внимание, то резонно предположить, что именно разработка «дела Корниловой» и заставила писателя отказаться от включения в майскую книжку еще одного судебного «сюжета» с сходной расстановкой некоторых оценочных акцентов.

героинь, Меропии Мурзавецкой — явной ханжи и мошенницы, современники узнавали сатирически преломленные черты матушки Митрофании.⁴⁹⁶

Нет, по-видимому, это, действительно, была сложная и противоречивая личность. Во всяком случае А. Ф. Кони, который, исполняя функции прокурорского надзора за следствием, неоднократно посещал Митрофанию в гостинице «Москва», дал ей в своих воспоминаниях достаточно неожиданные характеристики. Назвав ее «гордой и творческой душой»⁴⁹⁷, он пишет: «...личность игуменьи Митрофании была совсем незаурядная. Это была женщина обширного ума, чисто мужского и делового склада, во многих отношениях шедшего вразрез с традиционными и рутинными взглядами, господствовавшими в той среде, в узких рамках которой ей приходилось вращаться. <...> Самые ее преступления <...> несмотря на всю предосудительность ее образа действий, не содержали, однако, в себе элементов личной корысти, а являлись результатом страстного и неразборчивого на средства желания ее поддержать, укрепить и расширить созданную ею трудовую религиозную общину и не дать обратиться ей в праздную и тунеядную обитель...»⁴⁹⁸ Во время разговоров с игуменьей Митрофанией, утверждает Кони, «я мог убедиться в уме и известного рода доброте этой во всяком случае выдающейся женщины»⁴⁹⁹.

Повторим, в период следствия и суда над игуменьей Митрофанией Достоевский тесно общался с А. Ф. Кони и, несомненно, многое о подследственной и подсудимой узнал из этого авторитетного источника. Конечно, Достоевский-публицист стремился обо всем иметь свое независимое мнение, но к оценкам и суждениям Кони, часто обращаясь к нему за советами и консультациями, писатель, как правило, внимательно прислушивался.

В январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. отдельная главка посвящена колонии для малолетних преступников на Пороховых, которую Достоевский посетил в декабре 1875 г. вместе с Кони. В рабочей тетради 1875–1876 гг. с подготовительными материалами к «Дневнику писателя» не однажды фигурируют сюжеты, в основе которых лежат устные рассказы Кони из его криминалистической практики. Исследователями указывалось, что в рассказе «Кроткая», опубликованном в

⁴⁹⁶ См.: ПСС. Т. 24. С. 424. Среди подготовительных материалов к «Дневнику писателя», записанных вскоре после премьеры пьесы «Волки и овцы» в Александринском театре (8 декабря 1875 г.), содержится такой набросок: «Островский и Шекспир, а было время, когда этому поверили <...> и вдруг такое иссякание» (24; 105).

⁴⁹⁷ Кони А. Ф. Избр. произведения... С. 867.

⁴⁹⁸ Там же. С. 866.

⁴⁹⁹ Там же. С. 869.

ноябрьской книжке «Дневнике писателя» за 1876 г., нашли отражение материалы уголовного дела весны 1875 г., обвинителем по которому выступал А. Ф. Кони и подробности которого Достоевский также мог узнать из его рассказов.⁵⁰⁰ В главке «О самоубийстве и высокомерии» декабрьского выпуска «Дневника...» за 1876 г. писатель прямо ссылается на помощь Кони в его творческой работе, упоминая (не называя имени) «одного высокоталантливого и компетентного в нашем судебном ведомстве человека», который показывал ему «пачку собранных им писем и записок самоубийц»⁵⁰¹. Эти далеко не исчерпывающие картину примеры хорошо демонстрируют, каким важным для Достоевского-публициста было общение с выдающимся юристом-современником.

В черновой программе майского выпуска «Дневника...» за 1876 г. зафиксировано намерение Достоевского посвятить разговору об игуменье Митрофании отдельную главку.⁵⁰² Есть в этой рабочей тетради писателя и другие наброски, где упоминается «дело Митрофании». К сожалению, они очень лаконичны и не позволяют составить впечатление о том, в каком ключе предполагал Достоевский освещать личность настоятельницы Владычне-Покровского монастыря.⁵⁰³ Возможно, его «запоздалое» обращение к этому «делу» было вызвано тем, что в 1875 г. адвокатами Митрофании была подана кассационная жалоба и приговор был пересмотрен (очевидно, не без влияния высоких покровителей). В результате вместо Енисейской губернии осужденная монахиня была отправлена в Ставрополь, в тамошний Иоанно-Мариинский женский монастырь, из которого вскоре была переведена в Ладинский монастырь на

⁵⁰⁰ См.: ПСС. Т. 24. С. 383.

⁵⁰¹ ПСС. Т. 24. С. 54.

⁵⁰² См.: ПСС. Т. 24. С. 206.

⁵⁰³ Одна из записей чрезвычайно любопытна: «О князе Дадыяне, Митрофании» (ПСС. 24; 169). Достоевский здесь *соединяет* имена матушки Митрофании и князя Александра Леоновича Дадиани (Дадиана, Дадыяна, 1800–1865), о котором он прочитал в газете «Новое время» (1876. 4 марта. № 5) — в обозрении «Среди газет и журналов», где были приведены выдержки из статьи П. К. Мартыанова «Князь Дадиан, флигель-адъютант императора Николая I», опубликованной в журнале «Старая и новая Россия» (1876. № 3). В статье Мартыанова рассказывалось о возвышении и падении командира Эриванского гренадерского полка полковника А. Л. Дадиана, обвиненного в 1837 г. в лихоимстве и злоупотреблении своим служебным положением, с которого император Николай I, находившийся в это время на Кавказе и получивший донос на своего флигель-адъютанта, распорядился во время смотра в Тифлисе в присутствии других офицеров и тестя кн. Дадиана, его непосредственного начальника — генерала Г. В. Розена, сорвать флигель-адъютантские аксельбанты. После этого разжалованный полковник был подвергнут трехлетнему тюремному заключению и затем сослан в Вятку. Достоевский, видимо, намеревался поставить в параллель истории игуменьи Митрофании и князя Дадиана. Однако самое интересное здесь то, что два объединенных писателем в рамках единого замысла фигуранта были *близкими родственниками, членами одной семьи*, так как князь А. Л. Дадиан был женат на старшей сестре матушки Митрофании — Л. Г. Розен, и события 38-летней давности в Тифлисе вполне могли происходить на глазах у 12-летней Прасковьи Розен. Возможно, в замысел Достоевского входило сопоставительное рассмотрение двух необычных судеб представителей одного аристократического семейства.

Полтавщине, который также оказался не последним местом пребывания Митрофании.⁵⁰⁴ Скорее всего эти обстоятельства имеются в виду в еще одной записи Достоевского из рабочей тетради 1875–1876 г.: «Где Митрофания?» — времени работы писателя над майским выпуском «Дневника...»

О большем трудно судить более определенно. Однако сказанное о неоднократных консультациях, за которыми, разрабатывая в «Дневнике писателя» тот или иной криминалистический сюжет, Достоевский обращался к А. Ф. Кони, позволяет обоснованно предположить, что, вынашивая и этот замысел, писатель не то что мог, а должен был поинтересоваться мнением не просто специалиста, но человека непосредственно в ходе следствия общавшегося с игуменьей Митрофанией. Впечатления Кони от бесед в гостинице «Москва» с этой умной и гордой женщиной, решительно пошедшей на преступление ради дела, которому она посвятила свою жизнь, мы уже приводили выше. Представляется, что Достоевский должен был заинтересованно воспринять оценку Кони личности матушки Митрофании. Тем более что, судя об упоминании ее имени в эпилоге романа «Подросток», сам был склонен рассматривать эту женщину как незаурядный и крупный характер, принадлежащий известному дворянскому роду, в котором, однако, ярко выразился дух времени и царящий в современном обществе «хаос понятий»⁵⁰⁵.

Конечно же, это только исследовательское допущение, но логика изложенных наблюдений подсказывает, что если бы Достоевский реализовал свой замысел и посвятил в майском выпуске «Дневника писателя» освещению личности игуменьи Митрофании отдельную главку, то беседы с нею А. Ф. Кони в гостинице «Москва» и впечатления знаменитого юриста от общения с этой женщиной, вероятнее всего, должны были бы найти, хотя бы косвенное, отражение на страницах моно-журнала Достоевского...

«КРАЕВСКИЙ В ПОЛНОМ МОЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ...»

Дом № 82 представляет собой редкий случай, когда в части Невского за Литейным проспектом мы и ныне видим здание почти таким же, каким его в 1837 г. мог увидеть приехавший в Петербург пятнадцатилетний Достоевский. До начала 1830-х гг. здесь стояли деревянные постройки купца Суворова. В 1834 г. новый владелец, инженер-майор Е. А. Брюн, возвел на их месте четырехэтажный дом в

⁵⁰⁴ См.: Шамаро А. Дело игуменьи Митрофании. Л., 1990. С. 70.

⁵⁰⁵ ПСС. Т. 16. С. 434 (подготовительные материалы к «Подростку»).

позднеклассицистическом стиле. В 1840-е гг. хозяйкой здания была жена генерал-майора Анна Александрова; в 1850-е дом приобрел генерал-лейтенант И. К. Максимович, наследники которого владели им вплоть до 1917 г. Но никто из них не предпринимал попыток радикально изменить облик здания. Лишь в 1852 г. по желанию генерала Максимовича архитектор Н. П. Гребенка несколько «переоформил второй этаж и устроил посреди него фонарик-эркер»⁵⁰⁶.

Нас будет интересовать один из квартирантов этого дома, живший здесь во второй половине 1840-х гг., когда домовладелицей была генеральша А. А. Александрова. Биографы Достоевского, как кажется, никогда не упоминали этот адрес. Но в указанные годы, вплоть до своего ареста в апреле 1849 г., писатель бывал здесь достаточно часто. Существует даже рисунок, сделанный одним из современников, на котором молодой Достоевский изображен во время визита именно в этот дом...

Дело в том, что, начиная со второго произведения писателя — повести «Двойник», за одним-двумя незначительными исключениями, все произведения раннего Достоевского («Господин Прохарчин», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Белые ночи», «Неточка Незванова» и др.) были опубликованы в журнале «Отечественные записки». А издатель и главный редактор этого издания, известный на весь Петербург журналист Андрей Александрович Краевский, с мая 1843 г. жительствовавший именно в доме генеральши Александровой.⁵⁰⁷

Здесь, однако, необходимо задержаться чуть-чуть поподробнее, так как в петербургской краеведческой литературе утвердилась ошибочная традиция считать, что издатель «Отечественных записок» уже в начале 1840-х гг. стал владельцем знаменитого «дома Краевского» на Литейном проспекте (соврем. № 36) и с тех пор жил именно по этому адресу.⁵⁰⁸ На самом деле А. А. Краевский приобрел дом на Литейном

⁵⁰⁶ Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект: Дом за домом. М., 2009. С. 327.

⁵⁰⁷ Перед этим А. А. Краевский жил в доме купца Ф. Лопатина на углу Невского и набережной Фонтанки. В адресной книге 1844 г. зарегистрирован уже новый адрес Краевского — на Невском, в доме № 85 (соврем. № 82) (см.: *Нистрем К.* Адрес-календарь Санкт-Петербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям. СПб., 1844. Т. 2. С. 469).

⁵⁰⁸ Первым, как кажется, допустил эту ошибку С. А. Рейсер (см.: *Рейсер С. А.* Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957. С. 62-63). Хотя в другом месте своей книги он сообщает, что до мая 1843 г. Краевский жил в доме Лопатина на углу Невского и Фонтанки (Там же. С. 23), а в примечаниях указывает, что в середине 1850-х гг. «Краевский жил на Грязной (ныне ул. Марата, недалеко от Невского)» (Там же. С. 155). Эта ошибка тождественно повторена в кн.: *Пини О. А.* Чернышевский в Петербурге. Л., 1978. С. 78-79. А в книге В. А. Мануйлова и Г. П. Семеновичевой «Белинский в Петербурге» (Л., 1979. С. 226-227) даже красочно изображается, как году в 1844–1845-м великий критик шел в редакцию «Отечественных записок» из своего дома на углу Невского «по малолюдной набережной Фонтанки, до Симеоновского моста (ныне мост Белинского)», и затем «у моста повернув направо <...> по короткой Симеоновской улице (ныне ул. Белинского) выходил на Литейный проспект прямо к дому Краевского». Из известной нам литературы лишь в книге «Некрасов в Петербурге» правильно указано,

лишь в 1857 г., тогда же поселился в нем и перевел в него редакцию «Отечественных записок». Адресная книга середины 1850-х гг. сообщает, что до этого он жил на Грязной улице (ныне ул. Марата) в доме вдовы генерал-майора А. С. Стахановой, № 6.⁵⁰⁹ Но особенно ценным является свидетельство справочника А. Греча «Весь Петербург в кармане», вышедшего в свет в 1846 г., где адрес редактора «Отечественных записок» А. А. Краевского означен «за Аничковым мостом, по Невскому пр., в доме Александрова»⁵¹⁰. Уточним только, что вместо домовладелицы (такое в те годы случалось нередко) здесь указан ее муж — генерал-майор П. К. Александров; мы же по более точному источнику будем в дальнейшем все-таки говорить о доме генеральши Александровой.⁵¹¹

Справочник «Весь Петербург в кармане» имеет цензурное разрешение от 21 марта 1846 г. Значит, сведения об адресе Краевского приурочены к тому времени, когда совсем недавно в журнале «Отечественные записки» была опубликована повесть Достоевского «Двойник», с чего и началось сотрудничество писателя с Краевским. К этому же времени может быть отнесена и карикатура Н. А. Степанова «Журналист и Сотрудник», предназначенная для «Иллюстрированного альманаха», на которой Краевский изображен как некий бонза, с непроницаемым лицом восседающий на диване, а Достоевский — стоящим перед ним в подобострастной позе. Окружающая обстановка, как того требуют законы карикатурного жанра, конечно же, лишь слегка намечена и вполне условна. Однако нет сомнений, что художник изобразил своих героев именно в редакции «Отечественных записок», в квартире Краевского на Невском.

В перечне материалов альманаха, в «Оглавлении статей и картинок», рассматриваемая зарисовка Н. Степанова названа безлично «Журналист и Сотрудник».⁵¹² На странице, где помещена сама карикатура, имена Достоевского и Краевского также не названы. Но посвященный читатель-современник легко узнавал «персонажей», изображенных на рисунке. И не только в силу близкого портретного

что в 1832–1845 гг. дом на Литейном принадлежал барону Шлиппенбаху, в 1845–1857 тайному советнику П. Д. Норову, и лишь «затем его купил А. А. Краевский» (*Ломан О. В.* Некрасов в Петербурге. Л., 1985. С. 137). Справочными изданиями XIX в. такой вариант смены владельцев дома на Литейном полностью подтверждается.

⁵⁰⁹ Путеводитель. 60000 адресов из С.-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и проч. 1854. СПб., 1854. Отд. I. С. 129.

⁵¹⁰ [Греч А. Н.] Весь Петербург в кармане: Справочная книга для столичных жителей и приезжих. С новейшим планом С.-Петербурга. СПб., 1846. С. 55, 62. Имя составителя уточнено по каталогу РНБ.

⁵¹¹ См.: Указатель к Атласу 13-ти частей С.-Петербурга / Сост. Н. И. Цылов. СПб., 1849. С. 5 (2-я пагин.).

⁵¹² Иллюстрированный альманах. Издание И. И. Панаева и Н. А. Некрасова 1848 г. Факсимильное воспроизведение. [М., 1990]. С. I.

сходства⁵¹³, но и благодаря развернутой подписи, воспроизводящей литературный анекдот, широко известный в писательских кругах северной столицы. Приведем его дословно:

«[Сотрудник:] Вы изволили прочесть мою повесть?

[Журналист:] Прочел, ничего, недурна, местами есть промахи, поверхностный взгляд на предметы... (С глубокомысленной важностью) Знаете, повесть ваша собственно не повесть, а психологическое развитие.

[Сотрудник:] Именно-с... Вы, может быть, изволили забыть, что это мнение Г-на Т., которое я изложил в письме к вам при посылке повести?»⁵¹⁴

О том, что Краевский, не обладая достаточным критическим чутьем, направо и налево повторял мнения близких к нему литераторов, знал почти весь Петербург. В фельетоне «Петербургский литературный промышленник» И. И. Панаев, выведя Краевского под именем Петра Васильевича, так изобразил эту его повадку:

— Это славная вещь, что вы не толкуйте, серьезное произведение, — говорил он, — тут виден талант, и наблюдательность, и поэзия... Славная, славная вещь!

— Ничего тут нет, — возражал ему хладнокровно литератор, — произведение это самое посредственное, — и доказывал ему очень ясно, что в этом произведении нет ни таланта, ни наблюдательности, ни поэзии...

— Нет, нет, как можно, — повторял Петр Васильевич, — полноте — это прекрасная вещь...

Но обыкновенно через месяц, а иногда и ранее, нимало не смущаясь, об этом самом же произведении и тому же самому литератору слово в слово повторял его мнение, выдавая его за свое собственное.

Такие комические сцены повторялись беспрестанно»⁵¹⁵.

Также и в романе Достоевского «Униженные и оскорбленные», где присутствует много автобиографических аллюзий, отсылающих читателя к середине 1840-х гг., времени начала его творческой деятельности, Достоевский в сходных чертах обрисовал Краевского в образе «литературного антрепренера» Александра Петровича. В разговоре

⁵¹³ Узнаваемость изображенных на карикатурах Н. Степанова известных лиц явилась даже одной из причин запрещения «Иллюстрированного альманаха» при повторном прохождении им цензуры осенью 1848 года. В постановлении Главного цензурного управления указывалось, что издание запрещается «как по самому содержанию этой книги, так и по причине приложенных к ней литографированных рисунков, заключающих в себе карикатурное изображение известных лиц, оскорбительное для чести их». При этом указывались имена Кукольника, Булгарина, Краевского, Брандта, Каратыгина. Белинский, Даргомыжский, Достоевский в этом перечне не упоминались (см.: Русская литература. 1977. № 2. С. 124).

⁵¹⁴ Иллюстрированный альманах. Вклейка после титульного листа № 5.

⁵¹⁵ Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 342–343.

с повествователем этот персонаж «пускается в рассуждения о современной литературе»: «При мне он не конфузится, — рассказывает Иван Петрович, — и преспокойно повторяет разные чужие мысли, слышанные им на днях от кого-нибудь из литераторов, которым он верит и чье суждение уважает. При этом ему случается иногда выражать удивительные вещи. Случается ему тоже перевернуть чужое мнение или вставлять его не туда, куда следует, так что выходит бурда. <...> В настоящую минуту он силится подробно изложить мне одну литературную мысль, слышанную им дня три тому назад от меня же, и против которой он, три дня тому назад, со мной же спорил, а теперь выдает ее за свою. Но с Александром Петровичем такая забывчивость поминутно случается, и он известен этой невинной слабостью между всеми своими знакомыми»⁵¹⁶.

В основу фельетонного пассажа Панаева положен инцидент, произошедший некогда между Краевским и Белинским. Достоевский в «Униженных и оскорбленных» изображает издателя «Отечественных записок» на основе личного опыта отношений с ним. Сюжет карикатуры Н. А. Степанова, по-видимому, восходит к вполне определенному реальному событию, послужившему для этого словесно-графического фельетона «прототипом». Уточнить историко-литературные координаты события, получившего, судя по всему, в свое время широкую огласку, позволяет одно попутное замечание Н. А. Добролюбова, сделанное им в статье 1861 г. «Забитые люди»: «Г-н Достоевский известен любовью к рисованию психологических тонкостей, — пишет критик, добавляя: — Мнение о его, кажется, „Двойнике“, что это „собственно не повесть, а психологическое развитие“, подало повод к одному очень известному анекдоту»⁵¹⁷.

Добролюбов, с одной стороны, дословно воспроизводит реплику Журналиста, содержащуюся в подписи под карикатурой в «Иллюстрированном альманахе», а с другой — делает важное уточнение: речь идет о повести Достоевского «Двойник». Что в подтексте карикатуры подразумевается именно «Двойник», дополнительно подтверждается и указанием в подписи к ней на «Г-на Т.», которому принадлежат слова о том, что это «собственно не повесть, а психологическое развитие». Этот господин — И. С. Тургенев, действительно присутствовавший на чтении Достоевским в начале декабря 1845 г. первых глав тогда еще не завершеного в целом «Двойника». Таким образом, можно с основанием заключить, что в карикатуре Н. А. Степанова нашел отражение реальный диалог, конечно же, по законам жанра в какой-то мере

⁵¹⁶ ПСС. Т. 3. С. 424.

⁵¹⁷ Достоевский в русской критике. М., 1956. С. 46.

шаржированный, имевший место между писателем и его издателем в конце 1845 – самом начале 1846 г., когда «Двойник» был передан Достоевским для публикации в «Отечественные записки».

Когда это могло произойти? Карикатура, конечно, не документальное свидетельство. Поэтому восстановим историю ранних отношений Достоевского и Краевского.

Их знакомство произошло при посредстве В. Г. Белинского — ведущего критика «Отечественных записок».⁵¹⁸ 8 октября 1845 г. Достоевский писал в Ревель брату Михаилу, в гостях у которого он провел все лето, напряженно работая над «Двойником»: «Я бываю весьма часто у Белинского. Он ко мне донельзя расположен и серьезно видит во мне *доказательство перед публикою* и оправдание мнений своих. <...> Белинский понукает меня дописывать Голядкина. Уж он разгласил о нем во всем литературном мире и чуть не запродавал Краевскому, а о „Бедных людях“ говорит уже пол-Петербурга»⁵¹⁹. Эти строки еще не позволяют говорить о личных контактах Достоевского и Краевского, но твердо свидетельствуют, что в начале осени 1845 г. издатель «Отечественных записок» достаточно наслышан о молодом талантливом писателе и заинтересован заполучить его новое произведение в свой журнал.

В конце октября Достоевский уже сотрудник Краевского. Н. А. Некрасов в это время задумал издавать комический альманах «Зубоскал», и в № 11 «Отечественных записок» Достоевским напечатано объявление с программой предстоящего издания. «Объявление наделало шуму; ибо это первое явление такой легкости и такого юмору в подобного рода вещах. <...> За него взял двадцать рублей серебром»⁵²⁰, — сообщает он брату. Цензурное разрешение ноябрьской книжки журнала с анонсом «Зубоскала» датировано 31 октября 1845 г. Факт публикации в «Отечественных записках» и получение гонорара, как кажется, свидетельствуют уже о личных встречах автора с издателем.

В середине следующего месяца личное знакомство Достоевского с издателем журнала уже не вызывает сомнений. 16 ноября писатель сообщает брату: «На днях Краевский, услышав, что я без денег, упросил меня покорнейше взять у него 500 руб.

⁵¹⁸ Достоевский вполне определенно свидетельствует об этом в «Дневнике писателя» 1877 г. Вспоминая об интересе Белинского ко второй своей повести «Двойник», Достоевский пишет: «Он [Белинский] повестил об ней, еще не зная ее, Андрея Александровича Краевского, у которого работал в журнале, с которым и познакомил меня и с которым я уговорился, что эту новую повесть „Двойник“ я, по окончании, дам ему в „Отечественные записки“...» (ПСС. Т. 26. С. 65).

⁵¹⁹ ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 113.

⁵²⁰ Там же. С. 116.

взаймы. Я думаю, что я ему продам лист за 200 руб. ассигнациями»⁵²¹. И так, аванс за «Двойника» уже получен.

Но пока Краевский навряд ли представляет сколько-нибудь конкретно, что за произведение он стремится заполучить в свой журнал. Работа над «Голядкиным» (как именуется в это время своя повесть Достоевский) была еще в середине. Однако издатель «Отечественных записок» исключительно чуток к чужим мнениям, и восторженные отзывы Белинского и его окружения о «Бедных людях» заставляют его рискнуть немалыми деньгами. Впрочем, он не намерен «покупать kota в мешке» и предпринимает серьезные усилия, чтобы самому познакомиться с первым романом Достоевского еще до его публикации в «Петербургском сборнике». Есть данные, что во второй половине ноября 1845 г. Краевскому, благодаря его литературным связям, удается раздобыть корректуры печатающихся «Бедных людей». Больше того, он буквально на одну ночь дает их для прочтения другим столичным литераторам (например, князю В. Ф. Одоевскому), с категорическим требованием, чтобы наутро корректуры были возвращены к нему на квартиру.⁵²² Так дом генеральши Александровой на Невском проспекте (наряду с домом купца Лопатина на углу набережной Фонтанки) становится одним из центров, где литературный Петербург знакомится с еще не напечатанным первым романом Достоевского.

А что же «Двойник»? Еще до завершения повести писатель начинает читать ее первые главы в литературных кружках. Одно из таких чтений состоялось 3 декабря 1845 г. на вечере у В. Г. Белинского. Среди присутствовавших на чтении был и И. С. Тургенев. Достоевский читал самое начало «Двойника» (три или четыре главы). Позднее, в 1870-е гг., он вспоминал этот вечер в «Дневнике писателя»: «Иван Сергеевич Тургенев, прослушав лишь половину того, что я прочел, похвалил и уехал, очень куда-то спешил...»⁵²³ Но и первых глав «Двойника» в чтении автора было достаточно Тургеневу для того, чтобы составить мнение о новом произведении Достоевского, о его психологическом рисунке — то самое «мнение Г-на Т.», которое в графическом фельетоне Н. А. Степанова повторяет, выдавая его за свое, в глаза «Сотруднику» Достоевскому «Журналист» Краевский («Знаете, повесть ваша собственно не повесть, а психологическое развитие...»).

«Двойник» увидит свет в № 2 «Отечественных записок», вышедших 1 февраля 1846 г. Достоевский будет продолжать работу над повестью почти до самой ее

⁵²¹ Там же.

⁵²² См.: Русская старина. 1904. Т. 118. С. 584 (письмо А. А. Краевского князю В. Ф. Одоевскому).

⁵²³ ПСС. Т. 26. С. 66.

публикации. В письме брату, написанном в день выхода журнала, он сообщает: «За Голядкина взял я ровно 600 руб. серебром»⁵²⁴. Таким образом, если локализовать комическую ситуацию, запечатленную на карикатуре Н. А. Степанова, к какому-то определенному времени, то наиболее правдоподобно ограничить ее второй половиной декабря 1845 – первой половиной января 1846 г. В это время, как показывает сделанный нами обзор ранних отношений Достоевского и Краевского, писатель уже несомненно не однажды бывал в доме издателя «Отечественных записок» на Невском проспекте.

В дальнейшем отношения его с издателем «Отечественных записок» развивались настолько интенсивно, что в письме брату от 1 апреля 1846 г., призывая того приложить усилия и также «что-нибудь заработать на литературном поприще», Достоевский советует ему взяться за перевод поэмы Гете «Рейнеке-Фукс», *гарантируя*, что она будет опубликована в «Отечественных записках»: «Краевский в полном моем распоряжении»⁵²⁵, — пишет он Михаилу. Интонация этой фразы, конечно же, вполне хлестаковская, но за нею стоит и определенная реальность личных отношений маститого Журналиста и Сотрудника, в котором он серьезно заинтересован...

Впрочем, реальность далеко не такая радужная, какой она рисуется в приведенном письме Достоевского. Осенью того же года, сообщая брату о своих наполеоновских (и, естественно, несостоявшихся) планах поездки за границу, в Италию, на деньги, которые ему якобы дают книгопродавцы за право издания всех его сочинений (реально пока написаны только «Бедные люди» и «Двойник»), Достоевский тут же обращается к Михаилу с просьбой: «А покамест вот тебе следующее: помоги мне, брат, до 1-го декабря самое дальнее. Ибо до 1-го декабря я совершенно не знаю, где взять денег. То есть деньги-то будут, Краевский, например, навязывает, но я взял уже у него 100 р. серебром и теперь от него бегаю. Ибо <...> система всегдашнего долга, которую так распространяет Краевский, есть система моего рабства и зависимости литературной...»⁵²⁶

А вот это уже больше похоже на дело. Конечно же, не Краевский «в полном распоряжении» Достоевского, но, напротив, он сам, как муха в сетях паука, оказался в литературном рабстве у издателя «Отечественных записок». «Система всегдашнего долга» — на три года вперед, вплоть до ареста весной 1849 г., — отныне определяет отношения писателя и его «литературного антрепренера».

⁵²⁴ ПСС. Т. 28₁. С. 118.

⁵²⁵ Там же. С. 121.

⁵²⁶ Там же. С. 127-128.

«...Я <...> теперь от него бегаю...» — доверительно сообщает Достоевский брату. И эти слова отнюдь не метафора. Какие это иногда принимало комические формы, можно представить по сообщенному Белинским в письме Тургеневу от 19 февраля 1847 г. «презабавному анекдоту о Достоевском»: «Он забрал у Краевского более 4 тысяч ассигнациями, — сообщает критик своему корреспонденту, — и обязался контрактом 5 декабря доставить ему 1-ую часть своего большого романа; 5 января — 2-ю; 5 февраля — 3-ю; 5 марта — 4-ю.⁵²⁷ Проходит декабрь и январь — Достоевский не является, а где его найти, Краевский не знает. Наконец в феврале в одно прекрасное утро в прихожей Краевского раздается звонок. Человек отворяет — и видит Достоевского. Наскоро схвативши с него шинель, бежит доложить — Краевский, радуется, обрадовался, человек выходит сказать — дескать, пожалуйста, но не видит ни галош, ни шинели Достоевского, ни самого его — и след простыл... Неправда ли, что это точь-в-точь сцена из „Двойника“?»⁵²⁸

Происходили в доме генеральши Александровой и другие «презабавные анекдоты», также с участием Достоевского, но очень рельефно обрисовывавшие моральную физиономию издателя «Отечественных записок», в «литературном рабстве» у которого находился не только создатель господина Голядкина.

В 1840-е гг. Достоевский был в приятельских отношениях с даровитым писателем, одним из наиболее ярких представителей «натуральной школы» Яковом Петровичем Бутковым — автором знаменитой в свое время книги «Петербургские вершины». «Бутков <...> даже между нами, далеко не богатыми людьми, — вспоминал лечивший Достоевского доктор С. Д. Яновский, — отличался своею воистину поразительной бедностью»⁵²⁹. Он также стал жертвой «системы всегдашнего долга», практиковавшейся издателем «Отечественных записок», но в формах гораздо более тяжелых и унижительных, чем Достоевский. По своему социальному положению Я. П. Бутков был мещанином. Объявлен был рекрутский набор, и ему по званию и семейному положению необходимо было идти в солдаты. Краевский выкупил автора «Петербургских вершин» из мещанского общества и тем спас от рекрутчины (впрочем, выкупил не за свои, а на деньги Общества посещения бедных), но «за такое благодеяние запряг Буткова в свою работу»: писатель-пролетарий должен был выплачивать этот долг издателю «Отечественных записок» частью гонорара за свои произведения,

⁵²⁷ Речь идет о романе «Неточка Незванова», который будет напечатан в «Отечественных записках» только в 1849 г.

⁵²⁸ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 619.

⁵²⁹ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 237.

помещаемые в его журнале. Как свидетельствует современник, Бутков «не раз приходил со слезами жаловаться Некрасову на своего вампира»⁵³⁰. Долг Краевскому он не смог выплатить до конца жизни, очень быстро надорвал свои силы и сгинул в неизвестности...

Во второй половине 1840-х гг. вместе с таким же бедолагой, как и он сам, литератором И. П. Крешевым, Бутков ютился в одной из комнаток в квартире А. А. Краевского на Невском проспекте. «Литературный антрепренер» поселил писателей у себя на дому, чтобы легче и надежнее было контролировать работу находившихся у него в кабале журнальных сотрудников. Осенью 1847 г. в Петербург из Ревеля, выйдя в отставку, переехал старший брат Достоевского Михаил. До приезда в столицу семейства Михаила Михайловича братья решили жить вместе. А для этого, как минимум, необходимо было раздобыть какой-нибудь диван, так как спать «валетом» было чрезвычайно неудобно. О дальнейшем как раз и повествует второй «презабавный анекдот», который также рассказал в одном из своих писем В. Г. Белинский.

«...Надо сказать, — пишет критик, — что Бутков живет у Краевского вместе с другим молодым человеком — Крешевым. Он дал им лишнюю комнату, взявши с каждого из них по 100 руб. серебром в год. <...> Продал Краевский Крешеву старый диван, набитый клопами, за 4 руб. серебром. Диван этот понравился Достоевскому, и он, за ту же цену, перекупил его у Крешева. Поутру являются двое ломовых извозчиков от Достоевского, и они понесли было диван». «Краевский узнал и взбесился: „Я продал им диван, чтоб у них комната не была пустая, а они его перепродают — вздор!“ и остановил диван»⁵³¹. Так и остались братья Достоевские без второго дивана. Ну а Буткову и Крешеву спать на одном диване «валетом» было не привыкать...

Посещения дома Краевского в конце 1840-х гг. упоминаются в письмах Достоевского не однажды. В конце 1847 г. издатель «Отечественных записок» учредил у себя на квартире «по четвергам для сотрудников»⁵³² что-то вроде собраний редакционного кружка. Как постоянный автор «Отечественных записок» Достоевский бывал на них достаточно часто. В 1848–1849 гг. он напечатал в журнале Краевского рассказы «Слабое сердце», «Чужая жена. (Уличная сцена)», «Ревнивый муж. (Происшествие необыкновенное)»⁵³³, «Отставной», «Честный вор», «Елка и свадьба»,

⁵³⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 679. Также см.: Милуков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 105-131.

⁵³¹ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 679, 672.

⁵³² Там же. С. 479.

⁵³³ В последующих переизданиях два последних рассказа были объединены Достоевским под одним названием «Чужая жена, или Муж под кроватью».

«Белые ночи». Последней его публикацией, прерванной из-за ареста, было начало романа «Неточка Незванова»...

Этот роман, имевший в журнале подзаголовок: «История одной женщины», начал печататься в двух первых номерах «Отечественных записок» за 1849 г. (часть первая «Детство», часть вторая «Новая жизнь»). Третья часть под названием «Тайна» была в типографии в наборе, когда Достоевский оказался заключенным Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Краевский, не зная, как поступить и не желая рисковать (в этом номере в наборе была также повесть «Жак Бичовкин» еще одного петрашевца — А. И. Пальма), обратился за разъяснениями в III Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии. Через несколько дней он получил официальное уведомление, в котором сообщалось, что начальник III Отделения генерал-адъютант граф А. Ф. Орлов «изволил отозваться, что повести *Достоевского* и *Пальма*, уже рассмотренные и дозволенные к напечатанию цензурой, могут остаться в упомянутом №, но с тем, чтобы под оными не были означены фамилии сочинителей...»⁵³⁴

Этот документ датирован 28 апреля 1849 г. Через три дня, 1 мая, в свет вышел № 5 «Отечественных записок». На его страницах, без указания имени Достоевского, была опубликована третья часть романа «Неточка Незванова»⁵³⁵...

22 декабря 1849 г., сразу же после возвращения с Семеновского плаца, где на эшафоте он, в белом балахоне смертника, выслушал смертный приговор, веруя, что жить ему осталось не более пяти минут, Достоевский пишет из Петропавловской крепости письмо брату, в котором сообщает в подробностях обо всем, что пережил сегодня утром. Заканчивая письмо, он поручает Михаилу: «Еще раз пожми руку Эмилии Федоровне (жене брата. — *Б. Т.*), целуй деток». И добавляет в отдельной строке: «Поклонись Краевскому; может быть...»⁵³⁶

Что скрывается за этим «может быть», — и «привязанном» к имени Краевского, и отделенном от него точкой с запятой, — нам, видимо, не суждено узнать никогда.

НА ПРОПОВЕДИ ЛОРДА-АПОСТОЛА

Четырехэтажный дом № 88 в его современном виде был построен неизвестным архитектором во второй четверти XIX в. для купца Алексея Калугина. Его «строгий

⁵³⁴ Цит. по: *Бельчиков Н. Ф.* Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 188.

⁵³⁵ В последующих переизданиях она стала главой VI романа.

⁵³⁶ *ПСС*. Т. 28₁. С. 165.

безордерный, несколько монотонный фасад характерен для последней стадии классицизма», — пишут об облике дома Калугина историки архитектуры Невского проспекта.⁵³⁷ Краешек этого здания можно видеть на акварели Ф. Баганца 1855 г., изображающей два соседних дома — № 90 и 92.⁵³⁸ В первой половине 1870-х гг., когда домовладелицей была внучка Алексея Калугина — Ольга Федоровна Калугина (в замужестве Янсон), в квартире № 101 этого огромного особняка жила дочь легендарного героя Отечественной войны 1812 года, поэта-партизана Дениса Давыдова — Юлия Денисовна Засецкая. В ее салоне не однажды бывал Достоевский. Здесь во время Великого поста 1874 г. писатель, по его собственному позднему свидетельству на страницах мартовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г., слушал проповедь английского миссионера-евангелиста лорда Редстока.⁵³⁹

Сэр Гренвилл Аугустус Уильям Уолдгрейв лорд Редсток (1831–1913) происходил из аристократического баронского рода, имевшего ирландские корни; его дед и отец были адмиралами. В Оксфордском университете он изучал историю и естествознание. Принимая участие в Крымской войне 1853–1856 гг., Редсток заболел тяжелой формой лихорадки; и жизнь его висела на волоске. Во время болезни в нем обострилось сознание своей греховности и вины перед Богом, разрешившееся религиозным кризисом и «обращением»: по его собственному свидетельству, ему открылось, что как его личные грехи, так и грехи каждого человека уже омыты святой кровью Христа и что все уверовавшие в Него и покаявшиеся уже спасены. Это сознание наполнило его душу неземным счастьем. Так в Редстоке утвердился главный протестантский вероучительный тезис об оправдании верой (*sola fide*) — верой в искупительную жертву Спасителя. «...Необходимость духовного возрождения человека верой во Иисуса Христа»⁵⁴⁰ стала главным пунктом его религиозных убеждений. В последующие годы в его жизни совершились не только внутренние, но и внешние изменения. Он распродал значительную часть своего имения, отказался от помощи слуг. В возрасте тридцати трех лет в звании полковника Редсток вышел в отставку и занялся миссионерской деятельностью, объехав с проповедью евангельского откровения многие

⁵³⁷ См.: Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект. Дом за домом. СПб., 2009. С. 333. Здесь ошибочно указано, что владельцами дома «были купцы Меняевы». Купцам Меняевым принадлежали соседние дома № 90 и 92.

⁵³⁸ См.: Петербург неузнаваемый в акварелях Ф. Ф. Баганца. СПб., 2005. С. 75.

⁵³⁹ Сам Достоевский пишет в 1876 г., что ему «случилось <...> слышать» Редстока «три года назад», когда лорд-апостол «проповедовал у нас всю зиму» (*ИСС*. Т. 22. С. 98). Однако приезд Редстока в Петербург в 1874 г. был первым, и появился он в столице в самом конце зимы.

⁵⁴⁰ Слова о сути учения Редстока из письма Ю. Д. Засецкой Н. С. Лескову (цит. по: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 56).

европейские страны, а также Индию. В 1874 г. по приглашению Ю. Д. Засецкой⁵⁴¹ около 18–21 февраля он приехал в столицу Российской империи.

Собиравшие большое число участников проповеди и духовные беседы лорда Редстока в нескольких петербургских великосветских салонах в середине 1870-х гг. явились характерной чертой времени. «Семидесятые годы, — писал об этой эпохе Г. В. Флоровский, — были временем острого религиозно-моралистического возбуждения, на верхах и в низах сразу. <...> Это был рецидив сентиментализма, новый пароксизм этого упрощающего душевного утопизма, слишком однозначно разрешающего трагические противоречия и столкновения жизни добрыми чувствами и советами... <...> Таков прежде всего „великосветский раскол“, вызванный в Петербурге в 70-х годах проповедью лорда Г. В. Редстока»⁵⁴². «Великосветским расколом», намекая на значительное число титулованных особ среди последователей Редстока, назвал это религиозное движение в петербургских верхах Н. С. Лесков.⁵⁴³ Он же ядовито охарактеризовал редстокизм как «религиозную маниловщину»⁵⁴⁴. Последнее определение очень хорошо комментирует замечание о лорде Редстоке, принадлежащее А. А. Толстой: «Природу человеческую он вовсе не знает и даже не обращает на нее внимания, потому что по его системе каждый человек может в одну секунду развязаться со своими страстями и дурными наклонностями только по одному желанию идти за Спасителем...»⁵⁴⁵ Впечатление «маниловщины» оставляла и та исключительная легкость, с которой «лорд-апостол» «отпускал грехи» всем желающим, разъясняя, что они верою своею *уже оправданы* перед Господом.⁵⁴⁶

⁵⁴¹ «Она отыскала в Англии Редстока и пустила его в ход в Петербурге», — сообщает Н. С. Лесков со слов самой Ю. Д. Засецкой (*Лесков Н. С. Великосветский раскол: Лорд Редсток и его последователи: Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. М., 1877. С. 97*). По другим сведениям, Редсток приехал в Петербург по приглашению генеральши Е. И. Чертковой — матери секретаря Льва Толстого, — которая была сестрой жены одного из наиболее активных деятелей петербургского редстокизма, полковника В. А. Пашкова (см.: *Духовное пробуждение в России. Воспоминания княжны С. П. Ливен. Чикаго, 1986. С. 8*). М. Джоунс полагает, что Редсток был приглашен в Россию самой кн. Ливен (см.: *Jones M. Dostoevsky, Zasetzkaya, and Radstokizm // Oxford Slavonic Papers. New series. Oxford, 1994. Vol. 27. P. 109*). Также см.: *Бачинин В. А. О миссии лорда Г. Редстока в Петербурге // История Петербурга. 2006. № 6 (34). С. 59-65.*

⁵⁴² *Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Paris, 1937 (репринт: Вильнюс, 1991). С. 402.*

⁵⁴³ См.: *Лесков Н. С. Великосветский раскол: Лорд Редсток и его последователи: Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. М., 1877.*

⁵⁴⁴ Там же. С. 92.

⁵⁴⁵ *Толстой Л. Н., Толстая А. А. Переписка (1857–1903). М., 2011. С. 332.*

⁵⁴⁶ Один из последователей лорда Редстока вспоминал: «Я верил, что Христос — Сын Божий, боялся Бога, был благочестивым, часто молился. <...> Но при всем этом совершенно не знал: спасен я или погибший? <...> Один из первых вопросов, который был поставлен мне им [Редстоком], гласил: „Уверен ли я в том, что я спасен?“ Ответ мой был отрицательный. — Здесь на земле, ответил я, никто не может знать, спасен ли он; это мы узнаем, когда будем в небесах. — Для кого же было написано Слово Божие, — сказал он, — тем, которые на небе, или на земле? — Несомненно тем, которые на земле, — ответил я. Тогда он начал приводить мне одно за другим места Священного Писания, ясно доказывающие, что

«В число ближайших и непосредственных последователей учения Редстока входили титулованные особы, приближенные царского двора, что придавало этому сектантскому движению характер отнюдь не безобидного уклонения от православия <...>. Некоторые имена были особенно на слуху: барон М. М. Корф (гофмейстер), граф А. П. Бобринский (министр путей сообщения в 1871–1874 годах), графиня Е. И. Шувалова, жена посла в Англии в 1874–1879 годах), княжна М. М. Дондукова-Корсакова, княгиня Н. Ливен, Е. И. Черткова (урожд. графиня Чернышева-Кругликова, мать секретаря Л. Толстого), княгини К. Голицына и В. Ф. Гагарина, дипломат и государственный деятель Ф. Г. Тернер, полковник в отставке В. А. Пашков, один из богатейших людей России...» и др.⁵⁴⁷

Активнейшей деятельницей петербургского редстокизма стала Ю. Д. Засецкая. Лесков называл ее «старостихой редстоковой церкви в России» и «главную виновницу *всего* нынешнего религиозного движения в большом свете»⁵⁴⁸. Ее близкое знакомство с лордом Редстоком состоялось в Англии, в начале 1870-х гг.⁵⁴⁹ и произвело на Юлию Денисовну исключительное впечатление. «В нем дышит Дух Святой! — коленопреклоненно писала Засецкая о Редстоке, — дух истины, чистоты — чувствуется что-то неземное, когда близко его знаешь. Если я его не называю своим идеалом, то это потому, что, увы! во мне еще много земного, и его чистота, постоянное созерцание небесного смущают мой дух...»⁵⁵⁰ «...Я ставлю [его] в нравственном отношении выше всех мне известных людей»⁵⁵¹.

Под воздействием проповедей Редстока и личных бесед с ним она по возвращении в Петербург пожертвовала крупную сумму на обустройство первого в России ночлежного приюта для бездомных на сто двадцать человек, открывшегося в марте 1873 г. в столице во 2-й Роте Измайловского полка, № 14. Около этого времени состоялось и знакомство Достоевского с Засецкой, которая пригласила писателя

верующим во Христа дано это знание, что Христос понес на кресте грехи наши и что мы получили жизнь вечную, не по нашим делам, а исключительно через искупительную жертву на кресте» (цит. по: *Кареев А. В.* Русское евангельско-баптистское движение // Альманах по истории русского баптизма. СПб., 1999. С. 123-124).

⁵⁴⁷ *Ипатова С. А.* Достоевский, Лесков и Ю. Д. Засецкая: спор о редстокизме // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 16. С. 409.

⁵⁴⁸ Там же. С. 97.

⁵⁴⁹ Ю. Д. Засецкая сообщала Н. С. Лескову в письме 14 июня 1876 г.: «Я в их семействе (Редстоков. — Б. Т.), включая его недавно умершую мать и сестру, проводила дни, я у них бывала как у себя, часто затрагивала вопросы, о которых он не говорит никогда, и, бывало, он мне скажет: понимаете — я это говорю вам, другие могут ложно перетолковать мои мысли» (РО ИРЛИ. Ф. 612. № 252. Цит. по: *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 54).

⁵⁵⁰ Там же. С. 55.

⁵⁵¹ Там же. С. 57.

«осмотреть устроенное ею убежище для бездомных»⁵⁵². В архиве Достоевского сохранилась визитная карточка с печатным текстом: «Юлия Денисовна Засецкая, рожденная Давыдова. Невский просп. № 88, кв. 101» и чернильной припиской поверху: «Свободный вход в Ночлежный Приют во всякое время дня и ночи». На обороте же сделана надпись: «Ф. М. Достоевско>му от Председательницы Общества Н<очлежных> П<риютов>»⁵⁵³.

«Федор Михайлович очень ценил ум и необычайную доброту Ю. Д. Засецкой, — вспоминала А. Г. Достоевская, — часто ее навещал и с нею переписывался. Она тоже бывала у нас, и я с нею сошлась как с очень доброю и милою женщиною...»⁵⁵⁴ Специфические отношения писателя с приятельницей-редстокистской выразительно описаны Н. С. Лесковым:

«Юлия Денисовна была заведомая протестантка, — пишет он, — и она одна из всех лиц известного великосветского религиозного кружка не скрывала, что она с православием покончила и присоединилась к лютеранству. Это у нас для русских не дозволено и составляет наказуемое преступление, а потому признания в таком поступке требует известного мужества. Достоевский говорил, что он именно „уважает“ в этой даме „ее мужество и ее искренность“, но самый факт уклонения от православия в чужую веру его огорчал. Он говорил то, что говорят и многие другие, то есть что православие есть вера самая истинная и самая лучшая и что, не исповедуя православия, „нельзя быть русским“. Засецкая, разумеется, держалась совсем других мнений и по характеру своему, поразительно напоминавшему горячий характер отца ее, „пылкого Дениса“, была как нельзя более русская. В ней были и русские привычки и русский нрав, и притом в ней жило такое живое сострадание к бедствиям чернорабочего народа, что она готова была помочь каждому и много помогала... Притом все, что она делала для других, — это делалось ею не по-купечески, а очень деликатно. Словом, она была очень добрая и хорошо воспитанная женщина и даже набожная христианка, но только не православная. И переход из православия в протестантизм она сделала, как Достоевский правильно понимал, потому, что была искренна и не могла сносить в себе никакой фальши. Но через это-то Достоевскому было особенно жалко, что такая „горячая душа“ „ушла от своих и пристала к немцам“. И он ей пенял и наставлял, но

⁵⁵² Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 270.

⁵⁵³ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29718.

⁵⁵⁴ См.: Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 270.

никак не мог вернуть заблудшую в православие. Споры у них бывали жаркие и ожесточенные...»⁵⁵⁵

Очевидно, что не только Достоевский прилагал усилия, чтобы вернуть «„словесную овцу“ редстоковского духовного стада»⁵⁵⁶ в лоно православной церкви, но и Ю. Д. Засецкая в свою очередь предпринимала шаги с целью склонить его на сторону своего кумира. Поэтому в один из ближайших дней после приезда английского миссионера в Петербург писатель получил от Юлии Денисовны приглашение посетить проповедь лорда Редстока, которая должна будет состояться в ее доме на Невском проспекте. Сохранилась записка секретаря редакции еженедельника «Гражданин» В. Ф. Пуцьковича Достоевскому, в которой сообщалось: «По поручению Ю. Д. Засецкой препровождаю к Вам <...> прилагаемый при сем билетик»⁵⁵⁷. По указанию составителя «Летописи жизни и творчества Достоевского» В. А. Викторovichа, этот «билетик» не что иное как «приглашение к Ю. Д. Засецкой на проповедь лорда Редстока»⁵⁵⁸. Правомочность такого предположения, кроме близости даты записки Пуцьковича к началу выступлений Редстока в Петербурге, подкрепляется еще и публикацией в еженедельнике «Гражданин», освещавшей первые проповеди «лорда-апостола» в северной столице, в которой сообщалось, что «после смиренной беседы в гостиной» (возможно, Е. И. Чертковой) Редсток «потом перешел в американскую кирку (на Почтамтской улице. — *Б. Т.*), где говорил *над кафедрой*, потом говорил у г-жи Зас<ец>кой в зале, где было до ста приглашенных по *печатным запискам*»⁵⁵⁹. При скудости документальных свидетельств об этом вечере с участием лорда Редстока указанные детали представляются весьма ценными — количество собравшихся и наличие «печатных записок», то есть *пригласительных билетов*.⁵⁶⁰

⁵⁵⁵ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 147-148.

⁵⁵⁶ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 58.

⁵⁵⁷ РГБ. Ф. 93. 13.11 (цит. по: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 459).

⁵⁵⁸ Там же. С. 460. А. Г. Достоевская, в архиве которой находилась как названная записка В. Ф. Пуцьковича, так и визитная карточка Ю. Д. Засецкой с надписью, в которой упоминается ночлежный приют, видимо, склонная была в период работы над своими мемуарами отождествлять упомянутый Пуцьковичем «билетик» именно с этой визитной карточкой. Юлия Денисовна, пишет жена писателя, «через секретаря редакции „Гражданина“ (В. Ф. Пуцьковича. — *Б. Т.*) пригласила Федора Михайловича в назначенный день осмотреть устроенное ею убежище для бездомных» (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. СПб., 2011. С. 270). Представляется маловероятным, чтобы Засецкая *дважды* передавала Достоевскому приглашения, равно *используя в качестве посредника В. Ф. Пуцьковича*.

⁵⁵⁹ Гражданин. 1874. 4 марта. № 9. С. 248.

⁵⁶⁰ Подробно обстановку одной из проповедей лорда Редстока воссоздает в художественной картине, данной сквозь ироническую призму, Н. С. Лесков (см.: Лесков Н. С. Великосветский раскол: Лорд Редсток и его последователи: Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. М.,

Жена писателя в своих мемуарах сообщает, что Федор Михайлович по приглашению Ю. Д. Засецкой «несколько раз присутствовал при духовных беседах лорда Редстока и других выдающихся проповедников этого учения»⁵⁶¹. Сам Достоевский, к сожалению, лишь очень кратко упомянул в «Дневнике писателя» об одном таком эпизоде. «Мне случилось его [Редстока] тогда слышать в одной „зале“ на проповеди, — пишет он о зиме 1874 г., — и, помню, я не нашел в нем ничего особенного: он говорил ни особенно умно, ни особенно скучно»⁵⁶². «...Он не очень-то красноречив, — замечает Достоевский в другом месте, — делает довольно грубые ошибки и довольно плохо знает сердце человеческое (именно в теме веры и добрых дел)»⁵⁶³.

Из этих суждений видно, что писатель воспринял английского проповедника-гастролера с значительной долей скепсиса. Удивительно, как в столь лаконичной характеристике он четко обозначил главный пункт своих расхождений с учением Редстока. По Достоевскому, вера достигается опытом деятельной любви. Его любимый герой старец Зосима в последнем романе «Братья Карамазовы» учит: «Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не возможет зайти в вашу душу. Это испытано, это точно»⁵⁶⁴. Фактически этот текст является замечательным практическим комментарием к словам апостола о том, что «вера без дел мертва есть» (Иак. 2: 17), демонстрацией путей, на которых дела любви *оживляют* веру. У Редстока отношения веры и дела перевернуты. Вера в то, что спасение души уже даровано нам крестною смертью Христа, в проповеди «лорда-апостола» первична и самодостаточна. Но она «может нам внушить истинные богоугодные дела как выражение нашей любви и благодарности»⁵⁶⁵.

Для Достоевского редстокизм — это яркий пример современного «обособления», «нечто вроде новой секты», чреватой отпадением от православия. Упоминая в этой связи «секты скакунов, трясушек, конвульсионеров, квакеров, ожидающих миллениума и, наконец, хлыстовщину», он замечает: «Я, конечно, не в насмешку говорю об этих

1877. С. 68-90). Нельзя исключать, что здесь изображен именно салон Ю. Д. Засецкой на Невском проспекте.

⁵⁶¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 270.

⁵⁶² ПСС. Т. 22. С. 98.

⁵⁶³ ПСС. Т. 30, кн. 2. С. 23.

⁵⁶⁴ ПСС. Т. 14. С. 52.

⁵⁶⁵ Одна из слушательниц бесед [Ю. Д. Засецкая?] [Письмо в редакцию] // Гражданин. 1874. 4 марта. № 9. С. 247.

сектах, сопоставляя их рядом с лордом Редстоком, но кто отстал от истинной церкви и замыслил свою, хотя бы самую благолепную на вид, непременно кончит тем же, чем эти секты»: «эти проповедники-сектанты всегда уничтожают, если б даже и не хотели того, данный церковью образ веры и дают свой собственный»⁵⁶⁶. О лорде Редстоке, пропагандировавшем *личную веру*, отрицавшем Церковь как божественное установление, таинства, богослужебные обряды, церковную молитву, иерархию, св. иконы и т. д., Достоевский писал: «Это господин, который объявляет, что несет нам „драгоценную жидкость“; но в то же время настаивает, что ее надо нести без стакана и, уж конечно, хотел бы стакан разбить. Формы он отвергает, даже молитвы сам сочиняет»⁵⁶⁷.

Метафоры «драгоценной жидкости» и «стакана» как выражение диалектики формы и содержания в религиозной жизни Достоевский позднее разовьет в такую выразительную картину: «Несут сосуд с драгоценною жидкостью, все падают ниц, все целуют и обожают сосуд, заключающий эту драгоценную, живящую всех влагу, и вот вдруг встают люди и начинают кричать: „Слепцы! чего вы сосуд целуете: дорогá лишь живительная влага, в нем заключающаяся, дорого содержимое, а не содержащее, а вы целуете стекло, простое стекло, обожаете сосуд и стеклу приписываете всю святость, так что забываете про драгоценное его содержимое! Идолопоклонники! Бросьте сосуд, разбейте его, обожайте лишь живящую влагу, а не стекло!“ И вот разбивается сосуд, и живящая влага, драгоценное содержимое, разливается по земле и исчезает в земле, разумеется. Сосуд разбили и влагу потеряли»⁵⁶⁸. Этот образ замечательно передает отношение писателя и к проповеди лорда Редстока, и к деятельности его «паствы».⁵⁶⁹

В то же время Достоевский сосредоточивает внимание на исключительном успехе проповеди английского миссионера: «А между тем он делает чудеса над сердцами людей; к нему льнут; многие поражены: ищут бедных, чтоб поскорей облагодетельствовать их, и почти хотят раздать свое имение»⁵⁷⁰. Этот эффект проповеди Редстока контрастно оттеняется невыразительным внешним обликом проповедника, который Н. С. Лесков описывает так: «Наружность Редстока — одна из

⁵⁶⁶ ПСС. Т. 22. С. 98-99.

⁵⁶⁷ ПСС. Т. 30, кн. 2. С. 23.

⁵⁶⁸ ПСС. Т. 25. С. 11.

⁵⁶⁹ Показательно, что умершая во Франции Ю. Д. Засецкая в своем завещании распорядилась «„не перевозить ее тела в Россию“, дабы не дать возможности господствующей церкви совершить над ним установленные обряды» (Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 60).

⁵⁷⁰ ПСС. Т. 22. С. 98. «Он здесь прозвучал как колокол и разбудил многих, никогда не помышлявших прежде о Христе и спасении...» — пишет о Редстоке также и А. А. Толстая (Толстой Л. Н., Толстая А. А. Переписка (1857–1903). М., 2011. С. 333).

неудачных. Он не только далеко не красив и не изящен, но даже совсем не имеет того, что называется „представительность“. Редсток среднего роста, коренаст и мускулист; фигуру его можно удачно определить русской поговоркой „Плохо скроен, да крепко сшит“»⁵⁷¹.

«Может быть, вся сила его обаяния в том, что он лорд, — высказывает предположение Достоевский в черновых набросках, — и проповедует не „хлопску веру“, как называли нашу веру магнаты Западного края, когда за нее в прошлом и запрошлом столетии мучили народ, а барскую, „чистую“»⁵⁷². Однако в печатном тексте «Дневника писателя» он корректирует такое допущение: «Впрочем, трудно сказать, чтоб вся сила его обаяния заключалась лишь в том, что он лорд и человек независимый и что проповедует он, так сказать, веру „чистую“, барскую». «Настоящий успех лорда Редстока, — делает окончательный вывод Достоевский, — зиждется единственно лишь на „обособлении нашем“, на оторванности нашей от почвы, от нации. Оказывается, что мы, то есть интеллигентные слои нашего общества, — теперь какой-то уж совсем чужой народик, очень маленький, очень ничтожненький, но имеющий, однако, уже свои привычки и свои предрассудки, которые и принимаются за своеобразность, и вот, оказывается, теперь даже и с желанием своей собственной веры. <...> Повторяю, тут плачевное наше обособление, наше неведение народа, наш разрыв с национальностью, а во главе всего — слабое, ничтожное понятие о православии»⁵⁷³.

Эти строки воспринимаются как непосредственное продолжение горячих споров автора «Дневника писателя» со «старостихой редстоковой церкви» — Ю. Д. Засецкой. О новом витке этих споров в конце 1870-х гг., одном их неожиданном комическом повороте у нас еще будет повод поговорить в связи со вторым адресом Юлии Денисовны на Невском проспекте — в доме № 100.

⁵⁷¹ Лесков Н. С. Великосветский раскол: Лорд Редсток и его последователи: Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. М., 1877. С. 29.

⁵⁷² ПСС. Т. 24. С. 177. В этой связи отметим, что сын Н. С. Лескова в воспоминаниях об отце называет редстокизм «салонно-кенареечным движением» (Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 54). С этим определением интересно сопоставить свидетельство участницы собраний редстокистов, которая так рисует царящую на них атмосферу: «В нарядном зале люди самых разных профессий и сословий, сидя вперемежку на шелком обтянутых креслах и стульях, внимательно вслушиваясь в простые евангельские слова о любви Божией. Собрание сопровождалось пением. Вокруг фисгармонии стояла группа молодых девиц; они свежими голосами пели новопереведенные с английского языка евангельские песни, призывающие ко Христу. Их пение сопровождалось музыкой талантливой певицы и труженицы на ниве Божией, Александры Ивановны Пейкер. Трое из этих молодых девушек были дочери хозяина дома, Пашкова, трое — дочери министра юстиции, графа Палена, и две княжны Голицыны» (Духовное пробуждение в России. Воспоминания княжны С. П. Ливен. Чикаго, 1986. С. 13-14).

⁵⁷³ ПСС. Т. 22. С. 98.

«РЕШИЛ ФИГЛЯРИН, СИДЯ ДОМА...»

Акварельный рисунок Ф. Баганца «Невский проспект напротив дома Логинова», датируемый самым началом 1860-х гг., — редчайший случай, когда мы располагаем историческим изображением Невского проспекта середины XIX в. в той его неофициальной, непарадной части, которая находилась между Фонтанкой и Знаменской площадью. Нам посчастливилось, что заказчик, граф Сергей Апраксин, поручил художнику запечатлеть вид, открывающийся из окон памятного ему по годам юности «дома Логинова». Так в кругозор Ф. Баганца попали два дома на противоположной стороне Невского, с 1830-х гг. принадлежавшие нескольким поколениям семьи купцов Меняевых вплоть до 1917 г.

Скажем прямо, что два этих трехэтажных домика, построенных еще в конце XVIII в., достаточно неказисты и не представляют собою с архитектурной стороны никакого интереса. Некоторое своеобразие им придает только оставленный строителями проезд между домами, отгороженный от Невского высоким сквозным забором из металлических пик с каменными воротами, завершающимися причудливым фронтоном. Впрочем, отметим еще на рисунке Баганца привлекательную симметричность двух этих домиков, нарушенную при позднейших перестройках. В 1866–1867 гг. левый дом был надстроен четвертым этажом, фасад его благодаря перестройке стал выглядеть более нарядно. А в начале XX в. надстроили и правый дом, существенно изменив его физиономию в духе устаревшей уже к этому времени классицистической эклектики. Но нас будут интересовать прежде всего 1840-е и 1850-е гг. Акварель Ф. Баганца точно соответствует занимающему нас периоду.

До конца 1850-х гг. оба здания даже числились под одним № 93. Но когда в 1858 г. во всем Петербурге провели перемену нумерации четных и нечетных сторон улиц, два этих дома получили отдельные номера — № 90 и 92. Однако их исторически возникшая связь была настолько прочной, что даже адрес домовладельца — почетного гражданина Семена Петровича Меняева — значился в адресных книгах так: Невский пр. д. 90 и 92, кв. 1, 2 и 3.⁵⁷⁴ Также обозначались и адреса квартирантов меняевских домов, что, к сожалению, делает для нас довольно затруднительным определение, в каком из двух домов — левом или правом — проживали интересующие нас лица.

Первым среди них должен быть упомянут известный журналист и издатель Фаддей Булгарин. Рискнем поселить его в левом доме, под № 90. Как ни странно,

⁵⁷⁴ Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтою. СПб., 1867–1868. Отд. III. С. 312.

основанием для нашей гипотезы послужит... тот самый акварельный рисунок Ф. Баганца да еще «Воспоминания старожила» известного юриста А. Ф. Кони. Описывая прогулку по Невскому проспекту в середине XIX в., Кони пишет: «...мы встречаем двухэтажный дом Меняева, разделенный на два флигеля, среди которых открывается обширный двор, с деревянным красивым домиком посередине. На балконе одного из каменных флигелей, выходящем на Невский, сидит в халате, с длинной трубкой в руках и пьет чай толстый человек с грубыми чертами обрюзглого лица. Это популярный Фаддей Венедиктович Булгарин, издатель и редактор „Северной пчелы“ — единственной в то время газеты, кроме „Русского инвалида“ и „Полицейских ведомостей“, — печатный поноситель и тайный доноситель на живые литературные силы, пользующийся презрительным покровительством шефа жандармов и начальника Третьего отделения»⁵⁷⁵. Мы привели такую обширную цитату для характеристики лица, о котором далее пойдет речь. Но прежде всего нам необходима отмеченная мемуаристом деталь: *балкон*, на котором восседает за самоваром Булгарин. На рисунке Баганца у правого дома лишь один крохотный балкончик, сиротливо прижавшийся к угловому оконцу третьего этажа. А вот у левого дома — шикарный балкон на три окна, внушительно нависающий над аркой ворот в центральной части фасада. Как-то сразу проникаешься уверенностью, что «журнальный генерал» Фаддей Булгарин, конечно же, квартировал именно здесь — на аристократическом втором этаже, занимая апартаменты, все одиннадцать окон которых выходили на Невский, а не ютился в квартирке под кровлей в соседнем доме...

Впрочем, о личных встречах Достоевского и Булгарина нам ничего не известно: они принадлежали к двум различным, враждовавшим между собою литературным партиям. Тем более, нет оснований предполагать, что Достоевский мог бывать у Булгарина дома. Но не лишним будет отметить, что, когда после выхода в январе 1846 г. «Петербургского сборника» с романом «Бедные люди» булгаринская «Северная пчела» с ядовитой иронией писала о молодых литераторах так называемой «натуральной школы», издатель газеты, известный всему Петербургу под прозвищем Видок Фиглярин, присвоенным ему некогда еще Пушкиным, кропал свои «легковесные фельетоны»⁵⁷⁶ именно здесь, в доме Меняева на Невском проспекте.⁵⁷⁷

⁵⁷⁵ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1869. Т. 7. С. 32.

⁵⁷⁶ Там же.

⁵⁷⁷ См.: Греч А. Весь Петербург в кармане: Справочная книга для столичных жителей и приезжих. СПб., 1849. С. 56.

Стоит подчеркнуть, что травлю «Петербургского сборника» и прежде всего Достоевского, собственноручно возглавил сам издатель «Северной пчелы». В фельетоне «Всякая всячина», который он регулярно вел на страницах своей газеты, Булгарин, лягнув попутно «Мертвые души» Гоголя, которого он иронически назвал «новым Гомером», далее писал: «...по городу разнесли вести о новом гении г-не Достоевском (не знаем наверное, псевдоним или подлинная фамилия) и стали превозносить до небес роман „Бедные люди“ Мы прочли этот роман и сказали: бедные русские читатели!»⁵⁷⁸ В другом выпуске «Всякой всячины» он иронизировал: «...Вот беда! Лермонтов умер, а г-н Гоголь едва ли будет продолжать писать, если верить слухам из Италии. Откуда же взять нового гения, чтоб криком об нем заглушать прежние известности? Вот явился молодой человек, г-н Достоевский, написавший две весьма слабые повести: „Бедные люди“ и „Двойник“, которые во всякое другое время прошли бы незаметно в нашей литературе, повести, какие появляются сотнями во Франции и Германии, не находя читателей, и партия ухватилась за г-на Достоевского и давай превозносить его выше леса стоячего, ниже облака ходячего! Смешно, но более жалко...»⁵⁷⁹

По поводу «натуральной школы», вождями которой провозглашен «новый гений» г-н Достоевский, издатель «Северной пчелы» будет проходиться в своих фельетонах еще не однажды. Не будем более углубляться в эту материю. Повторим только сказанное выше: все эти ядовитые строки были написаны «опиумом чернил» (тех самых, которые разведены «слюною бешеной собаки») из чернильницы, стоявшей на письменном столе в кабинете Фаддея Булгарина в доме Меняева на Невском проспекте.

Кстати, процитировав строки из известной эпиграммы Пушкина «на зоила», так и хочется вслед за ними вспомнить пушкинский же язвительный антибулгаринский «Post scriptum» к «Моей родословной», начинающийся словами: «Решил Фиглярин, сидя дома...» Но, пожалуй, это будет здесь излишним: ведь в 1830 г., когда поэтом написаны упомянутые строки, Булгарин еще не поселился в доме Меняева, а жил над кондитерской Вольфа и Беранже в доме Котомина, № 18, который мы уже давно оставили позади...

⁵⁷⁸ Северная пчела. 1846. 1 февраля. № 27. С. 107.

⁵⁷⁹ Там же. 9 марта. № 55. С. 218.

СИБИРСКИЙ ТОВАРИЩ ДОСТОЕВСКОГО

Гораздо важнее для нашего разговора, что в конце 1850-х гг., когда Булгарин уже ушел из жизни, в одном из двух домов С. П. Меняева на Невском проспекте квартировал сибирский приятель Достоевского барон Александр Егорович Врангель. Совсем недавно Достоевский, дослужившийся в Семипалатинске до чина прапорщика, вышел в отставку в чине подпоручика и с женой Марией Дмитриевной и пасынком Павлом Исаевым вернулся в европейскую Россию. Но жить в столицах бывшему каторжнику не было разрешено, и писатель временно поселился в Твери, усиленно хлопоча о разрешении переехать на постоянное жительство в Петербург. В это время между ним и Врангелем, с которым они не виделись уже четыре года, завязалась оживленная переписка.

Не будем специально останавливаться на обстоятельствах знакомства в далеком Семипалатинске 33-летнего ссыльного рядового 7-го Сибирского линейного батальона Достоевского и 21-летнего выпускника Александровского лицея, юриста, областного прокурора барона Врангеля, рассказывать о той неоценимой помощи, которую новый знакомец оказывал Достоевскому, о их дружбе в продолжение полутора лет, — обо всем этом Врангелем написана целая книга «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг.»⁵⁸⁰. Сосредоточимся на их осенней переписке 1859 г., которая много поспособствовала тому, что писатель в конце этого года смог вернуться в Петербург.

Достоевский приехал в Тверь и остановился в гостинице Гальянова, той самой, где некогда останавливался Пушкин, 18 или 19 августа 1859 г. Через 10 дней к нему из Петербурга приехал брат Михаил, с которым они не виделись без малого десять лет. М. М. Достоевский провел в Твери около недели. Когда он уезжал, младший брат просил его обязательно разыскать в Петербурге барона Врангеля, недавно вернувшегося из кругосветного путешествия. Из Твери Михаил уезжал по делам в Москву, домой возвратился только после 10 сентября. А 16 сентября, в первом письме из Петербурга, сообщал брату: «Врангель просил сообщить тебе, что Икс и Боб теперь в Петербурге и оба (или обе) интригуют против вас. Он хочет писать тебе. Напиши ему. Его адрес: На Невском проспекте за Аничковым мостом, дом Меняева. Он ждет отца из-за границы, и как дождетя — хочет съездить к тебе».⁵⁸¹

⁵⁸⁰ Первое издание: *Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1912. Новейшее: *Две любви Достоевского.* СПб., 1993.

⁵⁸¹ Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования. М.; Л., 1935. С. 514.

22 сентября по указанному адресу — в дом Меняева на Невском⁵⁸² — Достоевский отправляет Врангелю первое письмо.

«...Можете себе представить мое нетерпение Вас видеть, хоть два дня, хоть несколько часов, — пишет он старому другу. — Ведь у нас с Вами есть что помянуть. Много есть прекрасных воспоминаний...»⁵⁸³ Из этих воспоминаний в переписке фигурируют Икс и Боб (в отличие от брата Михаила Достоевский пишет «Икс» как «Х»). Икс — это сибирская любовница Врангеля Екатерина Гернгросс, жена горного начальника Алтайских заводов полковника А. Р. Гернгросса, знакомая Достоевскому по Барнаулу. «...Эта женщина, по моему убеждению искреннему, *не стоит Вас* и любви Вашей, — писал о ней Достоевский Врангелю еще 9 мая 1857 г., — и Вы только напрасно мучаете себя сожалением о ней»⁵⁸⁴. Сейчас же он пишет: «Беда, если Х. в Петербурге и имеет на Вас влияние...»⁵⁸⁵

Боб — еще один барнаульский знакомый писателя, возможно — также любовник Гернгросс, занявший в ее сердце место Врангеля после отъезда того из Семипалатинска. «Боб переведен сюда (в Петербург. — *Б. Т.*), но теперь уехал на три месяца в Сибирь», — сообщает Врангель Достоевскому. «Мы с Х... сошлись, холодная дружба, по крайней мере с моей стороны, хотя она, кажется, не прочь начать прошедшее...»

К сожалению, нам мало известно об этих людях. Биографы писателя даже не знают фамилии лица, именуемого в переписке «Боб». Интересно, однако, что в последующих письмах Врангель напоминает своему тверскому корреспонденту существовавший у писателя еще в Семипалатинске замысел романа, в котором он намеревался описать их «сибирские мучения» — и себя, и Х., и его, Врангеля. «Жду наших портретов»⁵⁸⁶, — писал он. Такой роман Достоевским написан не был. Но исследователи с большой степенью уверенности полагают, что «некоторые черты личности и поведения» Екатерины Гернгросс и какие-то детали ее отношений с Врангелем нашли отражение в рассказе Достоевского 1869 г. «Вечный муж» (Наталья Васильевна Трусоцкая и Вельчанинов).⁵⁸⁷ С. В. Белов в энциклопедическом словаре «Достоевский и его окружение» сообщает, что писатель в 1860-е гг. в Петербурге

⁵⁸² Для точности надо отметить, что на углу Невского и Знаменской улицы (ныне ул. Восстания) находился еще один «дом Меняева» — Федора Федоровича, родного дяди С. П. Меняева. Однако он гораздо дальше отстоит от Аничкова моста, и этот адрес обычно называли иначе: «дом Меняева у церкви Знаменья» или «дом Меняева близ Знаменской площади». Поэтому уверенно отдаем предпочтение домам № 90-92, перед № 116 в современной нумерации.

⁵⁸³ ПСС. Т. 28₁. С. 337.

⁵⁸⁴ Там же. С. 271.

⁵⁸⁵ Там же. С. 337.

⁵⁸⁶ Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 271.

⁵⁸⁷ См.: ПСС. Т. 3. С. 495; Т. 9. С. 472-474.

встречался с А. Р. Гернгроссом — мужем Икс, но не приводит никаких документальных данных, подтверждающих этот факт.⁵⁸⁸

К главной заботе, которая тревожит его в это время, Достоевский переходит во второй части письма от 22 сентября. «...Положение мое престранное, — пишет он: — я давно уже считаю себя совершенно прощенным. Мне возвращено и потомственное дворянство, особым указом, два года назад. А между тем я знаю, что без особой формальной просьбы (жить в Петербурге) мне нельзя въехать ни в Петербург, ни в Москву...»⁵⁸⁹

И Достоевский просит Врангеля помочь ему в этих хлопотах. Еще в Сибири писатель обращался за помощью к герою Севастопольской обороны генерал-адъютанту графу Эдуарду Тотлебену, с младшим братом которого Адольфом он когда-то вместе учился в Инженерном училище и даже какое-то время жил на одной квартире в Караванной улице. Тогда он просил походатайствовать о его производстве в офицеры и о разрешении печататься. «Граф много посдействовал облегчению участи Достоевского своим заступничеством за него у князя Орлова (до 1856 г. главного начальника III Отделения и шефа жандармов. — *Б. Т.*) и прочих сильных петербургского мира»⁵⁹⁰. «Поздравляю Вас, мой дорогой Федор Михайлович. Вы третьего дня произведены в офицеры и всем этим и что еще будет обязаны Тотлебену и Ольденбургскому»⁵⁹¹, — писал Достоевскому Врангель 9 октября 1856 г.

Теперь писатель вновь намеревается прибегнуть к заступничеству Э. И. Тотлебена. «Я <...> хотел было писать Эдуарду Ивановичу, да и напишу; хочу просить его: написать или переговорить обо мне с князем Долгоруковым (с 1856 г. шефом жандармов и главным начальником III Отделения. — *Б. Т.*)...» — сообщает Достоевский Врангелю. «Письмо к Эд<уарду> Ив<анови>чу хотел отправить через Вас. <...> Если б только он был в Петербурге и Вы переговорили с ним лично! <...> На Вас очень надеюсь и надеюсь, что Вы меня не покинете...»⁵⁹²

«Тотлебен здесь, очень болен, но все-таки пришлите письмо ему на мое имя, все, что возможно, будет сделано, я даже уверен в полном успехе»⁵⁹³, — кратко отвечает на эту просьбу Врангель.

⁵⁸⁸ См.: Белов С. В. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь: В 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 180.

⁵⁸⁹ ПСС. Т. 28₁. С. 337.

⁵⁹⁰ Две любви Ф. М. Достоевского. СПб., 1992. С. 140.

⁵⁹¹ Достоевский: Материалы и исследования. Т. 3. С. 262.

⁵⁹² ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 338.

⁵⁹³ Достоевский: Материалы и исследования. Т. 3. С. 267.

Опубликованное в академическом Полном собрании сочинений Достоевского его письмо к Э. И. Тотлебену датировано тем же 4 октября 1859 г., что и очередное письмо барону Врангелю. Посланы они были в одном конверте в Петербург по адресу: На Невском проспекте в доме Меняева за Аничковым мостом. «Прилагаю тут же письмо к Эдуарду Ивановичу, — пишет Достоевский другу. — Прочтите его, запечатайте, надпишите адрес и передайте Эдуарду Ивановичу, если возможно, лично. Надеюсь на Вас во всем. Поддержите меня и попросите его за меня. Мое положение в Твери прегадкое»⁵⁹⁴.

Тотлебену же, обрисовав все бедственные последствия своего отрыва от столичной жизни, Достоевский писал: «...Эдуард Иванович! Спасите меня еще раз! Употребите Ваше влияние, как и три года назад. Может быть, если б Вы сказали обо мне князю Долгорукому, то побудили бы его скорее кончить дело. На Вас вся надежда моя»⁵⁹⁵.

Врангель выполнил поручение Достоевского. Правда, письмо Тотлебену передал не он сам, а его дядя, так как в день получения письма Врангель уезжал в деревню. Но по возвращении он побывал у Тотлебена, пил у него чай.⁵⁹⁶ 25 октября он сообщал в Тверь: «...только третьего дня узнал, что Тотлебен говорил о Вас с Долгоруковым, показывая ему Ваше письмо, и получил от него обещание сделать все...»⁵⁹⁷

Может быть, это письмо неверно датировано публикатором. А может быть, Тотлебен не однажды говорил о судьбе писателя с сильными мира сего, но сам он лишь 29 октября написал Достоевскому: «По получении Вашего письма я, к сожалению, был лишен возможности немедленно исполнить Вашу просьбу. Князь Долгоруков с Государем находились в Варшаве. Вчера я имел возможность говорить с князем Долгоруковым и с г<енерал-адъютантом> Ал. Е. Тимашевым (управляющим III Отделением), оба изъявили полное свое согласие на постоянное Ваше проживание в Петербурге...»⁵⁹⁸

Вслед за этим потянулось томительное ожидание. И в очередном письме Достоевский вновь просит Врангеля: «Если услышите что-нибудь, сообщите ради Бога,

⁵⁹⁴ ПСС. Т. 28₁. С. 344.

⁵⁹⁵ Там же.

⁵⁹⁶ 21 октября 1859 г. М. М. Достоевский сообщал брату в Тверь: «Нынче был у меня Врангель. Он получил письмо твое в самый день отъезда в деревню, и потому не мог отвечать тебе. <...> Письмо Эдуарду Иван<овичу> тогда же передано по адресу его дядей. Нынче Врангель пьет чай у Эдуарда Ивановича» (Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования. С. 527).

⁵⁹⁷ Достоевский: Материалы и исследования. Т. 3. С. 268-269.

⁵⁹⁸ Цит. по: ПСС. Т. 28₁. С. 506, примеч.

умоляю Вас, добрейший Александр Егорович. Жду не дожусь. Живу точно на станции...»⁵⁹⁹

2 ноября Достоевский получил в Твери процитированное выше письмо Э. И. Тотлебена. В тот же день он, вновь через Врангеля, посылает ему ответное письмо с выражением своей чрезвычайной благодарности. 9 ноября Врангель дает ему отчет об исполнении его нового поручения: «Немедленно по получении Вашего письма, друг мой Федор Михайлович, я написал несколько строчек Тотлебену, приложив и Ваше ему послание, и отправил на следующее утро с человеком. Сам я уже две недели что лежу дома больной...»⁶⁰⁰ Тут же он дает другу совет: «Я думаю, что Вы, имея в руках письмо Тотлебена о согласии Тимашева и Долгорукова на Ваше водворение в столице, смело можете теперь приехать сюда хотя бы на короткое время, чтобы лично переговорить с этими господами...»⁶⁰¹

Несмотря на ходатайство Э. И. Тотлебена, дело тянулось чрезвычайно медленно. Лишь 22 ноября 1859 г. князь В. А. Долгоруков «входил о сем, — как сообщает суконным языком официальный документ за № 2126, — с всеподданнейшим докладом, вследствие коего Государь Император на означенную просьбу всемилостивейшее соизволил, с тем, однако, чтобы учрежденный за Достоевским секретный надзор продолжал бы и в Петербурге»⁶⁰². В Твери этот документ был получен 25 ноября. В тот же день тверской губернатор граф П. Т. Баранов официально уведомил писателя о всемилостивейшем разрешении ему «жительства в Петербурге»⁶⁰³.

За сборами и болезнями Достоевский смог перебраться в Петербург и перевезти семью только в конце декабря 1859 г. Но у нас есть веские основания считать, что в конце ноября – первых числах декабря он, как и советовал ему Врангель, на несколько дней приезжал в Петербург, чтобы встретиться с родными и друзьями, снять квартиру, устроить свои неотложные литературные дела.⁶⁰⁴ Из всей картины, встающей со страниц его переписки с бароном Врангелем, как она представлена выше, непреложно следует, что в этот первый приезд в столицу после десятилетнего отсутствия, несмотря на массу хлопот и встреч, Достоевский просто не мог не выкроить времени, чтобы

⁵⁹⁹ Там же. С. 370.

⁶⁰⁰ Достоевский: Материалы и исследования. Т. 3. С. 271.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² Красный архив. 1923. № 4. С. 400.

⁶⁰³ Там же.

⁶⁰⁴ См.: *Тихомиров Б. Н.* Кто же был автором разбора драмы А. Н. Островского «Гроза»? // Достоевский и мировая культура. СПб., 1998. № 11. С. 148-155; *Он же.* Вновь об обстоятельствах присутствия Достоевского на премьере «Грозы» А. Н. Островского (Ответ Б. В. Федоренко) // Там же. СПб., 2004. № 20. С. 333-341; *Федоренко Б. В.* Чтобы закончить (О споре по поводу авторства разбора драмы А. Н. Островского «Гроза») // Там же. СПб., 2007. № 23. С. 279-280.

побывать в гостях у друга, который принял такое сердечное участие в его делах и много поспособствовал тому, что возвращение писателя в Петербург наконец состоялось.

А это значит, что он хотя бы раз, но обязательно побывал в доме С. П. Меняева на Невском проспекте за Аничковым мостом...

Конечно же, Достоевский встречался с Врангелем и после того, как в конце декабря окончательно перебрался в столицу. Но в 1860 г. он, судя по всему, должен был бывать у своего сибирского друга по другому адресу. Дело в том, что квартира в доме Меняева была временным жилищем Врангеля. В одном из писем Достоевскому он писал, что намеревается перебраться жить к брату, который как раз в это время заканчивал Военную Академию и возвращался служить в Конно-Гвардейский полк. Поскольку до конца их переписки Врангель не сообщает в Тверь своего нового адреса, можно заключить, что он все еще живет на Невском. О их тесном общении с Достоевским по возвращении писателя в Петербург свидетельствует письмо Врангеля от 29 февраля 1860 г.⁶⁰⁵ Но его нового адреса мы, к сожалению, пока еще не установили.⁶⁰⁶

ЭПИЗОДЫ, КОТОРЫЕ «ПРОНЗАЮТ СЕРДЦЕ»

Адрес Невский проспект, № 96, до недавнего времени не привлекал внимания биографов Достоевского. Между тем есть веские основания полагать, что именно в этом доме, точнее в доме, который в середине 1840-х гг. стоял на этом месте, произошло одно из важнейших событий, предопределивших всю судьбу гения отечественной и мировой литературы.

В 1830-х гг., когда Достоевский появился в Петербурге, дом, стоявший на этом месте, принадлежал купцу 3-й гильдии Тарасу Яковлеву. В 1840-е гг. он перешел по наследству к его сыну Ивану Тарасовичу. Члены династии каретных фабрикантов Яковлевых были владельцами дома № 96 по Невскому проспекту до 1917 г.

Как ни странно, в интересующее нас время этот дом еще не был угловым, поскольку Шестилавочная улица (та самая, в которой жительствовавший герой повести «Двойник» Яков Петрович Голядкин) еще не доходила до Невского проспекта. Издавна она упиралась в Итальянскую улицу (ныне ул. Жуковского), и лишь когда во второй

⁶⁰⁵ Достоевский: Материалы и исследования. Т. 3. С. 272.

⁶⁰⁶ Как можно заключить из письма Врангеля Достоевскому от 10/22 ноября 1864 г. (см.: Там же. С. 273), где-то в мае 1860 г. он был отправлен на дипломатическую работу за границу, в Турцию, и их отношения с писателем прервались до 1865 г., когда Достоевский посетил Врангеля в Копенгагене (где тот служил секретарем посольства с 1864 г.). Переписки в эти годы между ними не было.

половине 1840-х гг. была выстроена женская больница в память Ее Императорского Высочества Великой княгини Александры Николаевны (в народе — Александринская), то сначала к ней от Итальянской улицы был проложен неширокий проезд, ставший как бы продолжением Шестилавочной, а позднее было принято решение довести улицу до Невского проспекта и переименовать ее в Надеждинскую. В 1850-е гг., при прокладке Надеждинской улицы, отделявший ее от Невского проспекта дом купцов Егоровых был снесен, а примыкавшие к нему слева и справа дома стали угловыми — соответственно № 1 и 2, открывающими новую улицу, поскольку начало ее, вопреки прежней нумерации Шестилавочной улицы, шедшей от Кирочной к Итальянской, положили считать от Невского. Естественно, что во время прокладки новой улицы угловые дома изменили свою внешность, но насколько перестройка коснулась фасада со стороны проспекта, сказать затруднительно. В 1870–1871 гг. дом вновь был подвергнут перестройке, именно тогда он приобрел современный облик в духе «махровой» эклектики «с измельченным декором и смешением элементов разных стилей»⁶⁰⁷.

Но все это произойдет позднее, а в середине 1840-х гг. дом купца И. Т. Яковлева стоял тесно зажатым слева и справа соседними домами и, повторим, еще не будучи угловым, числился под № 99 (а не № 96), поскольку до 1858 г., как не однажды уже было говорилось, именно эта сторона Невского проспекта была нечетной.

Почему так важны отмеченные подробности истории этого дома? Потому что в первой половине 1845 г. в этом доме квартировал поэт, журналист и издатель Николай Алексеевич Некрасов.

Правда, в краеведческой литературе этот «дом Некрасова» не зарегистрирован как место проживания поэта.⁶⁰⁸ Поэтому необходимо привести имеющиеся в нашем распоряжении аргументы. Прежде всего укажем на мемуары Д. В. Григоровича, который будет не только непосредственным участником последующих событий, но, возможно, какое-то время даже жил с Некрасовым в этом доме. Вспоминая о своем сближении с поэтом, которое произошло осенью 1844 г., Григорович замечает: «Он жил в доме каретника Яковлева за Аничковым мостом и занимал в нем небольшую квартиру...»⁶⁰⁹

Григорович далее вполне определенно говорит, что дом этот располагался на Невском проспекте. Но тут-то и возникает проблема. Дело в том, что у И. Т. Яковлева с братом был еще один дом на противоположной стороне Невского (ныне № 69). Кроме

⁶⁰⁷ Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект: Дом за домом. М., 2009. С. 343.

⁶⁰⁸ См., например: Ломан О. В. Некрасов в Петербурге. Л., 1985.

⁶⁰⁹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 73.

того, дальше по проспекту, третьим домом от угла Знаменской улицы, владел еще один каретный фабрикант — их родственник, видимо двоюродный брат, Петр Дмитриевич Яковлев. На чем основана наша уверенность, что Григорович упоминает именно этот дом, о котором мы ведем речь?

Последний из названных дом купца П. Д. Яковлева, правда не без некоторых колебаний, в наших расчетах, пожалуй, можно отбросить: уж слишком далеко расположен он от Аничкова моста. О нем скорее можно было сказать: близь Знаменской площади или Знаменской церкви (это было весьма распространенное указание на расположение дома). Но вот дом братьев Яковлевых на противоположной стороне Невского проспекта? Он стоял практически напротив их первого дома, в равном удалении от Аничкова моста. Может быть, Григорович имел в виду его?

И тут нам на помощь приходит не упомянутая еще деталь: «...в одной из комнат, — пишет Григорович, — было большое угловое итальянское окно, смотревшее на Невский»⁶¹⁰. Итальянское, то есть арочное, полуциркульное, окно — вот решающая для нас деталь. Дело в том, что домик Яковлевых на противоположной стороне Невского до начала 1850-х гг. был *одноэтажным*.⁶¹¹ Тут уж, конечно, не до итальянских окон! А вот наш дом еще с конца 1830-х гг., как и сейчас, был четырехэтажным. В придачу он возвышался над двухэтажным соседним домом купца Егорова. Тут итальянские окна вполне допустимы. Правда, мы, к сожалению, не располагаем историческим изображением дома Яковлева до прокладки Надеждинской улицы. Но останавливает внимание, что полуциркульные окна третьего этажа можно и сегодня видеть со стороны ул. Маяковского. Как знать, может быть, когда в 1850-е гг. строился этот фасад, архитектор ориентировался на облик дома со стороны Невского проспекта? В 1870-е же фасад на Невском подвергся более серьезным переменам, а итальянские окна по Надеждинской сохранились до нашего времени...⁶¹²

Это, конечно же, только наша гипотеза. Твердых данных, подтверждающих приведенные соображения, в нашем распоряжении нет. В придачу несколько смущают три итальянских окна на уровне третьего этажа в доме Петра Яковлева под нынешним № 112. Они, как представляется, существовали в таком виде и в 1840-е гг. (в 1866 г. дом

⁶¹⁰ Там же.

⁶¹¹ См.: Атлас тринадцати частей С.-Петербурга / Сост. Н. И. Цылов. СПб., 1849. Л. 103 (дом Яковлева № 68); Указатель к Атласу 13-ти частей С.-Петербурга / Сост. Н. И. Цылов. СПб., 1849. С. 277 (2-й пагин.: «Обывательские дома» — с указанием «нумера дома», «числа этажей» и «меры по улице»).

⁶¹² Краевед А. С. Дубин пишет, что в 1871–1872 г. архитектор М. А. Макаров при возведении для купца Яковлева нового четырехэтажного здания по Надеждинской улице «использовал части существовавшей трехэтажной постройки» (Дубин А. С. Улица Маяковского. СПб., 2008. С. 11).

был надстроен четвертым этажом, но фасад в целом не изменил свой вид). Если кому-то это обстоятельство покажется более важным, чем удаленность дома от Аничкова моста, пусть считает адресом Некрасова именно этот дом. Мы же в рассказе об обстоятельствах триумфального вхождения Достоевского в литературу отдадим предпочтение дому Ивана Яковлева под современным № 96.⁶¹³

Выше мы упомянули, что, возможно, какое-то время вместе с Некрасовым в доме на Невском жил и Григорович. Об этом вполне определенно пишет, вспоминая о начале своей литературной деятельности, сам Достоевский.

«В начале зимы (1845 г. — *Б. Т.*) я начал вдруг „Бедных людей“, мою первую повесть, до тех пор ничего еще не писавши, — рассказывает он на страницах „Дневника писателя“ в 1877 г. — Кончив повесть, я не знал, как с ней быть и кому отдать. Литературных знакомств я не имел совершенно никаких, кроме разве Д. В. Григоровича, но тот и сам еще ничего тогда не написал, кроме одной маленькой статейки „Петербургские шарманщики“ в один сборник. Кажется, он тогда собирался уехать на лето к себе в деревню, а пока жил некоторое время у Некрасова»⁶¹⁴.

С весны 1844 г. Григорович прожил около года вместе с Достоевским, в одной квартире, в доме титулярного советника К. Я. Прянишникова на Владимирском проспекте. Однако как-то, вспоминал он, «о чем-то раз зашел у меня с Достоевским горячий спор. Результат был тот, что решено было жить порознь. Мы разъехались, однако ж, мирно, без ссоры»⁶¹⁵. По версии Григоровича, это произошло уже после хрестоматийного эпизода с чтением «Бедных людей». Но Достоевский должен был помнить все произошедшее тогда до мельчайших подробностей. И если он не называет Григоровича своим товарищем по общей квартире, значит приятели в это время уже разъехались. Возможно, это произошло незадолго до описываемого события («был май месяц сорок пятого года»⁶¹⁶, — свидетельствует Достоевский), и именно поэтому, чтобы не снимать новую квартиру, Григорович перед летней поездкой в деревню жил у Некрасова.

⁶¹³ Тут еще надо иметь в виду, что в 1860-е гг. по семейному разделу (видимо, после смерти двоюродного брата Ивана Тарасовича) дом № 96 отошел во владение Петра Дмитриевича Яковлева, который и сам поселился в нем, и перевел в него свою экипажную (каретную) фабрику. Будучи купцом 1-й гильдии, П. Д. Яковлев стал крупнейшим каретником Петербурга. В последней трети XIX в. дело наследовали его сыновья. И когда в конце XIX в. Д. В. Григорович создавал свои мемуары, для всех в столице «дом каретника Яковлева» на Невском проспекте, упомянутый без каких бы то ни было оговорок, однозначно воспринимался как дом на углу Надеждинской ул., № 96.

⁶¹⁴ ПСС. Т. 25. С. 28.

⁶¹⁵ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 86.

⁶¹⁶ ПСС. Т. 25. С. 28.

Итак, Достоевский обратился за помощью к единственному близко знакомому ему литератору — Григоровичу. При очередной встрече тот «сказал: „Принесите рукопись“ (сам он еще не читал ее); „Некрасов хочет к будущему году сборник издать, я ему покажу“. Я снес, видел Некрасова минутку, мы подали друг другу руки. Я сконфузился от мысли, что пришел с своим сочинением, и поскорей ушел, не сказав с Некрасовым почти ни слова»⁶¹⁷. Если соображения наши, высказанные выше, справедливы, то эта первая встреча и знакомство Достоевского с Некрасовым произошли в квартире поэта на Невском проспекте, «в доме каретника Яковлева».

Заметим, что в «Дневнике писателя» Достоевский обращается к воспоминаниям середины 1840-х гг. на эмоциональной волне, после посещения смертельно больного Некрасова (поэту оставалось жить менее года). «И что ж <...> он больной, измученный, с первого слова начал с того, что помнит о тех днях. Тогда (это тридцать лет тому!) произошло что такое молодое, свежее, хорошее, — из того, что остается навсегда в сердце участвовавших...»⁶¹⁸ — начинает Достоевский, делаясь с читателями тем, о чем они совсем недавно совместно вспоминали с умирающим Некрасовым. В этой ситуации что-то придумывать, фантазировать в угоду каким-то личным целям было бы для писателя совершенно невозможно.

Григорович в своих мемуарах, написанных значительно позднее и уже после смерти Достоевского, рассказывает о том стародавнем событии существенно иначе. Сообщив о том, что они жили в одной квартире «на углу Владимирской и Графского переулка», мемуарист продолжает:

«Достоевский <...> просиживал целые дни и часть ночи за письменным столом. Он слова не говорил о том, что пишет; на мои вопросы он отвечал неохотно и лаконически; зная его замкнутость, я перестал спрашивать. Я мог только видеть множество листов, исписанных тем почерком, который отличал Достоевского: буквы сыпались у него из-под пера, точно бисер, точно нарисованные. <...> Раз утром (это было летом) Достоевский зовет меня в свою комнату; войдя к нему, я застал его сидящим на диване, служившем ему также постелью; перед ним, на небольшом письменном столе, лежала довольно объемистая тетрадь почтовой бумаги большого формата, с загнутыми полями и мелко исписанная.

— Садись-ка, Григорович; вчера только что переписал; хочу прочесть тебе; садись и не перебивай, — сказал он с необычною живостью.

---

⁶¹⁷ Там же.

⁶¹⁸ Там же.

То, что он прочел мне в один присест и почти не останавливаясь, явилось вскоре в печати под названием „Бедные люди“. <...> С первых страниц „Бедных людей“ я понял, насколько то, что было написано Достоевским, было лучше того, что я сочинял до сих пор; такое убеждение усиливалось по мере того, как продолжалось чтение. Восхищенный донельзя, я несколько раз порывался броситься ему на шею; меня удерживала только его нелюбовь к шумным, выразительным излияниям; я не мог, однако ж, спокойно сидеть на месте и то и дело прерывал чтение восторженными восклицаниями.

Результат этого чтения более или менее известен читающей публике. История о том, как я силой почти взял рукопись „Бедных людей“ и отнес ее Некрасову, рассказана самим Достоевским в его „Дневнике“⁶¹⁹.

Как виртуозно заканчивает этот пассаж Григорович! Настолько виртуозно, что вот уже сто двадцать лет мы вспоминаем об этом событии в том виде, как оно изложено тут мемуаристом. Однако, вопреки сделанной им отсылке к «Дневнику писателя» (который мы только что перечитали), Достоевский отнюдь не говорит, что Григорович «силой почти взял рукопись „Бедных людей“ и отнес ее Некрасову». Напротив, в «Дневнике писателя», как бы опровергая еще не написанные воспоминания Григоровича, Достоевский специально подчеркнул, что его приятель, *не читая «Бедных людей»*, порекомендовал отнести рукопись Некрасову, и он *сам*, смущаясь и робея, отнес ее на квартиру поэта.

Если Достоевскому в этом рассказе нет ровно никаких причин лукавить, то «сверхзадача» Григоровича-мемуариста достаточно ясна: ведь в его версии *именно он* первый оценил значение «Бедных людей», *именно он*, едва ли не преодолевая сопротивление Достоевского («почти силой»), проявил инициативу, благодаря которой первый роман начинающего писателя стал известен сначала Некрасову, а затем и Белинскому. Стал еще до своей публикации сенсацией в петербургском литературном мире... Из скромного участника события Григорович в своих мемуарах превращается в «повивальную бабку» при рождении классика отечественной литературы! Некоторые детали в дальнейшем рассказе Достоевского подтверждают правильность наших соображений.

«Вечером того же дня, как я отдал рукопись, я пошел куда-то далеко к одному из прежних товарищей; мы всю ночь проговорили с ним о „Мертвых душах“, — продолжает свои воспоминания автор «Дневника писателя. — <...> Воротился я домой

---

⁶¹⁹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 81-82.

уже в четыре часа, в белую, светлую как днем петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя к себе в квартиру, я спать не лег, отворил окно и сел у окна. Вдруг звонок, чрезвычайно меня удививший, и вот Григорович и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге, и оба чуть сами не плачут. Они накануне вечером воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: „С десяти страниц видно будет“»⁶²⁰.

Здесь есть повод приостановиться и задать вопрос: если Григорович (в версии его воспоминаний) уже знаком с текстом «Бедных людей», уже оценил восторженно роман своего «сожителя», то откуда этот сдержанный скептицизм — чтение «на пробу»: «с десяти страниц видно будет»? Нет, очевидно, что в рассказе Достоевского предварительное чтение им рукописи своего произведения Григоровичу не только не упомянуто, но и совершенно исключено. Эффектная роль литературной «повивальной бабки» — это яркий пример «мемуарной мифологии», к которой Григорович был весьма склонен и которой немало в его воспоминаниях.

Но вернемся к рассказу Достоевского. Ведь мы прервались на описании того, что происходило в квартире Некрасова, в доме Яковлева на Невском проспекте. А в наших литературных прогулках именно это имеет первостепенный интерес.

Итак, «с десяти страниц видно будет»: «Но, прочтя десять страниц, решили прочесть еще десять, а затем, не отрываясь, просидели уже всю ночь до утра, читая вслух и чередуясь, когда один уставал. „Читает он про смерть студента, — передавал мне потом уже наедине Григорович, — и вдруг я вижу, в том месте, где отец за гробом бежит, у Некрасова голос прерывается, раз и другой, и вдруг не выдержал, стукнул ладонью по рукописи: „Ах, чтоб его!“ Это про вас-то, и этак мы всю ночь“»⁶²¹.

В этой части версия мемуаров Григоровича не расходится с рассказом Достоевского. Поэтому приведем и ее для усиления впечатления. «Читал я, — вспоминает мемуарист. — На последней странице, когда старик Девушкин прощается с Варенькой, я не мог больше владеть собой и начал всхлипывать; я украдкой взглянул на Некрасова: по лицу у него также текли слезы»⁶²².

«Когда они кончили, — завершим рассказ вновь цитатой из „Дневника писателя“, — то в один голос решили идти ко мне немедленно: „Что ж такое что спит, мы разбудим его, это выше сна!“ <...> Они пробыли у меня тогда с полчаса, в полчаса мы Бог знает сколько переговорили, с полслова понимая друг друга, с восклицаниями,

⁶²⁰ ПСС. Т. 25. С. 29.

⁶²¹ Там же.

⁶²² Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 83.

торопясь; говорили и о поэзии, и о правде, и о „тогдашнем положении“, разумеется, и о Гоголе, цитую из „Ревизора“ и из „Мертвых душ“, но, главное, о Белинском. „Я ему сегодня же снесу вашу повесть, и вы увидите, — да ведь человек-то, человек-то какой! Вот вы познакомитесь, увидите, какая это душа!“ — восторженно говорил Некрасов, трясая меня за плечи обеими руками. „Ну, теперь спите, спите, мы уходим, а завтра к нам!“ Точно я мог заснуть после них! Какой восторг, какой успех, а главное — чувство было дорого, помню ясно: „У иного успех, ну хвалят, встречают, поздравляют, а ведь эти прибежали со слезами, в четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ах хорошо!“ Вот что я думал, какой тут сон!»⁶²³

О дальнейшем развитии событий: визите Некрасова с рукописью «Бедных людей» на следующий же день к Белинскому, о восторженной оценке критиком романа Достоевского, об их личном знакомстве — у нас уже шла речь в связи с домом купца Лопатина на углу Невского проспекта и Фонтанки (№ 68/40). Этот же сюжет хочется закончить вот каким размышлением. У Достоевского в романе «Подросток» один из героев, Версилов, замечает, что у великих художников в их произведениях есть такие эпизоды, которые «пронзают сердце» и всю жизнь потом припоминаются: «последний монолог Отелло у Шекспира, Евгений у ног Татьяны, или встреча беглого каторжника с ребенком, с девочкой, в холодную ночь, у колодца, в „Misérables“ Виктора Гюго»⁶²⁴. Есть подобные «эпизоды» и в истории мировой культуры. Для национального культурного сознания это, например, приезд Пущина к Пушкину в Михайловское, Достоевский на Семеновском плацу, Чехов, едущий на остров Сахалин... Ночное чтение — «на Невском проспекте, в доме каретника Яковлева» — Некрасовым и Григоровичем «Бедных людей» со слезами на глазах, бесспорно, находится в этом же ряду...

СТУПАЙТЕ ЖЕ К ВАШЕМУ «КУФЕЛЬНОМУ» МУЖИКУ

Дом № 100 на Невском проспекте построен в 1867–1868 гг. и с тех пор не менял свой облик. Строил его для купца 1-й гильдии Михаила Ивановича Лопатина архитектор М. А. Макаров, тот самый, который перестраивал особняк купцов Яковлевых на углу Невского и ул. Маяковского. Дома эти не похожи друг на друга, и все же характерный почерк архитектора узнается, когда глядишь сразу на оба эти дома с противоположной стороны проспекта.

⁶²³ ПСС. Т. 25. С. 29.

⁶²⁴ ПСС. Т. 13. С. 382.

Купец М. И. Лопатин был внуком того древнего Фрола Лопатина, которого мы вспоминали, говоря о «литературном доме» на углу Невского и набережной Фонтанки. Возможно, Фрол когда-то владел и этим домом (точнее тем, что стоял на этом участке, в его левой части), но Михаил Иванович вступил во владение в 1858 г. после смерти своего отца Ивана Фроловича Лопатина. Очень скоро он прикупил соседний двухэтажный дом, принадлежавший наследникам купца И. Ф. Егорова (в тогдашней нумерации № 102) и через несколько лет возвел на месте двух своих владений тот монументальный дом, который мы видим ныне. До конца 1880-х гг. здание сохраняло двойной № 100-102., а в 1889 г. приобрело тот окончательный, который имеет и сегодня — № 100.

Упомянув архитектора М. А. Макарова и купцов Лопатиных, о которых в нашей книге уже говорилось в связи с другими домами на Невском проспекте, мы должны теперь вспомнить и еще одно имя — на этот раз из окружения Достоевского, о котором также уже шла речь прежде. Это Юлия Денисовна Засецкая, в доме которой на Невском, № 88 писатель в 1874 г. бывал на проповеди лорда Редстока.

Как и многие люди ее положения и круга, Ю. Д. Засецкая часто меняла квартиры. Не будем сейчас входить в уяснение социо-культурных причин этого странного на взгляд современных петербуржцев обыкновения. Укажем только, что мы располагаем данными о трех адресах Юлии Денисовны на протяжении только 1870-х гг. После дома купца Калугина, где активисты «великосветского раскола» некогда, затаив дыхание, слушали проповедь лорда-апостола, какое-то короткое время Засецкая жила в доме контр-адмирала Ф. Г. Стааля на углу Спасской и Надеждинской улиц (соврем. адрес: ул. Рылеева, № 6, угол ул. Маяковского, № 41).⁶²⁵ Известно, что Достоевский, хотя в это время их отношения из-за религиозных разногласий начали портиться, бывал у Юлии Денисовны и здесь (и она даже посылала за писателем свою коляску, которая должна была и привезти его и отвезти обратно домой⁶²⁶).

Посещал Достоевский Ю. Д. Засецкую и в период, когда сам он также сменил очередную квартиру и из дома И. П. Струбинского на Греческом проспекте переехал с

⁶²⁵ См.: Дубин А. С. Улица Маяковского. М.; СПб., 2008. С. 136-137; *Он же*. Улица Рылеева. М.; СПб., 2008. С. 210-211. Здесь приведены данные на январь 1878 г. В это время Ю. Д. Засецкая нанимала пять комнат за 750 руб. в год. Можно предположить, что квартиры ее на Невском, 88 и 100 были примерно такими же.

⁶²⁶ 21 апреля 1878 г. Засецкая писала: «Многоуважаемый Федор Михайлович, завтра, в субботу к 8 часам с ¼ будет стоять у вашего подъезда моя коляска, в которой прошу вас приехать не на часок, а более. Вы в ней и возвратитесь обратно, так как на этой неделе русский люд празднует самое радостное христианское событие самым гнусным образом. До свидания. Ю. Засецкая» (Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2001. С. 428. Публикация С. А. Ипатовой).

семьею на жительство в Кузнечный переулок. Любопытным свидетельством их отношений этого времени является томик Нового Завета, выпущенный в 1869 г. в Лондоне с дарственной надписью: «Федору Михайловичу Достоевскому от Ю. Д. Засецкой. 10-го октября 1878»⁶²⁷. Семья Достоевских лишь на прошлой неделе поселилась в доме Р. Г. Клинокострем на Кузнечном. Либо Засецкая в этот день нанесла им первый визит по новому адресу, либо Федор Михайлович, оторвавшись от хлопот, связанных с въездом в новую квартиру, навестил Юлию Денисовну.

Сохранилась и памятная записка, составленная рукой писателя, с перечислением лиц, которых он намеревается посетить перед отъездом на лето ранней весной 1879 г в Старую Руссу. Визит к Ю. Д. Засецкой запланирован здесь на субботний вечер, по-видимому 7 апреля. В это время Юлия Денисовна уже съехала из дома контр-адмирала Стаала и вновь перебралась на Невский проспект, на этот раз в дом М. И. Лопатина. Ее адрес в записной тетради Достоевского записан так: «Юлия Денисовна Засецкая. Невский проспект, против Николаевской, № 100»⁶²⁸.

Есть основания полагать, что именно здесь состоялся известный спор о «куфельном мужике», о котором в полуанекдотической форме поведал Н. С. Лесков.⁶²⁹

«Происшествие было так, — сообщает писатель. — Ф. М. Достоевский зашел раз сумерками к... Юлии Денисовне Засецкой... Он заходил к ней более ранним вечером, когда еще великосветские люди друг к другу не ездят...» На этот раз в гостях у хозяйки находились две дамы, одной из которых была ее младшая сестра графиня Евдокия Денисовна Висконти. Между Достоевским и Засецкой как обычно разгорелся спор о соотношении лютеранства и православия. Юлия Денисовна «все твердила, что она не понимает, почему русский человек всех лучше, а вера его всех истиннее», что она не знает, «что именно в России лучше, чем в чужих странах». «Достоевский ей коротко отвечал: „все лучше“. А когда она возразила, что „не видит этого“, — он отвечал, что „никто ее не научил видеть иначе“».

Далее спор продолжался в таком ключе — хозяйка сказала:

⁶²⁷ Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции: Научное описание. СПб., 2005. С. 114. Мемориальный экземпляр хранится в библиотеке ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (шифр: 31 2/35). Были в библиотеке писателя и другие книги, подаренные Засецкой, например, переведенное ею «Путешествие пилигрима» Джона Буньяна (СПб., 1878), также с надписью. К сожалению, местонахождение этого экземпляра сейчас неизвестно (Там же. С. 154).

⁶²⁸ Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 25.

⁶²⁹ Интересно, что и сам Н. С. Лесков во второй половине 1870-х гг. жил неподалеку, также на Невском, в доме надворного советника И. Ф. Александровского (соврем. № 63) — «напротив Засецкой», как указывает сын писателя в своих воспоминаниях (см.: *Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 88*). Это указание относится, конечно же, к дому № 88, а не № 100. Значит, в сентябре 1877 г., когда Лесковы переехали на Невский, Ю. Д. Засецкая еще жила в доме Калугина.

«— Так научите!

Достоевский промолчал, а Засецкая, обратясь к дамам, продолжала:

— Да, в самом деле, я не вижу, к кому здесь даже идти за научением.

А присутствовавшие дамы ее еще поддержали. Тогда раздраженный Достоевский в гневе воскликнул:

— Не видите, к кому идти за научением! Хорошо! Ступайте же к вашему *куфельному мужику* — он вас научит!

(Вероятно, желая подражать произношению прислуги, Достоевский именно выговорил „куфельному“, а не кухонному).

Дамы не выдержали, и одна из них, сестра Засецкой, графиня Висконти, неудержимо расхохоталась...

— Comment!⁶³⁰ Я должна идти к моему кухонному мужику! Вы Бог знает какой вздор говорите!

Достоевский обиделся и заговорил еще раздраженнее:

— Да, идите, все, все идите к вашему куфельному мужику!

И, встав с места, он еще по одному разу повторил это каждой из трех дам в особину:

— И вы идите к вашему куфельному мужику, и вы...

Но когда это дошло до живой, веселой и чрезвычайно смешливой графини Висконти, то эта еще неудержимее расхохоталась, замахала на Достоевского руками и убежала к племянницам.

Одна Засецкая проводила мрачного Федора Михайловича в переднюю, и за то он, прощаясь с нею, здесь опять сказал ей:

— Идите теперь не к ним, а к вашему куфельному мужику!

Та старалась сгладить впечатление и тихо отвечала:

— Но чему он меня в самом деле научит!

— Всему!

— Как *всему*?

— Всему, всему, всему... и тому, чему учит Редсток, и тому, чему учит Мэккензи Уоллес и Деруа Болье, и еще гораздо больше, чем этому.

Хозяйка возвратилась в свой кабинет и рассказала дамам свое прощание с Достоевским, и те еще более смеялись над данною им командировкою „идти к куфельному мужику“, который „научит всему“⁶³¹.

---

⁶³⁰ Как! (*фр.*)

«В этот же вечер, — продолжает Лесков, — одна из дам, бывших час тому назад у Засецкой, появилась в гостиной графини [С. А.] Толстой и рассказала, что Достоевский на них „накричал“ и „гнал их к куфельному мужику“. <...> И вдруг такое течение обстоятельств: час спустя сюда же входит Достоевский. Он был мрачен и нарочито угрюм <...>. В общие разговоры, какие тут шли он долго не вмешивался. <...> Говорили о каких-то своих и чужих порядках, причем г-жа Кушелева, делая сравнения русской и европейской жизни, обмолвилась в том же роде, в каком говорила Засецкая, а именно, что она решительно не понимает, чем русский человек лучше всякого другого и почему для него все нужно иное?

Достоевский в нее воззрился, раскрыл уста и произнес:

— Если не знаете, то подите к вашему куфельному мужику, и он вас научит...»⁶³²

И теперь уже в салоне графини С. А. Толстой разговор вновь пошел по тому же кругу, что и у Ю. Д. Засецкой.

Зачем было приводить это «удвоение ситуации» с «куфельным мужиком» в нашем разговоре о «Достоевском на Невском проспекте? Ведь салон графини Толстой располагался совсем в другом месте — на Миллионной улице близ Эрмитажа. — Исключительно для хронологической точности. Дело в том, что с графиней Софье Андреевной Толстой, вдовой графа А. К. Толстого, писатель познакомился в самом конце 1878 г., тогда же стал частым посетителем ее салона. А из этого следует, что и эпизод у Ю. Д. Засецкой имел место в 1879–1880 г., не ранее. Значит, это действительно произошло в доме М. И. Лопатина на Невском проспекте.

О том, что в очерке Лескова «О куфельном мужике и проч.» речь идет именно о Достоевском самой последней поры, как будто свидетельствует и примечание, которым автор сопровождает свое изложение. Заметив, что в появившихся после смерти писателя воспоминаниях В. А. Соллогуба юный Достоевский времени его вхождения в литературу предстает очень застенчивым человеком, Лесков продолжает: «В последние годы жизни его он [Достоевский] в этом отношении сильно изменился: застенчивость его оставила — особенно после поездки в Москву на пушкинский праздник Ф. М. не стеснялся входить в великосветские дома и держал себя там не столько применяясь к

⁶³¹ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 147-150. Отметим, что мы уже не в первый раз в разговоре о домах на Невском проспекте, связанных с именем Достоевского, обращаемся к свидетельствам Н. С. Лескова. Вспомним хотя бы его подробный рассказ об участии писателя в спиритическом сеансе в доме А. Н. Аксакова. Свидетельства Лескова пригодились нам и в описании проповеди лорда Редстока в доме Ю. Д. Засецкой в 1874 г.

⁶³² Там же. С. 151-152.

тамошним обычаям, сколько следуя обычаям своего собственного права. Задумчивую серьезность его не все умели отличать от дерзости, с которой, впрочем, она иногда очень близко соприкасалась»⁶³³.

Естественно, что после подобных стычек посещения Достоевским Ю. Д. Засецкой, очевидно, пошли на убыль. Свидетельство тому — записка Юлии Денисовны писателю, посланная в накануне Великого поста 1879 или 1880 г., в которой она сетует:

«За что я впала в немилость, Федор Михайлович, не могу Вас застать и у себя не вижу, а я ежедневно дома от 3–5, кроме завтрашнего дня. Но если Вы намерены говеть и слушать эфимоны⁶³⁴, то соберу терпение и буду надеяться на Ваше посещение по выходе из годичной духовной бани. Не сердитесь за выражение, это моя месть за Ваше жестокое обращение со мной»⁶³⁵.

Как видим, дух пикировки между Засецкой и Достоевским по религиозным вопросам характерно окрашивает и это письмо! Ответил ли писатель на эту записку, побывал ли в доме Лопатина на Невском или нет, нам неизвестно. Данными о посещении Достоевским Юлии Денисовны в последний год его жизни мы не располагаем...

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ, ИЛИ ПРОЩАНИЕ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Одно из самых интересных и важных писем во всем эпистолярном наследии Достоевского было написано 22 декабря 1849 г. и адресовано в дом купца М. П. Неслинда на Невском проспекте (по старой нумерации № 109, соврем. № 104), где со своей семьей с весны 1847 г. проживал старший брат писателя Михаил.⁶³⁶ Кто и как

⁶³³ Там же. С. 151, подстрочное примеч.

⁶³⁴ Эфимоны (правильнее: мефимоны) — церковные службы в первую седмицу Великого поста. Эта деталь как раз и помогает датировке записки: в 1879 г. Великий пост начался 11 февраля, в 1880 г. — 3 марта.

⁶³⁵ Достоевский: Материалы и исследования. Т. 16. С. 427. Публикатором это письмо датировано весной 1878 г., однако это недоразумение. Путаница обнаруживается уже в текстологической справке к комментарию, которая начинается словами: «Конверт не сохранился. <...> ...на конверте монограмма корреспондентки» (Там же). Именно конверт от этой записки, адрес на котором ошибочно отнесен к обороту конверта от письма 7 сентября 1878 г. в Старую Руссу, позволяет уточнить датировку этой записки. На конверте означено: «Е<го> В<ысоко>б<лагородию> Федору Михайловичу Достоевскому. На углу Ямской» (Там же. С. 434; см. оригиналы письма и конверта: РГБ. 93. П.5.8). В сентябре 1878 г. Достоевские еще не жили на углу Кузнечного и Ямской ул. (ныне ул. Достоевского), а находились в Старой Руссе, выехав из дома Струбинского на Греческом проспекте. Названный адрес однозначно свидетельствует, что записку необходимо датировать 1879 или 1880 г.

⁶³⁶ Автограф письма хранится в Российской государственной библиотеке (НИОР РГБ. Ф. 93. I.6.13). Письмо на четырех свернутых и запечатанных сургучом страницах было отправлено без конверта. На обороте последнего листа адрес обозначен так: «Михайле Михайловичу Достоевскому. На Невском проспекте, против Грязной улицы, в доме Неслинда».

доставил это письмо, неизвестно. Но сомнительно, чтобы оно было отправлено по городской почте. Такой вариант приходится исключить хотя бы уже потому, что автор письма был политическим арестантом, буквально на днях осужденным к четырем годам каторжных работ и ожидающим скорой отправки по этапу из Петербурга в Сибирь — сначала в Тобольскую пересыльную тюрьму и затем в Омский острог. Поэтому, надо полагать, письмо, предварительно с тщательным вниманием прочитанное кем-то из крепостных надзирателей, было, скорее всего, доставлено в дом Неслинда на Невском проспекте с жандармским курьером. Написанию этого письма предшествовали драматические события, наложившие неизгладимую печать на всю судьбу Достоевского.

Арестованный в ночь на 23 апреля 1849 г. в доме купца Я. Х. Шиля на углу Малой Морской улицы и Вознесенского проспекта за участие в социалистическом кружке М. В. Буташевича-Петрашевского, двадцатисемилетний писатель был заключен в главную тюрьму Российской Империи — секретный дом Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, где провел, пока длилось следствие, в одиночном заключении (сначала в каземате № 9, а затем № 7) восемь долгих месяцев. Утром 22 декабря вместе с двадцатью своими товарищами петрашевцами он был привезен из крепости на Семеновский плац в отдаленной части Петербурга (соврем. Пионерская площадь и территория парка за зданием Театра юных зрителей до набережной Обводного канала) и взведен на спешно выстроенный предыдущей ночью эшафот. Здесь в окружении войск нескольких частей петербургского гарнизона, при скоплении огромного количества зрителей, собравшихся со всех уголков северной столицы, им был оглашен не оставлявший никакой надежды приговор: *«Подвергнуть смертной казни расстрелянием»*. Когда под барабанный бой звучали эти убийственные слова, никто из стоявших на эшафоте не подозревал, что вся церемония была всего лишь изощренно задуманным спектаклем, идея которого родилась в венценосной голове Императора Николая I. Вот как о событиях этого драматического дня Достоевский рассказывал по возвращении в крепость в названном письме брату Михаилу:

«Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как

люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними. Наконец ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что Его Императорское Величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры...»⁶³⁷.

Главное, что совершилось в эти минуты в жизни Достоевского, неисследимое в своей глубине экзистенциальное событие — *встреча со смертью*. Лев Шестов, размышляя о природе пророческого дара писателя, припомнил в этой связи старинную притчу, рассказанную в «одной мудрой книге», где говорится, что «ангел смерти, слетающий к человеку, чтобы разлучить его душу с телом, весь сплошь покрыт глазами». Зачем ему столько глаз? «Бывает так, — продолжает Шестов, — что ангел смерти, явившись за душой, убеждается, что он пришел слишком рано, что не наступил еще человеку срок покинуть землю». Тогда «он не трогает его души, даже не показывается ей, но, прежде, чем удалиться, незаметно оставляет человеку еще два глаза из бесчисленных собственных глаз. И тогда человек начинает внезапно видеть сверх того, что видят все и что он сам видит своими старыми глазами, что-то совсем новое. И видит новое по-новому, как видят не люди, а существа „иных миров“...». «Одним из таких людей, обладавшим двойным зрением, и был, без сомнения, Достоевский. Когда слетел к нему ангел смерти? Естественнее всего предположить, что это произошло тогда, когда его с товарищами привели на эшафот и прочли ему смертный приговор...»⁶³⁸

Говоря не столько о пережитом на эшафоте, сколько о последующей каторге, сходным образом смысл произошедшего с ним оценивал и сам Достоевский (это важное признание писателя мы уже приводили): «...Может быть, там наверху, то есть Самом Высшем, нужно было меня привести в каторгу, чтоб я там что-нибудь узнал, то есть узнал самое главное, без чего жить нельзя...»⁶³⁹. Впрочем, это будет сказано Достоевским ретроспективно, уже в конце его жизненного и творческого пути. В письме же посланном брату непосредственно после всего пережитого на Семеновском плацу произошедшую *встречу со смертью* писатель осмысляет в иных категориях, будучи больше озабоченным тем, как связать распавшиеся половины своего существования — *до* и *после* роковой минуты: «Да правда! та голова, которая создавала,

⁶³⁷ ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 161-162.

⁶³⁸ Шестов, Лев. Преодоление самоочевидностей (*К столетию рождения Ф. М. Достоевского*) // Шестов, Лев. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 27-28.

⁶³⁹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки с портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. Приложения. С. 57 (3-я пагин.).

жила высшею жизнью искусства, которая сознала и свыклась с возвышенными потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Осталась память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвят меня, правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это все-таки жизнь!»⁶⁴⁰.

«Сейчас мне сказали, любезный брат, — сообщает далее Достоевский в письме своему корреспонденту, — что нам сегодня или завтра отправляться в поход (то есть ехать в Сибирь. — *Б. Т.*). Я просил видеться с тобой. Но мне сказали, что это невозможно; могу только я тебе написать это письмо...»⁶⁴¹. Михаил, тем не менее, предпринял серьезные усилия, чтобы добиться свидания с братом. Вместе с их общим приятелем литератором А. П. Милюковым 24 декабря он отправился в Петропавловскую крепость, и им удалось уговорить коменданта генерал-адъютанта И. А. Набокова разрешить увидеться с заключенным Достоевским. Благодаря мемуарам Милюкова, нам известно, как проходило это свидание, состоявшееся в одном из помещений комендантского дома.

«Смотря на прощанье братьев Достоевских, — вспоминает Милюков, — всякий заметил бы, что из них страдает более тот, который остается на свободе в Петербурге, а не тот, кому сейчас предстоит ехать в Сибирь на каторгу. В глазах старшего брата стояли слезы, губы его дрожали, а Федор Михайлович был спокоен и утешал его.

— Перестань же, брат, — говорил он, — ты знаешь меня, не в гроб же я уйду, не в могилу провожаешь, — и в каторге не звери, а люди, может, еще и лучше меня, может, достойнее меня... Да мы еще увидимся, я надеюсь на это, — я даже не сомневаюсь, что увидимся...»⁶⁴².

Свидание продолжалось более получаса. Сразу же после него Достоевского, С. Ф. Дурова и И. Ф. Ястржембского, которых отправляли в Сибирь вместе с ним, повели заковывать в кандалы. «Ровно в 12 часов, то есть ровно в Рождество, — сообщал Достоевский в письме брату в 1854 г., уже выйдя из Омского острога, — я первый раз надел кандалы. В них было фунтов 10 (то есть четыре килограмма. — *Б. Т.*) и ходить чрезвычайно неудобно. Затем нас посадили в открытые сани, каждого особого, с жандармами, и на 4-х санях, фельдъегерь впереди, мы отправились из Петербурга»⁶⁴³.

⁶⁴⁰ ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 162.

⁶⁴¹ Там же.

⁶⁴² Милюков А. П. Федор Михайлович Достоевский // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 269.

⁶⁴³ ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 167.

Михаил Михайлович с Милюковым, предупрежденные плац-адъютантом Ю. К. Майделем о том, что арестантов отправят по этапу вскоре после свидания («через час или даже раньше»), остались поджидать их выезда у ворот Петропавловской крепости. «На крепостной колокольне куранты проиграли девять часов, — пишет Милюков, расходясь в указании времени со свидетельством в письме Достоевского брату, — когда выехали двое ямских саней, и на каждых сидел арестант с жандармом.

— Прощайте! — крикнули мы.

— До свидания! до свидания! — отвечали нам»⁶⁴⁴.

К сожалению сам М. М. Достоевский не оставил письменных свидетельств об этом прощании с братом в ночь под Рождество 1849 г. О том, что творилось в его душе и как об этом грустном свидании в комендантском доме Петропавловской крепости он, вернувшись на Невский проспект, в дом Неслинда, рассказал своей жене, Эмилии Федоровне, можно только строить догадки.

Кстати, арестанты, переехавшие Неву у Гагаринской пристани и затем от Арсенала двигавшиеся к Шлиссельбургскому тракту по Литейному и Невскому проспекту, миновали дом Неслинда гораздо ранее, чем туда вернулся опечаленный Михаил Михайлович. Минута, когда в начале своего многотрудного пути на каторгу Достоевский проезжал мимо дома брата, запомнилась ему надолго. Он вспоминал ее спустя четыре с лишним года, когда писал Михаилу из Омска о своих переживаниях того времени:

«...Я в сущности был очень спокоен и пристально глядел на Петербург, проезжая мимо празднично освещенных домов и прощаясь с каждым домом в особенности. Нас провезли мимо твоей квартиры, и у Краевского было большое освещение. Ты сказал мне, что у него елка, что дети с Эмилией Федоровной отправились к нему, и вот у этого дома мне стало жестоко грустно...»⁶⁴⁵. Квартира издателя «Отечественных записок» А. А. Краевского, как мы помним, находилась на Невском в доме генеральши А. А. Александровой, расположенном несколько ранее по движению, чем дом Неслинда. В ее окнах горели рождественские огни. В окнах же квартиры М. М. Достоевского света не было: ее хозяин находился еще на полпути из Петропавловской крепости...

В этот раз или позднее Михаил Михайлович должен был получить в крепости вещи, оставшиеся после брата. Не будем упоминать «пальто и старое платье», в котором в апреле 1849 г. Достоевский был арестован (по этапу его, естественно,

⁶⁴⁴ Милюков А. П. Федор Михайлович Достоевский. С. 270.

⁶⁴⁵ ПСС. Т. 28, кн. 1. С. 167.

отправили в арестантской одежде). Отметим рукописи литературных произведений, над которыми он работал в каземате Алексеевского рavelина и о судьбе которых поручил позаботиться брату. Что случилось с упомянутыми Достоевским в письме «черновым планом драмы и романа», нам не известно: следы их затерялись. Но вот рукопись завершенной повести «Детская сказка» Михаил бережно хранил на протяжении многих лет. И когда Достоевский, уже отбывший каторгу, отслуживший в Семипалатинске сначала два года рядовым солдатом, затем унтер-офицером, затем прапорщиком, получил наконец офицерский чин и выхлопотал себе право вновь печататься, — брат по его поручению опубликовал в 1857 г. в августовском выпуске «Отечественных записок» (у того же А. А. Краевского) «Детскую сказку» под названием «Маленький герой». Этой публикацией, спустя восемь лет после ареста, состоялось возвращение Достоевского в литературу.

Для нашей же темы специально подчеркнем, что в течение нескольких лет, до середины 1850-х гг., когда Михаил Михайлович с семейством переехал в дом Пономаревой на набережной Екатерининского канала, рукопись «Детской сказки» бережно хранилась в его архиве в доме М. П. Неслинда на Невском проспекте.⁶⁴⁶

V. ЗНАМЕНСКАЯ ПЛОЩАДЬ И НИКОЛАЕВСКИЙ ВОКЗАЛ

Вот и конец нашей литературной прогулки — Знаменская площадь, ныне площадь Восстания. Она получила свое историческое название по Знаменской церкви, построенной здесь (на месте старой, деревянной) в конце XVIII – начале XIX в. по проекту архитектора Ф. И. Демерцова в характерном для эпохи стиле классицизма и освященной в 1806 г. «Когда прибывший в столицу выходил из Николаевского вокзала на Знаменскую площадь, — пишут исследователи, занимающиеся историей петербургских христианских храмов, — перед ним выростала белая церковь на высоком гранитном цоколе, купол которой как бы парил над Невским, открывая прямую

---

⁶⁴⁶ Мы не коснулись в этой главке, как делали в других случаях, истории постройки дома М. П. Неслинда, особенностей его архитектуры и т. п. Увы! Современный дом № 104 возведен на этом месте уже в 1903 г. О его предшественнике нам почти несколько сказать, не сохранилось даже его фотографий. Известно только, что в 1849 г. дом был каменным и трехэтажным и что его владелец Мартын Петрович Неслинд был купцом, «капиталистом», имевшим табачную фабрику и несколько табачных магазинов в Петербурге (причем фабрика размещалась тут же, в собственном доме). Не у него ли, кстати, купил «дело» М. М. Достоевский, который в середине 1850-х гг. сделался табачным фабрикантом, приобретя на деньги, полученные в результате раздела семейного имения, табачную фабрику?

перспективу до самого Адмиралтейства»⁶⁴⁷. Строго говоря, официально она именовалась церковью во имя входа Господня в Иерусалим, но в народе она получила название Знаменская по чтимой чудотворной иконе храма — Божией Матери «Знаменье», списку с иконы, исполненной по преданию в 1175 г. в Новгороде священноиноком греком Христофором Семеновым.

В 1874–1878 гг., когда Достоевские жили в доме титулярного советника Ф. П. Сливчанского на Лиговке (на углу Гусева пер.; соврем. адрес: Лиговский просп., № 25, угол пер. Ульяны Громовой, № 8) и затем в доме отставного поручика А. П. Струбинского на Греческом проспекте (соврем. адрес: Греческий просп., № 6, угол 5-й Советской, № 6), писатель был прихожанином Знаменской церкви. В мемуарной литературе сохранилась редкая, может быть, единственная зарисовка, изображающая писателя *на молитве*. Со слов «почтенной старушки, вдовы священника», это так передала в своих воспоминаниях Варвара Васильевна Тимофеева-Починковская:

«Он всегда к заутрене или к ранней обедне в эту церковь ходил. Раньше всех, бывало, придет и всех позже уйдет. И станет всегда в уголок, у самых дверей, за правой колонкой, чтобы не на виду. И всегда на коленках и со слезами молился. Всю службу, бывало, на коленках простоят; ни разу не встанет. Мы все так и знали, что это — Федор Михайлович Достоевский, только делали вид, что не знаем и не замечаем его. Не любил, когда его замечали. Сейчас отворотится и уйдет»⁶⁴⁸.

Это важное свидетельство заставляет нас посвятить несколько слов тому, как выглядел интерьер Знаменской церкви во времена Достоевского (в 1938 г. храм был закрыт и в 1941 г. взорван), увидеть ее убранство как бы глазами писателя. «Войдя внутрь, — сообщают уже цитированные авторы, — приехавший видел белые коринфские колонны с золочеными капителями, множество лепки и рельефов. Трехъярусный иконостас в стиле ампир высился полукругом и блистал позолотой. <...> В Знаменском приделе стоял барочный иконостас с множеством икон дворцовых мастеров первой половины XVIII века. В ризнице можно было видеть прекрасную утварь и напрестольный крест из серебра с частицами мощей, Животворящего Креста и ризы Божией Матери». «В старинном серебряном окладе, на возвышении, стояла икона Знамение...»⁶⁴⁹ Не перед нею ли, возникает естественное предположение, так истово молился Достоевский.

⁶⁴⁷ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия: В 3 т. СПб., 1994. Т. 1. С. 172.

⁶⁴⁸ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 195-196.

⁶⁴⁹ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга... Т. 1. С. 172-174.

И еще значимая информация: с 1875 г. «в храме служил известный проповедник и духовник прот. Василий Иоаннович Барсов»⁶⁵⁰. Это имя еще не упоминалось в биографических исследованиях о Достоевском, но три года, в течение которых писатель был прихожанином Знаменской церкви во время служения в ней о. Василия, заставляет предположить, что какие-то контакты между ними, скорее всего, имели место.

Можно сделать и еще одно предположение. В мае 1878 г. в семье Достоевских случилась трагедия: неожиданно, от первого в жизни приступа эпилепсии скончался младший трехлетний сын писателя Алеша. Анна Григорьевна не рассказывает в своих воспоминаниях о его похоронах. Сестра Люба, которой тогда не было и девяти лет, упоминает только о «короткой службе в церкви» на Охтинском Георгиевском кладбище, где мальчика похоронили в одной ограде с его дедом — Григорием Ивановичем Сниткиным. Но не отпевали ли Достоевские Алешу в своей приходской Знаменской церкви? Или, может быть, из нее в дом писателя служить панихиды по умершем ребенке приходил священник? Если последнее действительно имело место, то Любовь Федоровна не могла засвидетельствовать это в своих позднейших мемуарах: после смерти брата родители «поспешили отправить [ее] к друзьям, у которых [она] оставалась два дня»⁶⁵¹ — вплоть до самых похорон. А Анна Григорьевна, повторю, не склонна была уделять в своих воспоминаниях внимание частностям при описании этого трагического события.

И наконец, последний штрих. Траурные дни января 1881 г., когда хоронили самого Достоевского, освещены чрезвычайно подробно и в газетных обозрениях, и во многих мемуарных свидетельствах. Перенесение 31 января, накануне погребения, гроба с телом писателя в Свято-Духовскую церковь Александро-Невской лавры, когда в печальной церемонии приняли участие десятки тысяч петербуржцев и делегации, приехавшие из других городов, освещено в существующих источниках особенно подробно. Из них мы знаем, что на маршруте траурной процессии трижды шествие приостанавливалось и служились краткие литии: в самом начале — у Владимирской церкви, в конце — при входе в лавру и, наконец, у ограды Знаменской церкви. Той самой церкви, прихожанином которой некогда был писатель и у чудотворной иконы которой он провел немало молитвенных часов...

---

⁶⁵⁰ Там же. С. 174.

⁶⁵¹ *Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992. С. 138.

Существует даже поэтическая версия этих событий, принадлежащая известному в те годы поэту-«искровцу» Дмитрию Минаеву. Герой его стихотворного фельетона «Две смерти» действительный статский советник Курдюк

Не видел, не помнил таких похорон:
 Как тихое море, с различных сторон
 Вокруг колесницы толпа тысяч во сто
 Содвинулась как-то торжественно просто...
 Отдельными группами шла молодежь
 С венками лавровыми — их не сочтешь, —
 И убраны пышно венки были эти.
 Смешались мужчины, и дамы, и дети,
 Печально у многих потуплен был взор,
 За хором одним новый следовал хор,
 И весь подвижной погребальный тот клирос
 От самой Литейной до Знаменской вырос...

***

Сегодня бывшая Знаменская площадь называется площадью Восстания. Новое название она получила в октябре 1918 г., во время первой волны большевистских переименований столичных топонимов, оно должно было напоминать о массовых революционных выступлениях, проходивших на площади в феврале и июне 1917 г. Доминантой площади Восстания ныне является наземный павильон станции метро с тем же названием. Он был построен в 1957 г. на фундаменте бывшей Знаменской церкви.

Но вот парадокс: во времена Достоевского Знаменская церковь находилась не на Знаменской площади. Дело в том, что она была построена по левую сторону протекавшего здесь до 1892 г. Лиговского канала, а площадь находилась по правую, и, чтобы выйти на нее, надо было, пройдя мимо церкви, перейти широкий Знаменский мост. Даже административно Знаменская церковь находилась в Литейной полицейской части, а площадь — нет. Левая, меньшая ее половина относилась к Рождественской части, а правая, большая — к Каретной (границей частей являлся Невский проспект).

И свое историческое название, в отличие от Знаменской улицы, известной под этим именем с конца XVIII в., площадь получила поздно. Еще в Атласе тринадцати частей С.-Петербурга, составленном в 1849 г. Николаем Цыловым, на плане Каретной части она поименована то как «площадь к Знаменскому мосту», то как просто

«площадь», без какого-либо собственного названия, а на плане Рождественской части и вообще не удостоилась словесного обозначения.⁶⁵² Официальное название Знаменская площадь появляется на карте столицы лишь в 1857 г.

Такая топонимическая безымянность площади в первой половине XIX в. связана с тем, что до начала строительства Николаевской железной дороги эта территория была дальней городской окраиной. В воспоминаниях одного из петербуржцев о времени, когда «Николаевский вокзал только что поднял свою невысокую башню», эта местность описана так: «Хотя в те дни Невский проспект, как и ныне, шел к Александро-Невской лавре, но, собственно говоря, оканчивался, он у Знаменского моста, расплываясь на большой площади. Там, где теперь стоит дом, занимаемый „Северной гостиницей“, расстилалась никогда не просыхавшая конная площадь. Дальше, к Невской лавре, шли лавки, в которых продавались: возки, телеги, тарантасы для далеких путешествий к северу и северо-востоку России...»⁶⁵³

Это описание хорошо дополняют «Воспоминания старожил», принадлежащие перу знаменитого юриста А. Ф. Кони, который в своей воображаемой прогулке по старому Петербургу рисует такую картину: «Знаменская площадь обширна и пустынна, как и все другие, при почти полном отсутствии садов или скверов, которые появились гораздо позже. Двухэтажные и одноэтажные дома обрамляют ее, а мимо станции протекает узенькая речка, по крутым берегам которой растет трава. Вода в ней мутна и грязна, а по берегу тянутся грубые деревянные перила. Это Лиговка на месте нынешней Лиговской улицы (сейчас проспекта. — *Б. Т.*). На углу широкого моста, ведущего с площади на Невский, стоит обычная для того времени будка — небольшой домик с одной дверью под навесом, выкрашенный в две краски: белую и черную, с красной каймой. Это местожительство блюстителя порядка — будочника, одетого в серый мундир грубого сукна и вооруженного грубой алебардой на длинном красном шесте. На голове у него особенный кивер внушительных размеров, напоминающий большое ведро с широким дном, опрокинутое узким верхом вниз. У будочника есть помощник, так называемый подчасок. Оба ведают безопасностью жителей и порядком во вверенном им участке, избегая, по возможности, необходимости отлучаться из ближайших окрестностей будки. Будочник — весьма популярное между населением лицо, не чуждое торговых оборотов, ибо, в свободное от занятий время, растирает у себя

⁶⁵² См.: Атлас тринадцати частей С.-Петербурга / Сост. *Н. И. Цылов*. СПб., 1849. Л. 139, 140, 156.

⁶⁵³ *Случевский К. К.* Одна из встреч с Тургеневым (Воспоминание) // Случевский К. К. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1988.

нюхательный табак и им не без выгоды снабжает многочисленных любителей»⁶⁵⁴. Согласитесь, зарисовка, скорее напоминающая заштатный гоголевский Миргород, нежели столичный Санкт-Петербург.

В 1847–1848 гг., когда будущий Николаевский (ныне Московский) вокзал только строился и площадь только-только начала формироваться, Достоевский как-то раз встретился тут с Белинском, который жил неподалеку, на набережной Лиговского канала, в доме коллежского советника И. Ф. Галченкова (соврем. № 44), и избрал площадку перед стройкой местом своих прогулок.

«Этот всеблаженнейший человек, обладавший таким удивительным спокойствием совести, иногда, впрочем, очень грустил, — вспоминал об этом Достоевский в мемуарной главе „Старые люди“ из „Дневнике писателя“ за 1873 г. — но грусть его была особого рода, — не от сомнений, не от разочарований, о нет, — а вот почему не сегодня, почему не завтра? Это был самый торопившийся человек в целой России. Раз я встретил его часа в три пополудни у Знаменской церкви. Он сказал мне, что выходил гулять и идет домой.

— Я сюда часто захожу взглянуть, как идет постройка <...>, — сказал Белинский Достоевскому. — Хоть тем сердце отведу, что постою и посмотрю на работу: наконец-то и у нас будет хоть одна железная дорога. Вы не поверите, как эта мысль облегчает мне иногда сердце.

Это было горячо и хорошо сказано; Белинский никогда не рисовался. Мы пошли вместе. Он, помню, сказал мне дорогою:

— А вот как зарюют в могилу (он знал, что у него чахотка), тогда только спохватятся и узнают, кого потеряли»⁶⁵⁵.

Жить Белинскому после этого разговора оставалось несколько месяцев. Он умер 26 мая 1848 г., в шестом часу утра, не дожив всего трех дней до своего тридцатисемилетия. Участвовал ли Достоевский в похоронах критика на Волковом кладбище, которые прошли крайне скромно, на деньги, собранные друзьями, неизвестно. Но существует авторитетное, хотя и малоизвестное свидетельство, что в ночь после смерти Белинского с ним случился сильный эпилептический припадок. Лечивший его в 1840-е гг. врач С. Д. Яновский рассказывает об этом так:

«...В одно утро Ф. М. пришел ко мне чрезвычайно встревоженный и возбужденный. Не дав мне возможности спросить у него — отчего он так взволнован,

⁶⁵⁴ Кони А. Ф. Петербург. Воспоминания старожилы // Кони А. Ф. Соб. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 7. С. 25.

⁶⁵⁵ ПСС. Т. 21. С. 12.

он сам предупредил меня восклицанием: „батинька, великое горе свершилось — Белинский умер!“ Я <...> прежде всего пытался убедить его в том, чтобы он не увеличивал постигшего нас горя своею болезнью, а потому я просил его остаться у меня на целый день <...>. Но он в 12 часов от меня все-таки ушел, попрося позволения ночь провести со мною. <...> ...когда в 10 часов вечера я возвратился домой, то застал у себя Федора Михайловича и Якова Петр. Буткова. Втроем мы напились чаю, и, когда Бутков ушел, мы, побеседовав еще час-другой, улеглись спать. <...> Вдруг часу в 3-м ночи я услышал чрезвычайно тяжелые хриплые вздохи, и, когда я вошел с зажженною свечою в комнату, где спал Фед. Мих., то увидел, что он лежит навзничь, с открытыми глазами, в конвульсиях, с пеною у рта и с высунувшимся языком»⁶⁵⁶.

В последующие годы Достоевский в разных контекстах очень по-разному высказывался о Белинском. Но бесспорно, что в его судьбе «неистовый Виссарион» сыграл совершенно исключительную роль.

«...ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ БУДУ В ЗНАМЕНСКОЙ ГОСТИНИЦЕ»

Слова «вокзал» в конце 1840-х гг. еще не было в русском языке. В упомянутом Атласе Николая Цылова 1849 г., как раз на том плане, где означена «Площадь к Знаменскому мосту», можно найти и «Станционный дом С.-Петербургско-Московской железной дороги»⁶⁵⁷. Завершения его строительства и торжественного открытия железнодорожного сообщения с Москвой 1 ноября 1851 г. Достоевский не увидел.⁶⁵⁸ Но по другой причине, нежели Белинский. В ночь с 24 на 25 декабря, как мы чуть выше отмечали, его, закованного в кандалы, мимо строящейся «Пассажирской станции» (еще одно наименование из того же Атласа) в открытых санях с поручиком фельдъегерского корпуса Кузьмой Прокофьевым⁶⁵⁹ и жандармом провезли Невским проспектом по пути к Шлиссельбургскому тракту, которым началась длившаяся почти месяц их нелегкая дорога в Омский острог. «У меня было тяжело на сердце и как-то смутно,

⁶⁵⁶ Письмо С. Д. Яновского А. П. Майкову // Новое время. 1881. 24 февраля.

⁶⁵⁷ Атлас тринадцати частей С.-Петербурга / Сост. Н. И. Цылов. СПб., 1849. Л. 140.

⁶⁵⁸ «Высочайшая и всеблагая воля Государя Императора исполнена в точности. Сегодня, в Четверток, 1 Ноября, двинулся первый всенародный поезд по новой железной дороге в Москву. <...> В одиннадцать часов раздался первый звон колокольчика, через пять минут другой, а в четверть двенадцатого подали знак свистком, и поезд, везомый паровозом под № 154-м, двинулся при общих радостных восклицаниях и при усердном пожелании как этому, так и всем следующим счастливого пути» (Северная пчела. 1851. 2 ноября. № 245).

⁶⁵⁹ «...Это был славный старик, добрый и человеколюбивый до нас, как только можно представить, вспоминал о нем Достоевский, — человек бывалый, бывший во всей Европе с депешами» (ИСС. Т. 28, кн. 1. С. 167-168).

неопределенно от многих разнообразных ощущений. Сердце жило какой-то суетой и потому ныло и тосковало глухо»⁶⁶⁰, — вспоминал позднее этот момент Достоевский.

А вот вернулся через десять лет в Петербург, в декабре 1859 г., писатель уже по «чугунке», как тогда говорили, и на дебаркадере (пerrоне) Николаевского вокзала его встречали братья — старший Михаил и младший Никóля. Михаил не так давно навещал его в августе месяце в Твери, а вот Никóля более десяти лет не видел старшего брата и горячо обнял его прямо при выходе из вагона. Здесь же произошло знакомство Николая с женой брата — Марией Дмитриевной и ее двенадцатилетним сыном от первого брака — Павлом. С этого приезда началась новая эпоха в жизни Достоевского.

Позднее, многократно бывая в Москве, особенно в периоды публикации в «Русском вестнике» своих великих романов — «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы», Достоевский многократно с Николаевского вокзала уезжал из северной столицы в белокаменную. Сюда же, естественно, и возвращался. На Николаевский вокзал прибывают и герои его произведений, едущие в Петербург из Москвы или через Москву: Пульхерия Александровна и Дунечка Раскольниковы, которых не удосужился встретить Лужин, послав «к дебаркадере» гостиничного лакея, Свидригайлов, князь Мышкин во второй части романа...

Одновременно со строительством железнодорожной станции на противоположной стороне площади была выстроена Знаменская гостиница. Завершение постройки, тянувшейся почти семь лет, приурочили к 1851 г. — открытию железнодорожного сообщения. Здание первоначально было четырехэтажным. К концу 1870-х гг. оно уже насчитывало пять этажей, а в начале XX в. стало шестиэтажным.

Среди знаменитых постояльцев гостиницы обычно называют «почетного пленника» российского правительства — имама Дагестана и Чечни Шамиля, жившего здесь в 1859 г. Обязательно отмечают, что накануне покушения на Императора Александра II ночь в Знаменской гостинице провел Дмитрий Каракозов (этот «несчастный, слепой самоубийца 4 апреля»⁶⁶¹, как охарактеризовал его автор «Бесов»). Не забывают также упомянуть, что «в 1906 году в гостинице бывал В. И. Ленин»⁶⁶². И практически нельзя встретить указаний, что в ней неоднократно останавливался Достоевский.

⁶⁶⁰ Там же. С. 167.

⁶⁶¹ ПСС. Т. 11. С. 303.

⁶⁶² Все примеры взяты из книги: Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект: Дом за домом. М., 2009. С. 370.

Первое упоминание Знаменской гостиницы в переписке Достоевского датируется осенью 1874 г. В этот год они с Анной Григорьевной и детьми остались на зиму в Старой Руссе, на даче адмирала Леонтьева, куда еще в августе перебрались из дома Гриббе: в Руссе можно было прожить гораздо экономнее и столичная суэта не отвлекала писателя от творческих занятий (он как раз начал работу над романом «Подросток»). Своей квартиры в Петербурге по названной причине у Достоевских в этот сезон не было. Уезжая в мае 1874 г. в Старую Руссу, они окончательно съехали с квартиры на углу Лиговки и Гусева переулка. Громоздкие вещи и мебель были сданы на склад.⁶⁶³ В доме Струбинского на Греческом проспекте — следующий их петербургский адрес — они поселятся только в сентябре 1875 г. Поэтому-то, время от времени наезжая в Петербург в связи с публикацией «Подростка» в некрасовских «Отечественных записках», писатель и должен был останавливаться в гостинице.

В письме пасынку Павлу Исаеву от 10 сентября 1874 г. Достоевский так сообщал о своих планах: «Буду в Петербурге — наверно увидимся. Заеду к тебе. Сам же останавливаться буду в Знаменской гостинице. Буду или в начале октября, или уже в декабре к Рождеству»⁶⁶⁴. Выбраться в столицу до Нового года, однако, не получилось. И первый приезд в Петербург имел место только в начале февраля 1875 г.

«Милый мой голубчик, Аня, — сообщал Достоевский жене в письме от 5 февраля. — Сегодня в 8 часов прибыл в Петербург благополучно. В тех и других вагонах проспал, скрючившись неестественно, почти всю дорогу, так что все-таки не совсем расстроен нервами, хотя немножко устал. <...> Теперь, здесь, сижу в Знаменской гостинице, в 48-м №-ре и готовлюсь одеться и пуститься по мытарствам. За № 2 р. цены против летних, сами говорят, что увеличены, и гостиница во всех отношениях ветховата, но все-таки, может быть, даже лучше иных других»⁶⁶⁵.

Знаменской гостинице в это время шел уже двадцать пятый год. Содержала ее в это время купчиха Анна Пантелеева.

В январской книжке «Отечественных записок» были опубликованы первые пять глав романа «Подросток». В наборе для февральского номера было окончание первой части. Посетив в первый же день по приезде редакцию журнала в доме Краевского на Литейном, Достоевский прямо в кабинете Некрасова «продержал часть корректур»,

⁶⁶³ О том, что 28 рублей отдано «за склад, где стоит наша мебель», А. Г. Достоевская писала мужу 21 июня 1875 г. (*Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка*. С. 199). Возможно, имеется в виду склад Компании для залога и хранения громоздких движимостей, который с 1840 г. весь XIX в. находился по адресу: Гороховая ул., № 47.

⁶⁶⁴ ПСС. Т. 29, кн. 1. С. 363.

⁶⁶⁵ ПСС. Т. 29, кн. 2. С. 7-8.

другую же взял с собой для вечерней работы в гостиницу. Назавтра с посыльным из редакции принесли корректуры еще двух, последних глав. «...Навалили корректур видимо-невидимо, и еще не продержанных начисто»⁶⁶⁶, — жаловался писатель жене в письме от 7 февраля. Пришлось сидеть за работой до половины шестого утра. Это обстоятельство требуется подчеркнуть особо: в феврале 1875 г. Достоевский занимался в Знаменской гостинице *творческой работой*, ибо в корректурах он не просто вычитывал опечатки, но делал правку, что-то вычеркивал, что-то вписывал. В главах, над которыми он работал в эти дни в гостиничном номере, среди других был и потрясающий, трагический эпизод самоубийства Оли — соседки Васина, у которого остановился Аркадий, в доме на Фонтанке у Семеновского моста.

У Достоевского тоже были беспокойные соседи. Гостиничные нравы хорошо передает такой эпизод: после ночной работы над корректурами писатель под утро «повалился спать». «Вдруг слышу в соседнем №, который был пустой, — рассказывает он в письме жене, — женский визг, мужской бас и так часа три: только что приехал какой-то купец с двумя дамами...»⁶⁶⁷ Вот уж действительно: от трагического до комического один шаг. Вернее, одна гостиничная переборка.

В следующую ночь пьяный кутеж в соседнем номере, который был отделен от номера Достоевского даже «не стеной, а *одной лишь дверью*», повторился: «...в 7 часов соседи, купец с двумя дамами, поднимают опять визг, хохот, самый громкий разговор, доходящий до крику». «Я вскочил, оделся, — рассказывает писатель, — и немедленно потребовал другой №. Оказался свободным только один, в 3 р<убля> в самом низу, я немедленно переехал и лег, но уже заснуть не мог...»⁶⁶⁸ На этот раз Достоевский вселился в № 6.

Покою, однако, не было и здесь. В ночь с 9 на 10 февраля выспаться тоже не получилось: «...в залах гостиницы праздновалась свадьба купцов-лавочников, сотня пьяных гостей, музыка, конфетти». «Я лег в 2. Но до 5 ½ не мог заснуть, — жалуется Достоевский, — потому что по нашему коридору бродили и кричали забредшие сверху пьяные. Я вскакивал, отворял двери и ругался с ними. Теперь голова болит — мочи нет»⁶⁶⁹.

6 февраля к Достоевскому в Знаменскую гостиницу заходил Виктор Феофилович Пуцыкович, сменивший писателя на посту редактора еженедельник «Гражданин» —

---

⁶⁶⁶ Там же. С. 10.

⁶⁶⁷ Там же.

⁶⁶⁸ Там же. С. 11.

⁶⁶⁹ Там же. С. 15.

принес письмо от Анны Григорьевны, так как Достоевские условились, что надежнее писать не в гостиницу, а на адрес редакции журнала. 7 февраля в гостях был критик Николай Страхов. Много говорили о первых главах «Подростка», о том, как откликнулись на них петербургские газеты и журналы. 8-го пришел Некрасов. «Он пришел, „чтоб выразить *свой восторг* по прочтении конца первой части (которого он еще не читал, ибо перечитывает весь номер лишь в окончательной корректуре перед началом печатания книги). <...> Сцену самоубийства [Оли] он находит „верхом совершенства“»⁶⁷⁰ 11-го зашел брат Николай. При нем неожиданно появился Иван Петрович Корнилов, председатель Славянского благотворительного комитета. Достоевский был у него накануне, и тот зашел отдать визит: «...был чрезвычайно мил и просидел больше получасу»⁶⁷¹. 12 февраля, прослышав, что писатель в городе, к нему приехал Владимир Ламанский — младший брат Евгения и Порфирия Ламанских, знакомых Достоевского еще по кружку петрашевцев. Обсуждали недавнее трагическое происшествие — самоубийство Порфирия Ламанского, который в приступе душевной болезни заколол себя кинжалом.

В общей сложности писатель прожил в этот приезд в Знаменской гостинице двенадцать дней. В работе над корректурами, в деловых визитах, устройстве денежных дел эти дни прошли как в угаре. «...Езжу и бегаю и живу, как в аде», — пишет Достоевский жене в последнем письме из Петербурга. В этой круговерти он даже забыл, что 15 февраля у них с Анной Григорьевной восьмая годовщина свадьбы. Но она напомнила ему письмом, которое он получил в гостинице перед выездом в Старую Руссу. «15-го февраля исполнится восемь лет, как мы женились! — писала она. — Восемь лет! <...> Голубчик мой, я была все эти восемь лет очень счастлива и знаю, что никто другой не дал мне столько счастья. <...> Голубчик мой, я себе желаю прожить с тобою еще 28 лет, а может, и ты от этого не откажешься»⁶⁷².

16 февраля с Николаевского вокзала Достоевский выехал в Старую Руссу.

Писатель останавливался в Знаменской гостинице и еще несколько раз. Кстати, в мае 1875 г. в уже знакомом ему 6-м номере. И вновь была работа над корректурами «Подростка», вновь с визитами были Некрасов и Пуцыкович... Но одно обстоятельство на этот раз было не совсем обычное. Вслед за Достоевским в Знаменскую (очевидно, по предварительной договоренности) приехал младший брат Анны Григорьевны с женой Ольгой Кирилловной. Они заняли № 16-й. Их семейные отношения дали серьезную

⁶⁷⁰ Там же. С. 13.

⁶⁷¹ Там же. С. 16.

⁶⁷² Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. С. 161.

трещину. Жена уже неоднократно уходила от шурина Достоевского к некому Кукарекину и вновь возвращалась. В этот раз вновь назревал разрыв, и Сниткины избрали писателя в качестве «третейского судьи» в их семейных отношениях. Судя по всему, это был план Анны Григорьевны. Идея ее была в том, чтобы Достоевский разбирали конфликт своих родственников как бы «анонимно»: они рассказывали ему не свою историю, а неких вымышленных помещиков-соседей и просили психолога-сердцевода рассудить, кто прав и кто виноват. Иван Григорьевич был посвящен в то, что муж его сестры знает истинное положение дел в его семье, а Ольга Кирилловна ничего не подозревала и потому была предельно откровенна. К сожалению, мы не знаем подробностей состоявшегося родственного разговора. Но на чудо в таких вопросах, конечно, наивно было рассчитывать: «...положение их дела хуже, чем когда-либо»⁶⁷³, — написал Достоевский жене после прошедших переговоров.

Начиная с 1875 г. писатель в летние месяцы уезжал за границу, в немецкий город Бад-Эмс, чтобы поправить здоровье на тамошних водах. По дороге, в Петербурге, он также останавливался в Знаменской гостинице. В его переписке с женой она упоминается и в 1875, и в 1879 гг.

Но была на Знаменской привокзальной площади и еще одна гостиница, с звучным именем «Дагмар» — она будет последним адресом на нашем маршруте, да и пространственно эта гостиница располагается далее всех рассмотренных нами адресов, фактически — уже в начале Старо-Невского проспекта. Исторический ее адрес: Невский, № 81, угол Гончарной улицы. Современный — № 87/2. Содержал ее саксонский подданный купец 2-й гильдии Генрих Ломач. Название своему заведению он избрал не случайное: Цесаревна Мария Федоровна, жена Цесаревича Наследника Великого князя Александра Александровича, будущего Императора Александра III, была урожденной принцессой Марией Софией Фредерикой Дагмар.

С гостиницей этой легко может возникнуть путаница. В краеведческой литературе она упоминается в связи с тем, что в ней останавливался Петр Ильич Чайковский. Но адрес ее указывают на Садовой ул., дом № 9.⁶⁷⁴ Однако тут нет противоречия. Великий композитор поселился в ней летом 1877 г., а Достоевский провел три дня в июне 1874 г. Справочники XIX в. позволяют однозначно установить,

⁶⁷³ ПСС. Т. 29, кн. 2. С. 28.

⁶⁷⁴ См.: *Конисская Л. М.* Чайковский в Петербурге. Л., 1974. С. 146, 316.

что это одна и та же гостиница, которую как раз в 1877 г. ее хозяин Г. Ломач перевел в новопостроенный дом на Садовой.⁶⁷⁵

Достоевский, можно сказать, попал в эту гостиницу «спросонья». Это был 1874 г. Писатель впервые этим летом ехал для лечения в Эмс. Из Старой Руссы он выехал 4 июня. Поезд шел ночью, и в Петербург, на Николаевский вокзал писатель приехал с «расстроенными нервами», «решительно исковерканный дорогой и дремотой сидя»⁶⁷⁶. В XIX в. было обыкновение, что у вокзалов к прибытию поездов дежурили экипажи, посланные от разных гостиниц. Хотя «Дагмар» располагалась буквально в двух шагах от вокзала, но в конкурентной борьбе за клиентов у вокзального дебаркадера дежурил и ее посыльный. Достоевский, смертельно уставший, «сонный», сел в первый же экипаж, который «подвернулся». Через несколько минут он был уже в номере. Hotel оказался «сквернейшим», комната также «скверной», в придачу из ее темных углов писателю «мерещились» жена и дети.⁶⁷⁷ Так нередко начинался у него припадок эпилепсии, но на этот раз обошлось. Кстати, и у Чайковского в 1877 г., как только, уже на Садовой, он успел войти в свой номер в гостинице «Дагмар», случился «сильнейший нервный припадок, после которого он в беспамятстве пролежал двое суток»⁶⁷⁸. Так что у отеля с таким благозвучным названием вполне определенно обнаруживается негативная аура. Больше в нем Достоевский никогда не останавливался.

От дома, где располагалась гостиница «Дагмар», и до Александро-Невской лавры пролегает так называемый Старо-Невский проспект. Это конечная часть Невского проспекта, почти равная по продолжительности пройденному нами пути от Дворцовой площади. Однако мы не располагаем ни одним документальным свидетельством, что какой-то дом на этой дистанции так или иначе связан с именем Достоевского. Поэтому наша литературная прогулка подошла к концу.

Прощаясь с читателями лишь укажем дополнительно, что на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры, в которую упирается Старо-Невский проспект, 1 февраля 1881 г. Достоевский обрел свое последнее пристанище. В 1883 г., 30 октября,

---

⁶⁷⁵ См.: Справочная книга о лицах, получивших в течение 1873 года купеческие свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промысла в 1874 году. СПб., 1874. С. 367; Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и др. званий, получивших в течение 1879 и в январе месяце 1880 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промысла в С.-Петербурге в 1880 г. СПб., 1880. С. 367. Правда, согласно этим источникам, гостиница «Дагмар» на Садовой появилась позже 1877 г., но это уже вопрос к краеведам, занимающимся темой «Петербург Чайковского».

⁶⁷⁶ ПСС. Т. 29, кн. 1. С. 320.

⁶⁷⁷ Там же. С. 320-321.

⁶⁷⁸ Конисская Л. М. Чайковский в Петербурге. Л., 1974. С. 146.

в день рождения писателя, на его могиле был водружен надгробный памятник работы архитектора Х. К. Васильева и профессора скульпторы Н. А. Лаврецкого. Монумент представляет собой четырехгранный обелиск, увенчанный древнерусским восьмиконечным крестом, у основания которого расположен терновый венец и на сером граните высечена надпись: «ДОСТОЕВСКИЙ». На выступе у основания обелиска установлен бронзовый бюст писателя. Под ним выбиты золотом его любимые слова из Евангелия от Иоанна: «Аминь, аминь глаголю вам: аще зерно пшенично, пад на земли не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит. Иоанн, гл. 12, ст. 24».